КОНТИНЕНТ 22

КОНТИНЕНТ KONTINENS KONTYNENT CONTINENT KONTINENT
КАНТЫНЕНТ KONTINENTAS KONTINENTS MANDER КОНТИНЕНТ

Величайшей, если не единственной, победой советского строя мне представляется нахождение некой формулы химически чистого *инстинкта власти,* по отношению к которому интеллект, как и техника управления государством, играют подчиненную роль.

Этот особый инстинкт может не всегда совпадать с оценками разума или даже внешне убедительного политического прагматизма, но он никогда не обманывает. Руководитель, утерявший этот инстинкт, вылетает тотчас. Хрущев тому пример. Интеллект, знание, профессиональное умение также играют большую, но подчиненную роль. Решение, принятое инстинктивно, сформулированное подчас с помощью привычного мата, приобретает рациональные черты, опираясь на интеллектуальный потенциал страны с населением в двести пятьдесят миллионов человек. Все это к тому, что советское руководство вредных для себя решений не принимает. Я почти готов сказать, что оно органически неспособно такие решения принять. Вряд ли стоит думать, что проведение этих решений в жизнь обязательно будет поручено глупцам.

Кирилл Хенкин

...В час, когда мы прощались
с Рассеей,
Нам вот так же махнули рукой.
По холсту расползаются краски,
Словно кровь от искусанных губ...
Нам бы в легкой старинной коляске
Пролететь по тебе, Петербург!
Солнце сгорбится, крыши обшарив.
Все пролетает, тлеет, течет. Не удержать момента. Смена правительства часто ведет к гибели монумента. При сотвореньи великих царств сотворены и капуты. Пьеса, которую ты созерцал, кончится через минуту...
Пьесам бессмертие не грозит.

Тоже ищет,
наверно,
приют...
По «Крестам»
нас сгноить
обещали —
Пусть теперь
нашу тень
стерегут.

Вадим Делоне

Капает капля за каплей. Очень естественно в этой связи взять в героини цаплю.

Василий Аксенов

Главный редактор: Владимир Максимов
Заместитель главного редактора: Виктор Некрасов
Ответственный секретарь: Наталья Горбаневская
Заведующая редакцией: Виолетта Иверни

Редакционная коллегия:

Раймон Арон · Ценко Барев · Джордж Бейли
Сол Беллоу · Николас Бетелл · Иосиф Бродский
Владимир Буковский · Ежи Гедройц
Александр Гинзбург · Пауль Гома
Густав Герлинг-Грудзинский · Корнелия Герстенмайер
Петр Григоренко · Милован Джилас · Эжен Ионеско
Артур Кестлер · Роберт Конквест · Наум Коржавин
Эдуард Кузнецов · Николаус Лобковиц
Михайло Михайлов · Эрнст Неизвестный
Андрей Сахаров · Виктор Спарре · Странник
Юзеф Чапский · Александр Шмеман
Карл-Густав Штрём · Пьер Эммануэль

Корреспонденты «Континента»

Англия — Владимир Тельников
Wladimir Telnikov, 28 St Luke's Rd
London W 11

Израиль — Михаил Агурский
Michael Agoursky, POB 7433,
Jerusalem, Israel

Италия — Сергей Рапетти
Sergio Rapetti, via Beruto 1/B
20131 Milano, Italia

США — Юрий Ольховский
Yuri Olkhovsky, 3319 Ardley Court
Falls Church, Va. 22041, USA

Япония — Госуке Утимура
Higashi-Yamato, Hikariga-oka 10-7
189 Tokyo, Japan

Присланные рукописи не возвращаются, и в переписку по этому поводу редакция не вступает.

К

КОНТИНЕНТ

Литературный, общественно-политический
и религиозный журнал

22

Издательство «Континент»
1980

© Kontinent Verlag GmbH, 1980

СОДЕРЖАНИЕ

Геннадий Русский — Клейма. К иконам северо-русских святых 7

СТИХИ

Елена Игнатова — Из второй книги 43
Юрий Алексеев — Петербург 46
Вадим Делоне — Баллада о судьбе 50

АВТОРЫ «МЕТРОПОЛЯ» В «КОНТИНЕНТЕ»

Фазиль Искандер — Кролики и удавы 51
Юрий Кублановский — Стихотворения (лето 1979 г.) 108
Василий Аксенов — Цапля. Комедия для театра, равно как и для чтения 118

РОССИЯ И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

Людмила Алексеева — Юрий Орлов — руководитель Московской Хельсинкской группы. Окончание 195

ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКИЙ ДИАЛОГ

Петр Григоренко — К вопросу о государственной независимости и взаимоотношениях между народами СССР 223

ЗАПАД — ВОСТОК

Мигель Салес — Свобода творчества на «острове Свободы» 231

ФАКТЫ И СВИДЕТЕЛЬСТВА

Эдуард Кузнецов — Старейший политкаторжанин Данила Лаврентьевич Шумук 243

ИСТОРИЯ

Герман Андреев — Заметки о традициях русского либерализма (К спорам об исторических судьбах России) 255

ИСТОКИ

Кирилл Хенкин — Русские пришли! Главы из книги 279

РЕЛИГИЯ В НАШЕЙ ЖИЗНИ

Вадим Янков — Сердцевина связи (Мысли о религии) 317

ЭКОНОМИКА

Игорь Бирман — Экономический детектив 325

ЛИТЕРАТУРА И ВРЕМЯ

Павел Андреев — Беспросветье и просвет (Фантастические рассуждения о фантастическом романе) 349

НАША ПОЧТА 367

КОЛОНКА РЕДАКТОРА 385

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Анджей Рапачинский — Колаковский о марксизме 393

Кира Сапгир — Сказка о заколдованном аппаратчике 398

Н. Горбаневская — «...И зрение, и слух, и дух, и тело...» 402

Н. Артамонова — С точки зрения правящих 406

Н. Дюжева — «Живая вода» сталинизма 412

Дора Штурман — «Не сила прежняя в соблазне» 416

КОРОТКО О КНИГАХ 421

ПО СТРАНИЦАМ ЖУРНАЛОВ 429

НАША АНКЕТА

Борис Суварин о Сталине 435

Геннадий Русский

КЛЕЙМА

К иконам северорусских святых

Святой памяти
подвижников поморских,
строителей северорусских:
преп. Кирилла Челмогорского,
преп. Антония Сийского,
преп. Иова Ущельского,
преп. Александра Ошевенского,
преп. Никодима Кожеозерского,
а также
преп. Варлаама Керетского,
преп. Елеазара Анзерского,
блаж. Артемия Веркольского
и всех
здесь кратко упомянутых.

ЕЛЬ

Далеко на Севере, в каргопольских лесах, в лекшмозерских окрестностях, на Челма-горе стоит ель. И ель та не простая... Там снега глубокие, все занесли, все белым сровняли — и озеро, и горку, и поле — чистота морозная, только следочки звериные. Вижу купу древних елей и над ними одну, самую высокую — ветер на просторе сквозит, ссыпает серебро с веток. Пусто кругом, и жилья нет. Никто сюда не зайдет, не заедет — снега не пустят, морозы, сивера...

Зимним коротким днем, глухой порой только сказки складывать. День сегодня, и правда короткий,

---

Печатая начало полученной нами самиздатской книги (Москва, 1979, подписано псевдонимом), мы предполагаем продолжить публикацию других глав из нее. — Р е д.

самый короткий в году — 21 декабря. Но начинаю я не сказку, а быль, хотя и быль чудесную.

...Мы попали сюда совершенно случайно, как говорится. В наших странствиях по северному краю захотелось нам остановиться, пожить подольше в хорошем, вольном месте, а Лекшм-озеро для этого подходило. Сюда мы и перелетели самолетиком из славного городка Каргополя.

Озеро и в самом деле оказалось прекрасным: большое, ровной овальной формы, в окаймлении золотистых песков и зеленой стены леса. Дальний берег скрывался голубой дымкой марева, сквозь которую смутно проступал силуэт сельской колокольни. Ярким знойным днем — какие бывают и коротким северным летом, и тем дороже, — озеро лежало недвижимо, огромным слепящим зеркалом. Вода его была родниковой чистоты, дно твердое, песчаное, с постепенно нарастающей глубиной, и далеко надо было забрести, чтобы окунуться, разгоняя проворные окуневые стайки...

От Орлова мы шли береговой тропкой, то сырой болотистой чащобой, то сухим, прокаленным солнцем бором — воздух в бору был горячий, густой, смолистый. Множество было ягод — черники, еще не поспевшей брусники, малины, смородины. Грибы росли прямо на тропке. Путь был не близкий, но не скучный — все время олеворучь сверкало озеро.

Тропинка вывела нас из леса, через кустарник провела на пожню и подвела к мосточку через узенькую речку.

Мы знали от местных жителей, что речка эта зовется Челмой, соединяет она большое Лекшм-озеро с небольшим озерком Монастырским или Челмским, а из Монастырского вытекает уже Лекшма, впадающая в озеро Лаче. Знали мы также, что в Монастырском озере ловятся огромные черные окуни, а на бе-

регу некогда был монастырь, от которого ничего не осталось.

Речонка была почти ручеек, с прозрачной водой, в которой шустро сновали рыбешки. Текла она в неширокой луговой пойме. За мостиком дорога уходила лесом к деревне Труфановской, которую мы приметили по пути; по нашей стороне дорога поднималась отлого в горку на небольшое поле, где стоял зарод — стог, по-северному. Подошли к зароду — и стало видно, что впереди поле замыкается купой старых елей, над которыми возвышается одна, самая большая. Еще немного прошли — блеснуло за елями озеро, то самое, Монастырское.

Увидели мы остатки кирпичной монастырской ограды, вровень с землей, груду битого кирпича и камня на месте бывшей церкви и кресты под елями — здесь было деревенское кладбище, как обычно на Севере, в удалении от жилья. Кресты были старые, были и новые, на иных были указаны имена, но большинство было безымянных. На одной могилке стояла заткнутая недопитая бутылка коньяка. Стволы двух старых елей с обрубленными нижними сучьями были обвиты белыми бабьими рубахами и пестрыми домотканными юбками — языческие бабы-деревья. Среди могил под елями и соснами росли кусты малины и грибы-маслята.

Монастырский холм круто обрывался к озеру, к устью речки. Берег внизу был топкий, болотистый, заросший тростником. В речке плавал непугливый утиный выводок. Само озеро имело вытянутую продолговатую форму, длиной километра в два, шириной в полкилометра. Обычное лесное озеро с темной застывшей водой; в его дальнем конце скользила лодка.

Самая высокая ель стояла особняком на зеленой лужайке. Лужайка была чисто выкошена, и на ней поставлен небольшой зарод. Невдалеке, вдоль кучи замшелых камней от фундамента какого-то небольшо-

го строения, двумя рядами росли ели-подростки. Огромная ель стояла не на высшей точке холма, а так, как ставили на Севере шатровые церкви — чуточку на спаде и наиболее выгрышно для обзора, — но и так она много превосходила другие, тоже высокие и могучие деревья.

Мы расположились в палатках за чертой бывшей ограды, под горкой. С одной стороны у нас речка в болотистых берегах, сзади — монастырская горка с великаншей-елью, а справа — озеро. Вдоль речной долины меж двух озер постоянно тянул ветерок и сгонял комара-мошку. Лучшего места было не найти.

И началась для нас привольная жизнь...

Высокое, выдающееся это место — Челма-гора — издалека видное. С озера ли смотришь, с поля, с луговой низины — отовсюду заметное, привлекающее. И всякий раз у тебя перед глазами главная, обособленная ель. Любуешься ею — не налюбуешься. Кладбище с могилками от нас в стороне, мы раз сходили и больше место не тревожим, а ель все время рядом, откуда ни идешь — вот она, стоит темно-зеленым шатром, издали ее заметишь и всегда мимо проходишь. Так привязались мы к ели, как к своему дому, — она его обозначила.

Сначала, когда тянуло побродить по окрестностям, на озере с удочкой посидеть, не так на нее обращал внимание, но потом, когда все окрестное осмотрел, понимаешь, что ель здесь главное чудо, а припоминая другие виденные тобой замечательные деревья в лесах и парках, понимаешь, что ничего подобного еще не видано. Ни по высоте, ни по красоте.

Если рубить шатер церкви — совершенней формы не найти. Ель стоит, не разлапясь в стороны, ровным конусом, обрисованным плавной, мягкой линией. Вершина ее осыпана шишками, и где-то там, в гущине, живет белка. Маковка ели раздвоена и отдаленно на-

поминает главку шатра, а осыпь шишек — чешуйчатый лемех. Архитектура, конечно, не есть подражание природе, но в деревянном зодчестве связь с природой ощутима. Форма деревянного шатра — ель. Это постигаешь наглядно, плывя ли по северной реке, двигаясь ли по северной дороге, когда увидишь издали гигантскую ель над зубчатым частоколом леса, на самом деле — шатер сельской церкви. Здесь же, на Челма-горе, наоборот — казалось на удалении, что старые деревья погоста: березы, ели, сосны, слившиеся в одну живописную массу, — строения, хоромы, а над ними шатер — произведение искусства.

Но это произведение природы, чудо природы, прекрасные вековые формы. Вполне понятно языческое почитание таких необыкновенных деревьев, признание в них живой души. Когда лежишь возле такого дерева, смотришь на текучие над ним облака, слушаешь шорох ветерка в хвое, думаешь о прошедших веках, выстоянных исполином, и правда, хочется верить, что у него есть душа, мудрая и добрая.

Чудесная это ель! Под ее свод можно войти в рост (кто-то, укрываясь в непогоду, раскладывал там костерок), под ним не страшен любой дождь. Ель — прибежище и зверушкам, и птицам, и человеку. Ствол ее серый, чешуйчатый с янтарными натеками смолы, толщиной в два обхвата. Комель под нависшими ветвями-крылами, с могучим корневищем походит на огромное шестилапое чудище, но чудище доброе, а вернее, равнодушное ко всему, слишком старое, ушедшее в свои годы, в свои века, и люди, что тут под ним проходят, ему безразличны, а ветер шумит в хвое...

Всегда так, когда видишь нечто древнее, величавое: горы, деревья, здания, — невольно наделяешь их душой, памятью, будто они должны быть свидетелями, хранителями былого. А какое-то былое хранит это место — монастырь здесь был, вернее, монастырек, пустынька, каких много когда-то было рас-

сеяно по всему Северу. Поле у них было небольшое, луга по речке, рыбная ловля на озере. Люди жили простые, работящие, из крестьян. Выжигали окрестный лес под пашню, а вот эту ель, тогда елочку, пощадили, оставили. А может, какой старец выходил ту пушистую молоденькую елочку, и выросла могучая ель, и берегли ее, как особую достопримечательность.

Но память о здешнем месте забылась, а то, что напоминало, уничтожено. Наверное, и ель бы не пощадили, и другие деревья, если бы не мертвые. Мертвые спасли это место от живых. Бывший монастырь, уединенное место, стал погостом простых мирян. При нас заходили старушки к «своим», «своих проведать». Лукошки у них с малиной — по пути ягоду собирают. Мало что про монастырь помнят. Рассказывают, что напротив, на том краю, за болотом, была деревня в один дом — Пёла, и там тоже в лесу кладбище. «Помирать, — говорят, — пора, а чего так жить?» Одни старые остались в деревне. Летом еще приезжают отпускники, дети, внуки. Заходили на погост и отпускники. Посидят возле могилок с бутылочкой, а до конца не допивают — «дедке оставить».

Пожили мы на озере вволю и ушли, все оглядываясь напоследок на чудесную ель и горку, пока они не скрылись.

С Лекшм-озера попали мы в Лядины. Край здесь начинается иной. За речкой Лекшмой до самой Онеги воды не увидишь — ни ручейка, ни озерка. И называются здешние места — «сушь». Хоть и считалась плодородной каргопольская серая землица и хорошо хлеб родила, а всё без воды, красы природы, жизнь скучна. Такая уж их доля. По местной легенде, некогда обидели здешние жители святого Макария Желтоводского и Унженского, будто бы проходившего через эти места, и он предрек: «Жить будете ни серо, ни бело». Хотя и стоит в лядинской Покровской церкви образ преподобного Макария, да не поправишь. Легенду эту

узнал я позже, а тогда в той же просторной лядинской церкви, в ряду местночтимых угодников — единственном, сохранившемся от всего убранства, увидел я другой образ — по времени поздний и по письму заурядный, но на меня повеяло счастьем, сердце встрепенулось, словно обрел я редкую находку, и то, что смутно вызревало в душе, внезапно озарилось, и стало, наконец, ясно, что все виденное было не случайно и не мимолетно. На иконе был изображен святой преподобный Кирилл Челмогорский.

Да, все было взаимосвязано и все имело смысл — озеро, горка, ель. Необъяснимое, но благодатное настроение, разлитое в челмогорских окрестностях, ощущение душевной радости, никогда не покидавшее, и величественная ель, осенявшая необычайное место, — все было не зря, и теперь утвердилось именем первожителя, святым именем.

Но где было узнать о старце Кирилле и его пустыньке? Принадлежит он к числу местночтимых святых, замыкалась молва о нем лекшмозерским окружьем, а ныне кто о нем знает? Но осталась ель, и ель эта не давала мне забыть ни бывшую пустыньку, ни ее основателя.

Забывать — не забывал, но, чтобы всерьез приняться за розыски о малоизвестном подвижнике, да еще в наше время, для этого нужен был новый счастливый случай.

Втайне я ждал этого случая, и он пришел ко мне. Мне попалась «Памятная книжка Олонецкой губернии за 1868-69 гг.». Перелистывая ее, я натолкнулся на статью Е. В. Барсова «Преподобные онежские пустынники» — и снова, как тогда в лядинском Покровском храме, сердце встрепенулось: «Преподобный Кирилл Челмогорский» — стояли слова.

Автор статьи сообщал, что пустынь, виденная нами, не только не обычная, но и одна из древней-

ших на Севере, а сам Кирилл — один из древнейших северных пустынножителей...

Я отложил книгу и перевел дух. Сейчас я узнаю о том загадочном древнерусском человеке, в чью память стоит та чудесная ель... Я начал читать, и первые же строки радостью отдавались в душе.

Вот как звучало в изложении житие Кирилла, отчасти расцвеченное и моим воображением.

Кирилл был старцем, крепким телом и духом, с «велией главой», с длинной бородой и русыми волосами, с лицом бледным и челом высоким, с глазами выразительными и взором, дышавшим кротостью. Сомневаться в его духовной и телесной крепости не приходится: согласно житию, он прожил 82 года, из них 52 в пустыни.

Житие называет датой его рождения 1286 год. Он был уроженцем новгородской земли. Двадцати одного года от роду принял монашество в Новгороде, в обители Антония Римлянина, где пробыл шесть лет. Затем три года странствовал по другим монастырям, пока не прибыл в здешние места.

От начала XIV века до нас не дошло летописных упоминаний о граде Каргополе и каргопольской земле. Однако какое-то поселение на истоке Онеги существовало, и пустынник мог пройти оттуда через чудские жилища — так называемые «печища» (память о них сохранилась в названии села Печникова на пути к Лекшм-озеру), мог и иными путями новгородцев в заволочские земли. Подробностей житие не сообщает, утверждая лишь, что в возрасте 30 лет, т. е. в 1316 году, преподобный достиг назначенного ему Богом места.

Как первоначально было на Челма-горе, трудно представить, но, думается, похоже. И лес, и озеро, и речка были такими же, разве что берега озера были менее заболочены, и речка была полноводнее. Лес покрывал всю горку, но так же стояли над кручей кра-

сивые вековые деревья. Не топтанный ничьей ногой зеленый подстил мха был сплошь усеян черникой и брусникой. Место было сухое и удобное. Под горой небесным оком смотрелось озеро.

«Бяше место горы тоя не велико зело, но всяким ягодичием и древием исполнено и вельми бе гора сия красива и никому же от человек прежде на ней пребывающу; и возрадовался преподобный Кирилл духом и возлюбил ё зело».

Радость Кирилла была великим ликованием. Он дошел до места, уготованного ему Богом. Он пал на колени, возблагодарил Господа и сказал: «Се жилище мое и покой мой в век века, зде веселюся, якоже Господь изволи и возлюби душа моя».

Те же слова — слова Псалмопевца — произносили все великие пустынники, просиявшие по лицу Русской земли, громкая слава которых превзошла тихую Кириллову: и Сергий Радонежский, и Кирилл Белозерский, — но их первоначальным пустыням суждено было великое шествие в истории, пустынька же челмогорская пребывает ныне почти в первозданном облике. И в этом тоже, наверное, есть свой смысл.

Первую зиму преподобный прожил в землянке, вырытой им в восточном склоне горы. Свидетельство его необычайной крепости. Как смог он выдержать суровую зиму в занесенной снегом норе, без тепла и почти без пищи — край ведь был безлюдный, и где было добыть пропитание? — современному человеку трудно представить. Но Кирилл был древнерусским человеком, а древняя Русь знала богатырей духа.

Зато весной, в сиянии солнца под светлым небом, шумящим крылами пролетных стай, в гомоне птиц, в веселом рокоте талых вод нам легче постичь древнего человека и его отзывчивую душу. Тут вся ликующая природа была с ним и вся славила Творца. Река кипела потоками нерестящейся рыбы, по озеру плавали

белые лебедушки и черные утицы, по берегам топтались и гомонили гуси и журавли...

Весной преподобный срубил часовенку и келейку — невеликую избушечку. Топором он, как всякий новгородец, владел умело и, конечно, принес с собой среди скудного своего имущества.

Текла его уединенная жизнь. Хотя дотоле Челмагора была пустынна и окрестности малонаселённы, местопребывание Кирилла проведал его брат, преподобный Корнилий, который и навестил его здесь после трех лет уединенной жизни, но пробыл с ним недолго и отошел на Обнору-реку в Костромские леса.

Житие повествует, что Кирилл обрабатывал землю деревянной «котыгой», нашел он где-то и зерно для посева. А также занимался он «поучением книжным». Относится это к жителям Лекшмозерья. Населяла эти места чудь, называемая «белоглазой», «погаными сыроядцами». (Житие Лазаря Муромского, онежского подвижника XIV века, сообщает даже о «страшливых сыроядцах», которые хотели преподобного «в ядь себе сотворити», т. е. съесть.) Их крестил Кирилл, приводил к вере Христовой.

Злые люди и злые духи старались выжить святого. Так, однажды «дикие люди», очевидно, некрещеные сыроядцы, явились на гору и начали сечь лес и устроять нивы. Преподобный умолял их оставить ему горку с росшими на ней деревьями, но злые люди не вняли его мольбе и зажгли лес, дабы палом очистить ниву. Огонь пошел на Челма-гору и приблизился к келье. Преподобный встал на молитву — и пламя погасло.

Бесы, непременные враги всех пустынножителей, угрожали ему: «О, калугере, отъиди от места сего!» Святой не поддался на угрозы. Тогда бесы обвили келью веревками и грозились ввергнуть ее в озеро, но Кирилл победил и их силой молитвы.

Приходили и разбойники, почему-то названные «чудью белоглазой» (чудь отличалась своей робостью и невоинственностью), требовали выдать им сокровище. Старец указал в угол: «Вот мое сокровище!» Разбойники кинулись туда — там стояла чудотворная икона Божьей Матери. Сияние Ее Лика было столь нестерпимо, что разбойники были поражены ужасом, пали на землю и просили прощения. Авва отпустил их с миром.

Преподобный прожил на горе, как упоминалось, 52 года. За этот срок его узнали все в округе и — как прежде гнали, так теперь почитали. «Пройде слава о нем в окрестные веси», — говорит житие. Лекшмозерские рыбаки приносили ему часть улова. Но когда с даром пришел рыбак, «имея нечисто тело свое от блудные страсти», Кирилл рыбы от него не принял и затворился в келье. У другого же ловца принял с благодарением.

Незадолго до кончины Кирилла навестил игумен Каргопольского монастыря Иосиф. Преподобный исповедался, приобщился животворящих тайн, угадывая близкую кончину, и просил вскоре прийти снова.

Согласно житию, Кирилл Челмогорский преставился 8 декабря 1368 года. Пришедшие вскоре игумен с братией нашли его почившим и предали тело земле в часовне, им самим построенной.

Житие это, даже в изложении, обладало редкой поэтичностью, сюда же прибавлялось впечатление от увиденных прекрасных мест, и все это вместе готово было обрести рамки некоего художественного целого.

Но вот ель — «Кириллова ель», как стал называть я ее, — она-то и препятствовала этому впечатлению принять законченную форму. Хотелось верить, что ель была при Кирилле, — такое необычное дерево не могло не быть связанным с чем-то необычным. Но факты были против. Так, при пале, устроенном

«дикими людьми» на горке, уцелело лишь одно дерево, а именно — сосна. Но, быть может, составитель жития ошибся в породе дерева? Но даже если и ошибся, то другое обстоятельство мешало признать ель «Кирилловой»: с дней основания пустыни, согласно житию, прошло шесть с половиной веков. Подумать только — шесть с половиной! Еще и Куликовской битвы не было, и Русь была изначальная... Нет, не живут так долго ели, — дубы, те еще могут. Но ведь ученые придерживаются среднестатистических фактов и всегда есть исключения?

Так пытался я связать ускользающие концы своих предположений, и не удавалось. Однако самые серьезные возражения пришли не со стороны ели...

Как ни печально нарушать лирический склад нашего рассказа и поэтическое очарование легенды, приходится сказать правду: житие Кирилла Челмогорского не оригинально. Читая «Житие Нила Столбенского, нового чудотворца» (Пролог, декабря 7), мы найдем почти дословные повторения ряда эпизодов.

Придя на остров Столбной, Нил, тоже новгородский уроженец, ископал себе пещеру, где прожил зиму. Потом поставил келию и часовню.

Дьявол делал пакости преподобному: сотворил так, что святому помнѝлось, будто на его келью наложены узы, дабы опровергнуть ее в озеро. Святой молитвой все сия разогнав.

«Неистовнии жители» хотели согнать святого с острова и посему посекли лес и зажгли, помышляя, что палом сожжет и келию. Нил встал на молитву, и пламя, не дойдя горы, угасло.

Напали разбойники и требовали выдать сокровище. Святой сказал: идите и возьмите в келии в углу. Те вошли и ослепли. Святой их исцелил.

Богобоязненные рыболовы питали его рыбой. Однако, когда пришел рыболов, пребывавший в плот-

ской нечистоте, святой у него рыбы не взял, у другого же рыболова принял.

Когда пришло время, преподобный Нил причастился святых тайн, встал на молитву, восклонился пазухами на обычные крюки свои и тако преставился месяца декабря 7 дня 1555 года.

Обращает внимание и близость дат кончины: у Кирилла — 8 декабря. Следовательно, одно житие находится в зависимости от другого, лишь дата памяти святого перенесена на соседний день.

Подобный случай не единичен. Известно немало переложений житий более известных святых к житиям менее известных местночтимых подвижников. Более того, так всегда и делалось, ибо житие не писалось, а «составлялось» по признанным образцам, «по подобию», имело разработанную каноническую схему, как и икона.

Очевидно, Нил Столбенский является более известным святым: резные фигурки с его изображением распространялись по всей Руси. Однако Кирилл, если полагаться на датировку его жития, жил двумя столетиями раньше Нила.

История Кирилла, так поэтично звучавшая в изложении жития, оказалась затуманенной и сомнительной. Казалось бы, разрешить затруднение должны были бы соответствующие справочные издания. Однако и здесь дело обстояло неутешительно.

В капитальном труде проф. Е. Голубинского «История канонизации святых русской Церкви» (М., 1903) о Кирилле Челмогорском вовсе нет упоминаний.

В почтенном труде архимандрита Леонида (Кавелина) «Святая Русь» (СПб., 1891) о Кирилле Челмогорском сообщается: «Житие написано в XV веке, а распространено в XVII веке Священником Иоанном [известно] в списках XVIII века. Служба тоже».

Неизвестно, откуда архим. Леонид взял сведения о составлении жития в XV веке. Неизвестно также,

что подразумевается под «распространением» в XVII веке. Если житие Кирилла составлено в XV веке, то житие Нила может быть списано с него, если же составлено в XVII веке, то картина обратная. Наконец, если житие Кирилла составлено и распространено в XVII веке священником Иоанном, то вообще о достоверности не может идти речи. Иоанна от времени преп. Кирилла — если тот действительно жил в XIV веке — отделяло столько же, сколько нас от времени священника Иоанна — триста лет, и творить он мог либо по другим житийным образцам, либо по своему благочестивому воображению.

Как будто бы история разрушала легенду. Оставалось ждать, когда в руки попадут новые сведения и с ними возможное разрешение.

Зачем нужно было мне это? Никакой заранее цели я себе не ставил, ни на какое исследование не претендовал, но образ ели на Челма-горе постоянно вставал передо мной, и словно бы ей я был чем-то обязан...

И вот передо мной не изложение, а сам текст жития Кирилла Челмогорского. Житие в его первоначальном виде, составленное упомянутым священником Иоанном, не сохранилось. Текст, опубликованный каргопольским краеведом К. Докучаевым-Басковым («Христианское чтение», 1889, № 3-4), озаглавлен: «Житие и чудеса, приполнена историческим известием по отысканным некоторым памятникам и дошедшим устным преданиям, священником Федором Гурьевым той же пустыни 1844 г. месяца маия».

Редакция о. Федора Гурьева содержит ряд несообразностей, отмеченных К. Докучаевым-Басковым в предисловии к публикации. Доводы его таковы: если Корнилий Комельский действительно был братом Кирилла Челмогорского, то основание Челмогорской пустыни следует перенести с начала XIV века почти на два столетия позже. Даты жизни преп. Корнилия

1455—1537, известно, что у него были братья (правда, в его житии брат по имени Кирилл не назван и вообще ничего о братьях-монахах не сообщается). Судя по фактам жития Корнилия, он мог прийти к Кириллу в 1497 году. Кирилл же поселился на Челма-горе тремя годами раньше, следовательно, дата основания обители — 1494 год. Прожил Кирилл на горе 52 года, следовательно, умер около 1546 года. Таким образом, даты жизни Кирилла Челмогорского: 1464—1546.

Сомнительно, продолжает краевед, и существование в XIV веке Спасова Каргопольского монастыря, из которого накануне кончины преподобного прибыл к нему игумен с братией. Новгородский архиепископ Макарий называет каргопольскую Спасову Строкину пустынь в 1537 году н о в о ю. Игумена же по имени Иосиф в монастырских документах не обнаружено.

К доводам каргопольского краеведа можно присоединить и другие. Он некритично соглашается с тем, что Кирилл Челмогорский был родным братом Корнилия Комельского, и на этом основании дает новую датировку жития преп. Кирилла. Но был ли Кирилл родным братом Корнилия?

Житие Корнилия Комельского написано лично знавшим его учеником; В. О. Ключевский считал это житие по исторической достоверности одним из наиболее ценных. Житие сообщает, что преп. Корнилий происходил из города Ростова, принадлежал к знатному роду бояр Крюковых, весьма близкому к великим князьям московским. Кирилл же назван уроженцем Новгорода, а родители его неизвестны.

Но если Кирилл не был родным братом Корнилия, то это еще не доказывает, что они не встречались. Они могли быть духовными братьями. Правда, слово «брат» в применении к иноку на Руси встречается редко (не было обязательной приставкой к монашескому имени, как итальянское «фра»), чаще — «братия», но не исключалось вовсе (в словаре Срезневского

нет примеров на «брат» в применении к монашествующему, есть в применении к монашеской «братии», но есть понятие «духовный брат»: «Духовный брат есть, иже на Святом Евангелии братство творят»). Если пустынника Кирилла навестил брат Корнилий, то это могло означать, что прежде оба они принадлежали к братии одного монастыря. Корнилий был постриженником Кириллова Белозерского монастыря. Кирилл же, если действительно был постриженником Антониева Новгородского монастыря, согласно житию, три года странствовал по иным обителям, прежде чем пришел на Челма-гору. Если события происходили в XV веке, вряд ли он мог миновать Белозерский монастырь, это гнездо монастырской колонизации русского Севера. В свою очередь, странствовал по монастырям и преп. Корнилий, что было обыкновенно для XV века, «золотого века русской святости» (Г. Федотов), побывал он и в Новгороде. Правда, в этом случае он вряд ли смог бы навестить Кирилла в его пустыни, поскольку, согласно житию, из Новгорода через тверские монастыри отошел в Комельский лес.

До сих пор, выдвигая свои предположения, мы стремились придерживаться твердой почвы фактов. На самом деле, почва эта слишком зыбкая. Соображения каргопольского краеведа, как и наши добавления, легко перечеркнуть заявлением о том, что никакой встречи Кирилла с Корнилием вообще не происходило. То, что в основу жития Кирилла Челмогорского положено житие Нила Столбенского, нами выше показано, и уже одно это подрывает его достоверность. Другим источником для составителя жития было, очевидно, житие олонецкого подвижника преп. Александра Свирского. Подтверждается это тем, что кондак преп. Кириллу Челмогорскому целиком взят из службы преп. Александру. Житие Александра Свирского (во многом составленное по образцу жития Сер-

гия Радонежского, в котором рассказывается, между прочим, о приходе к Сергию в пустынь брата Стефана, не пожелавшего остаться с ним, видя «житие скорбно, житие жестоко»), в частности, содержит эпизод «о приходе брата его Иоанна к нему в пустыню», а также сообщает, что Александр пребывал в духовной дружбе с преп. Корнилием. Не соединение ли этих двух эпизодов обнаруживается в житии Кирилла Челмогорского, в рассказе о посещении его «братом Корнилием»?

Когда у нас нет твердых фактов, на помощь приходит историческая интуиция, то, что называют «чувством времени». Ведомым этим чувством представляется более вероятным отнести подвижнические труды Кирилла ко второй половине XV века (предполагая, что скончался он в начале XVI века) — тогда основание Кирилловой пустыни логично вписывается в общую картину монастырской колонизации. Знакомясь с историей нашей «северной Фивиады» (А. Муравьев), мы видим, что движение это совершалось не спорадически, а последовательно. До XV века мы знаем (да и то с разноречицей в датах) лишь двух основателей монастырей в северных землях — Корнилия Палеостровского и Лазаря Муромского (основание Палеостровского монастыря в XII веке легендарно, преп. Корнилий Палеостровский жил, вероятно, в конце XIV — начале XV вв.; Лазарь Муромский скончался, как принимают, в 1391 г.). Но не из Новгорода, владыки северных земель, началась монастырская колонизация Севера. И не из основанного во времена Дмитрия Донского Спасо-Каменного монастыря на Кубенском озере, хотя и немало вышло из него подвижников вологодской земли. Гнездом ее стал в XV веке Белозерский монастырь, проводник московского влияния на Севере. Обитель Кирилла, содруга Сергия Радонежского, продолжила в дальних землях Сергиево дело созидания новых обителей. Из ее стен вышел

преп. Савватий, первопоселенец соловецкий, преп. Александр Ошевенский, основатель монастыря в каргопольской земле, преп. Нил Сорский, после странствия на Афон вернувшийся в белозерские пределы и основавший здесь пустынь, многократно упомянутый выше преп. Корнилий Комельский и прочие иноки, все далее распространявшие по Северу строительство монастырское — всех их мы не знаем — «имена же их, Ты, Господи, веси!»

К общей картине Севера XV века — века деятельного и событийного — добавим некоторые штрихи. В XIV веке каргопольский край еще лежит для нас белым пятном. Правда, есть смутные сведения об удельном князе Глебе Каргопольском, упомянутом в Никоновской летописи и в «Сказании о Мамаевом побоище», но они оспариваются рядом историков. Лишь к середине XV века относятся первые летописные упоминания о граде Каргополе. В 1447 году сюда бежит, спасаясь от гнева московского князя Василия Темного, преступный Дмитрий Шемяка, захватив заложницей мать великого князя, а заодно — московскую казну. Прежнее малочисленное поселение на Онеге к этому времени становится важным торговым центром: здесь скрещиваются пути из новгородских и вологодских земель в Поморье, Подвинье и Заволочье. Сюда стекаются разные люди, под городом возникают две пустыни — Спасова Строкина «на мху» и Успенская девичья. В это расцветное для Каргополя время, в середине XV века и позже, возникают и другие, более удаленные пустыни в каргопольской земле: Александра Ошевенского, Пахомия Кенорецкого. Примерно в это же время возникает и Челмогорская пустынь.

А сам Кирилл Челмогорский?

Удивительно, но весь обрушившийся ворох исторической критики не коснулся его созидательного подвига. И понятно, почему так. Жизнь пустынников, устроявших удаленные обители, была многим схожа,

и предания народные о них схожи: так же поначалу пустынники ютились в пещерах, как Кирилл Челмогорский, как Нил Столбенский, как Кирилл Белозерский, так же поначалу местные жители относились к ним недоверчиво и пытались согнать, одинаковы были труды и одинаковы скорби. Жизнь была схожа, предания схожи, и не представлялось зазорным для угодника придать ему черты жития другого подвижника, как и черты другого иконописного лика.

Поэзию легенды это, быть может, разрушает, но величия подвига северорусского пустынника не умаляет.

Кирилл был, Кирилл создал свою обитель, но за давностью лет мы утратили первоначальный облик созидателя, как и всякую надежду на историческую достоверность, и принимаем его житийный лик — так ли было или не так, святой подвиг был совершен.

А ель?

Сама ель ничего не может поведать, но ее вековое стояние говорит нам многое. История подтверждает ее право на бытие, сдвинув события на полтора-два века. Ель могла стоять во времена Кирилла. Подивимся и этому: критика, столь безжалостно разрушившая очарование легенды, оказалась во славу и утверждение природного чуда Челма-горы.

Что же было на Челма-горе после Кирилла, чему была молчаливой свидетельницей древняя ель?

Далее начинается история Челмогорской, или Челмозерской, или Челмской, или Чермогорской, или Чермозерской пустыни. Разнообразие названий объясняется тем, что слово «челма» означает по-саамски «пролив», в частности, речку-протоку между двумя озерами, а «черма» или «чорма» по-древнерусски означало возвышенное, красивое место (вообще «черный» — в значении «красный», «красивый», напр.,

Чермная гора, на которой встал Красногорский Пинежский монастырь). Столь же разно именовалась пустынь на протяжении веков. Сначала, по Богоявленскому храму, называлась Богоявленской, после пожара был возведен храм Успения, и в XVII веке была Казанская пустынь, позже, по названию нового храма, стала Покровской.

Житие Кириллово повествует о последующих по Кирилле событиях, со значительными пропусками во времени, до 1674 года, которым датировано последнее из посмертных чудес. Легенда и история здесь столь тесно переплетаются, что восстановить стройную картину невозможно, однако дальние века проходят перед нами не безгласно.

Составитель жития вложил в уста преподобного такое предсмертное пророчество на будущие времена о судьбе своей пустыни:

«Место сие будет в пребывании иноком и, помале собравшееся, начнет место сие обновляться, овогда пожаром, овогда же нашествием иноплеменных; за несогласие и неповиновение друг ко другу, будут посечены яко класы, безвременно, и инии приходящие монахи начнут владети и разоряти пустынное сие место. Но общий наш Владыка Христос Бог не оставит им в посмеяние раззорятися месту сему святому. Такажде и поселяне, окрест живущие, по навождению вражию, начнут изгонять живущих зде и обиды им творити. Но аз не оставлю места сего и по моем отшествии — аще Бог восхощет».

Схожие пророчества мы найдем и в житиях некоторых других северорусских подвижников, например Александра Ошевенского, но, пожалуй, Кириллово исполнилось во всей полноте...

Через несколько лет по преставлении преподобного, согласно житию, пришел от Новеграда монах Серапион, потом другой монах. Они устроили гробницу над могилой Кирилла. «Но понеже место то бяше

пусто и утешения не имущее, того ради пожившe три лета в пустыни той и отъидоша, амо же восхотеща».

После них приходили другие иноки и «простого чина пустыннолюбцы» и жили на горе, пока иеромонах Арсений не собрал общину из 24 иноков. Монахи «сотвориша нивы около пустыни, в насеяние овощия и хлеба».

Между тем, молва о преподобном разнеслась далеко: «пронесся слава о нем даже до самого царствующего града Москвы и до самого Великого Князя» (обычная фраза многих житий).

«И Божию помощию и молитвами преподобного воздвигнута церковь во имя Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, чудного Его Богоявления, да в пределе святые великомученицы Екатерины в лето 6927 (1419) года».

«И оттоле собрашася братия в обитель преподобного не малое число, до осьмидесяти, и начаша созидати на пребывание келии и составиша общежительство. И оттоле начат зватися обитель преподобного Кирилла Челмогорского».

Вскоре, по поставлении второй, Успенской, церкви, братия «призвавше на Челму гору, во обитель преподобного, изографа, мужа искусна в художестве своем, рождением великого Нова града, ему же имя Иоанн, и повелеша ему написати образ преподобного отца Кирилла». Далее следует чудо об исцелении очей старца инока Антония, который в юности своей неоднократно лицезрел преподобного. Старец подтвердил, что святой изображен «воистину по подобию».

Приведенные сведения снова повергают нас в сомнение.

Странным образом изографа XV века зовут так же, как составителя жития и создателя иконного образа Кирилла — «иерея-изографа» XVII века Иоанна, о котором речь впереди. Настораживает, что в чудесных событиях XV века и XVII века повторяются

одни и те же монашеские имена. Странно и то, что за «чудом о исцелении очей старца инока Антония» сразу же следует «чудо о явлении преп. Кирилла иеромонаху Герману», датированное 1623 годом, как будто не было двухсотлетнего перерыва. Невероятным представляется также, что монастырское общежительство, устроенное иеромонахом Арсением, с двадцати четырех человек почти мгновенно увеличилось до восьмидесяти, тем более для удаленного монастыря XV века. Очевидно, путаница эта внесена последним редактором жития, упомянутым о. Федором Гурьевым.

Сомнения наши окончательно утвердятся, когда мы заглянем в «Списки иерархов и настоятелей монастырских Российской церкви» Павла Строева (СПб., 1877) и увидим в списке настоятелей Челмогорской пустыни следом за «св. Кирилл, основатель...» (даты его жизни историк не дает) — «Ефрем (игум.) 1544». Таким образом, имя монастырского строителя — легендарное, документально не подтвержденное, однако, не отвергая огульно предания, мы можем признать его, перенеся время действия на сто лет вперед. Обычно при созидании многих северных обителей строительство предшествовало игуменству, так и в Челмогорском монастыре до первого игумена Ефрема во главе братии стоял строитель (их могло быть, в преемственности, и несколько). Историческое же бытие свое пустынь начинает во времена Ивана Грозного. Дополнительные сведения подтверждают, что в середине XVI века монастырь был известен московскому правительству. Незадолго перед опричиной, в 1563 г., в Каргопольский Челмский монастырь был сослан князь Дмитрий Курлятев с женой и дочерьми*.

---

* См.:В. М. Белозерский. Каргополь. Ист. очерк. — «Памятная книжка Олонецкой губернии 1858 года», СПб., 1858.

Есть сведения, что в Челмогорский монастырь была сослана одна из жен Ивана Грозного (согласно Е. В. Барсову).

Знакомясь с историей северных монастырей начиная с XV века, мы заметим пристальную опеку их со стороны московского правительства: великие князья и цари охотно признавали их и оказывали порой щедрую поддержку. Так было с Кирилло-Белозерским, так было с Соловецким после перехода власти над Севером от Новгорода к Москве, так было с Сийским, менее известным Кожеозерским. При случае те же монастыри использовались как места ссылки неугодных лиц...

Так было и с Челмогорским монастырем. С большой долей вероятия можно сказать, что во второй половине XVI столетия монастырь благоденствовал, пользуясь покровительством московских царей, находясь вблизи богатого торгового города. Весьма вероятно, что в это время в монастыре было две церкви и братии до восьмидесяти человек. Казалось бы, монастырю предстоит славное будущее, какого достиг его знаменитый Сийский собрат...

Но расцвет монастыря, если таковой был, внезапно прервали события Смутного времени.

Лихолетье принесло обители разорение и способствовало последующему ее угасанию. Косвенное свидетельство тому содержится в пророчестве Кирилла, вложенном в его уста автором семнадцатого века: «начнет обновлятися... овогда же нашествием иноплеменных... будут посечены яко класы (т. е. колосья)». Очевидно, здесь мы встречаем отзвуки событий 1612-13 гг., когда «литовские люди» и «русские воры», которые были «пуще и грубее литвы и немец», осаждали Каргополь, гулял по каргопольским землям атаман Миша Баловень. Незащищенный монастырь представлял легкую добычу...

Разорение лихолетья объясняет, почему не осталось никаких исторических документов, и составителю жития Кирилла пришлось создавать его «по подобию» иных житий, с прибавлением довольно скудных местных преданий. Дело это по внутреннему вле-

чению взял на себя священник лядинской Покровской церкви Иоанн.

В наше повествование входит новый, вполне реальный герой. Он тоже пришел к нам со страниц жития — оно донесло его голос. Это скромный, застенчивый, даже робкий человек, простой, добрый сельский попик. Он по-русски талантлив и может взяться за любую работу, он живет обычной крестьянской жизнью, но способен и на книжное дело, и на иконное художество. Как ни скромен он, как ни отстраняет все личное, мы узнаем кое-что о нем самом и даже о его семействе. Это глубоко верующая натура, каких много дал XVII век — последняя вспышка древней Руси. Сам лекшмозерский уроженец, он горел благочестивым восторгом перед Божьим угодником, просиявшим в здешнем крае, и посвятил себя всецело его прославлению. Таинственным образом святой оказывал влияние на его побуждения.

Еще будучи клириком церкви Петра и Павла в веси Лекшмозерской (так и поныне называется сельская церковь каменной постройки, стоящая на месте прежней деревянной), что в десяти поприщах от обители Кирилловой, Иоанн сподобился дивного видения. В то время он, еще молодой человек, очевидно, был дьячком и жил с матерью Ириной в избёнке-келейке. Во сне он увидел себя в церкви, а в притворе — стоящего мужа благовидна образом в иноческих ризах. Иоанн трижды просил у него прощения и благословления, лишь на третий раз святой благословил его и «невидим бысть». Мать, слышавшая слова Иоанна во сне, удивленно спросила, у кого он просил благословения, и тот ей все поведал.

Спустя некоторое время, как пишет Иоанн, — можно считать, что эта часть жития, относящаяся к Иоанну, сохранилась наименее поврежденной, — «изволи Бог мне многогрешному восприяти чин священ-

нический рукоположением Никона митрополита великого Нова града и Великих Лук, иже и патриарх бысть царствующему граду Москве и всей России, его благословением вручено ми бысть пасти церковь Пречистыя Богородицы, отстоящей от обители преподобного пятнадцать поприщ».

В первое лето своего священничества, в году 1652, Иоанн имел новое видение: он увидел себя в обители Кирилловой, в притворе церковном, и некто в диаконской одежде показал ему икону: «еже желаеши написать образ Кирилла Челмогорского, таковым образом пиши, еже видеши». Но Иоанн тогда не решился взяться за дело: «день ото дня отлагая в суете мира сего не дерзнух писати зазора ради людского и бояся земных властей...»

В лето 1655, в пятую неделю Великого поста, иерею-изографу, как называет себя Иоанн, явился сам Кирилл. Иоанн снова увидел себя в его обители, в притворе «идеже почивает преподобный», но поначалу ничего не заметил. «Егда же прииде до церквы святыя великомученицы Екатерины, еже устроена над враты, паки прииде мне большее желание видети преподобного и возвратився, вторицею, ко гробу его». (Обратим внимание попутно: указание на существование надвратной церкви, помимо двух храмов, свидетельствует о немалых размерах монастыря.) Вернувшись во храм, Иоанн «видев преподобного седящем на месте во гробе своем просто». Преподобный рек: «зри на меня!», а также: «дерзай, понуди себя на художество!»

И тогда по благословению отцов духовных Кирилловой обители Иоанн написал образ преподобного «седящим» и «вдал» в монастырь в лето 1656. Из текста можно заключить, что иконографически образ Кирилла восходил к образу Макария Унженского, именем которого была названа ближняя к Кирилловой Хергозерская пустынь: «образом яко Макарий Жел-

товодский надсед, брада подоле того, на два косма распростерта»*. Позже Иоанн написал еще один образ Кирилла по обещанию за исцеление своего чада духовного, чтобы «в дому своем держати». Из текста явствует, что и в Покровской церкви, где служил Иоанн, стоял написанный им образ преподобного.

Далее Иоанн сообщает, что всего он имел четверократное явление преподобного, прибавляя: «последи же поношение мне и запрещение бысть» — фраза эта не вполне ясна. Духовная связь иерея-изографа со своим святым покровителем была столь велика, что преподобный явил чудо на его семействе.

У Иоанна было двое детей: девочка пяти лет и мальчик двух с половиной. Однажды дети залезли на колокольню возле церкви, где служил их отец. В это время «воста туча громна, и бысть велика буря и дождь.

---

* Речь идет о св. Макарии, имя которого носила знаменитая в прошлом Нижегородская ярмарка, первоначально собиравшаяся у стен Макариева Желтоводского монастыря (двойное прозвище святого по двум основанным им монастырям — на Волге и в Костромском крае). Выше мы упоминали легенду о хождении Макария на Север. Будто бы некоторое время он пустынничал на Херг-озере в двадцати верстах от Лекшм-озера. Однако в житии Макария об этом ничего не говорится. Согласно Зверинскому, Хергозерская Макариева пустынь основана в 1640 г. иноками Ошевенского монастыря Сергием и Логгином. В XVIII в. пустынь была упразднена, на ее месте до недавнего времени существовала небольшая деревенька. Лет пять назад еще стояли полуразрушенные избы и одна из двух каменных церквей (другая разрушена). Место это и поныне называется у местных жителей «Макарий».

До сих пор св. Макарий почитается на Лекшм-озере местным угодником. День его памяти — 7 авг. н. ст. — празднуется в окрестных деревнях. Общерусский святой Макарий стоит в местном ряду лядинской Покровской церкви (поставленной в XVIII в. на месте церкви, в которой служил Иоанн). В часовне на Хиж-горе до недавнего времени сохранялся большой парный образ Кирилла Челмогорского и Макария Унженского, в рост, позднего письма.

На олонецком Севере св. Макарий Унженский считался покровителем скота.

Отрочища же убояшася, один другого приемль (т. е. девочка подхватила на руки малыша), понесше с верхнего крова по лестнице и падше долу о помост и быша яко мертвы». Скупые строки скрывают целую драматическую картину: в ней и деревянная шатровая колокольня с раскрытым звоном, и внезапно нашедшая гроза, хлынувшие потоки дождя среди страшного грома и сверкания молний, и испуг детей, крича и плача бегущих по бесперильной лестнице и, оступившись, падающих вниз, и отчаяние прибежавших родителей... К кому было обратиться несчастным родителям за помощью, кто мог помочь в непоправимой беде? И Иоанн припал с мольбой к тому, кто был ближе всех к душе, — к своему Кириллу, скорому заступнику, — и чудо свершилось — дети ожили!

Всех посмертных Кирилловых чудес описано семнадцать, с 1623 года по 1674 (чудо с детьми Иоанна). Чудеса эти просты и бесхитростны, как и бытие крестьянского монастырька в лесном крае. Пропал монастырский конек — а это немалая утрата — но, проблуждав сорок дней, вернулся невредим. Заболел человек и исцелился с помощью святого — указано, с кем и где это было. Упоминаются окрестные селения — Труфаново, Орлово, Лядины (существующие и поныне), расстояние их от обители. Мы узнаем о некоем Иване Шмыгине из веси Тихманьги, что от обители в четыредесять поприщ, который намеревался обокрасть монастырскую казну, но был удержан чудесным вмешательством святого. Святой, явившись, укорил злыдня, сказав, что «ни татие, ни разбойницы царствия не наследят». Находим также ценное упоминание о лядинской Покровской церкви, «яже сожжена бысть от иноплеменников» и восстановлена лишь в 1642 году, и прочие рассеянные по тексту замечания, представляющие, тем не менее, значительную ценность для тех, кто хочет знать прошлое северной земли.

Иначе говоря, исторически ценным является для нас не само житие, а чудеса, служащие к нему приложением. Подобное обстоятельство, часто встречаемое в житийной литературе, не раз отмечали исследователи. «Рассказы о чудесах святого были гораздо реалистичнее самого жития — как клейма иконы реалистичнее изображения в среднике», — подтверждает академик Д. С. Лихачев*.

Во всяком случае, в «клеймах» мы обрели нашего героя, иерея-изографа.

Безвестный клирик, он взял на себя дело прославления местного святого. Вполне понятно его опасение земных властей: подобный поступок был самовольным, пока вопрос о канонизации святого не решен. Кирилл же, как можно понять из контекста записей Иоанна, не был канонизирован, хотя церковные власти не препятствовали его местному почитанию. Но он уже был канонизирован в народном сознании. Выразителем народного религиозного чувства и стал иерей Иоанн.

С дней пустыннического подвига Кирилла до дней агиографа минуло почти два века, народная молва сохранила лишь имя подвижника и теплое чувство почитания, требовалось создать достойный его образ. Создавая житие «по подобию», агиограф избрал близкое по обстоятельствам житие другого святого, тоже пустынника, тоже жившего на озере, — Нила Столбенского, с добавлением эпизодов из жития Александра Свирского**. В составлении службы преподобному тре-

---

* Д. С. Лихачев. Развитие русской литературы X-XVII веков. Л., 1973, с. 159.

** Какими житийными сборниками пользовался Иоанн при составлении жития Кирилла Челмогорского, мы не беремся установить. В его распоряжении мог быть и печатный Пролог 1675-77 гг., куда впервые было включено житие Нила Столбенского. Судя по датировке последнего чуда 1674 годом, житие, вероятнее всего, было составлено в конце 70-х годов XVII века.

бовалось еще строже придерживаться канонических схем, поэтому кондак преп. Кириллу, как упоминалось, целиком взят из службы преп. Александру Свирскому, а молитва преп. Кириллу повторяет молитвы многим подвижникам на основе молитвы преп. Сергию Радонежскому.

Таков был подвиг лядинского священника, сохранившего векам имя челмогорского пустынника.

Житие Кирилла кончается следующими традиционными словами:

«И иная, прежде бывшая, неисповедимая, многая явления и чудеса преподобного отца Кирилла оставашуся без записания, овая за недоумением, а овая и нерачением живущих зде. А яже имут быти по воли Творца всех Бога нашего чудеса от преподобного отца нашего Кирилла, того, братие, не обленитеся вписати отныне, для прославления имени Божия и в похвалу великого подвижника, заступника и ходатая о нас грешных к Богу, преподобного отца нашего Кирилла Челмогорского чудотворца».

Но было ли что вписано впоследствии в житие — мы не знаем, как и того, что происходило в обители в последующие сто лет. Обитель продолжала свое тихое существование, понемногу скудея и слабея. В екатерининское время, в 1764 г., монастырь был упразднен, как и около полусотни других удаленных олонецких обителей.

Монастырская церковь была обращена в приходскую. Во второй четверти XIX века священником в ней был Федор Гурьев. Мы отзывались о нем как об исказителе списка иерея Иоанна. Однако лишь благодаря о. Гурьеву дошло до нас житие Кирилла Челмогорского, хотя и в обработанном виде. Новая редакция жития была благим делом, предпринятым о. Гурьевым во славу Кирилловой обители. Переписав и распространив житие, он не только утвердил снова имя

подвижника, но и сделал тем самым первые шаги к восстановлению обители из плена забвения. Он по-своему перетолковывал житие, допускал произвольную датировку, но с благой целью: показав древность обители, добиться ее восстановления. Обстановка тому благоприятствовала. В середине XIX века начинают восстанавливаться некоторые известные в прошлом северные пустыни, в частности, Кожеозерская. Была возобновлена и Челмогорская пустынь.

Как всегда бывало в начинаниях такого рода, на восстановление пустыни были собраны денежные средства, и на них были возведены каменная церковь с колокольней и каменная ограда. Но большим монастырем обитель не стала, пустынь оставалась пустынькой. По переписи 1892 г. значилось в ней строений три, а монашествующих — семь.

Последнее известие о Челмогорской пустыни находим мы в «Олонецких епархиальных ведомостях» (Петрозаводск, 1910, № 14) — «Кирилло-Челмогорская пустынь. (Впечатления богомольца)», автор неизвестен.

Автор описывает путь к обители, упоминает часовенку на повороте от Пудожского тракта (ныне не существующую) и дает зарисовку самой пустыни.

«При приближении к ней взорам представился правильный квадрат, окруженный невысокой каменной оградой с башенками на углах; внутри двора высится небольшая каменная Богоявленская церковь с колокольнею, а далее, на восток, приютилась старинная, миниатюрная размером, деревянная церковка — Успенская. Несколько деревянных корпусов жилых и хозяйственных дополняют внутреннее строение монастырское. Вне ограды расположены: скотный и конный дворы, помещение для рабочих, а на берегу речки вновь выстроенная отличная баня».

Как располагались жилые и хозяйственные строения, ныне можно только предполагать, но, по край-

ней мере, нам стало известно, что те замшелые камни, поросшие елочками, — фундамент Успенской церкви.

Богоявленский храм был трехпрестольным. Рака преп. Кирилла находилась близ северной стены храма.

Братию составляло 12-15 человек. За последние девять лет сменилось шесть управляющих обителью, что оставило следы нестроения в хозяйстве пустыни. В 1910 г. настоятелем был иеромонах Герман, постриженник Александро-Свирского монастыря.

Основой монастырского хозяйства было животноводство и земледелие. Монахи жили «трудом рук своих».

Любопытны сведения об упомянутой выше усадьбе Пёла, что стояла напротив обители за болотом. Ею в продолжении тридцати лет владел 85-летний монах Кирилл.

Звали его в миру Иван Тихонович Круганов, крестьянин Тихмангской волости, Вытегорского уезда. На Челму пришел в возрасте 18-19 лет. Был юродивым и прозывался «Иванушка белый балахон» за свой странный наряд. Постоянно пребывал при Челмогорской пустыни, но часто ходил по другим каргопольским монастырям, причем был необычайно скор на ногу. Рассказывали, что ранним утром он отправлялся к обедне в каргопольский Успенский девичий монастырь, а к ночи возвращался на Челму, сделав в сутки сто верст. От длительных хождений или иных причин у него ослабли ноги. Больного приютил трufановский крестьянин Анисим Кошелев, который четыре года ухаживал за ним, как за родным сыном. Молитвами к чудотворцу ноги исцелились и Иван встал с постели умственно здоровым. (Выполним завет агиографа: «не обленитеся вписати отныне» — и впишем это, восемнадцатое по счету чудо.)

По выздоровлении Иван переселился на место, где позже возникла усадьба. Чудесное исцеление и последующая пустынническая жизнь принесли ему славу

«Божьего человека». Его почитали в окрестных селениях и в Каргополе. Добродатели помогали ему припасами и деньгами. Популярность Ивана росла. Автор статьи не поясняет, на чем основывалась эта популярность, но, очевидно, помимо праведной жизни, основанием тому был его пророческий и молитвенный дар. Ивана знали не только в Каргополе, но и в Архангельске, в Москве, в Петербурге. Петербургский купец и домовладелец А. В. Михайлов из чувства благодарности (за что, автор тоже не сообщает) выстроил Ивану усадьбу и снабдил денежными средствами. Иван Тихонович переписался в Лекшмозерскую волость и стал владельцем 70-ти десятин земли и благоустроенного хозяйства. Он принял тайное пострижение под именем Кирилла, но продолжал жить в миру, занимаясь делами своей усадьбы. Хорошо налаженное хозяйство приносило доход, который употреблялся им на добрые дела. Так, для Челмогорской обители им было приобретено серебряное изображение на раку преп. Кирилла и колокол весом в 62 пуда, а для дер. Труфановой подарен колокол ценой в 300 рублей. Все странники и убогие находили в Пёле приют, жило их обычно человек пятнадцать. Все свое имущество старец завещал пустыни.

Рассказом об этом праведнике, который носил то же имя, что и челмогорский основатель — Кириллом началось, Кириллом и кончилось, — и следовало бы закончить наше затянувшееся повествование. Возможно, есть и еще иные сведения и имена, но нам они неведомы. Тихая история у тихой обители на лесном озере...

Так и встретила Челма-гора новое время, когда внове сбылись слова, вложенные агиографом в уста преподобного: «...такожде и поселяне, окрест живущие, по наваждению вражию, начнут изгонять живущих зде и обиды им творити».

Дата упразднения обители неизвестна, но, вероятно, не позже 1920 года. Обитель разорили, имущество растащили. Постепенно разобрали каменные постройки и всю ограду до фундамента.

После войны, в конце сороковых годов, как говорят, недолгое время был здесь лесопункт, стоял барак, где жили рабочие. Деревьев Челма-горы они не повредили, заповедь преподобного спасла их снова.

От всех монастырских строений оставалась каменная колокольня, далеко видимая со всей округи. По створам монастырской колокольни и колокольни сельской церкви ориентировались лекшмозерские рыбаки. Но вот как-то через деревню Труфановскую прокатилось несколько подвод с села. Ехали весело, парни кричали: «Айда последних угодников изводить!» Ехали ломать никому не мешавшую Челмогорскую колокольню. Может, кто из колхозного руководства надумал попользоваться даровым кирпичом, а может быть, и так просто.

Взрывчатки, конечно, не было. Решили подрубить устои ломами и кирками, а затем тянуть тросом трактора. Изрядно подрубили, попробовали тянуть — колокольня не падала. Снова стали подрубать. Кто поумнее, от опасного дела отошел в сторонку. Рубили двое: мужик и паренек. Мужик этот рассказывал потом: «Мне что-то не по себе стало, я говорю ему (пареньку): ты еще поруби, а я покурю. Только я отошел, он и успел-то махнуть киркой раза два, о н а и села!» Задавленного паренька откопали только на другой день, а на месте несчастья, на каменной груде поставили крест. Кирпича же никто брать не стал, да и кирпич оказался плохой, весь битый.

Так печально завершилось последнее разорение.

И вот все прошло, и снова, как до Кирилла, осталась одна, сама с собой, Челма-гора...

Так же пустынно здесь — лишь могилки напоминают о живших людях, и так же стоят величавые деревья, как те, которые святой просил пощадить от пала. Есть в горе на восточном склоне некая расщелина, обрушилась здесь земля. Говорят, это и есть Кириллова пещера... Мощи же преподобного почивают ныне под двойным спудом, под развалинами церкви и колокольни, — и где они в этой груде?

Всё прошло... Но всё ли?

Стоит ель — Кириллова ель!

Неспроста она тут выросла и окрепла. Ее обособленность, выделенность свидетельствуют, что дерево это береглось, почиталось как живой памятник былого, что это святыня, связанная с существованием обители. Не раз бывало, что с величавыми деревьями на возвышенных местах связано житие русских пустынников. Филипп Ирапский выбрал место под развесистой сосной. Герасим Болдынский — под огромным дубом у потока. Павел Обнорский жил в дупле большой липы. Кирилл Новоезерский поселился под елью на крутом берегу Нового озера.

Было и на Челма-горе такое дерево, у которого любил посиживать преподобный Кирилл, глядя на озерную гладь, верю — эта, тогда молодая, красивая ель... И не ею ли, вековым ее стоянием, передалось и дошло до дней наших, когда люди все порушили и постарались забыть, Кириллово слово: «Аз не оставлю места сего!»

Ель привела нас к истории, а история снова привела к ели. Не сохранилось ничего памятного, рукотворного, но сохранилось нерукотворное, самой Челмой-горой созданное, святой любовью взлелеянное чудо — ель. Она стоит, выше всех красуясь над здешними местами, могучая, жизненосная, семенная ель. Стоит, как церковь шатром на память святого. Бури над ней, непогоды, снега, дожди, время летнее, время зимнее,

все идет своим чередом, а она стоит в мудром природном спокойствии, осеняя необычное место.

Одна такая.

Святая ель.

МЕЖДУНАРОДНОМУ ПЕН-КЛУБУ

Вынужденный пробавляться чрезвычайно скудным и недоброкачественным информационным пайком, я, для кого книги, писатели, их судьбы и позиции всегда были предметом самого живого интереса, всего лишь десять лет назад узнал о существовании Пен-Клуба, а о его высоко принципиальной программе и действенной активности — и того позже. Эта программа и эта активность оказались одним из наиболее существенных факторов, в конце концов освободивших меня от бесконечных запроволочных мытарств. Пользуюсь случаем высказать самую сердечную благодарность всем литераторам, действенно обеспокоенным общеправовыми и специально культурологическими аспектами советской политики и практики. Одним из частных примеров благотворной результативности такой обеспокоенности является прекращение судебного дела, возбужденного против меня в 1973 году. За литературную деятельность мне грозило 15 добавочных лет, и только энергичная, решительная позиция тогдашнего главы Международного Пен-Клуба Г. Бёлля, большого числа писателей из всех стран, и особенно Франции, спасли меня от расправы.

Система тотальной дезинформации, коварное закабаление миллионов людей идолами стереотипного деформированного представления о мире, суперполицейская цензура, обширнейший индекс запрещенных к изданию, провозу и распространению книг, неслыханно дикие тюремно-лагерные сроки за хранение или чтение неугодной кремлевским полупризракам литературы — вот то немногое из бесконечно длинного, страшного перечня преступлений советского режима, посягающего на самый смысл человеческого существования — на его дух. На глазах у всего мира на протяжении многих десятков лет совершалось это тягчайшее из мыслимых преступлений — преступление против духа. И только в последнее время в сознании западного человека произошел обнадеживающий сдвиг (в чем величайшая заслуга демократических писателей): он стал внимательней и с большим пониманием присматриваться к тому, что творится на Востоке, понемногу постигая, наконец, что систематическое и целенаправленное превращение советских граждан в духовных калек является угрозой и его существованию.

Одна из основных задач правозащитного движения в СССР — борьба за свободный допуск ко всяческой, в том числе и чисто литературной, информации, за право писать и читать любые книги без риска оказаться за решеткой.

Я обращаюсь с призывом к вам изыскать возможности для усиления всемерной поддержки сил, так или иначе понуждающих СССР к хотя бы относительной либерализации своего режима, к всесторонней поддержке всех гонимых за правдивое слово.

Огромное число писателей погибло от прямых репрессий, еще большее число их искалечено атмосферой страха, системой подкупов или угроз, принуждающей их к лжеписательству. Угроза каторгой за литературную деятельность актуальна и сейчас. Чтобы не ходить далеко за примерами, упомяну лишь о судьбах людей, мне наиболее известных по совместному пребыванию в лагере.

В 1972 году приговорен к 10 годам тюрьмы Ю. Шухевич за автобиографическую книгу.

С января этого года стал объектом циничного шантажа, угроз и травли А. Мурженко, отбывающий 14-летний срок в мордовском спецлагере: КГБ, узнав, что его тайно переправленная на Запад книга готовится к изданию, грозит судебной расправой не только ему, но и его жене.

10 лет лагерей и 5 лет ссылки получил в 1972 году Д. Шумук за книгу мемуаров. В 1978 году Шумук, несмотря на все обыски, слежку, изъятие бумаги и ручек, написал вторую книгу воспоминаний. Но в январе этого года она у него конфискована. Поскольку явного криминала в ней не обнаружено, а также учитывая преклонный возраст Шумука и его тюремно-лагерный стаж (35 лет), дело в этот раз до суда может и не дойти, но его работа безвозвратно утрачена и для литературы и для истории. Точно так же в день освобождения у меня изъяли все рукописи — плод девятилетней работы в лагере, — порядка 4 тысяч страниц.

Я полагаю, что всякий ставший известным случай гонения, притеснения того или иного литератора требует настоятельного внимания и самого активного вмешательства. Каждый даже вроде бы самый незначительный успех на обширнейшем фронте принуждения СССР к правовому поведению расшатывает систему безнаказанного попрания свобод, дает людям мужество противостоять насилию, мыслить и писать, несмотря на атмосферу страха, окутывающую страну. Без вашего неусыпного внимания к судьбам советских литераторов положение их будет и вовсе невыносимым.

Еще раз огромное вам спасибо и примите мои заверения в готовности ко всем формам сотрудничества с вами.

3. 7. 1979 *Эдуард Кузнецов*

СТИХИ

Елена Игнатова

ИЗ ВТОРОЙ КНИГИ

* * *

Загляделась я в полынью
На невнятную жизнь мою
По воде студеной гадаю...

Закраснелась вода, зажглась,
Это облако, отразясь,
Небесным коснулось краем.

ОПЫТ БАЛЛАДЫ
(из цикла «Песни Бедности»)

У дьяка Путятина на Москве
На восхолмьи дом у Москва-реки.
Ходит ясный нож в рукаве.
В окнах — лютый лед. На дверях замки.
Черные проруби. Топляки.

У дьяка Путятина жил немчин,
Тосковал в Москве, гладко рожу брил,
Все хулил страну, окаянный сын:
«Ах, твоей земле не нужно белил,
Ангел в Бозе здесь опочил».

Но смеялся дьяк. Непотребных слов
Не выпытывал, не донес в приказ.
На реке-Москве что ни день — улов:
С молодца кафтан, перстенек-топаз,
Да из проруби — пара синих глаз.

Долго проруби голодать невмочь —
Удавили пса, порубили слуг,
И Путятина потащили в ночь,
В гололедицу. А немчин — в испуг,
И — голодной белкой — из рук...

Что топляк в воде — то грозящий перст.
На реку-Москву накатил закат.
«Посули мне, дьяк, свой нательный крест,
Развяжи скорей свой нашейный плат,
Наряжался ты на немецкий лад!»

Убивался он, смертным воем выл:
«Ах, моей земле не нужон багрец,
Сколько есть его — на снега из жил,
Не отринь мене, в небесах Отец!»

Ясен в проруби золоченый крест...

* * *

В город Пушкин поедем, друзей навестим, посчитаем потери,
Здравствуй, дом невысокий, рогожей обитые двери!
Рыхлый снег за окном до полуночи станет светиться.
Загребает крылом царскосельская древняя птица.

Голубь мира над нами дряхлеет, тучнеет, кружится...
Разрушая фонтаны, студеная катит водица,
Этот строеный парк — к декабрю только остов да балки,
Купол церкви горит булавою дамасской закалки.

То ли нынче сквозит, то ли мы обретаем прозрачность,
Но негромкой судьбы не укрыта уже однозначность,
То ли в воздухе — лед, то ли вдруг горячо от озноба,
То ли уголь горит невесомого горя земного.

В город Пушкин поедем, а в полночь вернемся оттуда.
Голубые шары принесем, потеряем у пруда.
Видно, водка сожгла, или воздух сомкнулся железом,
Нет дыханья в груди на пути окровавленным лесом.

Вот он — осени дом. Обнаженье древесного сердца.
Кривизною страданья отмеченный рост страстотерпца.
Бестелесны в лесу, мы застыли у самого края,
Он бредет мимо нас, окровавленный пот утирая.
Видишь пламя дерев, пепелище холодного луга,
Непросохший бетон, горизонты смыкающий туго,
Хруст сучка под ногой, нашатырь, восходящий над парком,
Иностранный автобус, заваленный на бок под аркой —
Здесь отчизна для нас... Здесь отпели и приговорили —
Хочешь, камнем свой век проторчи,
славя правящих, грабящих — или
Растворяйся. Не будь.
Ни границ, ни отчизны — свобода...
И голодные ветви смыкает поспешно природа.
Мне досталась судьба чужака. И российского плена
Трет ярмо до кости. Вот оно — избавленье от тлена,
От грядущих потерь, от судьбы непосильной — пора мне.
Сад. Аллея. И смерти прибрежные камни.

ПОЖАР В ЛЕСУ

Лес — в грозе. Растворяется в пламени лес.
Подломились колени его, обгорели коренья,
Залит кровью кипящей, он начал свое воспаренье,
Тучей дыма встает до небес.

От земли отрывается. Как он теперь неуклюж,
Точно темный колосс, облака разгребает руками.
Вместо птиц и зверей — сотни крохотных спекшихся душ,
Торопливо взбираясь, царапают твердь коготками.

И на место, где он, принимая конец, изнемог —
В этот пепел дрожащий, единую жирную гущу
Плоти брошеной — льется с небес кипяток.
Всю неделю пожарище стонет, пугая живущих...

ПЕТЕРБУРГ

Накинь платок на плечи:
Прохладен этот вечер.
Мы посидим у печки
С тобой поговорим
О датах, о халдеях,
Что календарь худеет,
Что окна индевеют,
А в них ноябрь горит.

Сменяются идеи,
Века, оледененья...
А мы с тобою вечно
Сидим и говорим
О датах, о халдеях,
Что календарь худеет,
Что окна индевеют,
А в них — ноябрь горит...

* * *

Над Петропавловкою ангел
Пророчит преходящим путь.
Любимица царева, Анхен,
Всю ночь не может глаз сомкнуть.
И мелко крапит в окна морось,
Продажна стража у ворот,
Тревожно дышит рядом море,
Рождая желтый яд болот.
И волны копятся для бунта,
И «Петербургу быть пусту»...
Городовой прижался к будке,
Прохожий съёжен на мосту.

* * *

Опять за рекой поднимается дым,
Огромное пламя клубится.
Над красной равниной великой воды
Летят черногрудые птицы.

В какую страну,
За какие моря
Летят эти птицы
И крылья горят?

* * *

Вчера был крупный разговор,
И я был первым в разговоре.
Один сказал, что будет мор,
Другой сказал, что будет море.
Чересполосица чудес,
Чересполосица чудачеств,
Я помню речку, помню лес,
Я помню — мы с тобой на даче...
Я помню длинный разговор —
И я был первым в разговоре —
Сказала ты, что будет мор,
А я сказал, что будет море.

* * *

Скрипи, скрипи, мое перо.
Век восемнадцатый. Жеманство.
Природы яркое убранство
Замысловато и пестро.
И незаметно и легко
Возносит осень храм прозрачный,
В пруду утонет вечер мрачный,
Отбросив тень на потолок...

Скрипи, скрипи, мое перо,
Рисуй ажурные картины
Времен Второй Екатерины
Замысловато и хитро.

* * *

И со стоном я очнулся,
И увидел вдалеке —
Черный лебедь изогнулся
Целовать к твоей руке.
И на плоскости зеркальной
Царскосельского пруда —
Отблеск окон, звон хрустальный
И мазурки ерунда.

* * *

Мы бежали по Невскому вверх,
Распустив парусину одежды,
Мы бежали за общей надеждой,
Разделить ее братски на всех.

Разделить на двоих — пополам —
Дымный призрак небесной свободы,
Этот шум, этот крик, эти своды...
Мы бежали, как псы, по следам
Нашей юности, наших утрат,
Наших женщин из общей постели,
Мы шагали, бежали, летели,
Наудачу, вперед, наугад.

Ни себя, ни любви, ни друзей
Не жалея в азарте погони.
Наших судеб крылатые кони
Подминали случайных людей.

* *
*

Солнце желтое вставало
И катилось, как арбуз,
Небо синее качалось
У верблюда на горбу.
Мы шагали по Сахаре
От зари и до зари,
Быстро слезы высыхали
И кончались сухари.
Без конца и без начала
Путь пустынный на Восток
Рядом шли, но все молчало —
И паломник и пророк...

Юрию АЛЕКСЕЕВУ — около тридцати лет. Принадлежит к царскосельской группе поэтов, сложившейся вокруг Татьяны Григорьевны Гнедич.

БАЛЛАДА О СУДЬБЕ

М. Шемякину

Горький привкус весеннего неба,
Стаи статуй в саду Люксембург
На утеху тебе и потребу,
Чтобы вновь не настиг Петербург.

Вербный привкус весеннего неба...
Не в серебряном веке живем...
Не спешите, не нужен молебен,
Мы и сами его подберем.

Мы таскаем судьбу на загривке,
Как кровавую тушу мясник.
Наши души пойдут на обивку
Ваших комнат под супером книг.

Как застыла в молчанье Психея —
Жест с надломом и горькой тоской!
В час, когда мы прощались с Рассеей,
Нам вот также махали рукой.

По холсту расползаются краски,
Словно кровь от искусанных губ...
Нам бы в легкой старинной коляске
Пролететь по тебе, Петербург!

Солнце сгорбится, крыши обшарив.
Тоже ищет, наверно, приют...
По «Крестам» нас сгноить обещали —
Пусть теперь нашу тень стерегут.

Горький привкус весеннего неба,
Беглый месяц мигнет из-за туч...
Где ты, церковь Бориса и Глеба?
Где на ордере штамп и сургуч?

Париж, 1979 г.

Авторы «МетрOполя» в «Континенте»

Фазиль Искандер

КРОЛИКИ И УДАВЫ

Это случилось в далекие-предалекие времена в одной южной-преюжной стране. Короче говоря, в Африке.

В этот жаркий летний день два удава, лежа на большом мшистом камне, грелись на солнце, мирно переваривая недавно проглоченных кроликов. Один из них был старый одноглазый удав, известный среди собратьев под кличкой Косой, хотя он был именно одноглазый, а не косой.

Другой был совсем юный удав и не имел еще никакой клички. Несмотря на молодость, он уже достаточно хорошо глотал кроликов и поэтому внушал достаточно большие надежды. Во всяком случае, он еще недавно питался мышками и цыплятами диких индеек, но теперь уже перешел на кроликов, что было, учитывая его возраст, немалым успехом.

Вокруг отдыхавших удавов расстилались густые тропические леса, где росли слоновые и кокосовые пальмы, банановые и ореховые деревья. Порхали бабочки величиной с маленькую птичку и птицы величиной с большую бабочку. Вспыхивая разноцветным опереньем, с дерева на дерево перелетали попугаи, даже на лету не переставая тараторить.

Журнальный вариант. Полностью книга будет опубликована издательством «Ардис». — Р е д.

Иногда на вершинах деревьев трещали ветки и взвизгивали обезьяны, после чего раздавался сонный рык дремлющего поблизости льва. Услышав рык, обезьяны переходили на шепот, но потом, забывшись, опять начинали взвизгивать, и опять лев рыком предупреждал их, что они ему мешают спать, а ему с вечера выходить на охоту.

Обезьяны снова переходили на шепот, но совсем замолкнуть никак не могли. Они вечно о чем-то спорили, а чего они не поладили, было непонятно.

Впрочем, два удава, отдыхавшие на мшистом камне, не обращали внимания на эти взвизги. Какие-нибудь глупости, думали они, иногда мимоходом улавливая обезьянью возню, — какой-нибудь гнилой банан не поделили, вот и спорят...

— Я одного никак не могу понять, — сказал юный удав, только недавно научившийся глотать кроликов, — почему кролики не убегают, когда я на них смотрю, ведь они обычно очень быстро бегают?

— Как почему, — удивился Косой, — ведь мы их гипнотизируем...

— А что такое гипнотизировать? — спросил юный удав.

Следует сказать, что в те далекие времена, которые мы взялись описывать, удавы не душили свою жертву, но, встретившись или, вернее, сумев подстеречь ее на достаточно близком расстоянии, взглядом вызывали в ней то самое оцепенение, которое в простонародье именуется гипнозом.

— А что такое гипнотизировать? — стало быть, спросил юный удав.

— Точно ответить я затрудняюсь, — сказал Косой, хотя он не был косой, а был только одноглазый, — во всяком случае, если на кролика смотреть на достаточно близком расстоянии, он не должен шевелиться.

— А почему не должен? — удивился юный удав, — я, например, чувствую, что они у меня иногда даже в животе шевелятся...

— В животе можно, — согласился Косой, — только если он шевелится в нужном направлении.

Тут Косой слегка поерзал на месте, чтобы сдвинуть проглоченного кролика, потому что тот вдруг остановился, словно услышал их разговор.

Дело в том, что в жизни этого старого удава был несчастный случай, после которого он лишился одного глаза и едва остался жив. Каждый раз, когда он вспоминал этот случай, проглоченный кролик останавливался у него в животе, и приходилось слегка поерзать, чтобы сдвинуть его с места. Вопросы юного удава опять напомнили ему этот случай, который он не любил вспоминать.

— Все-таки я не понимаю, — через некоторое время спросил юный удав, — почему кролик не должен шевелиться, когда мы на него смотрим?

— Ну, как тебе это объяснить, — задумался Косой, — видно, так жизнь устроена, видно, это такой старинный приятный обычай...

— Для нас, конечно, приятный, — согласился юный удав, подумав, — но ведь для кроликов неприятный?

— Пожалуй, — после некоторой паузы согласился Косой.

В сущности, Косой для удава был чересчур добрый, хотя и недостаточно добрый, чтобы отказаться от нежного мяса кроликов. Он делал для кроликов единственное, что он мог, он старался их глотать так, чтобы причинить им как можно меньше боли, за что, в конце концов, поплатился.

— Так неужели кролики, — продолжал юный удав, — никогда не пытались восстать против этого неприятного для них обычая?

— Была попытка, — ответил Косой, — но лучше

ты меня об этом не спрашивай, мне это неприятно вспоминать...

* * *

В тот же день, когда солнце повисло над джунглями на высоте хорошего баобаба или плохой лиственницы, у входа в королевский дворец на Королевской Лужайке было созвано чрезвычайное собрание кроликов.

Сам Король сидел на возвышенном месте рядом со своей Королевой. Над ними развевалось знамя кроликов с изображением на нем цветной капусты.

Полотнище знамени представляло собой большой лист банана, на котором кочан цветной капусты был составлен из разноцветных лепестков тропических цветов, приклеенных к знамени при помощи сосновой смолы.

В сущности говоря, ни один кролик никогда не видел цветной капусты. Правда, в кроличьей среде всегда жили слухи (хотя их и приходилось иногда взбадривать) о том, что местные ТУЗЕМЦЫ, вместе с засекреченными кроликами работающие на тайной плантации по выведению цветной капусты, добились решительных успехов. Как только опыты, близкие к завершению, дадут возможность сажать цветную капусту на огородах, жизнь кроликов превратится в сплошной праздник плодородия и чревоугодия.

Время от времени сочетание цветов в изображении цветной капусты на знамени едва заметно менялось, и кролики видели в этом таинственную, но безостановочную работу истории на благо кроликов. Увидев на знамени слегка изменившийся узор цветов, они многозначительно кивали друг другу, делая для себя далеко идущие оптимистические выводы. Говорить об этом вслух считалось неприличным, нескром-

ным, считалось, что эти внешние знаки внутренней работы истории проявились случайно по какому-то доброму недосмотру королевской администрации.

В ожидании этого счастливого времени кролики жили своей обычной жизнью, паслись в окружающих джунглях и пампах, поворовывали в огородах туземцев горох, фасоль и обыкновенную капусту, высокие вкусовые качества которой оплодотворяли мечту о цветной капусте. Эти же продукты они поставляли и ко двору Короля.

— Ну, как сегодня капуста? — бывало спрашивал Король, когда рядовые кролики, выполняя огородный налог, прикатывали кочаны и складывали их в королевской кладовой.

— Хороша, — неизменно отвечали кролики, облизываясь.

— Так вот, — говорил им на это Король, — когда появится цветная капуста, вы на эту зеленую даже смотреть не захотите.

— Господи, — вздыхали кролики, услышав такое, — неужели доживем до этого?

— Будьте спокойны, — кивал Король, — следим за опытами и способствуем...

Великая мечта о цветной капусте помогала Королю держать племя кроликов в достаточно гибкой покорности.

Если в жизни кроликов возникали стремления, неугодные Королю, и если он не мог эти стремления остановить обычным способом, он, Король, прибегал к последнему излюбленному средству, и, конечно, этим средством была цветная капуста.

— Да, да, — говорил он в таких случаях кроликам, проявляющим неугодные стремления, — ваши стремления правильны, но несвоевременны, потому что именно сейчас, когда опыты по выведению цветной капусты так близки к завершению...

Если проявляющий стремления продолжал упорствовать, он неожиданно исчезал, и тогда кролики приходили к выводу, что его засекретили и отправили на тайную плантацию. Это было естественно, потому что те или иные стремления проявляли лучшие головы, и эти же лучшие головы, конечно, прежде всего нужны были для работы над выведением цветной капусты.

Если семья исчезнувшего кролика начинала наводить справки об исчезнувшем родственнике, то ей намекали, что данный родственник теперь «далеко, далеко в том краю, где цветная капуста цветет».

Если семья исчезнувшего кролика продолжала упорствовать, то она тоже исчезала, и тогда кролики говорили:

— Видно, он там большой ученый... Семью разрешили вывезти...

— Везет же некоторым, — говорили крольчихи, вздыхая.

Других подозрений в головах у рядовых кроликов не возникало, потому что по вегетарианским законам королевства кроликов наказывать наказывали — путем подвешивания за уши, — но убивать не убивали.

Итак, в этот день, который уже клонился к закату, на Королевской лужайке Король и Королева сидели на возвышенном месте, а над ними слегка колыхалось знамя с изображением цветной капусты.

Чуть пониже располагались придворные кролики или, как их называли в кроличьем простонародье, Допущенные к Столу. А еще ниже те, которые стремились быть Допущенными к Столу, а дальше уже стояли или сидели на лужайке рядовые кролики.

Легко догадаться, что чрезвычайное собрание кроликов было вызвано чрезвычайным сообщением Задумавшегося*.

---

* В опущенном нами выше эпизоде кролик по кличке Задумав- →

— Наш страх — их гипноз! Их гипноз — наш страх! — повторяли рядовые кролики, смакуя эту соблазнительную мысль.

— Какая смелая постановка вопроса! — восклицали одни.

— И мысли следуют одна за другой, — восторгались другие, — ну, прямо, как фасолины в стрючке.

— Ой, кролики, что буде-ет! — говорили третьи, которым от великого открытия Задумавшегося делалось до того весело, что становилось страшно.

И только жена Задумавшегося, стоя в толпе ликующих кроликов, то и дело повторяла:

— А почему мой должен был разоблачать удавов? А где Допущенные к Столу мудрецы и ученые? А что мы за это имеем? Ведь удавы будут мстить мне и моим детям за то, что он здесь наболтал!

— Ты должна им гордиться, дура, — говорили ей окружающие кролики, — он Великий кролик!

— Оставьте, пожалуйста! — отвечала им крольчиха, — уж я-то знаю, какой он Великий! Дожил до седин, а до сих пор не может листик гороха отличить от листика фасоли!

А между тем, Королю кроликов сообщение Задумавшегося не понравилось. Он почувствовал, что эта новость ничего хорошего ему не сулит. Но будучи опытным знатоком настроений толпы, он, видя всеобщее ликование, не мешал ему проявляться со всей полнотой. Он понимал, что всякое ликование толпы имеет свою высшую точку, после которой оно обязательно должно пойти на убыль, и тогда уже можно будет высказывать свои сомнения.

И вот, когда ликование очень сильно иссякло, хотя все еще отдельные его вспышки то здесь, то там озаряли радостью толпу, кролики стали замечать, что

шийся подслушал разговор удавов, задумался и понял, что сопротивляться гипнозу — можно. — П р и м. р е д.

сам Король почему-то молчит. И не только молчит. Лицо его выражает грустную терпимость мудреца перед печальным зрелищем всеобщего заблуждения.

И тут все начали понимать, что Король сомневается в правильности наблюдений Задумавшегося. Допущенные, заметив сомнение Короля, довели его при помощи отдельных выкриков до степени откровенного возмущения. Возмущение Допущенных в свою очередь было подхвачено Стремящимися Быть Допущенными и доведено до выражения гневного протеста против не проверенных Королем научных слухов.

Да, Король был прав, почувствовав великую опасность, которая заключается в словах Задумавшегося. Вся деятельность Короля была связана с тем, что он, лично, вместе со своими придворными помощниками определял, какое количество страха и осторожности должны испытывать кролики перед удавами в зависимости от времени года, состояния атмосферы в джунглях и многих других причин.

И вдруг вся эта разработанная годами хитроумная система управления кроликами может рухнуть, потому что кролики, видите ли, не должны бояться гипноза.

Король знал, что только при помощи надежды (цветная капуста) и страха (удавы) можно разумно управлять жизнью кроликов. Но на одной цветной капусте долго не продержишься. Это Король понимал хорошо, и потому он собрал всю свою государственную мудрость и выступил перед кроликами.

— Кролики, — начал он просто, — я пожилой Король. Я на престоле, слава Богу, уже тридцать лет и ни разу за это время не попал в пасть удава, а это о чем-то говорит...

— О том, что тебе всё приносят во дворец! — выкрикнул из толпы какой-то дерзкий кролик.

Правда, уже было слишком темно, чтобы разглядеть, кто говорит. Допущенные к Столу и особен-

но Стремящиеся со страшной силой зашикали на дерзнувшего кричать из толпы.

Посмотрев на придворных, Король строгим голосом приказал осветить народ достаточным количеством светильников. До этого всего несколько пузырей, выдутых из прозрачной смолы и наполненных светляками, озаряли вход в королевский дворец и возвышение, на котором сидели Король и Королева.

— О Король, — напомнили придворные шепотом, ссыпая жар светляков из кокосовых шкатулок, в которых они хранились, в светильники, — вы ведь сами нас учите режиму экономии.

— Только не за счет интересов режима, — отвечал Король вполголоса, молча оглядывая толпу, пока придворные укрепляли светильники в разных концах Королевской Лужайки.

— Кролики, — кротко обратился Король к своим подданным, — прежде чем раскрыть ошибку Задумавшегося, хочу задать вам несколько вопросов.

— Давай! — закричали кролики.

— Кролики, — и голос Короля задрожал, — любите ли вы фасоль?

— Еще как! — хором ответили кролики.

— А зеленый горошек, свеженький, с куста?

— Не говори, Король, — застонали кролики, — не буди сладких воспоминаний!

— А свежей капустой, — безжалостно гремел Король, — хрупчатой, пупырчатой, говорю, любите похрумкать?!

— У-у-у, — завыли кролики и стали со свистом втягивать воздух в рот, — не растравляй, Король, не сыпь на раны сладкую соль!

— Если это так, — продолжал Король, глядя на кроликов, застывших в сентиментальных позах обгладыванья свежих стрючков или хрумканья капустными листами, — перехожу к наиглавнейшей мысли. Кто из вас выращивает горох, капусту, фасоль?

На некоторое время воцарилось удивленное молчание.

— Но, Король, — стали кричать кролики, — этим занимаются туземцы.

— Значит, им принадлежат эти самые совершенные на сегодняшний день (тончайший намек на завтрашний день, связанный с Цветной Капустой) продукты питания?

— Выходит, — отвечали кролики.

— А каким образом, — продолжал Король, — вы добываете эти продукты?

— Воруем, — сокрушенно отвечали кролики, — разве вы не знали?

— Ну, это сказано слишком резко, — поправил Король, — правильней сказать — отбираете излишки... Ведь вы туземцам кое-что оставляете?

— Приходится, — отвечали кролики.

— Теперь перехожу к наиглавнейшей мысли, — объявил Король.

— Ты уже переходил к наиглавнейшей мысли, — крикнул один из кроликов в толпе.

— То была первая наиглавнейшая мысль, а теперь вторая, — не растерялся Король, — то, что удавы глотают кроликов, — это ужасная несправедливость, не правда ли?!

— В том-то и дело, — закричали кролики, — об этом-то и толкует Задумавшийся.

— Да, — продолжал Король, — это ужаснейшая несправедливость по отношению к кроликам, и мы с нею боремся теми средствами, которые доступны нашему разуму. Но за эту ужасную несправедливость мы пользуемся маленькой, но очаровательной несправедливостью, присваивая нежнейшие продукты питания, выращенные туземцами. Теперь допустим на минуту, что Задумавшийся прав, хотя это еще никак не доказано. Но представим. Гипноза, оказывается, нет, скачите кролики куда хотите! Браво, браво,

Задумавшийся! Но что же дальше? А дальше Задумавшийся нам говорит, мол, если отпала ужаснейшая несправедливость по отношению к кроликам, значит, и кролики должны прекратить приятную, разумеется, для нас, несправедливость по отношению к огородам туземцев.

— Не скажет! Не скажет! — закричали кролики хором.

— А где уверенность? — спросил Король и обратился к Задумавшемуся, который стоял недалеко от Короля и спокойно слушал его. После своего сообщения о гипнозе он так и остался на возвышении, потому что Король велел ему остаться, чтобы, с одной стороны, никто не подумал, что Король недоволен, а с другой стороны, чтобы долгое созерцание Задумавшегося сделало его облик более привычным и потому менее чудодейственным.

Задумавшийся молчал, хотя по его виду никак нельзя было сказать, что он смущен вопросом Короля.

— Так что ты нам скажешь? — снова обратился к нему Король, стараясь, чтобы он сейчас же разоблачил себя перед кроликами.

— Я потом отвечу сразу на все вопросы, — спокойно сказал Задумавшийся, — пусть Король продолжает.

— Хорошо, — усмехнулся Король, хотя и разозлился про себя, именно оттого разозлился, что Задумавшийся не в результате хитрого дипломатического хода уклонился от его удара, а просто в результате глупого желания не терять время на отдельные вопросы.

— Пойдем дальше, — продолжал Король, — конечно, это ужасная несправедливость, что удавы пожирают кроликов, и мы делаем всё, чтобы уменьшить количество жертв. Но зачем подчеркивать только темные стороны? Жизнь есть жизнь! И она иногда под-

совывает нам изумительные подарки. Например, вы сталкиваетесь с удавом, вы в ужасе! Но что же? Оказывается, это Коротышка, который только что налопался бананов, он на вас и смотреть не хочет. Снова сталкиваетесь с удавом! Снова ужас. Но что же? Оказывается, это Косой — и вы в полной безопасности, потому что оказались в мертвом пространстве его слепого профиля.

Кролики, братья и сестры, нельзя пренебрегать такими дарами жизни! Помните, в природе все связано! А что, если тончайшее удовольствие, которое мы получаем от святой троицы (горох, фасоль, капуста), связано с чувством страха, который мы испытываем перед удавами? А вдруг без этого страха ароматнейшие продукты природы покажутся безвкусными и жесткими, как пампасская трава?

— Это ужасно, — воскликнули кролики, — тогда и жить не стоит.

— А если это так, — продолжал Король, сам загораясь от собственного красноречия, — перестанем мечтать о будущей Цветной Капусте, перестанем следить за опытами и способствовать?!

— Это ужасно, ужасно, ужасно, — стонали кролики, от природы очень впечатлительные, чем, кстати, и пользовались удавы, как, впрочем, и Король, хотя мы никак не хотим проводить какие-то параллели между ними.

— И вот что, кролики, — продолжал Король, оглядывая толпу с выражением проницательной умудренности, — будем откровенны, ведь мы здесь все свои... Признайтесь, когда вы вечером возвращаетесь в свою нору и узнаете от крольчихи, что такого-то кролика проглотил удав, разве вы вместе с печалью по погибшему брату с особенной силой не ощущаете уют безопасности собственной норы?! А сладость облизывать нежные тельца своих очаровательных крольчат?! А прижиматься, прижиматься (тут все взрослые

кролики, и я могу говорить прямо), прижиматься, говорю, к теплой, ласковой крольчихе?!

— Да, да, — отвечали кролики, потупившись, — стыдно признаться, но все это так...

— Нечего стыдиться, кролики! — воскликнул Король, — вы же это испытываете вместе с грустью по погибшему брату, а не отдельно?!

— В том-то и дело, — отвечали кролики, — как-то все это перемешивается...

— Тем более! — вдруг во весь голос закричал кролик по прозвищу Находчивый.

Он находился в среде Стремящихся Быть Допущенными к Столу. Сейчас его дерзкий выкрик был всеми замечен, и наступила довольно-таки неловкая тишина. В сущности он почти перебил Короля. Король нахмурился.

— Тем более! — снова закричал Находчивый, ничуть не смущаясь всеобщим вниманием.

— Что тем более? — наконец, строго спросил у него Король.

— Тем более, как быть с предками, — воскликнул Находчивый, — ведь если Задумавшийся прав, получается, что все наши предки, героически погибшие в пасти удавов, были дураками и трусами, выходит, что они погибли по глупости?!

— Уместное замечание, — сказал Король, кивнув головой и обернувшись к Задумавшемуся, — интересно, что ты ответишь на это?

— Я сразу отвечу на все вопросы, — спокойно отвечал Задумавшийся, — Король может продолжать...

— Ишь ты, какой самоуверенный, — не удержалась Королева и фыркнула в сторону Задумавшегося.

— Пока я кончил, — сказал Король, — одно могу добавить: жизнь есть жизнь. Раз Бог создал кролика — Он имел в виду удава. Раз Бог создал фасоль, горох и капусту, Он имел в виду кролика!

Конец королевской речи потонул в дружных аплодисментах во славу прекрасных продуктов. Из этих аплодисментов время от времени вырывались выкрики в честь Короля из среды Допущенных к Столу и восторженные высвисты в его же честь из среды Стремящихся.

Как всегда, скандировалась слава в честь великой троицы с некоторыми частными добавлениями, среди которых чаще всего слышалось: — Скромной морковке тоже слава!

Интересно отметить, что каждый кролик, аплодируя, имел в виду, что он лично аплодирует идее союза прекрасных продуктов питания с кроликами. Но при этом он думал, что другие аплодируют не только этому союзу, но и всей речи Короля. И так как все думали так и все считали, что признаться в эгоистической узости своих аплодисментов по меньшей мере уродство, они аплодировали изо всех сил, чтобы скрыть эгоистическую узость собственных аплодисментов и слиться с общим восторгом, с которым они в конце концов сливались и, уже подхваченные этим восторженным потоком, сами тащили его дальше. Так маленькие ракеты личных аплодисментов, слившись, давали могучую силу двигателю общественного мнения.

— Ну, как речуга? — спросил Король у Королевы, усаживаясь рядом с ней и кивая на восторженный шум, поднятый кроликами.

— Ты был бесподобен, милый, — сказала Королева и нежно утерла листком капусты пот с лица Короля.

— Находчивый делает успехи, — сказал Король и кивнул в его сторону.

Королева улыбнулась Находчивому и поманила его к себе. Находчивый быстро подскочил и замер перед ней. Королева, улыбаясь, подала ему листик капусты, которым она только что утирала лицо Короля.

— Можешь съесть, — сказала она ему. Это был знак великой милости, в сущности знак Допущенности к Столу.

— Никогда! — с жаром воскликнул Находчивый, принимая подарок, — я засушу его в память о вашей великой милости.

— Как хочешь, — сказала Королева и с немалым женским любопытством оглядела Находчивого. Ей понравилась его приятная внешность и горячие быстрые глаза. В нем было что-то такое, отчего ей захотелось родить маленького быстроглазого крольчонка.

Когда все затихло, Задумавшийся, который все это время продолжал стоять перед толпой собратьев, наконец, заговорил:

— Начну с конца, — сказал он. — Мне, кролику, незачем заботиться о природе удава. Пусть он сам заботится о своей природе...

— Вот он и заботится, — ехидно вставил Находчивый и, посмотрев на Королеву, поцеловал капустный листик. Королева еще раз улыбнулась ему нежной улыбкой.

— Этот Находчивый — прелесть, — сказала она.

— Считай, что он у тебя за столом, — сказал Король, сосредотачиваясь на словах оратора и поэтому забыв, что эта милость Находчивому уже оказана. Как много можно сделать незаметно для мужчины, подумала Королева, когда мужчину раздирают общественные страсти.

— Хорошо, пусть будет так, — продолжал Задумавшийся, — если удав имеет право заботиться о своей природе, то и кролик имеет такое же право. А суть природы кролика состоит в том, что он не хочет быть проглоченным удавом. Можем мы, кролики, обойтись без удавов?

— Еще как! — воскликнули кролики, — с удовольствием!

— Тогда скажи, — воскликнул Король, — почему Бог создал удава?

— Не знаю, — ответил Задумавшийся, — может, у Него плохое настроение было. А может, Он создал удава, чтобы мы понимали, что такое мерзость, так же как Он создал Капусту, чтобы мы знали, что такое блаженство.

— Правильно! — закричали кролики, — удав — мерзость! Капуста — блаженство!

— Горох и фасоль — тоже блаженство! — напомнил один из кроликов с такой тревогой в голосе, словно, не напомни он об этом вовремя, эти прекрасные деликатесы выйдут из употребления кроликов.

— Продолжаю, — сказал Задумавшийся, — итак, если Бог создал удава таким, какой он есть, то и меня Он создал таким, какой я есть. И если я задумался, значит, моей природе кролика не чуждо сомнения. Развивая свою природу сомнения, которая, оказывается, все-таки существовала в моей природе кролика, я стал приглядываться, прислушиваться, думать. Жизнь, как любит говорить наш Король, великий учитель. Именно она натолкнула меня на все мои сегодняшние выводы.

Однажды я носом к носу столкнулся с удавом. Я почувствовал, что гипноз сковал мои мышцы. От ужаса я потерял сознание. Через несколько мгновений я пришел в себя и с удивлением обнаружил, что я не проглочен, а хвост этого же удава, прошуршав мимо меня, проскользнул дальше. Я оглянулся и узнал Косого, который, не заметив меня, скользил дальше, пройдя мимо меня слепой стороной своего профиля. И тут Великая мысль, хотя еще и не так четко оформленная, промелькнула в моей голове. Я понял, что их гипноз — это наш страх. А наш страх — это их гипноз.

— О святая наивность! — воскликнул Король, вскакивая с места и обращаясь к толпе кроликов, —

разве я вам не говорил о счастливой встрече с Косым или Коротышкой?

— Да, да, говорил, — ответили кролики, чувствуя, что в словах Задумавшегося есть какая-то соблазнительная, но чересчур тревожащая истина, а в словах Короля какая-то скучная, но зато успокаивающая правда.

— В том-то и дело, кролики! — воскликнул с жаром Задумавшийся, — что я ощутил все признаки гипноза, а удав меня даже не заметил. Значит, я сам своим страхом внушил себе гипноз!

— Гениально! — воскликнул какой-то кролик из толпы и, ударив себя лапой по лбу, замертво упал. Бедная его голова не выдержала этой мысли. В толпе возник некоторый переполох, впрочем, не опасный для продолжения сходки. Убедительность примера, который привел Задумавшийся, привела кроликов, несмотря на жертву, в большое ликование.

— Первые плоды нового учения! — крикнул Находчивый, когда выносили кролика, умершего от силы собственного прозрения. Но на его слова никто не обратил внимания.

— Здорово! Здорово! Здорово! — скандировали теперь кролики. — Да здравствует наш освободитель!

— Это еще надо доказать! — закричал Король, вскакивая, — почему он уверен, что сам себя загипнотизировал! Только потому, что Косой прошел мимо него своим слепым профилем. Пусть мой Ученый выступит и объяснит Задумавшемуся, что произошло с научной точки зрения.

Тут кролики постепенно замолкли, и из толпы Допущенных к Столу выступил Главный Ученый и, дождавшись тишины, произнес:

— Конечно, сообщение Задумавшегося представляет немалый научный интерес...

Кролики на его слова ответили восторженным гулом.

— ...И хотя наша сходка затянулась допоздна, — продолжал Главный Ученый, — еще рано делать какие-либо выводы. Но что же могло произойти во время предполагаемой встречи Задумавшегося с Косым или, выражаясь нашим научным языком, слепым на один глаз удавом? По-видимому, наш дорогой коллега Задумавшийся, к нашему общему счастью, прошел перед отключенной от зрительных впечатлений частью профиля удава. Только поэтому он остался жив, ибо смертоносные гипнотические лучи действующего глаза остались в стороне от нашего возлюбленного коллеги, что послужило ему поводом к столь легкомысленным выводам относительно гипноза...

— Держат там всяких калек, — пробормотал Король, слушая Ученого и кивая в знак согласия с ним головой.

— Нет, дорогие мои кролики, — продолжал Ученый, — гипноз — пока еще страшное оружие наших врагов. Только следуя Таблице Размножения, разработанной нашими учеными при личном участии Короля, мы можем победить удавов. Помните, изучайте Таблицу Размножения и будущее кроликов будет достойно Цветной Капусты!

Речь Ученого тоже показалась кроликам убедительной, но все-таки большинство кроликов было настроено в пользу Задумавшегося.

Кстати, суть Таблицы Размножения заключалась в том, что кролики, размножаясь с опережением удавов, уменьшают риск каждого отдельного кролика на столько, на сколько кроликов будет больше, чем удавов. Из этой таблицы следовало, что в будущем шанс встретиться с удавом у каждого кролика будет, уменьшаясь, стремиться к нулю и, в конце концов, достигнет его и даже превзойдет! Поэтому кролики очень любили размножаться.

Но сейчас настроение кроликов было в пользу Задумавшегося. Король, видя это, решил перенести сход-

ку на какой-нибудь другой более подходящий день. С этой целью он незаметно для толпы приказал выступить придворному осветителю.

— Кролики, — сказал тот, — время позднее. Светильники гаснут, пора кормить светляков.

— Ничего, — закричали в ответ кролики, — в лесу полно гнилушек! Надо будет — наберем!

Пришлось продолжить сходку и дать слово Задумавшемуся.

— Кролики, — сказал Задумавшийся, — наш Ученый, как всегда, говорит глупости! Я утверждаю, что гипноза нет вообще. Вспомните, сколько лягушек в Лягушачьем Броде. Через этот брод каждый день переплывает тот или иной удав. Если бы удав обладал гипнозом, то независимо от его воли десятки лягушек, потерявших сознание, всплывали бы на его пути. А если бы всплывали лягушки, то водоплавающие птицы летели бы вслед за плывущим удавом. Но, как вы знаете, никакие птицы не следуют за плывущим удавом.

— Точно! Точно! — закричали кролики, — там сотни птиц, но ни одна не летит за удавом.

— Задумавшийся прав! — кричали они, — наш страх — их гипноз! Их гипноз — наш страх!

Пока они шумно изъявляли свои восторги, Король подозвал из толпы Допущенных кролика, занимавшего должность Старого Мудрого Кролика.

Небезынтересна история возвышения этого кролика. Возле королевского дворца растет морковный дуб, желуди которого имеют форму морковки. Хотя плоды морковного дуба и несъедобны, их кролики обычно используют для украшения праздничных шествий, морковный дуб почитается кроликами как священное дерево.

Время от времени с морковного дуба падают морковные желуди, кстати, весьма увесистые. Были случаи тяжелых увечий и даже смертей кроликов, ока-

завшихся в момент падения желудя под сенью дерева. Однажды именно этот кролик оказался под морковным дубом, когда с него слетел желудь, попавший ему в голову.

Он получил сотрясение мозга. Это был первый случай такого рода заболевания в кроличьем племени.

— Сотрясение мозга? — удивился Король неведомой болезни.

— Да, сотрясение, — подтвердили врачи.

— Значит, было, что сотрясать? — догадался Король.

— Значит, было, — подтвердили врачи.

— Вылечится — назначим его на должность Старого Мудрого Кролика, — решил Король, и, когда этот рядовой кролик вылечился, он сразу оказался в числе Допущенных к Столу.

— Выступишь, — сказал ему сейчас Король, мрачно оглядывая толпы ликующих кроликов, среди которых находились и такие, которые вздымали лапки, сжатые в кулачок, как бы грозя удавам.

— Кажется, это конец, — сказал Старый Мудрый Кролик.

— Надо попытаться, — сказал Король, одновременно давая распоряжение начальнику охраны королевского дворца проверить запасные выходы из дворца на случай бунта.

— Я старый, мудрый кролик, — начал Старый Мудрый Кролик, и он был отчасти прав, потому что с тех пор, как его назначили на эту должность, он успел постареть.

— Клянусь морковным деревом, сделавшим меня мудрецом, в словах Задумавшегося... — но тут ликование кроликов приняло угрожающие размеры. Можно было ожидать, что они тут же переизберут Короля и посадят на его место Задумавшегося.

— ...В словах Задумавшегося, — повторил он, пропустив волну ликования, — очень много правды...

— Ура! — дружно закричали кролики, перекрывая взвизги Допущенных, которых в случае переворота ничего хорошего не ожидало.

А между тем, Стремящиеся притихли и старались выглядеть так, как если бы они вообще никаких стремлений не имели. Некоторые из них даже покидали свои места, словно им очень захотелось пройтись по своим физическим надобностям. На обратном пути они сильно задерживались, узнавая в толпе кроликов своих старых знакомых и охотно заговаривая с ними.

— ...В том, что сказал Король, — продолжал Старый Мудрый Кролик, — не очень...

Толпа кроликов притихла. Старый Мудрый Кролик посмотрел на Короля и с ужасом подумал: а вдруг не переизберут? Когда толпа ликовала, ему казалось, что она сильнее Короля. Когда она замолкла, Король снова казался сильней. И поэтому он неожиданно даже для себя окончил:

— очень много правды...

— ...Но скажи, Задумавшийся, — продолжал он, — если ты прав, и кончится ужасная несправедливость по отношению к нам, разрешишь ли ты нам пользоваться нашей божественной троицей: фасолью, горохом, капустой?

— Да, да, — закричали кролики, — разреши сомненья!

Задумавшийся молча смотрел на свой народ и ничего не говорил. Между тем, рядовые кролики, взявшись за руки, стали притоптывать, повторяя:

— Разрешив воровать, разреши сомненья! Разрешив воровать, разреши сомненья!

Задумавшийся продолжал молчать. Король, сидевший мрачно опустив голову, вдруг почувствовал, что щекочущий лучик надежды коснулся его ноздрей.

— Кролики, — наконец, сказал Задумавшийся, — я вам предлагаю разрешить главную нашу задачу, —

перестать бояться удавов. А что будет дальше, я могу только предполагать...

— Видите ли, он может только предполагать! — воскликнула Королева и, гневно разорвав листик капусты, отшвырнула его от себя. Стремящиеся одобрительно загудели, стараясь запомнить, куда упали обрывки капустного листа.

— А еще корчит учителя жизни, — воскликнул кролик по прозвищу Находчивый. Он это воскликнул, дождавшись тишины, чтобы выделить свой голос.

Никого так не раздражал Задумавшийся, как Находчивого, потому что в юности они дружили и довольно часто влюблялись в одну и ту же крольчиху. Находчивый был уверен, что он мог бы сделать не меньше блестящих открытий, чем Задумавшийся, если бы не стремился быть Допущенным. Поглощенный философией собственного существования, он никак не находил время заняться существованием всех кроликов.

— Ему хорошо, — говаривал он своим знакомым, когда речь заходила о Задумавшемся, — он-то не стремится быть Допущенным.

— А кто тебе мешает не стремиться? — спрашивали знакомые в таких случаях.

— Вы лучше спросите, кто мне помогает, — отвечал им на это Находчивый, раздумывая, как бы поприглядней попасться на глаза Королю. Между тем Задумавшийся продолжал:

— Кролики, — говорил он, — если мы будем стремиться с самого начала увидеть самый конец, мы никогда не сдвинемся с места. Важно сделать первый шаг и важно быть уверенным, что он правильный.

— Ну, хоть что-нибудь! — кричали кролики, — скажи, что ты думаешь насчет фасоли, гороха и капусты...

— Я думаю, — сказал Задумавшийся, — когда отпадет ужасная несправедливость удавов по отноше-

нию к нам, мы должны подумать и о нашей несправедливости по отношению к огородам туземцев.

— У-у-у! — завыли недовольные кролики. А Король покачал головой, дескать, больше слушайте его, он вам устроит счастливую жизнь.

— Дело не в том, чтобы отменять эти прекрасные продукты, — сказал Задумавшийся, — а в том, чтобы научиться самим возделывать их.

— У-у-у, — завыли кролики хором, — как неинтересно... А как мы будем обрабатывать землю?

— Не знаю, — сказал Задумавшийся, — может, мы договоримся с кротами, может, еще что...

— У-у-у! — завыли кролики еще скучней, — а если кроты не согласятся? Значит, прощай, фасоль, горох, капуста?!

И тут от имени рядовых кроликов выступил простой уважаемый всеми кролик.

— Послушай, Задумавшийся, — сказал он, — мы все тебя любим, ты наш парень, думаешь о нас. И это хорошо. Но чего-то ты не додумал. Вот я, например, каждый день хожу в лес, в пампасы, к туземцам на огороды заглядываю... Каждый день я могу встретиться с удавом, но могу и не встретиться. Позавчера, например, не встретился, вчера тоже, и сегодня, слава Богу, как видишь, жив-здоров.

Что же получается? На огородах туземцев я могу бывать каждый день, а удав меня может проглотить да-ле-ко не каждый день. Выходит — пока я в выигрыше. Выходит, ты чего-то не додумал, Задумавшийся. Вот пойди на свой зеленый холмик и придумай такое, чтобы и удавы нас не трогали и чтобы, как говорится, Бог троицей не обидел. Тогда мы все, как один, пойдем за тобой.

— Правильно! Правильно! — стали кричать рядовые кролики, потому что в трудную минуту решение не принимать никакого решения было для кроликов самым желанным решением.

— Я лично первый пойду за тобой! — крикнул Король кроликов, — как только твои выводы подтвердятся!

— Да здравствует наш благородный Король! — стали кричать кролики, довольные своим решением не принимать никакого решения.

— Более того, — продолжал Король, — чтобы Задумавшийся мог думать, не отвлекаясь, ежедневно с нашего стола будут выдаваться его семье две полноценные морковины!

— Да здравствует Король и его щедрость! — закричали кролики.

— Размножаться с опережением — вот наше оружие! — крикнул Король и в знак того, что собрание закончено, взяв за лапку Королеву, удалился к себе во дворец.

Кролики тоже, окликая попутчиков, разошлись по своим норам. Некоторые из них, чувствуя угрызения совести, горячо хвалили замечательную идею Задумавшегося, хотя и указывали на ее некоторую незрелость.

Иные кролики спрашивали у жены Задумавшегося, довольна ли она королевской помощью.

— Это не весть что, но все-таки кое-что, — отвечала она любопытствующим кроликам и, в свою очередь, пыталась узнать, включается ли сегодняшний день в пенсионный срок и сможет ли она на этом основании получить завтра четыре морковины у королевского казначея, известного своей скаредностью и крючкотворством.

— Сегодняшний день включительно! — со всей либеральной решительностью отвечали ей кролики, и тем либеральней и тем решительней отвечал каждый, чем больше не хватало ему решительности поддержать ее мужа во время собрания.

Печально сидел Задумавшийся на опустевшей Королевской Лужайке. Возле него остался один молодой

кролик, не только поверивший в правильность его учения (таких было немало), но и решившийся, рискуя спокойной жизнью, следовать за ним.

— Что теперь делать? — спросил он у Задумавшегося.

— Ничего не остается, — отвечал Задумавшийся, — будем думать дальше.

— Можно я буду думать с тобой? — спросил молодой кролик, — с тех пор, как я услышал то, о чем ты говорил, у меня появилась жажда знать истину.

— Будем думать вместе, Возжаждавший, — сказал Задумавшийся, — я всю силу своего ума тратил на изучение удавов, но о том, что сами братья-кролики еще не подготовлены жить правдой, я не знал...

* * *

На следующее утро жизнь кроликов продолжалась по-старому. Часть из них ушла пастись в пампасы, часть предпочла тенистые джунгли, а некоторые отправились на огороды туземцев.

Задумавшийся с утра сидел на своем зеленом холмике, где он и раньше обдумывал свои наблюдения над удавами. Теперь к размышлениям об удавах прибавились тревожные думы над своим же братом-кроликом.

С этого холмика открывался чудесный вид на пампу, на изгиб реки, широко разлившейся в том месте, названный поэтому обитателями джунглей Лягушачьим Бродом.

Возжаждавший с утра пасся на склоне зеленого холмика, время от времени поглядывая на Задумавшегося и стараясь издали по его позе определить, пришло ему в голову что-нибудь новое или еще нет. Через некоторое время умственное любопытство победило

его аппетит, и он, слегка недозавтракав, взобрался на зеленый холмик.

В это время в обширной столовой королевского дворца шел обильный по случаю вчерашней победы завтрак. Все Допущенные к Столу, естественно, сидели за столом. Король был в хорошем настроении, за завтраком он много шутил и то и дело подымал высокий бамбуковый бокал, наполненный кокосовой брагой, после чего Допущенные быстро наполняли свои бокалы и выпивали вместе со своим Королем этот веселый бодрящий напиток.

Интересно отметить, что среди Допущенных к Столу сидели несколько охранников. Под видом Допущенных к Столу они следили за разговорами Допущенных к Столу, чтобы вовремя обнаружить следы заговора или просто отклонений от королевской линии, которые впоследствии могли бы привести к заговору.

Но так как они, хотя и сидели под видом Допущенных, на самом деле не были Допущенными, им по инструкции полагалось меньше налегать на особенно ценные продукты, каковыми считались Капуста, Горох и Фасоль. Но так как Допущенные к Столу знали, что среди них есть охранники, сидящие под видом Допущенных, а также знали, что охранникам не положено есть по норме Допущенных, они следили за тем, как едят остальные Допущенные, и в то же время сами старались есть как можно больше, чтобы их не приняли, как говорится в кроличьем просторечии, за шпионов. Но так как те, кого в кроличьем просторечии именовали шпионами, знали, что, если они будут скромничать за столом, остальные обнаружат их истинные застольные функции, они, стараясь замаскироваться, ели как можно больше, что соответствовало их личным склонностям.

Таким образом получалось, что за королевским столом все ели с огромным патриотическим аппетитом.

На этот раз среди Допущенных не было кролика, занимавшего должность Мудрого Старого Кролика. Его вчерашние колебания, разумеется, не остались незамеченными Королем. На его месте теперь сидел Находчивый, предложивший переименовать Старого Мудрого Кролика Стармудом, что было встречено веселым одобрением. Король по этому поводу рассказал несколько анекдотов из жизни Стармуда.

В разгар завтрака в столовую вошел, ковыряясь в своих изъеденных временем зубах, тот, над которым сейчас все смеялись и который еще вчера считался первым королевским советником. Оказывается, теперь он завтракал на кухне. Как раз в это время Король шутливо предложил поставить своего бывшего мудреца под сенью морковного дуба и дождаться, когда на его голову упадет морковный желудь, чтобы посмотреть, получит он теперь сотрясение мозга или нет. Все Допущенные, смеясь королевской шутке, уверяли, что теперь там нечего сотрясать.

— Я знаю, — сказал вошедший, — за что меня пересадили на кухню, но я не знаю, почему мне подали не очень свежие овощи?

— Как, как? — переспросил Король, подмигивая сидящим за столом, — тебе подали не очень... очень свежие овощи?

Допущенные к Столу стали заходиться в хохоте. При этом многие из них падали на стол с той нежной доверчивостью, с какой влюбленные в подобных обстоятельствах падают на грудь своих возлюбленных, нередко сочетая это движение с мимолетной лаской. В данном случае они, падая на стол, невзначай прихватывали ртом листик капусты или стручок свежего гороха, что, по-видимому, совпадает по смыслу с мимолетной лаской влюбленных.

— Клянусь морковным дубом, сделавшим меня мудрецом, — сказал вошедший, — я оговорился... Но ведь я же потом исправил ошибку?

— Еще бы, — отвечал Король, улыбаясь, — иначе ты завтракал бы не на кухне, а где-нибудь подальше. Ну, ладно, садись, я добрый. В другой раз будешь знать, кто снабжает витаминами твой не очень-очень сообразительный мозг.

Таким образом, под хорошее настроение Старый Мудрый Кролик был возвращен к столу. Правда, Король оставил за ним шутливую кличку Стармуд, что, с одной стороны, вносило в его должность некоторую шутовскую двусмысленность, а с другой стороны, еще больше приближало Находчивого к королевскому семейству.

Примерно с месяц Находчивый жил в числе Допущенных к Столу, припеваючи и попиваючи лучшие королевские напитки, не говоря о самых свежих овощах, доставляемых с огородов туземцев.

Все здесь Находчивому нравилось и только одно удивляло, что, когда собираются Допущенные к Столу, почему-то ни Король, ни остальные никогда не говорят о Цветной Капусте. Это было очень странно, потому что Король при каждой встрече с рядовыми кроликами так или иначе касался вопроса о Цветной Капусте. А здесь почему-то не принято было о ней говорить.

Раздумывая об этом, он решил, что, вероятно, среди Допущенных к Столу есть еще более узкий круг посвященных, то есть Допущенных к Столику, и они, вероятно, не только говорят о Цветной Капусте, но хотя бы раз в неделю пробуют ее. Так думал Находчивый, но спросить ни у кого не решался, потому что не знал, кто именно среди Допущенных к Столу допущен к Столику. Спросить, думал Находчивый, значит признаться, что ты сам к этому Столику не допущен. Он решил дождаться случая и спросить обо всем самого Короля.

И такое время пришло, потому что Король од-

нажды сам попросил его остаться с ним после обеда для личной беседы.

— У меня к тебе поручение всенародной важности, — сказал король, и, дождавшись, когда Королева прикрыла дверь и, возвратившись, присела рядом с Находчивым, добавил, — ты готов его исполнить?

— О, Король, — сказал Находчивый, опуская глаза.

— Тут наш придворный поэт набросал куплет. Так вот, ты должен выйти в Джунгли на Нейтральную тропу и на протяжении всего пути туда и обратно спеть этот куплет...

— Мои уши к вашим услугам, — сказал Находчивый и шевельнул ушами.

Король внимательно посмотрел на его уши, как бы стараясь определить, насколько они надежны.

— Тогда слушай, — сказал Король и прочел стихотворение, записанное соком ягод бузины на широком банановом листе.

Задумавшийся кролик
На холмике сидит.
Видна оттуда Пампа
И Лягушачий Брод.
Но буря все равно грядёт!

Вздрогнуло сердце Находчивого от страшной догадки.

— Ваше Величество, — с дрожью проговорил он, — не означает ли...

— Не означает, — перебил его Король, нахмурившись.

Находчивый сразу же понял, что пропеть этот куплет — значит выдать удавам своего собрата Задумавшегося. И он сразу же решил отказаться от королевского Стола и уйти в рядовые кролики. Ведь все-таки он был от природы не злой, хотя и очень часто-

любивый. Но тут был один щекотливый момент. По принятому придворному этикету, кролик, разжалованный в рядовые, обязан был возвратить Королю все полученные награды.

Значит, он должен был возвратить и тот капустный лист, который ему когда-то подарила Королева и с которого началось его возвышение. Но дело в том, что на обратном пути домой он на радостях съел пол капустного листа, хотя никак не должен был его есть, ибо сам же обещал засушить его на память.

Дело в том, что принимая от Королевы капустный лист в качестве подарка, как она ему предлагала, он имел право его съесть, но возвышая подарок до награды, как он сам ей предложил, он уже не имел права его съесть.

Все это сейчас с быстротой молнии промелькнуло в голове Находчивого, и он понял, что ему неловко, что он никак, ну, никак не может сейчас возвратить Королеве этот наполовину обесчещенный капустный лист. Конечно, он понимал, что никто его за это преследовать не будет, но так уж устроены кролики, что им сегодняшняя неловкость непереносимей завтрашнего предательства. Неловкость — это сейчас вот-вот, а завтра — это еще когда, это еще бабушка надвое сказала, может, вообще ничего не будет или, скажем, будет солнечное затмение и по этому поводу всё отменят.

— Хорошо, — сказал Находчивый, вздохнув и бросив мученический взгляд на Королеву, — только можно я одну поправку внесу?

— Если это не меняет сути, — согласился Король.

— Я хотел бы пропеть так, — сказал Находчивый и пропел:

Задумавшийся некто
На холмике сидит.
Видны оттуда Пампа

И Лягушачий Брод.
Но буря все равно грядёт!

— Идет! — сказал Король и весело хлопнул Находчивого по плечу. Он понял, что Находчивый, пытаясь перехитрить его, на самом деле довольно успешно перехитряет свою совесть.

— ...Тем более, — добавил Король, — что некоторые считают, что вообще всё это предрассудки...

— А можно я еще одну поправку внесу, — попросил Находчивый и, не дожидаясь согласия Короля, быстро пропел:

Задумавшийся некто
На холмике сидит.
Пам-пам, пам-пам, пам-пам-па!
И Ля-ля-ля-чий Брод!
Но буря все равно грядёт!

— Ну, это уже романс без слов, — махнул рукой Король, — вот что значит дать слабину.

— Ничего, ничего, — вдруг перебила его Королева, — так получается еще приманчивей. Только у меня одна просьба. Пожалуйста, когда будешь петь, последние два слога в третьей строчке бери как можно выше. Пам-пам, пам-пам, пам, П-А—А-М! Па. Понятно?

— Конечно, — сказал Находчивый, — я это обязательно учту.

— Ладно, — сказал Король, — так и быть! Добавь только одно слово... Значит, так: Видна пам-пам, пам, П-А-А-М! Па, и не будем торговаться.

— Хорошо, Ваше Величество, — сказал Находчивый.

— И Ля-ля-ля-чий Брод, говоришь? — спросил Король, проверяя на слух последнюю строчку.

— Совершенно верно, — подтвердил Находчивый, — и Ля-ля-ля-чий Брод, пою...

— В наших краях, — сказал Король, задумавшись, — известны три Брода: Тигриный, Обезьяний и Лялялячий... Не получится ли путаница?

— Да нет же, — сказала Королева, — не надо думать, что они глупее нас.

— Мой Король, — спросил Находчивый, — я одного не пойму. При чем тут строчка: «но буря все равно грядёт»?

— Ну, ты же знаешь нашего Поэта, — сказал Король, — он ведь жить не может без бури...

— А он знает, для чего будут использованы его стихи? — спросил Находчивый. Ему было бы легче, если бы не он один участвовал в предательстве Задумавшегося.

— Нет, конечно, — поморщился Король, — он Поэт, он парит в небесах. Зачем его посвящать в наши малоприятные земные дела.

— Да, конечно, — грустно согласился Находчивый.

— Ладно, — сказал Король, — текст утрамбован окончательно. Я удивляюсь, как ты быстро сообразил убрать некоторые натуралистические подробности...

— О, Король, — потупился Находчивый, — в таких случаях само соображается...

— Кстати, — вспомнил вдруг Король лукаво, — можешь доесть тот капустный листик, что тебе подарила Королева...

— О Королева, — прошептал Находчивый и, ужасно смутившись, спрятал голову между лапками, — простите эту... сладость...

— Чего уж там, — добродушно взбодрил его Король, — все мы кролики... Но какова служба информации, а, Королева?

— Ах ты, плутишка, — промолвила Королева и с грустной укоризной погрозила лапкой Находчивому,

— надо было видеть, Король, с каким неподдельным жаром он воскликнул: — Никогда!

Тут Королева подала Находчивому королевский журнал, где было записано, что такого-то числа придворный кролик Находчивый выступит на Нейтральной тропе с исполнением вариаций марша без слов на тему «Буревестника», дабы всем жителям джунглей было бы ясно, что кролики бодро живут и бодро размножаются.

Находчивый расписался, и Король собственноручно потрепал его по плечу.

— Теперь проси, — сказал Король, — что-нибудь такое, что бы тебе нравилось и что бы я мог сделать.

— Я только спрошу, — отвечал Находчивый. — Я удивляюсь, что за королевским столом никогда не говорят о Цветной Капусте, тогда как беседуя с народом, вы и другие часто вспоминаете о ней.

— А что говорить, — пожал плечами Король, — опыты проходят успешно, и мы им всячески способствуем... Все младодопущенные думают, что, кроме Допущенных к Столу, есть еще Сверхдопущенные к Столику...

— А разве нет? — опечаленно спросил Находчивый.

— Нет, дорогой мой, — дружески приобняв его, отвечал Король, — больше не к чему мне вас допускать, разве что супружеское ложе...

— Фу, Король, как грубо, — сказала Королева, отворачиваясь и в то же время стрельнув глазами в сторону Находчивого.

Но Находчивый так опечалился, что даже не заметил этого.

— Теперь ты понимаешь, — сказал ему Король, — почему мне трудней всего?

— Нет, — сказал Находчивый, очень огорченный, что Сверхдопущения не существует.

— Потому что для каждого из вас, — отвечал Король, — есть тайна, вам есть к чему стремиться. А у меня нет тайны постижения. Если я уж чего не понимаю, так это навсегда... Вот почему мне трудней всех в моем королевстве... Но у меня одно утешение... Ему (Король показал лапой на небо) еще трудней...

— Но если нет Сверхдопущения к Столику, то и мне не к чему стремиться! — воскликнул Находчивый, через свое разочарование поняв печаль Короля, — как это грустно!

— Это у тебя пройдет, — сказал Король уверенно, — со временем стремление удержаться за Столом делается единственным неутоляемым стремлением Допущенных к Столу. А теперь ступай... Выспись... И завтра со свежими силами на Нейтральную тропу...

Находчивый раскланялся и покинул Королевский дворец.

— Знаешь, чем мне нравится Находчивый? — сказал Король, прохаживаясь по кабинету. — Тем, что у него есть совесть.

— С каких это пор? — спросила Королева несколько удивленно.

— Ты ничего не понимаешь, — сказал Король, останавливаясь посреди кабинета, — когда даешь кролику деликатное поручение, несмертельная доза совести бывает очень полезна.

— Я не очень тебя понимаю, — отвечала Королева рассеянно, потому что она всё еще была огорчена тем, что Находчивый, с его такими живыми глазками, оказался такой ненадежный. Он предал не только меня, думала Королева, но и свои очаровательные глаза... В сущности, он предал нас...

— Да, — повторил Король, продолжая прохаживаться по кабинету, — когда кролик, выполняя деликатное поручение, испытывает некоторый стыд, он старается как можно чище выполнить его, чтобы потом не извиваться от стыда, оставив за собой неряш-

ливые улики. А это как раз то, что нам надо. Несмертельная доза совести, вот что должны прививать кроликам наши мудрецы.

— Но каковы мужчины, — сказала Королева вздохнув, — сам говорил: никогда! — и сам же его съел.

— Будем надеяться, что съест, — ответил Король невпопад, обдумывая, как бы получше внедрить в сознание кроликов несмертельную дозу совести, чтобы они, работая на благо королевства, никогда не оставляли за собой неряшливых улик.

* *
*

На следующий день посреди джунглей послышалась веселая песенка.

Задумавшийся некто
На холмике сидит...
Пам-пам, пам-пам, пам-пам-па
И Ля-ля-ля-чий Брод.
Но буря все равно грядёт!

Разумеется, это был голос Находчивого. Он уже несколько раз пропел свой нехитрый куплет, но никто на него не отзывался. Тем лучше, думал Находчивый радостно, я им так запутал эту песню, что тут сам чёрт ногу сломит. Тем более, я на свой риск убрал главное слово в третьей строчке: видна... Попробуй догадаться: кто задумался, о чем задумался и кому на пользу то, что он задумался?!

Он еще раз спел свой куплет и, не услышав ни в траве, ни в кустах знакомого омерзительного шелеста, совсем успокоился и пошел еще быстрей. Если я буду очень быстро идти, то я быстрее пройду Нейтральную тропу, и ни один удав не успеет понять, о чем я пою,

думал Находчивый, сам удивляясь своей находчивости. Теперь он бежал вприпрыжку, напевая на ходу свою песенку, и только иногда останавливался, чтобы перевести дыхание и еще раз убедиться в приятном бесплодии своего пения.

На этот раз Находчивый остановился под сенью дикой груши, росшей у самой Нейтральной тропы. Здесь он решил передохнуть и заодно полакомиться грушами, падающими с дерева, если дикие кабаны не успели их сожрать...

Поев груш, Находчивый залюбовался резвящимися мартышками. Хорошо им, вдруг подумал он с грустью, прыгают себе по веткам и никаких тебе песен, никаких тебе королевских поручений.

— А тебе кто мешает? — вдруг услышал он голос из самого себя.

— Как кто? — ответил он громко от неожиданности, — надо же стремиться к лучшему, раз природа сделала меня Находчивым.

Он прислушался, ожидая, что голос внутри него что-нибудь ему ответит, но голос почему-то не отвечал.

— То-то же, — строго сказал Находчивый этому голосу и пошел дальше. Он дошел до конца Нейтральной тропы и повернул назад, думая о том, что это за чертовщина внутри него завелась. Ему было все-таки как-то не по себе. Главное, что голос этот как-то неожиданно начался и неожиданно замолк. Если ты решил спорить со мной, то спорь, думал Находчивый, а то что получается? То вдруг возник, то вдруг исчез, а у меня настроение портится. Ну, нет, назло тебе спою еще раз.

Задумавшийся некто
На холмике сидит.
Пам-пам, пам-пам, пам-пам-па

И Ля-ля-ля-чий Брод.
Но буря все равно грядёт!

Он спел и прислушался к джунглям. Ни один тревожный звук не возник в ближайшем окружении. Ну вот, еще разочек спою, мысленно сказал он тому голосу, и всё, я свободен!

И вдруг он услышал ненавистное шипенье в кустах папоротников, и в сторону реки, покачивая вершины папоротников, потянулось, полилось невидимое тело удава. Мало ли кто куда ползет, с ужасом подумал Находчивый, пытаясь себя утешить. Нет, нет, я не верю, что он туда ползет!

И, чтобы самому себе доказать, что он не верит этому, он стал громко и уже не прерываясь петь эту песню.

И мысли его в это время лихорадочно проносились в голове. Зачем я не ушел в рядовые! — думал он. Но я не мог уйти в рядовые! — тут же оправдался он. О, если б я не отъел подарок Королевы, я бы мог уйти в рядовые. О, если бы я знал, что они и так знают, что я надкушал капустный листик, я бы тогда тоже ушел бы в рядовые. О, если б! — думал он, продолжая петь и возвращаясь по Нейтральной тропе.

А все-таки, вдруг этот удав сам по себе полз в сторону реки, может быть, он уже давным-давно куда-то завернул... — думал Находчивый, стараясь освободиться от тоски, которая ему была очень неприятна...

Находчивый уже прошел почти всю Нейтральную тропу и вышел на небольшой луг, расположенный недалеко от первых кроличьих поселений. Всю дорогу он думал о случившемся и теперь почти успокоился.

Во-первых, думал он, может, удав полз к реке по своим собственным надобностям. Во-вторых, может, Задумавшийся прав, и удав не сможет его обработать, а в-третьих, вон какие тучи идут с юга. С минуты на

минуту начнется гроза, и Задумавшийся не станет в грозу сидеть на открытом холмике. И чем больше он находил шансов для Задумавшегося, тем бодрей он становился.

И вот на этом лугу у первых кроличьих поселений он вдруг встретил жену Задумавшегося.

— Ты что тут делаешь? — спросил он у нее после первых приветствий.

— Да вот клеверок на зиму заготовляю, — ответила она, вздохнув, — мой-то все думает...

— Ты же пособие от Короля имеешь, — удивился Находчивый.

— Две морковины на шесть ртов? — сказала крольчиха, подняв голову, — нет, я благодарна Королю, но все-таки приходится крутиться...

— Должно быть, будет гроза, — задумчиво сказал Находчивый и посмотрел на небо. В самом деле, очень черные, очень обнадеживающие тучи ползли с юга.

— Так я ведь тут рядом живу, — сказала крольчиха, мельком взглянув на небо.

— Послушай, а твой, если его застанет гроза, домой приходит? — вдруг спросил Находчивый.

Тут жена Задумавшегося решила, что Находчивый намекает. Когда-то в молодости они оба были в нее влюблены, но она тогда по молодости выбрала Задумавшегося, о чем теперь очень жалела.

— Ну, что ты, — сказала она и махнула лапой, — да он там сидит с утра до ночи и думает. Да его днем палкой домой не загонишь...

— Нет, в самом деле, — спросил Находчивый, — там же открытый холмик... Что ж он будет целый день мокнуть?

— Но я же лучше знаю, — отвечала крольчиха, заглядывая в глаза Находчивому, — так что заходи, угощу чем Бог послал...

— Нет, спасибо, — сказал Находчивый, наконец поняв ее намек, но решив, что это уже будет слишком, — мне отчитаться надо перед Королем...

— Да, — вздохнула крольчиха, — ты теперь вон какая шишка... Куда тебе к нам...

— А-а-а, — махнул лапой Находчивый, — ничего особенного... Ну, Допущен, ну, можно вдосталь поесть, попить... Да не в этом, оказывается, счастье...

— Все вы так говорите, — вздохнула жена Задумавшегося, — а у меня от клевера оскомина... Мой-то, дурак, тоже мог бы, да не захотел.

— Ну, ладно, до свиданья, — сказал Находчивый и двинулся дальше, чувствуя, что настроение у него делается все хуже и хуже.

— До свиданья, — отвечала крольчиха и снова начала косить резцами клевер, — а то, если надумаешь, заходи... Худо-бедно... Чем Бог послал...

Находчивый как-то неопределенно кивнул и пошел через луг, срезая его так, чтобы выйти поближе к Дворцовой Лужайке.

* * *

Задумавшийся сидел на своем зеленом холмике возле реки. Налево от него расстилались пампасы, а направо был хорошо виден широкий Лягушачий Брод. Печальными и вместе с тем проницательными глазами следил Задумавшийся за окружающей жизнью. А точнее сказать, проницательными и именно поэтому печальными глазами следил Задумавшийся за окружающей жизнью.

Вот комар зазевался и слишком низко пролетел над Лягушачьим Бродом, и его схватила лягушка. А там лягушка зазевалась, и ее копьем клюва пронзила цапля. А там цапля, завистливо глядя на другую цаплю, глотающую лягушку, зазевалась, и ее в свою

ужасную пасть затолкал крокодил. А там туземцы сумели поймать в сетку зазевавшегося крокодила, после чего, разрубив его на аппетитные (как им казалось) куски, погрузили его в лодку и переправили на тот берег. Но не успели они доплыть до своей деревни, как одного из них, слишком низко наклонившегося над водой, сумел выхватить из лодки другой крокодил.

— И это они называют жизнью, — сказал Задумавшийся, кивая сидящему рядом с ним Возжаждавшему.

— Учитель, — ответил Возжаждавший, — все-таки мне кажется, если бы ты в тот раз обещал кроликам сохранить воровство, мы бы выиграли дело. Ты был так близок к победе. Неужели нельзя было один раз солгать ради нашей прекрасной цели?

— Нет, — ответил Задумавшийся, — я об этом много раз думал. Именно потому, что живая жизнь все время движется и меняется, нам нужен ориентир алмазной прочности, а это и есть правда. Она может быть неполной, но она не может быть искаженной сознательно даже ради самой высокой цели. Иначе всё развалится... Мореплаватель не может ориентироваться по падающим звездам...

— Но ведь победа была так близка, Учитель, — напомнил Возжаждавший тот великий день, когда кролики чуть не скинули Короля.

— И все-таки нельзя, — повторил Задумавшийся, — ведь если мы победим Большую Несправедливость по отношению к кроликам, у нас появится возможность избавиться от малой несправедливости по отношению к чужим огородам. Кроме этого откроются и другие малые несправедливости в жизни кроликов, в том числе и новые. Например, кролики могут загордиться, объявить, что они избавили джунгли от страха перед удавами, что они теперь высшие существа... Мало ли что...

И запомни, как только мы освободимся от этой Великой Несправедливости, для рядового кролика она мгновенно забудется, исчезнет. И любая из новых мелких неприятностей мгновенно займет те душевные силы, которые отнимал смертельный страх кроликов перед удавами. Такова жизнь, таков закон обновления тревоги, закон самосохранения жизни.

— Но ведь сейчас получается еще хуже, — возразил Возжаждавший, чувствуя, что Задумавшийся слишком далеко отходит, — кролики остались верны Королю.

— Пока — да. Сознание кроликов развращено великой подлостью удавов. К этой великой подлости они приспособили свои маленькие подлости, в том числе и подлость подворовывания плодов с туземных огородов. Расшатывать это сознание — вот наша нелегкая задача.

— Но где уверенность, Учитель? — спросил Возжаждавший, — а если все так и останется?

— Есть нечто более высокое, чем уверенность, — надежда, — отвечал Задумавшийся. — Вчера я здесь сидел один, а сегодня сюда пришел ты, хотя это невыгодно и опасно.

— Ну, хорошо, — снова возразил Возжаждавший, — не надо было лгать. Но мог же ты промолчать про эти проклятые огороды туземцев? Мы бы сначала скинули Короля, а потом получили бы самые удобные возможности расшатывать сознание.

— Нет, нет и нет, — повторил Задумавшийся, — я об этом много думал. Дела всех освободителей гибли из-за этого. Каждый из них, увлеченный своей благородной задачей, невольно рассматривает ее как окончательную победу над мировым злом. Но, как я уже говорил, когда исчезнет то, что зло сейчас, мгновенно наступит то, что зло — завтра. Этого не понимали все немудрые освободители и потому, добившись

победы, впадали в маразм непонимания окружающей жизни.

— А мудрые освободители? — спросил Возжаждавший.

— А мудрые освободители, — усмехнулся Задумавшийся, — до победы не доживали... Почему немудрые, победив, впадали в маразм? — продолжал Задумавшийся. — Не понимая закона обновления тревоги, они воспринимали забвение освобожденными того зла, от которого они с его помощью освободились, как чудовищную неблагодарность. Поэтому они искусственно заставляли освобожденных, склонных забывать о своем освобождении, справлять праздники освобождения. В конечном итоге освобожденные и освободители проникались тайной взаимной ненавистью.

Освободители, думая, что они сделали своих соплеменников счастливыми, но те по глупости этого не могут осознать, старались день и ночь вдалбливать в них это сознание.

Освобожденные, зная, что освобождение не сделало их счастливыми, злились на освободителей за то, что они обещали их сделать счастливыми, но не только не сделали, но еще и заставляют признавать то, чего они не чувствуют, а именно — счастье освобождения.

Потерявшие идеал начинают идеализировать победу. Победа из средства достижения истины превращается в самую истину. Запомни этот афоризм: победа — это истина негодяев. Там, где много говорят о победах, там или забыли истину, или прячутся от нее. Вспомни, как любят удавы говорить о своих ежедневных победах над кроликами, и вспомни, как наш лицемерный Король каждое случайное снижение количества проглоченных удавами кроликов объявляет очередной победой кроликов, а каждое повышение количества проглоченных кроликов — временным успехом удавов.

— Вот бы мы его и скинули тогда, — бил в одну точку Возжаждавший, — если б ты промолчал, когда дело запахло капустой.

— Нет, нет, и нет, — так же упрямо повторял Задумавшийся, — я об этом много думал. Дела всех преобразователей гибли из-за этого.

— Ты это уже говорил, Учитель, — перебил его Возжаждавший, — до меня твои мысли доходят лучше, когда ты через какой-нибудь пример из нашей жизни что-нибудь доказываешь...

— Хорошо, — сказал Задумавшийся и, немного подумав, добавил: — Вот тебе пример. Представь, что за кроличьим племенем гонится один обобщенный удав. Кролики устали, кролики бегут из последних сил, и вот они приближаются к спасительной реке. Река их спасет, потому что кролики ее перейдут вброд, а этот обобщенный удав, представь, страдает водобоязнью.

Если кролики добегут до воды, они будут обязательно спасены. Но многие из них еле волочат ноги. А до реки еще осталось около ста прыжков. Так вот, имеет ли право вожак, чтобы взбодрить выбившихся из сил, воскликнуть: — Кролики, еще одно усилие! До реки только двадцать прыжков!

— Я полагаю, имеет, — сказал Возжаждавший, стараясь представить всю эту картину, — потом, когда они спасутся, он им объяснит, в чем дело.

— Нет, — сказал Задумавшийся, — так ошибались все преобразователи. Ведь задача спасения кроликов бесконечна во времени. Перебежав речку, кролики получат только передышку. Наш обобщенный удав найдет где-нибудь выше или ниже по течению переброшенное через реку бревно и будет продолжать преследование. Ведь удав у нас обобщенный, а любителей крольчатины всегда будет достаточно...

— Значит, я так думаю, надо сохранить право на ложь для самого трудного случая?

— Нет, — сказал Задумавшийся, — такого права нет. Как бы ни были кролики благодарны своему вожаку за то, что он взбодрил их своей ложью, в сознании их всегда останется, что он может солгать. Так что в следующий раз сигнал об опасности они будут воспринимать, как сознательное преувеличение. Но и вожак, солгав во имя истины, уже предал истину, он ее обесчестил. И насколько он ее обесчестил, настолько он сам ее не сможет уважать... Она его будет раздражать...

— Господи, как все сложно! — воскликнул Возжаждавший, — что же нам делать?

— Расшатывать уверенность кроликов в том, что удавы их гипнотизируют. Развивая свою природу, кролик невольно, по слабости, может спотыкаться, даже впадать в огородный разгул, но идеал должен оставаться твердым и чистым, как алмаз. Я же говорил, что моряк не может ориентироваться по падающим звездам.

И дело не в количестве ошибок и заблуждений, а в другом. Пока кролик, очнувшись от огородного разгула, осознает его как падение, будущее не потеряно. Поражение начнется тогда, когда он свое падение начнет оправдывать своей природой или законами джунглей. Тут начинается измена идеалу, ложь, из которой нет выхода.

— Учитель! — неожиданно крикнул Возжаждавший, — сюда ползет удав. Впервые вижу, чтобы удав охотился на открытых пространствах.

— Ну и что, — сказал Задумавшийся, — ты ведь знаешь, что их гипноз — это наш страх.

— Вообще-то да, — замялся Возжаждавший, — ну, а вдруг?

— Тогда отойди и ты увидишь, что все, что я говорил — правда.

— Мне стыдно, Учитель, но страх сильнее меня...

— Я тебя не осуждаю... Ты еще недостаточно долго думал... Когда после долгих мучительных раздумий тебе открывается крупица истины, ты, защищая ее, делаешься бесстрашным...

— А все-таки, Учитель... Ведь тот был одноглазый инвалид... Может, ускачем, пока не поздно...

— Этого удовольствия я Королю не доставлю, — ответил Задумавшийся, глядя, как удав выползает на его зелёный холмик, где он провел столько дней в раздумьях о судьбе своих братьев-кроликов.

Между тем, удав выползал на холм. Это был тот самый юный, теперь уже просто младой удав, которому когда-то Косой рассказывал о своих злоключениях.

Он первым услышал песню Глашатая и, по принятому среди удавов обычаю, получил «право на отглот». Время от времени Король через того или иного Глашатая предавал того или иного кролика, и удавы к этому давно привыкли.

Право на отглот считалось подарком судьбы, верняком. Юный удав сначала сильно обрадовался, получив это право, но теперь он был не очень доволен.

Начать с того, что на пути сюда он встретил крота и спросил у него, как лучше выйти к зеленому холму напротив Лягушачьего Брода. И что же? Оказывается, крот пустил его по неверной дороге, и он, проплутав в джунглях несколько лишних часов, с трудом нашел этот проклятый зеленый холм.

Поняв, что крот его обманул, он был потрясен бессмысленностью этого обмана. Зачем? Зачем он, он меня обманул, думал удав и никак не мог понять. Во-первых, удавы кротов вообще не трогают. А во-вторых, крот вообще не знал, куда и зачем он ползет. Ну, если бы его обманула дикая коза или индюшка, тогда было бы все понятно, удавы глотают не только кроликов. Но за что обманул крот? Кому это выгодно? Но ведь

ясно, что кроту нет никакой выгоды от этого обмана. Тогда зачем?! Зачем?! Зачем?!

Теперь, добравшись до зеленого холма, он был неприятно поражен видом открытого пространства, на котором ни одного дерева, ни одного куста, где можно было бы спрятаться в ожидании добычи. Какая бесплодная местность, думал он, не дай Бог здесь жить.

Доползая до вершины зеленого холма, он вдруг обнаружил, что там вместо одного кролика его ожидают два. Он знал, что кролики очень быстро размножаются, но никогда не думал, что это у них происходит с такой сказочной быстротой. Собственно говоря, кто из них Задумавшийся и кто кого родил?

Медленно подползая, он издали оглядывал обоих, на всякий случай стараясь обоим внушить, что он именно его собирается обработать. Теперь, приблизившись к кроликам, он старался дышать спокойней и не выдавать своей усталости. По обычаям удавов считалось, что удав перед обработкой кролика должен выглядеть бодрым, свежим, полным веселой энергии.

— Слушай меня внимательно, — сказал Задумавшийся, — я сейчас буду проводить опыт с этим удавом, а ты стой в сторонке и наблюдай. На каком расстоянии по сводке бюро прогноза сегодня действует гипноз?

— На расстоянии трех прыжков, Учитель! — воскликнул Возжаждавший, не спуская глаз с подползающего удава.

— Прочерти борозду на расстоянии двух прыжков от меня, — сказал Задумавшийся спокойно.

— Но ведь это опасно, Учитель?! — попробовал возразить Возжаждавший.

— Не спорь, у нас слишком мало времени, — поторопил его Задумавшийся.

Удав уже полз по гребню зеленого холма и был от них на расстоянии десяти прыжков. Возжаждавший

не заставил себя долго упрашивать. Он сделал два прыжка от Учителя в сторону приближающегося удава, и это были далеко не самые удачные его прыжки, хотя он очень не хотел рисковать жизнью Учителя.

Тем не менее, он прочертил борозду, как сказал Учитель, и сразу же сделал десяток прыжков в сторону от удава, и каждый прыжок был удивительно удачен, хотя он изо всех сил сдерживал себя. Теперь он сидел на довольно безопасном расстоянии и с замирающим от волнения сердцем следил за происходящим.

Удав подползал все ближе и ближе. Он никак до сих пор не мог решить, на какого из этих двух кроликов распространяется право на отглот. А если один из этих кроликов родил другого, то не может ли он осуществить отглот обоих кроликов, ссылаясь на свое опоздание? Или на преждевременные роды в процессе заглота? Или не стоит?

Странные действия кролика, который сначала прыгнул в его сторону и прочертил какой-то каббалистический знак, а потом и вовсе отскочил, внушали ему сильные подозрения. Тут что-то не то, думал он, стараясь быть как можно осмотрительней.

Теперь в движениях его огромного тела чувствовалось какое-то противоречие. Та часть тела, которая была поближе к голове, явно замедлила свои движения, тогда как хвостовая часть нервно извивалась, как бы раздраженная медлительностью своего начала. Кончик хвоста нетерпеливо пошлепывал по траве, выбивая из нее небольшие струйки пыли.

Предельно замедлив свое продвижение, младой удав осторожно приблизил голову к борозде, понюхал ее языком и внимательно оглядел, стараясь понять ее коварное назначение.

— Ты видишь, — сказал Задумавшийся, — даже удав, вырванный из привычных обстоятельств, сразу же теряется.

— Да! — крикнул Возжаждавший в сильнейшем волнении, — я вижу, но хвостовая часть сильно напирает!

— Так и должно быть, — спокойно пояснил Задумавшийся, — приказывает желудок, а голова удава — это только служба заглатывания...

Но тут удав остановился в полной нерешительности. Он даже слегка покосился на второго кролика, думая, не взяться ли за него. Неожиданная борозда, а главное, спокойный голос этого кролика слишком смущали его.

Но в это мгновенье Задумавшийся, наконец, замер, уши у него опустились, а глаза стали покрываться приятной поволокой. Удав снова взбодрился и, уже не спуская глаз с этого кролика, продвинул голову за черту. Кролик был довольно худой, и ему мельком подумалось, что Король кроликов именно таких нежирных кроликов предает, чтобы жирными питаться самому. Он, конечно, знал, что кролики кроликов не едят, но сейчас почему-то забыл об этом.

— Учитель, Учитель! — крикнул Возжаждавший, — ты, кажется, засыпаешь? Проснись!

— Не беспокойся, все идет правильно, — спокойно ответил Задумавшийся, стараясь своим голосом не вспугнуть удава.

— Но зачем так рисковать, Учитель! — снова крикнул Возжаждавший.

— Мой подопытный удав слишком вяло работает, — ответил Задумавшийся, — я ему помогаю...

Удав, уставив на Задумавшегося свои омерзительные глаза, продолжал медленно переползать борозду.

— Что делает взгляд удава страшным? — продолжал Задумавшийся свои наблюдения, — полное отсутствие мысли... В сущности, что такое удав? Удав — это ползающий желудок.

— Учитель, он уже совсем близко! — крикнул в ужасе Возжаждавший, — прыгай в сторону!

— Ничего, я успею, — отвечал Задумавшийся и продолжал наблюдать над удавом.

Удав продолжал наползать, сосредоточив все свои силы на священном ритуале гипноза, то есть стараясь не спускать с кролика глаз. Но на этот раз все происходило как-то необычно, странно. Нервы младого удава были слишком напряжены.

Обрабатываемый кролик вел себя оскорбительно. И, главное, от него шла утечка информации — и куда! В сторону кролика, даже не находящегося в сфере обработки. Такие ляпсусы Великий Питон никогда не прощал.

Младой удав сейчас так жалел, что пустился на эту авантюру (ничего себе верняк!), так ненавидел этого Глашатая! Но ничего не поделаешь, теперь уже отступать было поздно...

— Слушай меня, — продолжал Задумавшийся спокойным голосом, — я полностью в сфере лжегипноза, и я ничего не чувствую, кроме его дыхания, правда, достаточно зловонного... Я полностью владею своими чувствами и конечностями. Моя речь с научной точки зрения должна служить доказательством моей полной вменяемости... Запомни это на случай, если Король объявит все, что я говорю, гипнотическим бредом. Сейчас я произведу ряд действий в заранее мною же предсказанной последовательности.

— Скорей, Учитель, скорей! — крикнул Возжаждавший, от нетерпения подпрыгивая на месте.

Удав уже был на расстоянии одного прыжка и тревожно прислушивался к словам Задумавшегося. Несколько раз он уже порывался ответить на его оскорбления, но строгие обычаи соплеменников запрещали заговаривать или вступать в дискуссию с обрабатываемым кроликом.

— Итак, я сейчас шевельну правым ухом, — сказал Задумавшийся, — потом левым. Потом обоими

сразу... А потом три раза фыркну с равными промежутками между каждым фырком...

И вдруг удав, покрываясь холодным потом, с ужасом заметил, что правое ухо обрабатываемого кролика приподнялось и шевельнулось. И тут он сам, нарушая священный ритуал, перевел взгляд на левое ухо, которое тоже как-то задумчиво приподнялось и как-то укоризненно шевельнулось, хотя он изо всех своих гипнотических сил приказывал и даже униженно умолял кролика не шевелиться.

После этого к полной панике удава оба уха шевельнулись одновременно и, согласно собственному предсказанию, кролик начал фыркать. И тут нервы младого удава не выдержали.

— Я не могу так работать! — крикнул он, — что ты фыркаешь мне в лицо! Что ты ерзаешь ушами, разговариваешь!

— Все правильно! Победа! Победа! — крикнул Возжаждавший, приплясывая и хлопая лапками, — ты все сделал точно, только фыркнул четыре раза!

— В последний раз я чихнул, — поправил его Задумавшийся. По голосу его видно было, что он сам доволен проделанным опытом. — Очень уж от него воняет... Кстати, не исключено, что на этом основана легенда о гипнозе. Возможно, что один из наших предков, не выдержав его дыхания, упал в обморок. Тогда воздух в джунглях был чище, потому что туземцев было гораздо меньше. И это послужило поводом панических слухов...

— Победа! Победа! — закричал Возжаждавший, приплясывая на месте, — победа разума!

— Не надо злоупотреблять словом победа, — поправил его Задумавшийся, — даже если это победа разума... Я бы вообще выкинул это слово... Я бы заменил его словом преодоление. В слове победа мне слышится торжествующий топот дураков... Но я замолкаю, кажется, мой удав совсем увял...

С этими словами Задумавшийся замолк, опустил уши и стал прикрывать глаза. Удав попробовал было снова взяться за дело, но, почувствовав огромную усталость, расслабился и осел.

— Я должен передохнуть, — сказал он, стараясь скрыть смущение. Это было довольно позорное признание, но он и так уже заговорил, да и надо же было как-то объяснить остановку.

— Отдыхай, — согласился Задумавшийся, — только смотри не усни и дыши немного в сторону...

— Мне с самого начала не повезло, — сказал удав, отчасти оправдывая свою вялость, — если ты такой умный, ответь мне, с какой целью меня обманул крот, какая ему от этого была выгода?

Он рассказал о том, как крот его обманул, когда он направлялся сюда для отглота Задумавшегося. Между прочим, о том, кто его направил сюда, он благоразумно умолчал.

— Если бы это был козленок или дикая индюшка, — повторил он свой довод, который ему самому казался неотразимым, — я бы понимал, почему они меня обманули. Но почему обманул крот, какая ему от этого выгода?

— Затем, что крот — мудрое животное, — сказал Задумавшийся, — я всегда это знал.

— Это не ответ, — возразил удав, подумав, — он же не знал, куда и зачем я иду?

— Возжаждавший, — обратился Задумавшийся к своему ученику, — обрати внимание на этот частный, но любопытный случай. Крот — мудр. Но если мудрость бессильна творить добро, она делает единственное, что может, — она удлиняет путь зла.

— А если я спешил помочь товарищу? — снова возразил удав.

— Ха, — усмехнулся Задумавшийся, — никто никогда не слыхал, чтобы удав помогал товарищу.

— Почему же, — сказал удав, стараясь припомнить какой-нибудь подходящий случай из жизни удавов, — а Косому кто помог, когда кролик встал у него поперек живота?

— Во-первых, это уже история, — снова усмехнулся Задумавшийся, что удаву было особенно неприятно, — а во-вторых, знаем, как помогли...

— Ну и что, — сказал удав, еще больше уязвленный правильной догадкой Задумавшегося, — во всяком случае, удавы друг друга не предают, а кролики предают.

— Откуда ты это взял? — спросил Задумавшийся.

— А как ты думаешь, почему я здесь очутился? — ехидно спросил удав. Он почувствовал, что Задумавшийся совершенно не знаком с богатством и многообразием форм предательства.

— Не знаю, — отвечал Задумавшийся, — мало ли куда удав может забрести...

— Так знай, — отвечал удав, чувствуя, что превосходство знаний тоже немалое удовольствие. — Король через Глашатая объявил, что ты здесь. А Глашатаем на этот раз был так называемый Находчивый кролик.

Младой удав без колебаний предавал предателя Глашатая. Он был обозлен на него за все свои мучения. Чтобы у Задумавшегося не оставалось никаких сомнений, он даже прочел ему песенку Глашатая.

— Расшифровать, чтоб не мучался? — спросил он у Задумавшегося.

— Ясно и так, — отвечал Задумавшийся, глубоко опечаленный этим предательством, — такого я не ожидал даже от нашего Короля. Ты слышал, Возжаждавший?

— Я потрясен! — воскликнул Возжаждавший, — но, может, это провокация?!

— Нет, — сказал Задумавшийся грустно, — я узнаю бездарный стиль нашего придворного Поэта...

Ну, что ж, я осуществлю до конца коварный замысел Короля, чтобы ты потом мог его разоблачить...

— Что ты этим хочешь сказать, Учитель?! — в ужасе воскликнул Возжаждавший.

— Придется пожертвовать жизнью, — печально и просто сказал Задумавшийся.

— Не надо, Учитель! — воскликнул Возжаждавший, — мне без тебя будет трудно... И потом Король объявит, что он был прав, что твоя смерть — результат неправильных научных выводов.

— А ты для чего? — отвечал Задумавшийся, — ты же всё видел... Моя смерть, наконец, раскроет глаза нашим кроликам на своего Короля. А насчет гипноза ты теперь всё знаешь и всё можешь повторить...

— Все равно, Учитель, — взмолился Возжаждавший, — я тебя очень прошу, не надо этого делать!

— Нет, — сказал Задумавшийся, — я не знал, что наш Король так глубоко погряз в подлости, раз он способен предавать кроликов удавам... Теперь от него всего можно ожидать. Он может объявить, что я проводил свой опыт с больным малокровным удавом. Нет, это вполне здоровый, нормальный удав, и он сейчас сделает свое дело.

— А я не буду тебя глотать! — неожиданно воскликнул удав и слегка отполз назад. После всего, что здесь случилось, он чувствовал великую неуверенность в гипнозе и теперь боялся опозориться. Он даже слегка отвернулся от Задумавшегося, как отворачиваются капризные существа от неугодного блюда.

— Молодец, удав! — радостно воскликнул Возжаждавший, — хоть один раз в жизни сделаешь доброе дело.

— Вы это можете называть, как хотите, — презрительно прошипел удав и снова украдкой посмотрел на Задумавшегося, стараясь почувствовать, до чего у него худое и невкусное тело.

— То есть как это не будешь глотать? — строго спросил Задумавшийся.

— А вот так и не буду! — раздраженно воскликнул удав, — то крот меня обманул, то Глашатай обещал верняк, а ты тут ушами ерзаешь, разговариваешь, чихаешь в лицо!

— Я тебе не дам испортить свой опыт, так и знай, — сказал Задумавшийся и так строго посмотрел на удава, что тот слегка струхнул.

— Давай разойдемся по-хорошему, — мирно предложил удав, — я скажу, что не нашел тебя, тем более крот меня сбил с дороги. А вы тут еще расплодились... Откуда я знаю, кто из вас настоящий Задумавшийся? Может, ты нарочно жертвуешь собой, чтобы спасти настоящего Задумавшегося?

— Мы теперь оба Задумавшиеся, — сказал Возжаждавший, отчасти чтобы окончательно запутать удава, отчасти из тщеславия.

— Вот именно, — согласился удав, — мне дано право на отглот одного Задумавшегося, а вас тут двое. Я даже не понимаю, как вы могли родить друг друга? Кто из вас крольчиха?

— Ты видишь, как они плохо нас знают? — сказал Задумавшийся, — миф о всезнающих удавах порожден кроличьим страхом.

— Судя по всему, — снова обиделся удав за своих, — ты тоже своих кроликов не очень-то знал...

— Это горькая правда, — согласился Задумавшийся, — но я тебя заставлю проглотить себя!

— Никогда! — воскликнул удав, — кролик не может удава заставить себя проглотить!

— Ты еще не знаешь, насколько твой желудок сильнее твоего разума, — сказал Задумавшийся и стал замирать.

Младой удав презрительно отвернулся от него и, убедившись, что кролик не шевелится, стал оживать и вытягиваться в его сторону.

— Конечно, — бормотнул он, глядя на Задумавшегося неуверенным и именно потому особенно наг-

лым взглядом обесчещенного гипнотизера, — после долгой дороги перекусить не грех...

— Учитель! — крикнул Возжаждавший, — но ведь твоя смерть — это уход от борьбы. Ты оставляешь наше дело...

— Тихо, — спокойно остановил его Задумавшийся, — а то ты его опять запугаешь... Я любил братьев-кроликов и делал всё, что было в моих силах. Но я устал, Возжаждавший. Меня сломило предательство. Я знал многие слабости кроликов, знал многие хитрости Короля, но никогда не думал, что этот вегетарьянец способен проливать кровь своих же кроликов. Я столько времени отдал изучению врагов, что упустил из виду своих. Теперь я боюсь за себя, я боюсь, что душа моя погрузится в великое равнодушие, какое бывает у кроликов в самый пасмурный день в самую середину Сезона дождей. Таким меня видеть кролики не должны... Ты будешь продолжать дело разума. И тебе будет во многом легче, чем мне, но и во многом трудней. Тебе будет легче, потому что я передаю тебе весь свой опыт изучения удавов, но тебе, милый Возжаждавший, будет и трудней, потому что твоя любовь к родным кроликам должна приучаться к возможностям предательства. Моя любовь этого не знала, и мне было легче... Я передаю тебе наше дело и потому пользуюсь правом на усталость...

Удав все это время наползал на Задумавшегося, стараясь не думать о том, что Задумавшийся довольно худой кролик, а наоборот, стараясь думать, что Задумавшийся самый умный кролик и он, проглотив его, лишает племя кроликов самого умного кролика и в то же время заставляет его ум служить делу удавов. Эта мысль его настолько взбодрила, что он...

— Учитель! — крикнул Возжаждавший в последний раз и зарыдал, потому что пасть удава замкнулась над Задумавшимся.

— Я покажу этой сволочи Королю! — горько рыдал Возжаждавший, — я покажу этому выскочке Находчивому! Сволочи, какого Великого кролика загубили!

Удав, пошевеливая челюстями, незаметно уползал, прислушиваясь к рыданиям Возжаждавшего и одновременно ко вкусу проглоченного кролика. Он чувствовал не то стыд за то, что проглотил такого замечательного кролика, не то стыд за то, что проглотил его с такими долгими, унизительными церемониями.

Как-то это все неловко получилось, думал он, зато теперь весь его ум во мне... Это точно. А вдруг и в самом деле нет никакого гипноза? Или мой перестал действовать... Нет, я просто слишком устал... Во всяком случае, одно точно, весь его ум теперь во мне... Когда его тело после переработки станет моим телом, его уму будет некуда деваться, и он станет моим умом...

Так думал младой удав, уползая в джунгли, стараясь отгонять всякие тревожные мысли о своих гипнотических способностях. От тревожной неуверенности мысль его вдруг возносилась к самым радужным надеждам.

В конце концов, что мне гипноз, думал он. Имея сдвоенный ум кролика и удава, я могу стать первым среди соплеменников. Великий Питон, например, вообще не ловит кроликов, ему готовеньких подают... Еще не известно, кто теперь умней. И вообще, вдруг промелькнуло у него в голове, почему удавами должен править питон? Правда, он близок нам по крови, но все-таки инородец.

— Удавами должен править удав! — вдруг громко прошипел он и сам поразился глубине и четкости своей мысли. Уже действует, подумал он, а что же будет, когда кролик переварится целиком?

Тут он окончательно успокоился и, найдя теплое местечко в зарослях папоротников, свернулся и задремал, стараясь умнеть по мере усвоения Задумавшегося.

(Окончание в следующем номере)

ИСКАНДЕР Фазиль — родился в 1929 г. Окончил Литературный институт им. Горького. Начал печататься с 1952 г. Автор нескольких стихотворных сборников. С 1962 г. становится широко известен и как прозаик. Однако последнее крупное произведение писателя — роман «Сандро из Чегема» — на родине опубликован лишь частично. Полностью роман вышел в 1979 г. в издательстве «Ардис» (США).

СТИХОТВОРЕНИЯ

(лето 1979 г.)

* * *

Душный ветер на полустанке.
Пыль на детях, на дядьках рвань.
Мазутный дождь в желобках и ранках
шпал, чья еще деревянна грань.
Иван-чай, шумящий в непоправимый
вечер у топляков Шексны.
Покаянно-злой шепоток любимой,
наши с ней и чужие сны.

По любви и боль во хмельном угаре.
Покидаемый мариинский сруб.
...Вместе выбранный на базаре
темный персик за круглый рубль
надкусила нежно, почти нетленно
и вернула мне уже в третий раз.
С краснотцою мякоть одновременно
приторна и горька для нас.

После этих празднеств всё будет пресно,
к очагу тебе ли, мне ли в вертеп...
Лебединая горловая песня
разминующихся судеб.

23 июля

* * *

Молочко осиное,
ветер солодящ.
Смоляная синяя
темь сосновых чащ.

На тропе петляющей
шишки да лесок.
Парохода лающий
тающий свисток.

С мором на юродивых,
калик да заик
как увидишь Родины
потаенный лик?

В дуплах пня сохатого
у чужой казны?
В Волге от Саратова
до болот Шексны?

На могильной яме ли,
где бурьян нарос?
В разможжённом храме ли,
где слепой Христос?

Спи, земля лесистая,
вправленная в твердь...
Жертвенная чистая
ласковая смерть!

НИКОЛАЙ

На последней самой утлой лодочке
Мы с тобой качаемся вдвоем...
Г. И.

1.

Упруг бутон топлёной кожи
качающегося цветка.
Жасмин с шиповником похожи
между собой издалека.
И, выгнув тигровые шкурки,
в них всасываются шмели,
как в белизну Софии турки,
кальянщики и куркули.

Но с пригородного перрона
уже торопится народ.
Вверху вмурована икона
в побелку свежую ворот.
И начеку сидит под веткой
великовозрастный бугай,
юрод в болонье и в беретке —
волоколамский Николай.

2.

За день — горка серебра и меди.
Просит сосчитать.
(Сквозь листву червонец солнца светит.)
— Коля, целых пять!

И в углу его улыбки детской
детская слюна —
это смотрит на стакан стрелецкой
Коля вполпьяна.

За окном шиповник в полной силе.
И гранитный крест
протоиереевой могилы
в ряби, как насест.

Всё цветет в гербарии погоста,
что ни есть:
маргаритки высыпали просто,
ноготки оранжевые остро,
воск, бумага, жесть.

Даже у зари июньской ночи
победней казна.
...Что-то солью древоточец точит
зенки вместо сна.

3.

Небо исполосовано инеем, гулом.
Навернулась роса на листы...
Задубели небритые скулы.
И стаканы пусты.

Захмелели — он мне говорит, улыбаясь.
Матерщинки ни-ни.
Дверь в сторожку скрипит, на ветру открываясь.
Я и сам искони

только что не прошу у прохожих медяшек.
Сторожа этот храм,
по ночам выпускаю голодных дворняжек,
двор мету по утрам.

И когда забываю беретку, от пыли
вместо прядей — колтун.
И меня вызывали, со мной говорили,
угрожали, что пьянь и болтун.

Велико ль над тобою мое превосходство,
Коля, сам посуди?
С каждым годом все проще, все слаще юродство.
Ослепительней Слово в груди.

9 июня

* * *

...С ночей, где комары и гниды
жадны до сонных жил,
когда ночуют инвалиды
среди глухих могил
и кленов старого погоста,
чья участь решена,
и соловьи щебечут просто,
как будто ждут пшена,

— и до холмов правобережных,
когда внезапный страх
с черемух горько-белоснежных
срывает птах,
где тайный звон в Новодевичьем
и тишина в Донском,
где зелено в темно-кирпичном,
зеркально в золотом,

преследуемо и гонимо,
для близоруких глаз
божественно неуследимо

все наше — в нас.

1 июня

ЭЛЕГИЯ

Е. Ш.

Послушно поземку к Петру
несет под копыта коня.
На парусном влажном ветру
ты, может быть, встретишь меня.

Державе держать недосуг
летучего змея границ.
И остовы новых фелюг
с корсетами императриц

заманчиво схожи. Прилип
к зеленому кубку с орлом
румяный детина. Полип
чухонской зимы за окном

в Европу оскалился тут,
когда от радений хлыща
старушечьи букли бегут
с подушек, как мыши пища.

...Где возле ростральных стволов
на стрелке пустая скамья
и парусный ветер свинцов,
— ты, может быть, встретишь меня.

* * *

В кренящейся башне ночные раденья,
кадрёж Коломбины с порога
для нас вожделеннее лжевдохновенья
голодного позднего Блока.

Да только одним они мазаны миром,
одна в них мерцает монада.
С полуночным бледно-зеленым эфиром
они породнились. Не надо,

не надо ни пышной италии в храме,
ни голого мрамора в чаще,
ни неба такого, как в «Пиковой даме», —
все это мертво и щемяще.

(Мы долго гуляли с тобою на стрелке
и оба не шли на уступки.
И пялились жадно советские клерки
на рубчик вельветовой юбки.)

...И спорили с Лазарем пятнами тлена
кумиры в садах и на крыше.
И алчно взмывала балтийская пена
все выше,
и выше,
и выше.

ПАМЯТИ БАТЮШКОВА

На родину, в сей терем древний
Б.

I.

Гейлесбергский герой, итальянский младенец
под прилуцким снежком.
Меж раскисших лаптей и резных полотенец
треуголка его пирожком
не казалась ли странной — спросить по секрету,
или не замечал,
прозревая под тиной пахучею — Лету
и всходя на причал?
По сравнению с этим и на поединке
говорят по душам.
Хоть зачесывал волосы всё по старинке
от затылка к вискам,
но, должно быть, не зря при скончании века
золотого, досуг
коротая в мольбе, словно Вологда — Мекка,
вспоминал он роскошного Мельхиседека
у медвежьих лачуг.
Ибо солнце пурпурово, небо имбирно
при рассветной косьбе.
Ибо темным червям и на севере жирно.
Ибо наша словесная вязь неотмирна
и сама по себе.

II.

Столько переплелось
снов и судéб, что даже
если б и не нашлось
что, то об этой краже

не горевал бы я,
как бы ни стало больно.
Родина ты моя
вольно или не вольно.

Где с требухой пирог
царь завернул в газету,
точно единорог,
бриг уплывает в Лету,
валится стружка в гать,
не утолив печали.
Это ли благодать
та, о какой мечтали?

Хоть под землей лежит
множество порешенных
и обернулся скит
домом умалишенных,
хоть упаду и сам,
будто единоличник
в больше ненужный хлам,
в кислый Шексны брусничник,

все же пока несут
ноги и горла дышат,
может быть, нас спасут
те — кто об этом слышат.
Кто возводил сей дом,
ставил кресты на главы
и пересохшим ртом
пел ради Божьей славы.

III.

От иван-чая в глазах лилово
у мариинских глухих куртин,
словно земля зазывает снова
Батюшкова: Константин! Константин!

Но с виноградников южной речи
он и не спятив вернулся б сам
в Вологду, чьи баснословней плечи
и сарафанней открыты нам.

Так не надейся, что все пропали,
те, кого доводилось знать,
и не пиши, чтобы впредь не ждали:
алчные, не перестанем ждать.

Ибо у русских одна дорога —
к дому — как курицам на насест.
Ты, Шексна, или ты, Молога...
И никого кроме нас окрест.

Тиной пахучей цветет канава
с бревнами шлюза — вот водопой.
И неотъемлемо крепостное право
с л о в а над пятящейся душой.

1 августа

КУБЛАНОВСКИЙ Юрий — родился в 1947 г. в Рыбинске, окончил искусствоведческое отделение истфака Московского университета. После того, как в 1976 г. в зарубежной прессе было опубликовано его открытое письмо «Ко всем нам» (к двухлетию высылки Солженицына), работает сторожем в подмосковном храме. Кроме «Метро́поля», его стихи печатались также в «Вестнике РХД» и готовятся к публикации в «Глаголе» и отдельной книгой в издательстве «Ардис».

Василий Аксенов

ЦАПЛЯ

Комедия для театра, равно как и для чтения

Посвящается друзьям,
участникам альманаха МЕТРОПОЛЬ

1
НЕ ЖДАЛИ

Средь мирозданья, как инсект, полз «жигулек» в шоссейном гаме. В нем ехал молодой субъект, международник Моногамов, сорокалетний мотылек, юнец с большим партийным стажем. В свой край родной на месяцок он завернул. Обескуражен он был избытком простоты и недостатками асфальта и тем, что городок Хвосты так не похож на остров Мальта.

Он ехал из Москвы в Литву, смиряя резвость «жигуленка», вздыхал на пыльную листву и вспоминал жену с ребенком.

С воспоминаньями в разлад рычала Минская дорога, бесшумный чиркал звездопад, и в унисон росла тревога.

Иван Владленыч был непрост, хотя в анкете безупречен. Скромнейший ум и средний рост, благопристойность тихой речи вне подозрений, ясен он, но вот беда, судите сами, он был с рожденья наделен необычайными глазами незаурядной синевы и нестандартного размера.

На глыбах сталинской Москвы в семье большого офицера росло глазастое дитя. Питомец будущий ВИЯКа среди чугунного литья вдруг видел влажной сути знаки и задавал себе вопрос: случайна ль жизнь средь химий диких?

Меж тем он полностью возрос, освоил множество языков, женился, родину любя, служа стране, ребенка сделал, возрос, как стебель от стебля, и вскоре отбыл за пределы одной шестой туда, туда, к пяти другим шестым, туманным, где есть другие города, но нет Москвы и Магадана.

Как водится, родных берез он не забыл в фальшивом блеске и все, что следует, пронес на службе у мадам ЮНЕСКО.

Однако вес родных погон с годами забывают плечи. Сегодня джунгли видит он, а завтра созерцает глетчер. У Сакса с Пятой Авеню он покупает чемоданы, у Чао-Дзы берет меню, у Сен-Лорана кардиганы... Года проходят, Ы и ЩА все реже посещают разум, у нашего товарища слабеет классовый созназм. И вот теперь на «жигулях» корячась по ночной Сморгони, он удивляется впотьмах отличием от калифорний.

Как много выиграл «фиат», переменив свое названье! Вот в самом деле — что за фарт! Ведь множественное окончанье у «жигулей» куда сильней пистонов пожилого фата, и общность наших жигулей бьет себялюбие фиата.

Какой же русский, спросим мы, не любит жигулей с похмелья? Какие жигули из тьмы в разгаре классовых веселий, от Пугачева от Емели, какие жигули летели над нашей тихой стороной!

Вздохнешь невольно над строкой...

Всем жиголо, блядям Европы, не по зубам простая суть — у нас своя большая опыт, нам жигули проложат путь в эпоху новых скоростей, но не хватает запчастей.

Меж тем, в пансионате «Швейник» на берегу остзейских вод его не ждут ни кот, ни веник, жена и та его не ждет.

Мятежный край чухны и жмуди отнюдь-отнюдь его не ждет, не ждут ответственные люди, да и простой народ не ждет.

Быть может, будет бал в курзале, когда к толпе, вошедшей в раж, с картины Репина «Не ждали» сойдет заезжий персонаж.

Среди лесов, его не ждущих, не ждет его ни волк, ни крот; не ждет ни пьющий, ни жующий; быть может, только Цапля ждет... Ведь сотни лет ждала здесь принца болотная сия жар-птица.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Иван Моногамов, международник,

слегка уже описанный выше сорокалетний юнец. Несет в своем облике и поведении признаки долгого пребывания за границей и некоторые особенности личной психоструктуры. Огромные, размером с солнечные очки, ярко-синие глаза. Личность, словом, несколько странная, выказывающая временами полную принадлежность к своему сословию, временами ужасный с ним разлад..

Степанида, его жена,

является крупным женским общественником, хотя и не показана в этой своей деятельности по причине пребывания на курорте.

В первом акте это вневозрастная худощавая с твердым легким шагом кобыленка. Некоторые признаки задорца по принципу «не-спи-вставай-кудрявая». В дальнейшем распухает прямо на глазах у зрителей: груди, ягодицы и живот превращаются в объемистые шары, и вместе с этим в облике обнаруживаются черты мрачного величия.

Боб, их сын, прыгун в высоту,

подобно всем его товарищам по профессии, дитя очень нервное и сосредоточенное на одной идее — прыгнуть выше. Замкнут, общается с окружающими только по делу, постоянно пружинит ноги, что-то подсчитывает, «ловит темп», иногда делает махи то левой, то правой.

В пансионате «Швейник» проводит короткий перерыв между ответственными стартами.

Филип Григорьевич Кампанеец,

директор пансионата «Швейник». Полнокровный жизнерадостный мужчина за шестьдесят, сторонник реалистического подхода к действительности. За плечами, фигурально говоря, «Орел и Каховка», но это не означает, что сейчас якоря уже брошены в тихой пристани. Постоянно на телефоне. Постоянная связь с важными промышленными центрами страны. Можно было бы дать Ф.Г.К. звание «короля бытовой химии», если бы это не звучало слишком иронически.

В осанке персонажа и впрямь есть что-то королевское, только иногда глазки начинают блудливо бегать, да рот изредка открывается и видно, как внутри полости язык производит мощную очистительную работу.

Лайма, Роза, Клавдия,

дочери Кампанейца от разных браков. Всем трем по тридцать лет с разницей в несколько дней.

Пристроены папашей на различные должности в пансионате (Лайма — кастелянша, Роза — культработник, Клавдия — диетсестра, плюс каждой еще полставки по пищеблоку), но главное для сестер — поиски оправдания своего существования.

Огромная неудовлетворенность, тяга к чему-то светлому, чистому сближает их, может быть, больше, чем сомнительное родство.

Лайма, крупная блондинка, склонная к рассудительности, пытается внести нечто рациональное в нравственные поиски.

Роза, напротив, стройная брюнеточка с вечной сигаретой в углу рта, агрессивно мечтательна, вызывающе аристократична духом.

Клавдия, несколько опустившееся растрепанное существо неопределенной масти с дерзкими манерами, что называется «сама непосредственность».

Общее для сестер — состояние сильной недодоенности.

Леша-сторож,

подозрительная фигура лет под сорок. Все в нем вызывает недоверие: фирменные джинсы на подтяжках, длинные волосы, борода, монокль. Еще более подозрительны простонародная речь и русофильские мотивы. Самое сомнительное — сушка грибов, чем он занимается постоянно, увлеченно и деловито.

Леша-швейник,

кристально чистый трудящийся с путевкой. Единственный отдыхающий на законных основаниях. Улыбчивый, очень удовлетворенный своими правами и обязанностями. Подчеркнуто отстранен от нервного сюжета. В общем, еще более подозрителен.

Цинтия и Кларенс Ганнергейты,

старики-хуторяне, быть может, последние представители обанкротившейся в Прибалтике системы изолированных хозяйств.

Являются из леса и в первые минуты после появления кажутся ожившими лесными кочерыгами, замшелыми и нелепыми. Потом, правда, в них появляется огонек. В воздухе начинает попахивать серой.

Цапля,

представитель вымирающего вида пернатых, швея комбината «Красная Рута».

Действие развивается, происходит и замирает в наши дни вблизи от нашей западной границы в одном из наших профсоюзных пансионатов, предназначенных для отдыха наших трудящихся.

Пансионат называется «Швейник». Это двухэтажный дом с мансардами, чудо комфорта среди местного захолустья. Он стоит на изумрудно-зеленой равнине, отлого уходящей к гребешкам дюн и встающему за ними открытому морю.

По краям равнины поодиночке и композиционными группами расположены огромные европейские деревья, каштаны. Купы их создают настроение заброшенной усадьбы, былого великолепия, хотя никакой усадьбы здесь не было, как не было и великолепия, а была здесь в течение всей истории, во все века иностранного владычества и в короткие годы независимости одна лишь глухомань, ныне, благодаря недалеким индустриям, только усугубившаяся.

С юга к равнине подходят поросшие дремучим хвойным лесом холмы. Меж холмами озерца, болота, бочаги, потайная животная жизнь, охраняемая государством, — заказник. Через лес протекает худосочная ниточка заштатно-

го шоссе. Где-то в сравнительной близости находится комбинат и городок, но сюда звуки этой промышленно-захолустной жизни почти не доносятся.

Местечко в самом деле выбрано Кампанейцем для оккупации совсем неплохое, тем более, что и сезон удался: в течение всей нашей истории будут яркие солнечные сияния, полнолуния и сполохи. Зрелый июль.

Акт I

Открытая веранда пансионата. Плетеная мебель, как в старых дачных пьесах. Однако с толку нас не собьешь: рядом со старинным клавесином (вещью в этой пьесе почти бессмысленной) располагается телевизор на ножках, две лестницы, ведущие на второй этаж, выполнены в современном дизайне, а присобаченная к столбу стенгазета «За здоровый отдых» или что-то в этом роде ясно говорит, что мы не в декадентской усадьбе, а в оздоровительном учреждении.

Кроме двух лестниц наверх в комнаты, у веранды этой есть и два спуска во внешнюю среду, один отклоняет нас к морю, другой отклоняет нас к лесу.

Жужжит пылесос. По сцене со шлангом в руке передвигается Леша-сторож. Он притворяется, что пылесосит веранду, на самом же деле все как-то пытливо заглядывает в разные места: то вдаль из-под ладошки, то в телевизор сквозь пальцы, то в зал направляет какое-то свое стеклышко сродни моноклю.

Вечереет. Краски заката.

Л е ш а - с т о р о ж. Нет пыли, милостивые государи, престраннейшее отсутствие пыли. Экий перекос: есть пылесос, нет пыли... *(Останавливается в раздумии, спохватывается и начинает ерничать то ли перед самим собой, то ли перед зрительным залом.)* Гармония есть полнота жизни, но если жизнь полна, то в ней должен быть изъян. Отсутствие изъяна — это неполнота жизни. Отсутствие пыли — это изъян. Присутствие изъяна — это дыра, нарушение гармонии, грядущая пустота. Вот она — тупиковая логика! Если уж мы, сторожа, постоянно с этим сталкиваемся, то что говорить о политиках...

На веранду со стороны леса поднимаются старики-хуторяне Цинтия и Кларенс Ганнергейты, оба в резиновых сапогах и фуфайках домашней вязки, но на плечах у Цинтии траченная молью чернобурка с оскаленной мордочкой, а на голове у Кларенса фетровая шляпа с широкой лентой, крик моды 30-х.

Л е ш а - с т о р о ж *(сразу же заметил стариков, но виду не подал, зато изменился разительным образом — закосолапил по-скобарски, заговорил по-простонародному и явно фальшиво, то с малороссийским акцентом, то «пскопской» скороговорочкой, то с волжским оканьем).* Пыли тута нема в еттой Фуфляндии, значитца непорядок. Эх, где ж ты пропала, пыльца-то-пылища наша расейска? Влага, влага, крантики ржавеють, отдыхающие грипуют, а усе почему — пыли нема. Знамо — уся душа ушла из фуфляндских болот. Души тут нема. Грибов вот навалом, а души нема...

Старики, застенчиво хихикая, вносят на веранду большие корзины с грибами.

К л а р е н с. Грибы есть сегодня мало опять, господин сторож. Такая экзистанция.

Л е ш а - с т о р о ж. А, это вы, чертяки лесные! Явились, опять же, не запылились.

Ц и н т и я. Лаба диена, господин сторож. Гут абенд. Эврисинг из окей?

Л е ш а - с т о р о ж. Акей, сказал старик Мокей. *(Заглядывает в корзину.)* Эва, грибов-то! Косой, что ль, их убираешь, Кларенс?

К л а р е н с. Это есть только Цинтия иметь особый глаз для эксплорация. *(Целует подругу в щеку.)*

Л е ш а - с т о р о ж. Небось белые-то только сверху, а под низ мухоморов навалили?

Ц и н т и я. Никс мухоморас. Це есть добже. Боровикас. Герай. Хорроршоу.

К л а р е н с. Драй рублс, господин сторож.

Л е ш а - с т о р о ж. Дерете, черти! *(Схватив корзины, взлетает по лестнице и исчезает.)*

На второй лестнице появляется Боб, высоченный юноша в тренировочном костюме «Адидас». Медленно спускается, пружиня ноги, расправляя плечевой пояс, подкручивая торс. Леша-сторож появляется снова уже без корзин.

Л е ш а - с т о р о ж. Цинтия, сон вчерась видела какой?

Ц и н т и я. Иа, бардзо фантастичный.

Л е ш а - с т о р о ж *(жадно)*. Валяй, трави! *(Бобу.)* У ентой бабки снов на цельную киностудию.

Б о б *(снисходительно)*. Ну-ну.

Ц и н т и я. Все нашиналь, как в синемá. Биг бенд, иллюминасьон, фокстрот. Этот был большой и весь белый. Имель огромный нос и белый уси — мусташи. Он резал свой носом свои уси.

Л е ш а - с т о р о ж *(вздрагивает)*. Чаво мелешь?

Ц и н т и я. Его всякий звал Мажестик.

Б о б. Ну, лайнер, ясно.

К л а р е н с. Три гросс трубы! Я видел теж!

Ц и н т и я *(невероятно оживленная, хихикая и обмахиваясь воображаемым веером, прохаживается по веранде)*. Они имель бытность быть и пароход, и мужчина, и мой кот. Я быль так же и сам сама и он, олсоу.

К л а р е н с. Вспоминаль! Три трубы, зубы, он имель хохотальство и вэ-ли-ко-лэп-ный костюм.

Ц и н т и я. Я открываль у него третий ящик живота и там имель Нью-Йорк, где гулял с ним, как с папá. Я надеваль, как руссише фольк постояльно говориль, воздухá.

Л е ш а - с т о р о ж *(слегка испуган)*. Русские, мамаша, так не говорят.

Б о б. Спокойно, Леха. Это прямой перевод с английского. Пут он эарс — означает «важничать». *(Цинтии.)* Значит, все в общем обошлось благополучно? Вы в порядке, мадам?

Ц и н т и я. Колоссаль! Манифик!

Б о б. Ну, вот и отлично. *(Леше-сторожу.)* Держи секундомер, Леха. Замеришь мне рывки.

Вдвоем они проходят по веранде и спускаются в сторону моря.

К л а р е н с *(вслед)*. Драй рубликс, герр сторож, посмею напоминаль.

Л е ш а - с т о р о ж. Не нахальничай, Кларенс. Обождать могёшь? *(Скрывается.)*

Старики Ганнергейты смиренно усаживаются в уголке, смотрят телевизор и беззвучно хихикают.
По правой лестнице спускается Лайма, смотрит в сторону моря и вдруг замирает, прижав руку к груди.

Л а й м а. Как он бежит! Какие рывки! Дух захватывает!

По левой лестнице скатывается Клавдия. За ней будто принцесса с сигаретой шествует Роза.

К л а в д и я *(Розе)*. Ты мне своего не навязывай!

Р о з а. Никто тебе ничего не навязывает, кому ты нужна.

Сестры начинают накрывать к ужину большой овальный стол, в центре веранды.

Р о з а. Любопытно, куда пропала одна банка шведской ветчины, из тех, что вчера привез отец?

К л а в д и я *(вспыхнув)*. А тебе что?

Р о з а. Просто любопытно. Интересна сама техника похищения. Ведь это же не то, чтобы на ходу пожевать что-нибудь из холодильника. Банку уносят в свою комнату, там открывают и съедают.

Л а й м а *(продолжает смотреть вдаль)*. Да что тебе эта банка, Розочка?

Р о з а. Надеюсь, ты понимаешь, Лайма, что мне не жалко этой дряни. Просто забавно смотреть, как действует наш уважаемый диетолог. Какой аппетит, какая небрежность. Будь она на твоем месте, она наверное поедала бы мыло, белье, санитарные принадлежности, будь на моем, пожирала бы шахматы, книги.

К л а в д и я. Вот я скажу папочке, как ты сестре кусочек ветчины жалеешь. Гадина паршивая, так бы в рожу... иногда... так бы в рожу кое-кому заехала!

Л а й м а. Клавдия!

Р о з а. А мне иногда просто хочется... просто

слово нехорошее хочется бросить в лицо одной особе!

Л а й м а. Роза! *(Отвлекается от созерцания тренирующегося Боба.)* Девочки, так не годится! Давайте сядем и всё обсудим. *(Садится к столу и сестрицы следуют ее примеру.)* Какие нелепые ссоры! Уверена, что это не из-за ветчины, это из-за глубинной самонеудовлетворенности. Мы все ищем нечто важное, стараемся как-то оправдать свое существование. Ведь правда?

Роза и Клавдия привычно кивают, видимо, такие беседы давно уже у сестер в обиходе.

И вот, когда мы приходим в отчаяние, мы даем выход ему через такую ерунду, как шведская ветчина. Но посмотрите, сестры мои, как прекрасен мир! *(Облегченно вздохнув, поворачивается в сторону моря.)* Какие краски! Как трепещет листва каштанов. Как прекрасна, наконец, фигура юноши, летящая меж стволов. *(Застывает.)*

К л а в д и я *(что-то беспорядочно хватает со стола, неряшливо жует).* Да, мальчик ничего себе! Хорошо бы...

Р о з а. Прожуй сначала, сердцеедка. Затащила в постель придурковатого сторожа и вообразила себя Клеопатрой.

К л а в д и я. А тебе завидно?

Р о з а. Прожуй сначала.

К л а в д и я. Вот тебе! *(Дает Розе пощечину.)* Онанистка проклятая! *(Рыдает.)*

Л а й м а *(слепыми глазами поворачивается к ней).* Что случилось?

К л а в д и я. Я Розу ударила! *(Трясется.)* Розочку нашу красавицу... *(Тянется к сестре с поцелуем.)* Прости меня, любимая!

Р о з а *(аристократически покуривает).* Пошла прочь, дешевка! Сторожиха!

К л а в д и я *(истерически хохочет и все ест что-*

то со стола). Права, права ты, Розка моя любимая! Видишь, на нервной почве быка могу слопать!

Откуда-то снизу выпрыгивает Боб, присаживается на перила веранды. Появляется Леша-сторож. Подражая Бобу, он тоже как бы разминается, тоже как бы спортсмен. Садится с ним рядом.

Б о б. Привет, сестры! Тетя Лайма, почему же вы не пришли вчера ко мне в комнату? Я ведь вас просил.

Л а й м а *(вспыхнув).* Однако, Борис, как же так можно? Вы даже не осведомились о моих эмоциях...

К л а в д и я *(игриво).* Может, не по адресу обращаешься, Боб? Хочешь, пульну сходу?

Л е ш а - с т о р о ж *(грозит ей кулаком).* Я те ребра-то пересчитаю, баба непутевая.

Б о б *(сердито).* Речь шла при всех, и я обращался с просьбой даже не персонально к тете Лайме, а ко всем, просил кого-нибудь прийти ко мне в комнату. И что же? Никто не пришел. Неужели это так сложно? У меня сейчас проблема сохранения стабильности.

Р о з а *(роскошной походкой приближается к Бобу).* Какая о-ча-ро-ва-тель-ная наглость! А может быть вам, Боб, тоже птица спать не дает?

Все присутствующие вздрагивают, как будто открылась какая-то тайна. Только старики Ганнергейты, по-прежнему хихикая, смотрят телевизор.

Б о б *(испуганно).* Какая еще птица?

Р о з а. Та, что прилетает сюда по ночам и кричит и тревожит.

Б о б. Откуда она прилетает?

Ц и н т и я *(оторвавшись от телевизора).* Це польска.

Л а й м а. Что вы сказали?

К л а р е н с. Никс.

Неловкое молчание.

Л е ш а - сторож *(прокашлявшись).* Каки-таки птицы кричат тута в фуфляндской сырости, рази ж это

птицы! Вот в Расее нашей милой по ночам петухи поют недобитые, етто синфония. Идешь, бывалча, по зяби, а петушки поют, а зябь-то у тебя под рукой колышется, зеленая, нежная, ну чистый шелк, сударушки мои.

Р о з а. Вы знаете, что такое зябь, славянофил?

Л е ш а - с т о р о ж. Чаво?

Р о з а. Зябь — это вспаханная земля. Не дочитали, дружок, литературки.

К л а в д и я *(вскинувшись).* Ты больно грамотная, Розка! Лезет ко всем со своими птицами, с зябью своей! Ты нам своего не навязывай!

Л а й м а. Клавдия, прошу тебя! Сейчас спустится к ужину папа.

Л е ш а - с т о р о ж. Да рази уже приехал директор?

К л а в д и я *(ядовито).* Папочка давно уже со Степанидой Власовной передовицы изучают.

Л а й м а. Клавдия!

Б о б. Напрасно вы толкаете локтем свою сестру, тетя Лайма. Для меня не секрет, что у моей матери с дядей Филипом половые отношения. Дело простое и нормальное, и я его только приветствую. Что касается меня, то я никаких птиц не слышу, и сон у меня нормальный, но для сохранения стабильности мне нужно, чтобы кто-нибудь... или вы, тетя Клавдия, или вы, тетя Роза, или предпочтительно вы, тетя Лайма... пришел ко мне на ночь в комнату. Решите, пожалуйста, этот вопрос. Прошу прощенья, у меня еще перед ужином кросс с ускорениями. Леха, секундомер не потерял? Пошли!

Боб и Леша-сторож спрыгивают с перил и исчезают.

Р о з а. Лайма, неужели ты пойдешь сегодня к этому наглому мальчишке?

Л а й м а *(глядя в сторону).* Как странно. Когда кричит по ночам эта птица, мне становится так горь-

ко, так больно, словно годы прошелестели мимо бесцельной чередой, а ведь это не так. *(С вызовом к каштанам.)* Я дипломированный геолог, я нашла ценный минерал в отдаленных краях! *(Поворачивается к сестрам.)* А вы, девочки... Роза, ведь ты же хормейстер, дирижер, лектор, ты воплощенная романтика. Клавдия, ты небесталанный технолог. Девочки, этот пансионат околдовал нас. Мы оказались в стороне от жизненной борьбы. Наш общий отец взвалил все на свои могучие плечи, наделил нас этими странными ставками кастелянши, культработника, диетолога, и вот результат — мы проводим свои дни в праздности, забываем о борьбе, о прошлом, о будущем, забываем даже и о матерях наших, превращаемся в вегетативные существа. Немудрено, что иные юнцы не видят в нас человека, личности...

Р о з а. Ах, Лайма, душа моя!

Лайма и Роза бросаются друг другу на грудь, плачут. Клавдия нервно и беспорядочно ест.

Ц и н т и я *(выглядывает из-за телевизора).* Три рубликас за машрумы, пани сторож!

К л а в д и я. Какая я тебе пани сторож, старая ведьма!

На левой лестнице появляются и, деловито взявшись под руки, спускаются Ф. Г. Кампанеец и Степанида.

К а м п а н е е ц *(продолжая).* ...и вот почему, Стэпочка, на данном этапе самое главное для нас это основные капиталовложения. *(Поглаживает спутницу по задку.)*

С т е п а н и д а *(сейчас она в первоначальной своей сути, суховатая кобыленка с некоторым задорцем).* Товарищи! Товарищи!

Садятся к столу напротив друг друга. Начинается вечерняя трапеза в пансионате «Швейник».

К а м п а н е е ц *(очень довольный оглядывает*

стол, берет себе котлету). Ну вот, мы снова все вместе. А вечер-то какой, а, девчата? На рейде мо-о-орском легла тишина-а-а... А где же наш космический прыгун?

Р о з а. Ваш сынок, Степанида Власовна...

Л а й м а. У Боба сейчас по плану кросс с ускореньями.

С т е п а н и д а. Целеустремленный мальчик. Вот вам к вопросу о генах, дядя Филип. Чьи преобладают?

К а м п а н е е ц *(Клавдии).* А где наш верный страж? Все возится со своим хобби?

К л а в д и я. Почему это, папочка, ко мне с этим вопросом обращаетесь?

К а м п а н е е ц *(посмеивается).* Не злись, детка. Я имею в виду грибы, грибки, грибочки. Ведь это же настоящая одержимость, наш почерк! Если хочешь, я просто уважаю этого Лешу. Я подобрал его случайно на задворках жизни, и вот теперь он преуспевающий грибник. А спрашиваю я потому, что люблю, когда все собираются за моим столом.

С т е п а н и д а. У вас патрональные чувства, дядя Филип. Экий вы... *(Щурится и смеется.)* человеко-люб.

К а м п а н е е ц. Правильно, Стэпа. Я люблю, чтобы мое племя сидело вокруг и ело вкусно и питательно. *(Работает языком внутри рта.)* Пива очень хочется, отличного датского пива. Завтра позвоню, чтобы завезли. Вот люблю этих своих дочерей и рад видеть их такими счастливыми, как сейчас. Конечно, не хватает нам наших мам — правда, девочки? — и Вильмы Валдманисовны, и Галии Джамиловны, и Марии Филимоновны...

С т е п а н и д а. Да вы просто паша, дядя Филип!

К а м п а н е е ц. А вот здесь я тебе возражу, Стэпа. Мне не гарем нужен, а важны люди, как вехи

моего жизненного пути. Мне стыдиться нечего! Возьми Лайму. Ведь это же для меня память о горячих денечках, когда мы в непростых, подчеркиваю, условиях устанавливали здесь элементарные основы государственности. Вы, молодежь, сейчас пользуетесь результатами, а ведь нам приходилось начинать с азов, вдалбливать людям в головы азбучные истины. Посмотрите теперь на мою Розочку. Кара-Кумский канал, горячее дыхание пустыни, миллионы, миллиарды тонн песка перевернули, пока не утолили вековую жажду. Клавдия — это уже Березняки, химия, дальнейшая борьба за воплощение в жизнь великих идей великого человека... хм... Менделеева... Вот так из конца в конец страны и метался на спецсамолете. Прости, но испытываю гордость и вдохновляюсь на современном этапе. Даже и этот мой скромный «Швейник». Он важен и нужен. А мое участие в бытовой химизации — все эти красители, одораторы, порошки, лаки, антикоррозаторы, дезинсектициды — все это важно и нужно. Неет, шаалишь, мне стыдиться нечего! Вот почему я с таким удовлетворением взираю на свой стол, когда возвращаюсь из командировки. Ну, что нового?

Р о з а. Появилась птица. Кричит по ночам.

К а м п а н е е ц. Какая птица?

С т е п а н и д а. Лично я ничего не слышу.

К л а в д и я. А я вас видела ночью на балконе.

С т е п а н и д а. Это я статью обдумывала.

К а м п а н е е ц. Ну-ка, давайте по порядку. Что за птица?

Слышится крик птицы, глухой, дикий и тревожный. Все вскакивают. Одна лишь Степанида пьет чай.

С т е п а н и д а. Я ровным счетом ничего не слышу.

Звенит ложечка в ее стакане. Крик повторяется.

К л а в д и я *(хохочет)*. Да это же Лешка, хамло

мое эдакое! Научился, подлец!

Все видят Лешу-сторожа, который, высунувшись из сумерек наподобие Фавна, подражает голосу птицы.

С е с т р ы *(радостно)*. Так это Леша! Леша нас все время разыгрывал! Леша — наш сторож!

Л е ш а - сторож *(довольный)*. Мы-ста по ентому делу сызмалетства...

Р о з а *(потерянно)*. Как? Неужели это всего лишь Леша-сторож?

Мгновенная острая печаль сковала всю компанию.
Крик птицы, глухой, дикий и тревожный.

Л е ш а - сторож *(вставляет в глаз стеклышко и вглядывается в багровеющее небо)*. А вот етто, значится, она сама. Откликается.

К а м п а н е е ц *(неожиданно кулаком по столу)*. Да кто это она?

К л а р е н с *(выходит из-за телевизора, приподнимая шляпу)*. Пшепрашем паньство, я имею визионарию.

К а м п а н е е ц. А это что еще за чучела? *(Очищает рот.)*

Л е ш а - с т о р о ж. Суседы наши, хуторяне. Черти, значитца, лесные.

К а м п а н е е ц. Дурацкие шутки. Никаких хуторов здесь нет. Завтра же наведу справки, где полагается.

Л е ш а - с т о р о ж. Чаво увидал-то, Кларенс?

К л а р е н с. Там есть райхер, ай и, херон... забывать по российску... чапля на багне...

Ц и н т и я *(хихикает, целует в мордочку свою чернобурку)*. Сейчас будет кто-то пришель и все нашинальство!

Л е ш а - с т о р о ж *(испуганно)*. Эй, бабка, ты поосторожней с энтим делом! Тут другие по этому делу.

Мокрый и веселый после бега на веранду поднимается Боб. Машет кому-то рукой.

Б о б. Эй, парень, сюда!

Г о л о с И в а н а М о н о г а м о в а. Я не ошибся? Это пансионат «Швейник»?

Б о б. Поднимайся! Машину можешь не закрывать! *(Степаниде.)* Привет, ма! *(Кампанейцу.)* Хелло, дядя Филип! *(Всем.)* Там какой-то фирменный кент прибыл. Сафари цвета хаки.

На веранде появляется Иван Моногамов.

2

ШАГ

Его огромные глаза с тревогой озирали пьесу на сцене, в зале, здесь и за, вдоль тропки по дороге к лесу.

Стоял, миря нездешний дух со здешней скованностью позы. Когда б не совершенный слух, он не поймал бы местной прозы.

Имей он кожи хоть аршин, не перешел бы гиблой бровки и, не почувствовав рифмовки, не потревожил бы старшин.

Таких героев хоть в архив. Вдобавок к недостатку кожи прискорбно он не молчалив, мучительно не осторожен.

Опомнись, тихая душа, дитя планеты Моногамов! Он делает последний шаг и попадает в сети драмы.

К а м п а н е е ц. Ошиблись, гражданин, да еще и нарушили — проехали под знак. Документы покажите. Я общественный... хм... гм... автоинспектор.

М о н о г а м о в. Документы? Конечно, конечно... *(Роется в многочисленных карманах своего сафари.)*

С т е п а н и д а *(встает).* Ну, что вы, дядя Филип! Товарищ, конечно, нарушил, но товарищ не ошибся.

М о н о г а м о в. Боже мой! Степка! *(Шаткий шаг к жене с попыткой поцелуя.)*

С т е п а н и д а *(протягивает руку).* Ну, здравствуй, Моногамов!

Моногамов растерянно пожимает ее руку.

Ну, хорош! Ни телеграммы, ни звонка. Вот уж, действительно, картина «Не ждали»! *(Всем присутствующим.)* Кто бы вы думали, товарищи? Мой законный супруг!

Б о б. Значит, можно понимать в том смысле, что это мой отец?

М о н о г а м о в *(наконец заключает Степаниду в объятия, из-за ее плеча объясняет присутствующим).* Вот, прилетел из Брюсселя, семьи нет, соседи говорят — в Прибалтике, взял у друга машину, поехал. Мне, знаете ли, сначала показалось, что у вас здесь что-то частное, какое-то большое семейство с внутренними противоречиями...

К а м п а н е е ц *(неприязненно).* Какие еще противоречия? Нет никаких противоречий.

М о н о г а м о в. Поверьте, я очень рад, что ошибся. *(Жене.)* Степа, у тебя здесь отдельная комната?

С т е п а н и д а *(энергичным движением прерывая объятия).* Какой-то ты, Иван, стал хрупкий, изящный... *(Смеется.)* И не узнать.

М о н о г а м о в. А ты по-прежнему, Степа, тугая, мускулистая. По-прежнему спорт, а? Теннис, плаванье?

Б о б. А я тебя просто не узнал, папаша. Ты както помолодел.

М о н о г а м о в *(обнимает сына).* Бобочка! Ты тоже помолодел! Был такой пухлый, пузан, а теперь — юный бог! Школу окончил? В институт поступил?

Б о б. Ты что, папец, газет не читаешь? Я же в мировой десятке по прыжкам. Работаю на высоте за 2.20.

М о н о г а м о в *(сентиментально).* А ты, Степка, все в той же гостинице «Украина», все на том же этаже, да?

Б о б *(наступает отцу на ногу).* Папаша, стоп! Какая тебе еще гостиница? *(Громко.)* Мама давно уже завотделом в обществе содействия.

М о н о г а м о в *(отступив на шаг, с еще большей сентиментальностью).* Да-да, вижу — вы изменились за эти годы. Годы-годы... Если бы вы знали, чего я только не видел за эти годы, куда только меня не забрасывало ЮНЕСКО! Кения, Танзания, Уганда, Мальдивы, Соломоновы острова, Папуа, Непал, Бутан, Афганистан...

К а м п а н е е ц. Вы ужинать будете?

Степанида подталкивает Моногамова к столу.

М о н о г а м о в *(рассаживаясь).* ...Иордания, Ливан, Биафра, Кап-де-Вер, Тристан-да-Кунья, Сальвадор, Парагвай, Гренландия, Чили, острова Пасхи... Вижу-вижу, все сгорают от любопытства. *(Лукаво.)* Однако, не все сразу. *(Принимается за котлету.)*

К л а в д и я. А в Польше-то были?

М о н о г а м о в *(поперхнувшись).* Где?

Л а й м а. В Польской Народной Республике.

М о н о г а м о в. Как вы сказали?

Сестры переглянулись. Роза пожала плечами.

С т е п а н и д а. А где твой багаж, Иван? В «жигулях»?

Б о б. Давай ключи, фазер. Мы с Лехой приволочем твою фирму. *(Уходит вместе с Лешей-сторожем.)*

М о н о г а м о в. Степа, у тебя здесь отдельная комната?

С т е п а н и д а. Иван, я бы хотела, чтобы ты

прежде всего пожал руку директору пансионата Филипу Григорьевичу Кампанейцу. Ты должен помнить нашего дядю Филипа.

Моногамов. Дядю Филипа?

Степанида. Тетю Шуру Николайко ты, конечно, помнишь.

Моногамов. Тетю Шуру?

Степанида. Так вот, тетя Шура Николайко, как известно, родная сестра Витольда Андреевича Костяных, у первой жены которого Елизаветы Фотиевны Рыссо есть сын Константин Витальевич Рыссо, который женился на Валентине Полуяновой, которая приходится родной племянницей Кампанейцам, а с другой стороны Васюша Николайко, то есть пасынок тети Шуры по ее второму браку, женился на Викторине Фронт, да-да, дочери того самого писателя с крашеной челкой, а она как раз приходится сводной сестрой той самой Валентины...

Моногамов. Вот теперь, кажется, совершенно ясно вспомнил дядю Филипа. *(Протягивает руку.)*

Кампанеец *(как бы просматривая какие-то бумаги и не замечая руки)*. Вы ужинать будете?

Моногамов. Я уже ужинаю.

Кампанеец. А в официальном смысле?

Моногамов. Простите?

Кампанеец. Ну, у нас ведь здесь не частная лавочка, не Соломоновы острова.

Степанида *(посмеиваясь)*. Дядя Филип, уж не обеспокоены ли вы лишним ртом? Выше голову, дядя Филип, за столом никто у нас не лишний, на всех хватит. *(Мужу, шепотом.)* Добродушный ворчун. *(Кампанейцу.)* Оформите, пожалуйста, Ивана Владленовича Моногамова как члена семьи. *(Мужу.)* А это, Ваня, перед тобой Лайма, Роза и Клавдия, наши сестры.

Моногамов. Браво! Все эти годы у меня

было масса дел с сестрами милосердия в рамках ЮНЕСКО. Удивительный, отзывчивый народ. Вот, помню, был случай на Мадагаскаре. Мы ждали вертолет...

Степанида. Да нет же, Иван, это не сестры милосердия. Здесь ведь тебе не ЮНЕСКО, шельмец. Это дочери дяди Филипа, молодые девушки 1949 года рождения из разных районов нашей страны. Дядя Филип возложил здесь на них кое-какие обязанности. Клавдия, например, наш диетолог. Ветчина, остатки которой ты видишь на столе, в ее веденье...

Клавдия. Мы здесь все на вашу женушку, так сказать, горбатим, а Сте...

Кампанеец. У Степаниды Власовны полставки по физвоспитанию, а Борис оформлен как матрос-спасатель.

На веранду поднимаются Боб и Леша-сторож. Боб несет очень «фирменный», но очень небольшой чемодан.
Кларенс Ганнергейт, прижав к груди шляпу, повторяет Леше-сторожу свои «драй рублике», но тот на него только замахивается.

Моногамов. Это чудесно, то, что вы рассказали. У вас тут как бы коллектив и как бы семья. Вот это ощущение человечества как единой семьи меня всегда восхищало и там, в рамках ЮНЕСКО.

Кампанеец. Вы нас Юнеской не пугайте.

Леша-сторож. Здесь, паря, у нас своя Юнеска не дремлет.

Моногамов. Когда я подъезжал к этой поляне, у меня что-то ёкнуло внутри, напомнило Таиланд... Это что, типично для здешних вечеров?

Роза *(Клавдии)*. Он интересный, этот Моногамов. Не находишь?

Клавдия. Зенки-то как выкатывает. Базедка, наверное. Значит, заводной.

Боб. Папаша, ты весь багаж в Москве оставил? В машине был только этот чемоданчик.

Моногамов *(потупляет глаза)*. Это всё.

Степанида *(приближающаяся гроза).* Как так всё?

Моногамов *(смущенно тараторит).* Дело в том, что я возвращался в Москву из Бельгии, из Антверпена. Понимаете? А что там в Бельгии купишь? Сами посудите.

Общий вздох. В Бельгии?

Продолжение общего вздоха. Да я из Бельгии... в прошлом году... три вот таких чемодана...

Окончание общего вздоха. Бельгия — это ж! Общий рынок! Ж!

Моногамов. В самом деле? Что же вы там нашли? Там, по-моему, нет ничего.

Степанида *(с видимым спокойствием).* Что же ты, Иван, и дубленки не привез?

Моногамов. Дубленки?

Степанида *(резко встает).* Да ты просто очумел!

С треском отлетел и покатился по полу стул. Моногамов в ужасе, ничего не понимая, бросился прочь и остановился только у перил. Медленно обернулся. Между тем, совсем уже стемнело, и сейчас мы видим нашего незадачливого международника в его оливковом костюме на фоне темного неба. Тощая фигура с огромными полыхающими тревогой глазами.
Проходит несколько секунд. В небе вспыхивает бесшумная зарница, на мгновение озаряющая купы деревьев и далекое море.

Моногамов. У меня опять что-то ёкнуло внутри... Простите... Дело в том, что в посольстве в Брюсселе мне сказали наши товарищи, что и в Москве сейчас можно с успехом «о-то-ва-рить-ся». Вот я и обменял все свои деньги в Москве.

Тягостное молчание. Пересекающиеся взгляды.

Леша-сторож. А много ль цалковых-то привез, голуба?

Моногамов. Честно говоря, не знаю. Масштаб цен... инфляция... несколько оторвался... знаю,

что виноват... Шестьдесят восемь тысяч рублей получилось.

В с е *(изумленно)*. В чеках?

М о н о г а м о в. Вот-вот, именно в чеках... как это?.. в чеках Внешподарка... или как это?

Б о б *(прыгает с места, достает люстру)*. Ну, папец!

Радостное оживление, все переговариваются, часто повторяется сумма чеков. Кампанеец жестами приглашает Моногамова вернуться к столу.

М о н о г а м о в *(неуверенно присоединяясь к общему оживлению)*. Да-да... чеки Внешподарка... и кроме того...

С т е п а н и д а. Пойдем, Иван, посмотришь, как я здесь живу.

Из темноты доносится близкий крик птицы.
Все застывают.
Крик повторяется. Шум крыльев. Тяжелый полет во мраке.
В просцениум выскакивает Ф. Г. Кампанеец с неизвестно откуда взявшимся огромным двуствольным ружьем.

К а м п а н е е ц. Где эта пакость? На западе? *(Громоподобно стреляет в зрительный зал.)* На востоке? *(Громоподобно стреляет в темное небо.)* Попал?

Снова совсем близко слышится крик птицы и шум крыльев.

Л е ш а - с т о р о ж. Кабы попал, я б табе яица на месте бы оторвал.

К а м п а н е е ц. Какая пакость! *(Его трясет.)* Махровая пакость! *(Леше-сторожу.)* Это твоя, сукин сын, обязанность охранять отдыхающих!

М о н о г а м о в *(потрясенный)*. Кто она?

С т е п а н и д а *(раздраженно)*. В своем репертуаре! Услышал какую-то пакость — и уже «она». Никакая это тебе не «она». Просто животное.

М о н о г а м о в *(шепчет)*. Нет, это она.

Г а н н е р г е й т ы *(хихикая, из-за телевизора)*. Херон! Райхер! Забывать по-российску. Чапля с багна!

Моногамов. Цапля!

Вспыхивает бесшумная зарница, и на мгновение все отчетливо видят пролетающую мимо большую нелепую птицу, длинные ноги ее отведены назад с претензией на стремительность.
Зарница гаснет.
Моногамов, сломя голову, бросается с веранды и пропадает во мраке. Пауза, неловкое молчание. Степанида Власовна в центре внимания.

Степанида *(подходит к краю веранды, властно).* Иван, вернись!

Из темноты появляется Моногамов. Опрокинутый вид. Все время оборачивается.

(Весело). Ну, пойдем, наконец, посмотришь, как я тут живу. *(Протягивает руку.)*

Моногамов. Пойдем, Степочка, пойдем. *(Подает руку.)*

На лестнице он еще раз оглядывается и вперяется в темное небо. Потом дает себя увести.

Кампанеец *(тяжелым взглядом провожает супругов, держа обеими руками ружье).* Эх, как хочется пива, отличного датского пива «Карлсберг»! *(Очищает рот.)* Завтра же позвоню!

Быстро меркнет свет на веранде, прямо на наших глазах увядают электрические лампочки. Все явственнее проступают контуры деревьев за верандой, сегмент морской поверхности с лунным пятном.

(Яростно орет.) Что здесь происходит, в этом паршивом «Швейнике»? Хоть не уезжай в командировки! Алексей, ко мне! Почему мерзопакость эдакая над домом летает? Почему посторонние в комнатах персонала?

Леша-сторож *(вставляет монокль и смотрит в сторону).* А я-то причем? Я обнаковенный сторож. Категорически не причем.

Кампанеец. Почему свет гаснет, етиттвою налево?

Леша-сторож. Да на подстанции, Филип Григорыч, пьянь зеленая заседаеть. Нонче хорошего

электрика хрен с морковью сыщешь, не говоря о сторожах. Так что лучше спать ложись, Филип Григорыч *(Шепотком.),* а с утрянки-то физрук тобя побудит. *(Громко.)* Клавдя, пошли грибами позанимаемся! *(Поднимаются по лестнице.)*

К л а в д и я. Я вам не Клавдя, а Клавдия! *(Поднимается вслед за ним.)*

Л е ш а - с т о р о ж. Айда, айда, Клавка! *(Поднимается.)*

К л а в д и я. Я вам не Клавка, а Клавдия!

Л е ш а - с т о р о ж. Клава, не базлай! *(Уходит.)*

К л а в д и я. Я вам не Клава, а Клавдия! *(Поднимается.)*

Р о з а *(со скрытым отчаянием).* Клавдия, куда ты так рано?

К л а в д и я. Книжку читать!

Р о з а. В темноте?

К л а в д и я. Ага! *(Уходит.)*

К а м п а н е е ц. И как на зло ни одной банки датского пива! *(Поворачивается в разные стороны, не выпуская из рук ружья.)*

Б о б. Выше голову, дядя Филип! Завтра будет у вас пиво. Выше, выше! Нужно все время выше! Тетя Лайма, я пошел к себе, и, надеюсь, сегодня накладок не будет. Всем присутствующим — гуд найт! А каков костюмец у моего папца, а? Восемнадцать карманов! Я насчитал восемнадцать карманов! *(В два прыжка одолевает лестницу и исчезает.)*

По другой лестнице начинает подниматься Роза, четко постукивая каблучками и попыхивая сигареткой.

Л а й м а. Роза, ты куда?

Р о з а. Читать.

Л а й м а. В темноте?

Р о з а. Да, в темноте.

Л а й м а. Одна?

Р о з а. Не с подонками же. *(Уходит.)*

Кампанеец, почти совсем уже отключившийся от действительности, бродит по сцене с ружьем, выискивая себе цель в зрительном зале.

Л а й м а. Отец! Меня мучает бессмысленность существования.

К а м п а н е е ц *(досадливо, как будто мучась головной болью).* Да какое еще тебе существование. Все так просто. Добро и зло. Прогресс и реакция.

Л а й м а. Это правда, папа? Все так просто? Спасибо тебе. Спокойной ночи! *(Поднимается по той же лестнице, куда запрыгнул Боб, уходит.)*

К а м п а н е е ц. Дьявольски хочется датского пива! Дьявольски хочется в финскую баню. *(Очищает рот.)* Поехать, что ли, к Патронаускасу?

Старики Ганнергейты, между тем, давно уже покинули погасший телевизор и копошатся на полу за клавесинами.

Ц и н т и я *(шепотом).* Кларенс, ай фел ин лав унз дис человек с ружьем. Душа просиль музи́к!

К л а р е н с. Яволь, хер оберст! *(Вытаскивает из своей котомки полевую рацию, включает.)*

Звуки довоенного танго из кинофильма «Петер» вперемежку с морзянкой вплывают на сцену.

К а м п а н е е ц. Что это! Чу! Волшебная музыка! Волшебное время! Сразу вспомнилась наша тогдашняя компания, оперативный отряд по повышению квалификации... Да-да, это было в тот год, когда на нас напали белофинны...

Ц и н т и я *(походкой светской дамы приближается к Кампанейцу).* Йа, йа... кель бьютифул время сэ са, хер оберст!

К а м п а н е е ц *(поднимая ружье).* Что за чертовщина?!

К л а р е н с *(подходит шаркающей лакейской походкой).* Имель импьюденс, пан директор, однако господин сторож имель задолжательство фюр пильце. Драй рубликс и мы цурюк под землю.

К а м п а н е е ц. Что за наглость! Пан, господин, цурюк! Для вас что, советской власти не существует?

Кларенс молчит. В полумраке светится его рот, застывший в подобострастной улыбке.

Ц и н т и я *(машет на мужа воображаемым веером).* Пошель вон, капрал! Фуй, кель материализмус! *(Кампанейцу.)* Ангажэ ву а тангó, мон большевик!

Кампанеец, как зачарованный, отставляет двустволку и отдается Цинтии в руки. Они танцуют.

К л а р е н с *(восхищенно).* Сэ фантастик!

Ц и н т и я. О, какой время хэв бин тогда, эти драйциге яарес! Я обожаль бонбон «Мишка на Севере»! Большой балет! Жизель! Светомаскировка! Я имель один мальчуган аус люфтваффе, он имель постоятельство возиль мне розес, тюльпанес, а на обратном пути опускаль нах Поланд свой фугас. Файер! Блюме! Это был нет вы, хер оберст?

К а м п а н е е ц. К сожалению, камрад, я дрался тогда по горло в снегу. Негостеприимные сугробы ощетинились свинцом. Рпраз был дерзкий рейд в тыл лимитрофа. Помню трофеи, куча французских консервов, пленных диверсанток мы брали, одна была такая кусачка... Не вы, геноссе?

Ц и н т и я. О, парашютен, парашютен!

К а м п а н е е ц. А помните, как певали? *(Поет.)* Согрел он дыханием сердца полярные ночи седые... Сейчас так не поют.

Ц и н т и я. О, колоссаль! *(Поет.)* Раздвинул он горные кручи, пути проложил в облака-ах...

К л а р е н с *(козликом сбоку).* По слову его молодому сады зашумели густые...

К а м п а н е е ц *(отталкивает Цинтию, хватает двустволку).* Руки вверх, гады! Признавайтесь, на кого работаете?

К л а р е н с *(с поднятыми руками).* Как солнце весенней порою он землю родную обхо-о-одит...

Ц и н т и я *(с поднятыми руками).* Споем же, товарищи, песню о самом большом садоводе...

К а м п а н е е ц *(яростно).* Границы от вражьих нашествий заделал он в бро́ню литую... *(Взводит курки.)* В молчанку играть будем? Признавайтесь, черти!

К л а р е н с. Черти! Черти! Тойфель! Диаболос!

К а м п а н е е ц *(облегченно).* Нечистая сила, значит? *(Ломает ружье о колено и зашвыривает его за веранду.)* По такому делу не грех и под орех. *(Поет.)* Налей-ка в походную кружку свои боевые сто грамм... *(Вытаскивает откуда-то бутылку «Курвуазье».)*

Все трое танцуют теперь, передавая друг другу бутылку, посасывая из горлышка коньяк.

Ц и н т и я. Майне кляйне литл Кларенс есть простой радист, я есть большой черт!

К а м п а н е е ц *(мечтательно глядя на озаряемую бесшумными вспышками равнину).* Какая ночь-то, товарищи! Так бы и запрыгал по кочкам куда-нибудь... в финскую баню!

К л а р е н с. Дакор?

Ц и н т и я. Алор! Прошу пане!

Все трое вдруг одним махом на зависть Бобу перепрыгивают через перила и, ухая, присвистывая, похохатывая, несутся к лесу.

Веселое уханье ночных чертей будет слышно до конца действия в отдалении.

Между тем, веранда пансионата «Швейник» несколько минут остается пустой. Продолжаются сполохи. Начинается ветер. Закипает листва. Колышатся занавеси.

Очень близко слышится голос Цапли, тревожные глухие звуки, проникнутые еле сдерживаемой страстью.

На левой лестнице появляется Леша-сторож, садится на ступени, тихо играет на маленькой флейте музыку — барокко.

На правую лестницу выходит Иван Моногамов. Стоит неподвижно, притулившись к стене, смотрит на озаряемую сполохами равнину и море.

3

ПРОСТЫЕ ДЕЛА

Когда-то жил поэт, служитель вольных муз. Чрезмерно вольных муз, по мнению соседа. Глаза с утра продрав, подкручивал свой ус и, плюнув в потолок, писал на стенке кредо.

Не прячь свой хвост, петух, не соберешь яиц, и не скрывай от кур горластый хриплый дар свой. Тебя зовет к себе от всех своих границ открытая для драк поверхность государства.

Уж если делят мир на равных шесть шестых, ты не забудь тогда и об одной шестерке, сравни свой подлый стих с гирляндою шутих, взлетай над Костромой и опадай в Нью-Йорке.

Бродячий шут и хват, ловец невинных душ, не убегай с мешком от премий и от критик, не прячь пятак в кушак, равно и жирный куш, и в час жестоких дел держи лицо открытым.

Потом поэт струхнул. Какие-то очки в комиссии пред ним предстали вурдалаком. С соседом он теперь играет в дурачки, а кредо на стене замазал бурым лаком.

Л е ш а - с т о р о ж *(резко оборачивается, словно от толчка в спину).* Кто здесь?

М о н о г а м о в. Это я, Леша.

Л е ш а - с т о р о ж. Кажется, ты меня узнал, Иван?

М о н о г а м о в. Да конечно же, узнал.

Л е ш а - с т о р о ж. Фантастика! Двадцать лет не виделись.

М о н о г а м о в. Гораздо меньше. Шестнадцать.

Л е ш а - с т о р о ж. Невероятно. Мы ведь не были близки, ты вообще был не из нашей бражки, да и в кафе ты редко ходил. Странно, что и я узнал тебя сразу.

М о н о г а м о в. Я знал, что вы меня не считаете своим, я и не мог быть вашим, потому и ходил редко. Я потом очень скоро забыл эту вашу «Андромеду», но вот недавно, представь себе, вдруг наяву ярчайшим образом увидел это кафе, каким оно было до

слома. Это случилось в Кордильерах, возле Куско, на высоте четыре тысячи триста. Говорят, что там у многих бывают такие яркие галлюцинации.

Л е ш а - с т о р о ж. Ты не знаешь одного обстоятельства. Впрочем, никто не знает. Когда «Андромеда» пошла на слом, я был внутри. Там внутри, понимаешь? Все наши сидели напротив, на бульваре, прощались с ней оттуда, а я оказался внутри, и вовсе не из-за идеологических соображений, не из протеста, а просто спал там пьяный. Забыл, что утром начнут ломать, а может быть, и не знал. Я ведь тогда без перерыва гудел со своей гитарой, торчал, земли под собой не замечал. Когда они ударили чугунной бабой в крышу, я очнулся, и небо развернулось надо мной, как червь в пустыне я лежал, червяк в пустыне грохота. И вот тогда я подумал... я тогда подумал... Впрочем, неважно, что я тогда подумал... Важно, что с того времени я дворник, сторож, мужичок-середнячок, спекулянт сушеными грибами.

М о н о г а м о в. А как ты когда-то орал под гитару! Господь, не обесудь, Паскудны наши рожи, Корява наша суть И кожи как рогожи! И дальше «скэтом» под Армстонга... *(Улыбается.)*

Л е ш а - с т о р о ж. Между прочим, недавно мне предлагали жениться на английской подданной, но я предпочитаю...

М о н о г а м о в. Ты предпочитаешь, Леша, сушить грибы и по ночам ждать Цаплю. Да?

Л е ш а - с т о р о ж *(испуганно)*. Чаво-чаво? На кой ляд мне болотное дохло?

М о н о г а м о в. Со мной-то, Леша, хоть не придуривайся. Кто она?

Л е ш а - с т о р о ж *(глухо)*. Она прилетает из Польши.

М о н о г а м о в *(изумленно)*. Откуда?

Л е ш а - с т о р о ж. Здесь в семи километрах польская граница.

М о н о г а м о в *(с нарастающим изумлением).* Ты хочешь сказать, что в семи километрах отсюда кончается Советский Союз?

Л е ш а - с т о р о ж. Я хочу сказать, что там начинается Польша. И она прилетает оттуда. По ночам.

М о н о г а м о в. Может быть, наоборот, она утром улетает от нас к ним?

Л е ш а - с т о р о ж *(со сдержанным отчаянием).* Там у нее друг, я знаю.

М о н о г а м о в. Может быть, она не замечает государственной границы?

Л е ш а - с т о р о ж. Зачем ей прилетать сюда? Зачем так мучить?

М о н о г а м о в. Ты давно влюблен?

Л е ш а - с т о р о ж. Влюблен? *(Обхватывает голову руками.)* Я спать не могу!

М о н о г а м о в *(вглядывается в даль).* Кто это там прыгает у леса по кочкам?

Л е ш а - с т о р о ж. Это черти играют.

М о н о г а м о в. Ты приближался к ней?

Л е ш а - с т о р о ж. Никогда. Боюсь. Да и она пуглива.

М о н о г а м о в. Она девственница.

Л е ш а - с т о р о ж *(с горечью).* Как же! У нее в Польше друг, он ее тянет, я точно знаю.

М о н о г а м о в. Зачем же она прилетает по ночам в СССР? Я уверен, она — девственна!

Очень близко слышится глухой генетический зов, страсть, мольба. Вспыхивает зарница, но не гаснет, а зависает над верандой, освещая все вокруг фосфорическим светом.

На веранду медленно и бесшумно поднимается Цапля. Останавливается в неуклюжей застенчивой позе девочки-переростка. Нелепо перекрещенные ноги. Повисший клюв и крылья. С дешевенького нейлонового плаща капает болотная жижа.

М о н о г а м о в. Цапля, вы девственны?

Ц а п л я. Я несчастна.

Зарница гаснет. Мрак. Топот ног по лестнице, кто-то сбегает на веранду. Вдруг включается электричество. Это Боб, он весь дрожит. Дико осматривается и видит распростертых на полу Моногамова и Лешу-сторожа. Цапля, разумеется, исчезла.

Б о б *(кричит).* Кто здесь несчастен? Эй, чуваки, я спрашиваю, кто здесь несчастен? Что происходит в проклятом пансионате? Папаша, это ты?

М о н о г а м о в. Я влюблен.

Б о б *(машет рукой).* Вот, так и знал! Другого от тебя и не ожидал, папаша! *(Подходит к рампе и обращается в зрительный зал.)* Поймите, в прыжках в высоту все зависит от нервной системы. Вся техника пойдет насмарку, если нервная система забуксует. Поймите, я не могу так, я не могу прыгать, если чувствую, что кто-то где-то так пронзительно несчастен. Летит весь график. *(Оборачивается.)* Леха, скажи хоть ты, что здесь происходит?

Л е ш а - с т о р о ж *(в обычном образе).* Цаплясука чавой-то разгугыкалась, падла...

Занавес

ПЕРВЫЙ АНТРАКТ

продолжается, как обычно, минут 15-20, и на это время в театре воцаряется анархия. Зрители могут по желанию остаться в зале или пойти в фойе. Артисты могут подработать на разноске бутербродов и напитков. Продажа стихотворно-прозаических текстов из «Цапли». Сбор всевозможных пожертвований. Танцы. Фанты. Флирт. Любая худсамодеятельность поощряется.

На сцене, между тем, тоже кое-что происходит, впрочем необязательное. Декорация веранды отъехала в сторону, и пансионат «Швейник» виден теперь целиком посреди приморской равнины. В бледном небе над морем иногда на короткое время может возникнуть мираж европейского готического града.

На переднем плане теперь навес автобусной остановки, под навесом скамейка. Предполагается, что где-то в районе оркестровой ямы пробегает забытое Богом и людьми шоссе.

На скамейке, обнявшись, сидят сестры Кампанеец от разных браков. Поют и раскачиваются в такт песни

Налево мост, направо мост,
И Висла перед нами...

Слышится что-то дикое в этой польской песне, в пронзительном недодоенном пении сестер.

4

ГЛУХОМАНИЯ

Среди различных графоманий, мегаломаний, фикс-идей мы выбираем глухоманию ночей Литвы, эстонских дней.

Восточной Балтики дремота... Пятерками идут года, и тлеют, как хвощи в болотах, торговой Ганзы города.

Торговля обернулась прахом, религия — «больной вопрос»... По селам, как агент Госстраха, с портфельчиком бредет Христос. Ржавеет сфера зодиака, потерян стиль, утрачен жанр. Латиницы злосчастной знаки смущают сонных горожан.

В зеленоватый час заката бузит стрелок-пенсионер. Костел-музей и три плаката... Райцентр балтийской эсэсэр.

.....

Чай на двоих. Почти отчаянье. Вот глухомании плоды: окаменелость, одичанье... Но, словно крапинки слюды, в камнях живет очарованье. Круженье мыслящей воды в прибрежных валунах, ворчанье «спидолы» старой... спят сады, стареют сливы... прозябанье... терпенье или умолчанье?.. Все ждет беды.

Р о з а. Какая напряженная обстановка... Холодный вечер... закат... близость Польши...

Пение продолжается.

К л а в д и я. Ой, девочки, пять минут осталось! Ну прямо дух захватывает!

Р о з а. Клавдия!

К л а в д и я. Кончаю! Кончаю!

Пение продолжается.

Л а й м а *(смотрит в бинокль).* Вот он появился на холме! Какой красавец! «Икарус»! Нет, девочки, на этот раз «Лейланд»!

Пение обрывается. Роза и Клавдия пытаются вырвать у Лаймы бинокль.

Девочки, он уже виден невооруженным глазом. Девочки, наша главная задача — показать, что мы не ди-

карки. Небрежный рассеянный взгляд — что, мол, там такое? А-а, это всего лишь автобус с польскими туристами, и мы продолжаем небрежно танцевать в стиле «диско».

Начинают танцевать в стиле «диско».

Р о з а. Что там такое? А-а, это всего лишь автобус с польскими туристами...

К л а в д и я. А-а, это всего лишь автобус с польскими туристами...

Нарастающий рев автобуса. Вот он проходит мимо.

С е с т р ы *(размахивают платками и скандируют).* Дру-жба! Дру-жба! Пшиязнь! Пшиязнь! Пшиязнь!

Шум автобуса тает в отдалении.

Р о з а *(смущенно).* Ах, девочки, простите, это я виновата. Я первая не сдержалась. Он ТАК на меня посмотрел.

К л а в д и я. Кто это ТАК на тебя посмотрел?

Р о з а. Тот брюнет.

К л а в д и я. Какой еще брюнет? Там были одни старикашки.

Р о з а. Там были одни старикашки и один брюнет лет тридцати. Настоящий пан ясновельможный!

К л а в д и я *(чуть не плачет).* Дура ты, Розка!

Р о з а. Ты сама недоразвитый, безнадежно приземленный человек! *(Нервно закуривает сигарету.)*

К л а в д и я. Откуда у тебя «Мальборо»?

Р о з а. Это он мне протянул! Ловко так изогнулся и протянул из окна. Такой парень!

К л а в д и я. Ах, это ты вчера выпросила у Моногамова.

Р о з а. Ты просто ничего не видела в своем провинциальном азарте!

Л а й м а *(смотрит в бинокль).* Ах, девочки, он

зажег огни... светящийся автобус на фоне заката... Незабываемо!.. Он подходит к нашей государственной границе... Европа!.. Польская Народная Республика!

Быстро темнеет. Миражный город на заднике освещается огнями.
Крики Цапли.
Сестры, растрепанные и растерянные, бросаются друг к другу и обнимаются.

Налево мост, направо мост!
И Висла перед нами!

Крики Цапли. Страстные объятия сестер. Уходят.
В темноте на сцене появляется ломкая белесая фигура с неясными очертаниями. Вздохи и причитания. Шорох крыл.
В луче света появляются покойно развалившиеся на тахте Степанида и Ф. Г. Кампанеец. В руках у Кампанейца газета.

К а м п а н е е ц *(читает).* Знаете ли вы что... ну-с, посмотрим, что они преподнесут нам на сей раз? *(Читает.)* ...что в 1579 году жители города Цюкерхен, что в Вюртемберге, были разбужены шумом невероятного по силе дождя. Каково же было изумление добропорядочных бюргеров, когда они увидели, что на мостовые вместе с потоками воды валятся с неба тысячи болотных лягушек... *(В ярости комкает газету и вскакивает.)*

Вскакивает и взбешенная Степанида.

К а м п а н е е ц, С т е п а н и д а *(наперебой).* Что за наглый вздор! Что они пишут тут, понимаете ли! Когда же эти негодяи оставят людей в покое?! Негодяи! *(Выходят к рампе.)*

С т е п а н и д а *(в зал).* Негодяи! Негодяи! Негодяи!

К а м п а н е е ц *(в зал).* Негодяи! *(Очищает рот.)* Дьявольски хочется пива «Карлсберг»!

Звонки и голоса по радио призывают зрителей вернуться в зал. Пока желающие возвращаются, на сцене происходят стыдливые изменения декораций.
В эти несколько минут приятно было бы увидеть в проходе трех-четырех молодчиков, играющих на геликонах что-нибудь сентиментальное.

5

ЛЯГУШКОПАД

Смерч над болотом пролетал, лягушек в тучи засосал. К утру упал на мирный штадт нелепейший лягушкопад.

Когда лягушки падают с небес, происходит глупейшее чудо из всех чудес. Довольно паршивое явление природы. В восторге лишь нравственные уроды. Права на сон лишается гражданин сонный, кипит его разум, естественно, возмущенный. На наших улицах лягушачье крошево, в этом нет ничего хорошего. Шлепаются на крышу лягушки да лягушки. Хватить бы кого-нибудь пивной кружкой! Да некого...

Послушай, Ганс, ты, кажется, впадаешь в транс? Подмышкой у тебя подушка, а изо рта торчит лягушка!

Он на француженке женат, поэтому лягушкопад его нисколько не тревожит. Да, славы нашей не умножит такой лягушколюб Гансуля. Не лезь-ка шайзе на дер штуле за наш товарищеский тиш!

А ты, Иозеф, что молчишь? А ну-ка двинь Петру, геноссе! Иначе сам башки не сносишь!

Эй, Феликс, ножик не забыл? Что нож, ружьем бы вразумил глупцов, что затыкают уши, когда лягушки, словно груши, на плиты наших городов из иностранных облаков валя́т, а бургомистр Шумахер, жидам продавший душу на хер, молчит и прячется в дому. Кто на ногах, айда к нему!

Тот, кто лягушками нынче наслаждался, немецким салом, видно, вчера обожрался.

Тут назревает афоризм, и в нации растет фашизм.

Акт II

Снова веранда пансионата «Швейник» в ее прежнем великолепии. Яркое солнечное утро. Роза и Клавдия, обе в сарафанчиках, накрывают к завтраку, привычно переругиваясь.

Ф. Г. Кампанеец в деловой тройке и очках разгуливает по веранде.

Не выпускает из рук телефона с длиннейшим шнуром.

В течение всего этого действия шнур будет тащиться за Кампанейцем, постепенно опутывая всех и играя таким образом немалую роль в разработке мизансцен.

К а м п а н е е ц *(в телефон).* Записывай, Игорек! Двадцать четыре ящика иранского порошка отправить в Молдавию и придержать, теперь его долго не будет. Петряну подбросит тебе партию лака по накладным Афанаскина. Связывайся с Хачапуровым по вопросу о голландских шампунях. Выходи на Мамонтова через Морозова и принципиально ставь проблему будозана...

К л а в д и я *(рявкает на Розу).* Ты мне опять свое навязываешь!

Р о з а. Нельзя ли потише? У отца сегодня рабочий день.

К а м п а н е е ц. Мне сюда подкинь пару ящиков датского пива. Что? Где взять? Ты в своем уме, Игорь? Действуй, а то уволю! (*Кладет трубку и тут же ее поднимает, набирает две цифры.)* Ритуля, золотце мое, Кампанеец на проводе. Кто сегодня за старшую? Аня? Та, что губы ярко мажет? Соедини, кисонька. Анечка? Это дядя Филип из «Швейника». Да-да, моя лапочка, по-прежнему с ума схожу. Привез тебе сувенирчик из Франции. Конечно, «Шанель», только очень яркая. Как твоя? Вот удача! Тогда тебе сегодня подбросят наборчик. Ах, губки наши губки, карамельки бесценные! Анечка-красавица, размести мои заказы по срочному. Два раза Жданов, три раза Калинин, Куйбышев, Киров, пять раз Орджоникидзе. Спасибо, деточка, дядя Филип своих лапочек не забывает. Даю номера...

6

НАШ ДЯДЯ

Наш дядя был по мненью многих большим сторонником миноги, но, времени не тратя зря, жевал частенько и угря.

Под рокот пламенных моторов прошел он путь командный свой от юных штурмов Беломора на героический Дальстрой.

С годами не обмякло кредо, и, отойдя от громких дел, маячил дядя, как торпеда, хотя слегка очертенел.

Уклон какой-то скандинавский с годами дядю обуял, утрачен прежний сандуновский Москва-барокко идеал.

По телефону партизаня, крутя знакомств нелегкий вал, о датском пиве, финской бане наш дядя вечно хлопотал.

В отличие от бесовщины величественных эпох, бессонницы и штурмовщины, искорененья вражьих блох, он небу не грозит овчиной, навек к дубленочкам присох. С прононсом новой чертовщины — таков итог.

Так из отъявленных садистов, из бесовщины прежних дней мы вырастили гедонистов, распаренных блажных чертей.

Но это — благо, в самом деле, вздыхает робкий наш народ. Пускай почесывают тело и семгой забивают рот. Жуем мы хек, поводим ухом. Они — икру и сервелат. Примат материи над духом приветствуем: они велят.

Приветствуем Земли вращенье и со-вращение Луны и мелкое очертененье геройской в прошлом сатаны.

Пока Кампанеец диктует номера телефонов, на веранду медленно поднимается Леша-швейник с чемоданом и гармонью через плечо. Его пока никто не видит.

Р о з а. Клавдия, знаешь, у меня сегодня какое-то радостное предчувствие с утра. Какое-то особое ожидание. Понимаешь, что я хочу сказать?

К л а в д и я. А то не понимаю! Все принца ждешь.

Л е ш а - ш в е й н и к. Я извиняюсь, где здесь регистратура?

Обе девы вздрагивают крупной дрожью и поворачиваются к вновь прибывшему.
Кампанеец тоже смотрит на Лешу-швейника, но в это время происходит соединение.

К а м п а н е е ц. Орджоникидзе? Кампанеец на проводе! Алик, привет, дорогой! Дай-ка мне информацию по нитроэмали... так... так... *(Делает записи в блокноте.)*

Л е ш а - ш в е й н и к. Где здесь будет регистратура, девчата, не подскажете?

Р о з а *(руки сжаты на груди).* Кто вы?

К л а в д и я *(хохочет).* Прынц!

Л е ш а - ш в е й н и к. Ценю юмор. Будем знакомы. Фокин Алеша из города Париже-Коммунска, с комбината «Парижская Коммуна», значит, наладчик станков. А вы, девчата, с Иванова?

К а м п а н е е ц *(приближается, таща шнур).* Вы, молодой человек, читать умеете? Надпись видели — «Посторонним вход воспрещен»?

Леша-швейник с доброй улыбкой начинает экспедицию по своим карманам, что-то роняет, поднимает, укладывает.
В это время к завтраку по обеим лестницам спускаются все обитатели пансионата — Лайма, Боб, Степанида, Моногамов, Леша-сторож, все в сборе.

Л е ш а - ш в е й н и к. Вот, значит, паспорт, трешник на прописку и путевка.

Р о з а. Он с путевкой!

Немая сцена. Все переглядываются. Постепенно нарастающий шепот:

С путевкой! Отдыхающий! Швейник с путевкой! Уму непостижимо!

М о н о г а м о в *(Леше-швейнику).* А я вас где-то уже видел. Вы на Цейлоне в тракторном отряде не работали?

Л е ш а - ш в е й н и к. Чего не было, того не было, врать не буду.

К а м п а н е е ц *(берет путевку с предельной брезгливостью).* Кто вам это выдал?

Л е ш а - ш в е й н и к *(польщенный общим вниманием).* А это во вторник, нет, вру, в среду, значит, приглашают в местком. Пора, говорят, тебе, Фокин Леша, на гарантированный отдых. Вот, говорят, тебе на выбор санаторий «Чечуево», «Хехово» и пансионат, значит, на Балтике «Швейник». Очень мне название понравилось, и вот добро пожаловать. Вижу, компания неплохая и к завтраку как раз успел.

Р о з а *(с нарастающей нежностью).* Да-да, пожалуйста к столу... сейчас я вам дам прибор... товарищ Фокин. Леша-швейник. Леша.

К а м п а н е е ц *(с путевкой).* Остолопы, периферия! *(Розе.)* Накроешь ему за вторым столом. Здесь.

Л е ш а - ш в е й н и к. Без компании?

Р о з а. Я могу составить вам компанию.

К о м п а н е е ц *(Розе).* Ты нам составишь компанию, деточка, своему коллективу, своей семье.

М о н о г а м о в. Могу и я составить компанию этому джентльмену, поскольку несколько выпадаю из коллектива как член семьи.

С т е п а н и д а *(яростным шепотом).* В прежней роли, Иван? Противопоставляешься?

Даже не особенно наблюдательный зритель заметит, что у нее во втором акте сильно увеличились ягодицы и груди.

Работа в такой ответственной организации тебя ничему не научила?

М о н о г а м о в. ЮНЕСКО, знаешь ли, не такая уж ответственная организация. Там было так легко.

С т е п а н и д а. Причем тут ЮНЕСКО?

М о н о г а м о в. Но я работаю в ЮНЕСКО.

С т е п а н и д а *(ядовито).* Ах, ты работаешь в ЮНЕСКО.

М о н о г а м о в. Где же еще?

С т е п а н и д а. Беру свои слова обратно. Все-таки ответственная организация тебя кое-чему научила.

М о н о г а м о в. А-а, теперь понимаю, что ты имеешь в виду, Степа, но ведь не все же. Ты же знаешь. Ты же была дежурной по этажу. Ты же знаешь, что не все.

С т е п а н и д а. Оставь, пожалуйста.

М о н о г а м о в *(вдруг замечает выросшие части тела).* Позволь, Степочка, что это с тобой? Такие внезапные изменения!

С т е п а н и д а *(не без кокетства).* Ну и что? Не вижу в этом ничего плохого.

М о н о г а м о в. Немного не в парижском стиле.

С т е п а н и д а *(сухо).* У нас свой стиль.

М о н о г а м о в. Да-да, конечно. Везде свое. Вот, например, у мадагаскарских красавиц...

С т е п а н и д а. Ты, я вижу, знаток мадагаскарских красавиц. Может быть, там у тебя лучше получалось?

М о н о г а м о в. Как ни странно, да. На Мадагаскаре со мной что-то странное произошло. Я там так отличился, ты даже не представляешь.

С т е п а н и д а. Совершенно не представляю. Пойдем к столу.

Все уже разместились вокруг большого стола, во главе, разумеется, Кампанеец с телефоном.
Леша-швейник преспокойно «отдыхает» за маленьким столиком.
Роза хлопочет вокруг него, временами застывая, с рассеянной счастливой улыбкой поправляя волосы.

Л е ш а - ш в е й н и к. Нормальночка!

Р о з а. Вам нравится завтрак?

Л е ш а - ш в е й н и к. Качественно, ничего не скажешь, хотя, конечно, я утром-то суп ем.

Р о з а. На завтрак суп?

Л е ш а - ш в е й н и к. Ага. Пару тарелочек лапши засадишь, и голова не болит.

Р о з а. Вы женаты?

Л е ш а - ш в е й н и к. Как же ж я не женат, если у меня деток трое.

К л а в д и я. Розка, поздравляю!

Р о з а *(Леше-швейнику).* Завтра я вам сварю лапшу.

К а м п а н е е ц. Роза, займи-ка свое место. Твое дело охватить отдыхающего культработой. Меню ему определит диетолог.

К л а в д и я. Я ему сварю лапшу!

Б о б. В Цахкадзоре на сборах перед матчем ги-

гантов десятиборец Прошкин съедал за завтраком три тарелки свиных щей. И победил Ричарда Поупа.

Моногамов. Культура завтрака в разных странах различна. Во Франции так называемый «пти-дежене»...

Леша-сторож *(неожиданно и бурно хохочет).* На жене! *(Леше-швейнику.)* Ей, швейник, слыхал, во Франции-то шамают на жене!

Моногамов *(улыбается).* Экий вы чудак! «Пти-дежене» — это, как правило, кофе, масло, джем, круасан...

Леша-сторож *(безудержно хохочет).* Швейник, слыхал? На жене! Тпру сам!

Леша-швейник *(холодно).* Полегче, деревня!

Звонок телефона.

Кампанеец. Жданов? Соединяйте! Сашкó, здоровеньки булы! Ты мне тринитротолуолом мóзги не долби! Лучше признавайся, где антифриз прячешь? *(Смеется.)* То-то! Давай, давай, записываю...

Моногамов. А вот в Испании...

Степанида. Борис, наконец-то у тебя установился хороший цвет лица.

Боб. Тете Лайме скажи спасибо.

Лайма *(вспыхнув).* Боря, я прошу вас!

Боб. А что такого? Это же естественно...

Моногамов. Между прочим, Испания. Я был там и при Франко и после. Удивительные изменения. Удивительно, как люди быстро забывают кошмары тоталитаризма...

Клавдия *(Леше-сторожу).* Сейчас, Леха, плюнем на всех и купаться пойдем!

Леша-сторож. Вот ненасытная баба! А ночью чё делать будем? Таперича надоть грибы резать, о будущем надо думать.

Моногамов. ...Как быстро возвращаются к

нормальной демократической жизни! Митинги на каждом углу! Споры в каждом кафе! Испания теперь...

Л е ш а - ш в е й н и к *(он за это время достал бутылку «экстры», снял пиджак и рубашку и, оставшись в одной майке, заиграл на гармонии. Поет).* Через горы темные И поля зеленые Вышел в степь Донецкую Парень молодой...

К а м п а н е е ц *(Леше-швейнику).* Это что за самодеятельность? Мы вас отсюда попросим, товарищ внеплановый отдыхающий! *(В трубку.)* Да это радио тут у нас играет. Что? Песня, говоришь, хорошая? Вячеславу Сергеевичу нравится? Он там? *(Встает.)* Ночевал у тебя? Ну, Сашкó, даешь! С девочками гуляли? Как? Без девочек гуляете? *(Вытягивается.)* Доброе утречко, Вячеслав Сергеевич, здоровеньки, конечно, булы. Да-да, гарная писня. *(Леше-швейнику.)* Громче можешь? *(В трубку.)* Так точно, песня нашей юности, Вячеслав Сергеевич. Совершенно согласен, Сашку нашему... ха-ха, ну, конечно, вашему, Вячеслав Сергеевич... цены ему нет! *(Высший накал сердечности.)* Здоровеньки булы, Вячеслав Сергеевич! *(Вешает трубку, стоит некоторое время в сладком ступоре, с мечтательной улыбкой на устах.)* Ох, как хочется чего-то... *(Очищает рот.)*

Л е ш а - ш в е й н и к *(хватанув полстакана).* Там на шахте угольной Паренька приметили...

К а м п а н е е ц *(растроганно аплодирует).* Вот ведь песня, товарищи! Переходит, как эстафета, от поколения к поколению.

Л е ш а - ш в е й н и к. А вот я лично готов с вами поспорить, товарищ директор, по вопросу песни-семьдесят девять. У нас есть которые без понятия, а это неправильно. На политическом факторе возникают существенные увеличения. Так? Нормальночка! А я опять не согласен. Ты приходи ко мне домой вечером, многое поймешь. Я сижу, жена сидит, теща стряпает. Зайди, поинтересуйся, брезговать нечего. Открой хо-

лодильник — что ты там найдешь? Врать не буду, все, как в магазине. Разрядка всемирного существования, так? А вот тут я опять с тобой поспорю, как профессор Капица по телевизору. Эх, очевидное-невероятное! *(Рвет меха гармони.)* Остановите музыку, остановите музыку, прошу вас я, с другим танцует девушка-а-а моя!

Р о з а. Стихийная, самобытная, поистине анархическая натура!

Л е ш а - с т о р о ж *(встает, его как магнитом тянет к Леше-швейнику, подсаживается).* Значит, из Парижска, паря?

Л е ш а - ш в е й н и к. Из Париже-Коммунска, лапоть!

М о н о г а м о в. Так о чем я рассказывал? Об Испании или о Боливии?

С т е п а н и д а. Помолчи-ка, Иван! *(Хлопает ладонью по столу.)* Пока все в сборе, я бы хотела поставить во всеуслышанье один наболевший вопрос. Что здесь у нас происходит по ночам? Я всегда гордилась своим сном, но даже я в последнее время стала улавливать какие-то передвижения, какие-то звуки, какие-то эманации. Я бы хотела привлечь к этому внимание *(нажимает)* в с е х, а также и в первую очередь *(нажимает)* р у к о в о д с т в а. *(Жарким громким шепотом Кампанейцу.)* А вы, вообще, дядя Филип, в последнее время многое утратили. Мне всегда казалось, что вам доступны сильные чувства, такие, как ответственность, мужское достоинство, ревность, в конце концов. Теперь, мне кажется, что я ошиблась!

К а м п а н е е ц *(делает вид, что не все уловил — заработался).* Прости, Стэпа?.. *(Крутит диск.)*

Из-за столба веранды выглядывают сияющие морщинками личики стариков Ганнергейтов. Зовут Кампанейца. Он их с притворной строгостью отгоняет.

(В трубку.) Альгис Журайтисович, это Кампанеец по вопросу фондов на третий квартал. У нас тут наплыв

отдыхающих... да... да... Прости, Стэпа... важные переговоры...*(Записи, подсчеты на калькуляторе.)*

С т е п а н и д а *(встает и еще раз хлопает ладонью по столу).* Так вот, мне кажется, что источником ночной смуты является мой законный супруг! *(Перст в сторону Моногамова.)* Он приходит ко мне в постель, нагло и вяло играет роль мужа, а потом, дождавшись, когда я усну, исчезает до утра и приходит мокрый по колено, от него воняет болотом!

М о н о г а м о в. Степа, зачем же при всех?

С т е п а н и д а. Ты, сокол мой, в своих юнесках забыл о некоторых нормах нашей жизни. *(С нарастающей яростью.)* А отвечать придется за лунатические похождения! Перед всеми! Перед сыном! Перед женщинами! Перед коммунальниками! Перед швейниками, наконец! Где ты шляешься по ночам?!

Моногамов шаткой походкой с закрытыми глазами выходит в просцениум. Слышится далекий крик Цапли. Глухая потаенная нежность.
Все вскакивают. Стулья в стороны.

Р о з а. Она впервые кричит здесь днем! Ну как же можно не влюбиться?!

С т е п а н и д а *(надменно и грубо).* Отвечай, Иван Владленович, за неблаговидные делишки! О чем задумался, детина?

М о н о г а м о в. *(открывает свои огромные глаза, потрясающим шепотом).* О голоде!

Новая пауза и странноватое замешательство.
Ф. Г. Кампанеец, бормоча «пятьдесят пять, товарищ Патронаускас, минимум шестьдесят шесть, максимум семьдесят семь», с телефоном в руке бессмысленно движется по сцене и запутывает всех присутствующих своим длинным шнуром.

С т е п а н и д а *(борясь со шнуром, приближается к Моногамову).* Чего тебе не хватает, Моногамов?

М о н о г а м о в. Известно ли вам, что две трети человечества хронически недоедают? Вы слышали когда-нибудь о Биафре, о Бангладеш? Да смеем ли мы

снимать фильмы, выпускать книги, пластинки, требовать свободы творчества, когда сотни миллионов детей не получают полноценных белков, жиров и даже углеводов? Смеем ли мы покорять космическое пространство, когда под угрозой генетический код человечества? Боб, сын мой, прыгучий юноша, ты со мной согласен?

Б о б. Конечно, согласен. Послушай, папец, у меня к тебе дело. Сдай мне свой пиджак, а? Хочешь пару сотен? Мне сейчас в Ташкент лететь на соревнования. В таком пиджаке я их сразу психологически подавлю — и Ященко, и Гаврилова, и Кибу. *(Смотрит на часы, запутывается в шнуре.)* Лады?

М о н о г а м о в *(снимает пиджак, бросает его Бобу, взывает к аудитории).* У нас в высокоразвитых странах прилавки магазинов завалены всем необходимым — колбасами, окороками, сырами, лососиной, икрой, креветками, маслами животными и растительными, тортами, шоколадом, суфле на разные вкусы, свежайшими овощами и фруктами, прохладительными напитками и утонченными винами *(нотки истерии)*, а в это время в Кампучии дети получают по горстке риса, а в Мавритании у туарегов нередки голодные обмороки! *(Все больше запутывается в шнуре, замечает вдруг, что оба Алексея, остановив на полпути стопари водки, раскрыв рты, смотрят на него, протягивает к ним руки в малооправданном умоляющем жесте.)* Ну! Ну!

Сторож и Швейник чокаются и употребляют напиток.

Л е ш а - с т о р о ж *(Леше-швейнику).* Ты, паря, тута за меня держись. Тута публика нервная, голову заморочат, а я — чё? — простой сторож, мы с тобой снюхаемся.

Л е ш а - ш в е й н и к. Сторож, говоришь? А глаза у тебя нехорошие. *(Снова берется за гармонь,*

не обращая внимания на шнур, играет «За далекою Нарвской заставой».)

Моногамов. В Европе каждый несчастный случай попадает в газеты! В нашей стране могучая система социального обеспечения! А в Африке, а в Азии погибших считают только сотнями! На десятки уже не обращают внимания! *(Вопит истошно, почти припадочно.)* Это недопустимо! *(Бросается к сестрам Кампанеец.)* Вы-то, сестры, женские матки! Вы-то понимаете, что мы все раса землян, от холеного секретаря обкома до нищего парии в Мадрасе? Матери!

Клавдия. Какие мы тебе матери, псих припадочный?! Лайма — геолог, я — технолог, а Розка у нас вообще еще девочка.

Вибрируя и перемещаясь, сестры запутываются в шнуре.

Моногамов *(взывает к Кампанейцу).* Филип Григорьевич, вы-то, человек такого масштаба, должны учитывать опасности всеобщего рахита, физического и нравственного вырождения! Вот вы спекулируете по телефону, но не для себя же, правда? Для семьи же своей, да? Ведь семья же для вас ведь модель всего человечества, ведь я не ошибся? Ведь любая пара иссушенных пеллагрой ног — это и ваша пара ног тоже!

Кампанеец *(вдруг, словно впервые увидел, внимательно смотрит на Моногамова).* Послушайте — как вас? — Моногамов, мне нравится, как вы очерчиваете проблему. Конечно, любая пара ног — наша. *(Непринужденно берет под руку дрожащего взмыленного Моногамова.)* Может быть, вообще, сойдемся поближе? Это правда, что работники ООН не подвергаются таможенному досмотру?

Телефонный звонок.

Махарадзе? Бабабаев? Где наш мохер, Бабабаев? С огнем играешь, Рафик! Так... так... *(Запутывается в собственном шнуре.)* На нефти сидишь, на пиве, на

шоколаде! Да будь ты проклят, товарищ Рафик Бабабаев!

Моногамов *(борясь со шнуром, падает на колени и ползет к Степаниде).* Степочка, хоть ты очнись! Ведь я же помню, какая ты раньше была — порывистая, огневая! Ведь все эти вздувшиеся окружности, этот великодержавный апломб, это не твое, это наносное! Пойми хоть ты, что мы все на планете одна семья, что нам всем вместе угрожает гибель, энтропия! Ведь неизвестно, есть ли еще где-нибудь в пространстве то, что мы называем разумной жизнью. А вдруг мы единственные?! *(Изрыгает в полной истерике.)* Мы! Единственные! На нас одних обращено Око Божие! А?

Степанида *(брезгливо).* Экая клерикальная чушь! Вконец ты запутался, Иван. Заврался, раздергался, в глаза народу смотреть не можешь. Нет, я этого так не могу оставить, мой долг — реагировать. Пойди-ка сюда! *(Подтягивает на шнуре обмякшее тело Моногамова.)*

Близкий крик Цапли, зов. Все услышали. Степанида засовывает голову Моногамова себе подмышку.
Все пытаются выбраться из пут телефонного шнура. Резкие безнадежные рывки. Наконец группа фиксируется.
На веранду поднимается Цапля. Прежние медлительные застенчивые движения, однако сквозь них на этот раз проглядывает какая-то решимость, как будто птица забыла о своих тощих коленках и о струйках болотной влаги, стекающей с клюва, с крыльев, с изжеванного и жалкого плащишки.

Цапля *(нелепо поднимая ноги, идет вдоль нашего «Лаокоона», посвечивает глуповатым своим круглым глазом, вопрошает скрипучим голосом).* Кто тут? Кто тут? Кто тут? Кто ту ест? Кто зовет? Кто во́ла?

Все как будто онемели, никто не может ответить, хотя все как бы и пытаются.
Дрожат спина и зад Моногамова.
Понурив голову, Цапля уходит.
Молчаливое неосмысленное движение группы вслед уходящей Цапле.
Пауза. Статика.
Через перила веранды вдруг бодренько перепрыгивают старики Ганнергейты.

Приплясывая, проходят по сцене, ужимками, кивками, жестами любовно адресуясь к Кампанейцу.

На земле, на воде и в болоте
Светит ласковый наш уголек!
Если крылышки слабнут в полете,
Залетай, светлячок, на чаек!
Бомбовозы везут!
Огнеметы метут!
Проползают тяжелые танки!
Если кончишь, мой друг,
Свой нелегкий кунштюк,
Залетай в легендарной тачанке!

Леша-швейник ожил и подхватил зажигательный мотив на гармони.
Смотрит на Розу, мягко улыбается.

Р о з а. Вы... импульсивный... вы неожиданный... Леша-швейник... *(Краснеет до слез.)*

Л е ш а - ш в е й н и к. Пойдем, Роза, ну, значит, нормальночка, в общем, койку покажешь, где гарантированный отдых по закону природы.

Роза и Леша-швейник высвобождаются из пут шнура и покидают сцену.
Старики Ганнергейты снова на сцене со связкой огромных, каждый с валенок, белых грибов.
Леша-сторож вскочил, дрожа. Путы упали к его ногам.
Клава тоже свободна.

К л а в д и я *(хватает друга за руку).* Леша, грибы-то какие!

Л е ш а - с т о р о ж *(прячет волнение).* Чаво грибы... ничаво особенного... Эй, Кларенс, троячок, что ль?

К л а р е н с. Иа, иа, пан сторож! Троячок! *(Отдает связку.)*

К л а в д и я. Теперь наше будущее обеспечено!

Клавдия и Леша-сторож убегают с грибами.
Старики Ганнергейты прячутся за телевизором. Кларенс вытаскивет свою рацию. Треск, шорох, голоса «Ахтунг, ахтунг, говорит Ташкент».
Встрепенулись Боб и Лайма.

Б о б *(в отцовском пиджаке).* Тетя Лайма, сердечно благодарю вас за помощь в сохранении стабиль-

ности. В Ташкенте прыгну выше всех. Смотрите телевизор.

Л а й м а. Перед лицом разъяренной толпы, мой мальчик, помни, что я твой глубокий тыл.

Б о б. Еще раз спасибо. Привет моим родителям.

Они обмениваются рукопожатием. Боб прыгает через перила.
Лайма выходит за ним вслед.
Из всей скульптурной группы остались в центре сцены лишь Кампанеец, Степанида и дрожащее тело Ивана Моногамова. Все трое переплетены телефонным шнуром.
Зиждится посредине величественная Степанида.
Дрожит спина Ивана Моногамова.
Кампанеец, боязливо поглядывая на Степаниду, делает притворно строгие жесты старикам Ганнергейтам — повремените, товарищи!

Г л у х о й г о л о с М о н о г а м о в а. Цапля! Где ты? Отзовись!

Степанида молча придавливает его голову локтем.

К л а р е н с Г а н н е р г е й т *(надевает наушники, выходит в эфир).* Бреслау, Бреслау... здесь Шварцвальд... швайген... *(Плачет.)* ...Бристоль, Бристоль... здесь Блэквуд... сайланс... Дижон... здесь Форэ Нуар... силанс... *(Плачет.)* Одесса, Одесса... здесь Чернолесье... молчат... *(Рыдает.)* Гитлер капут... Сталин капут... Трумэн капут... Черчилль капут... мы забыты всем миром, экселенц... *(Плачет)* ...ороговение кожи... *(Хихикает.)* ...копытца, рожки, хвостики... *(Хихикает.)* ...батареи садятся... *(Плачет.)* ах, экселенц, ваше превосходительство... какое было время, эти фирциге яарес... Вторая Мировая Война! *(Плачет, уткнувшись в свою рацию.)*

7

ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА
(солдатская песня)

З а п е в а л а:

Над статýями над римскими,
Над колоннами афинскими,
Да над шхерами над финскими
Песня ласточкой летит!

С т р о й:

Эх, Европа,
Веселые поля!
Идем всем скопом,
Трясутся вензеля!
Заложим мину
Под Нотр-Дам!

С е с т р и ц а:

И я тебе, любимый,
В ворóнке дам!

З а п е в а л а:

Над полями галицийскими,
И над кирхами австрийскими,
Над садами над английскими
Песня ласточкой летит!

С т р о й:

Штурмуем Припять,
Весь экипаж вспотел,
Готов я выпить
Хоть Молотов-коктейль.
В нас бьют, все мимо!
Разрушим Роттердам!

С е с т р и ц а:

И я тебе, любимый,
Под танком дам!

З а п е в а л а:

Над песками над сахарскими,
Над дымами сталинградскими,
По-над джунглями вьетнамскими
Песня ласточкой летит!

С т р о й:

Эх, радистки,
Встречайте с неба нас!
Откройте виски
И пригласите джаз!
Вот на кусочки
Мы разнесем Потсдам!

С е с т р и ц а:

И я тебе, мой летчик,
В турели дам!

Летчик (басом):

А я тебе, мой пончик,
Отдам Потсдам!

Ц и н т и я *(ободряет Кларенса пинком в зад).* Мон капераль, коммунике муа, силь-ву-пле! Бардзо хочется друга!

Кларенс хихикает, выходит в эфир.
Телефонный звонок под рукой Кампанейца. Тот поднимает трубку.

К а м п а н е е ц. Кампанеец на проводе! Кто говорит? Калинин? Жданов? Ворошиловград? *(Ждет, трепетно прислушиваясь к молчанию.)* Оно, наконец-то! *(Почесывает ногой задницу, лицо его озаряется дикой радостью.)*

Ц и н т и я. Си-си-ми-си-си-ва!

К л а р е н с. Глю-глю-глю-глю-глю!

С т е п а н и д а. Филип Григорьевич, что с тобой?

К а м п а н е е ц. Вызывают по вертушке! Надо лететь!

Степанида. Врете вы все! У вас здесь нет вертушки! Позорно себя ведете, а ведь я на вас равнялась.

Кампанеец *(чертенеет все сильнее).* Вжах! *(Бросает трубку.)* Не могу больше! *(Выскакивает из пут.)*

Под песенку «Бомбовозы везут, огнеметы метут» все три чёрта проходятся по сцене в легком танце, а потом, ухая, перепрыгивают через перила и исчезают в солнечном блеске.

Степанида. Дядя Филип, остановись! Дядя Филип! Пропал! *(Вздымает руки, как героиня античной трагедии.)* Горе мне горе! Горе! А ведь сколько говорил об идейной цельности! О нравственной чистоте! О сороковых! О тридцатых! Мужчины — безнадежны!

Покачиваясь, поднимается Моногамов, переступает через кольца телефонного шнура.

Моногамов *(открывает свои огромные глаза, взывает).* Где ты? Где ты? Цапля, отзовись!

Степанида *(почти с омерзением).* Болотный вздыхатель! Сегодня же лечу в Москву и наведу о тебе кое-какие справки.

Моногамов *(в полубреду).* Да-да, наведи. Мне нужны о себе кое-какие справки.

Степанида *(вынимает из лифчика документ).* Ну-ка подпиши доверенность на получение чеков Внешпосылторга.

Моногамов тут же подписывает доверенность.

Любопытно, любопытно, кто взял на себя ответственность за подбор таких кадров. *(Засовывает доверенность обратно в лифчик и, топая по-солдатски, пыхтя и грозя во все стороны света надменным ликом, уходит.)*

Моногамов *(бредет, простирает руки, словно слепой).* Цапля! Цапля! Отзовись!

Далекий крик Цапли. Нежность. Тоска. Моногамов пытается подражать этому звуку.

Голос Цапли. Где ты, россиянин?! Русский, отзовись!

Моногамов, будто прозрев и помолодев, радостно подхватывается и бежит в глубину сцены, к морю.
На сцене воцаряется странноватое волшебное освещение. В небе возникает готический мираж.

Декорация пансионата «Швейник» отъезжает.
Медленно выезжает декорация антракта.

ВТОРОЙ АНТРАКТ

8

ТЫСЯЧЕЛЕТИЕ

Варяги мирно плыли в греки, как будто бы не на разбой, когда к ним вышли человеки, светясь холщевой простотой. Они сказали:

Изобильно здесь зверь бежит, летает гусь, и пахарь успевает сильно, и все сие зовется Русь.

Молодчики у нас могучи, а старцы полны важных дум, скот на лугах пригож и тучен, но вот порядка не имум.

Сор из избы метем мы чисто, а лес не валим наобум. Девахи наши голосисты! А вот порядка не имум.

Века проходят за веками все без порядка, так нельзя. Придите, княжите над нами, голубоглазые князья!

Ей-ей, какие человеки, подумал головной варяг и вынес на речные бреги хвостатый полосатый стяг.

Стояла жаркая погода, вздымались стяги из травы. Безоблачное время года не предвещало татарвы.

.....

Тысячелетие России... Над тяжкой бронзой смуты шум иссяк. Века проколесили. Теперь порядок мы имум.

Навес автобусной остановки на фоне приморской равнины.
Шум сильного дождя. Далекие крики Моногамова и Цапли.

Быстро темнеет на сцене и быстро светлеет в зале.
Желающие могут отправиться в буфет. Любители эротики, должно быть, предпочтут остаться в зале.
По просцениуму проходит измученный, мокрый до нитки Иван Моногамов, заходит под навес остановки, пытается закурить и видит в углу прижавшуюся к стенке испуганную Цаплю.

Моногамов *(бросается).* Вы?! Родная моя!

Цапля. О, Езу! Пане, я працуе в комбинате «Червона Рута»... Езус Мария!.. яко швачка... швейка...

Моногамов. Цапля, я все понял сразу, с первого знака, с первого звука! Я твой! Я для тебя жил все свои сорок лет! В тебе моя мечта!

Цапля *(вся сжавшись).* Пшепрашем пана, без особистых контактов... не дотыкать реньками... руками... Естем така мокра, вильготна... Пан шемь не бжиди?.. не гадко пану?.. То деждь... то деждь... я не завше естем така...

Моногамов. Не стыдись! Ты вильготна, но ты и должна быть влажной, вильготной, моя Цапля! Когда ты зовешь, все влажные рощи Европы чудятся мне, все ее ночные города... Ты — Европа, юность, мечта! Не стыдись своих крыльев, перьев!

Цапля. Прошем, нех шемь пан не смее над бедном дивчином... на комбинате плацем ми тилько девянтьдесонт рубли... на едзение выдае чтердести... пятнашче плаце за ноцлег... пан добже ве же райстопы коштуе седем пентьдесят...

Моногамов *(сует ей мокрые деньги).* Возьми себе на райстопы, на проклятые колготки, любимая! Купи себе новый плащ!

Цапля. Естем девица, проше пана... я целка... хлопаки не звращае на мне уваж... гвижде на мне... в клубе никт не танче зе мно... *(Умоляюще.)* Проше пана без особистых контактов.

Моногамов *(вне себя от страсти).* Молчи, любимая! Ты — не швачка! Ты — цапля! Ты — мечта всех русских мужчин! Любовь моя! *(Обнимает ее.)*

Ц а п л я *(слабеет в его руках.)* Пан ве, я ем жабы... лягушки... полыкам их живе... пан напевно мен бжиди... *(Обнимает Моногамова, закрывает его спину крыльями.)*

М о н о г а м о в. Не бжиди... Мне гадко. Мне сладко. Мне грешно. Мне свято. Я о-бо-жа-ю тебя! *(Внедряется.)* Ты Цапля?

Ц а п л я. Кохане, кто ты естешь? Россиянин?

М о н о г а м о в. Ты — Цапля?

Ц а п л я. Россиянин?

М о н о г а м о в. Ты — Цапля?

Ц а п л я. Россиянин?

М а н о г а м о в. Ты — Цапля?

Ц а п л я. Россиянин?

Эти вопросы, прерываемые иногда стоном и счастливым смехом, будут слышаться со сцены из полной темноты все оставшиеся пятнадцать минут антракта, поэтому все зрители, даже любители эротики, приглашаются развлечься, освежиться и пообщаться. Содержательный диалог будет транслироваться во все закоулки театра. Чудный вопли апофеоза вместе со звонком пригласят вас вернуться в зрительный зал.

В пятне лунного света Цапля и Моногамов. Они оправляют свое платье, смущенно и любовно друг на друга посматривают.

М о н о г а м о в *(покашливает слегка формально).* Ну-с, расскажи мне, как ты жила, где училась.

Ц а п л я. Чи то правда, же пан зна двадестя осемь ензыков?

М о н о г а м о в. Теперь уже двадцать девять.

Смущенно оба смеются.

Ц а п л я. Знесен пану яйко.

М о н о г а м о в. Подумай, прежде чем это делать.

Ц а п л я. Не-не, то юж постановёно.

Где-то вблизи начинает играть гармоника.
Сестры Кампанеец поют на три голоса «Налево мост, направо мост, и Висла перед нами».
Вспугнутая Цапля, грациозно подпрыгивая (ну просто фламинго!) и поднимая крылья, удаляется в темноту.
Рядом, фосфоресцируя, как король-олень, движется Моногамов.
Гаснет свет в зале.

9

КОРНИ

Иван Владленыч Моногамов, увы, не знал своих корней. Загадочнее далай-ламы ему казались люди дней совсем не дальних, деды, бабки, не говоря уже про «пра», из тех, что не служили в главке, не укрепляли аппарат.

А между тем, совсем не худо вам, современный человек, извлечь «предулю» из-под спуда, который в свой дремучий век построил велопед из бочек и укатил спокойно в Рим, там поклонился Санта Кроче и возвратился невредим в свое село, где, сильно выпив, на ярмарке забушевал и приставу за грубый выпад всю бородищу оборвал.

Сними еще забвенья камень и не гони теней взашей. Каков сюрприз — из рода мамы аптекарь вынырнул Эпштейн. Быть может, повредит анкете честнейший этот господин, но пользу приносил он детям, сливал микстуры от ангин.

Копнешь поглубже, человече, и, может быть, увидишь там одно блаженное заречье, в котором жили, не переча, кузнец Абрам и рядом пёчник Владлен Марленыч Моногам.

Ведь в самом деле за прелюдом вражды паршивенькой одной был некий мир, а в мире люди, они и нынче все с тобой.

Акт III

Все та же веранда пансионата «Швейник». В течение этого акта мы будем менять время суток, не считаясь с реальной последовательностью, но в зависимости от нужд драматургии и режиссуры.

Пока — ночь, луна, блики, шорохи, шелесты, шепоты.

Клавишная игра в стиле барокко.

Наконец-то пригодились нам и маленькие клавесины. Задумчиво и меланхолично играет сейчас на этом инструменте Леша-швейник. Явно наслаждается одиночеством.

По винтовой лестнице тихо спускается Леша-сторож. Замечает Лешу-швейника, вставляет в глаз свое стеклышко.

Л е ш а - сторож. Вивальди лабаешь, швейник?

Разоблаченный Леша-швейник вскакивает, позорно суетится, вытаскивает из-под стула гармонь, берет первые такты песни «От Москвы до самых до окраин», потом отбрасывает гармошку, идет к Леше-сторожу и кладет ему руку на плечо.

Л е ш а - ш в е й н и к. Я тебя только со второго взгляда узнал, чувак.

Л е ш а - с т о р о ж. А ты лучше замаскировался. Я, только когда водку стали пить, понял, что ты тот самый. Вспомнил твою белиберду под Джойса. В 68-м, кажется, она ходила по рукам...

Л е ш а - ш в е й н и к. Вот именно по рукам пошла. Она так и называлась «Девка под зонтиком». Позорная штучка!

Л е ш а - с т о р о ж. Однако красивая. Все тогда просто влюбились в твою блядь.

Л е ш а - ш в е й н и к. А я вспомнил твою тогдашнюю песенку «Семь пятниц на неделе». Скажи, сторож, ты чего испугался?

Л е ш а - с т о р о ж. Чугунной бабы.

Л е ш а - ш в е й н и к. А я живой бабы с огурцами. Была сумасшедшая ночь. Стихи орали, пели, ездили из дома в дом, пили джин с тоником... не помню, кто угощал, то ли иностранцы, то ли наши знаменитости... Все мы ошалели тогда от джина с тоником, какое-то свинское откровение обнаружили в этом напитке. Впрочем, мы свиньями и были, воображали себя баловнями цивилизации, трахались по всем углам, подблевывали, а можжевеловую эйфорию в раскачку с пивной хандрой принимали, видите ли, за особую отмеченность.

Под утро, помнится, купались мы в каком-то грязном котловане в Химках, не знаю, что нас туда занесло, кроме снобизма дешевого, а потом наняли какой-то грузовик и приехали на колхозный рынок. Эдакая феллиниевская компания — девки в страусовых боа, шляпы, маски и джинсы, кто-то в смокинге, а кто-то голый, завернутый в одеяло. Почему-то нас не трогала милиция, может, из-за иностранцев, а может, из-за наших знаменитостей говенных.

Короче — хождение в народ! Жрали кислую капусту, рассол дули прямо из бочек. Видим, стоит чуд-

ненькая маманька с огурцами, сама доброта и всепрощение. Маманя, угости огурчиком! — вся хевра полезла в бочку. Маманя возьми и швырни крышку нам на пальцы. Взгляд, как у Малюты Скуратова. Ой, маманя, злюка какая! — все прошли мимо, а я просто остолбенел.

Один огурец упал на пол, и она его давила ногой. Мы с ней смотрели друг другу в глаза, и я опадал, как огурец под подошвой. Всех бы вас так, прошипела она, и тогда я понял, что пришел конец моей свободе, юности, мечте, артистическому свинству... С тех пор я бросил проклятое дело.

Л е ш а - с т о р о ж *(осторожно).* Зачем же ты приехал сюда в самый разгар драмы? Не выдержал?

Л е ш а - ш в е й н и к *(испуганно).* Что ты, что ты! Я в самом деле настоящий швейник. Из Парижe-Коммунска. С путевкой. *(Заглядывает собеседнику в глаза.)* А вот ты зачем здесь варишь кашу?

Л е ш а - с т о р о ж. Я настоящий сторож. Я здесь грибы сушу. Только и всего.

На лестнице появляется Лайма.
Мужчины, заметив ее, встают на четвереньки и ползут по полу.

Л а й м а *(торжественным жестом указывает на телевизор).* Мальчики, Ташкент уже в эфире!

Л е ш а - с т о р о ж. Гадом буду, вот гдей-то здеся чекушку я заховал.

Л е ш а - ш в е й н и к. Не по-товарищески получается. Где маленькая белого вина?

Ползают на четвереньках, натыкаясь друг на друга. Лайма, как под гипнозом, приближается к телевизору.
На обеих лестницах хлопают двери. Клавдия и Роза.

Р о з а. Клавочка, милая моя, золото мое — свершилось! Я счастлива!

К л а в д и я. Тебе повезло, Розка! Твой грибов не собирает.

Р о з а. МОЙ ягоды хочет собирать! Для наливок!

К л а в д и я. А я, между прочим, сестренка, давно уж была счастлива, да только стеснялась признаться. Как вы с Лаймой заведете «Варшава-Варшава», так и получается, что я вроде бы животное существо без духовных запросов.

Р о з а. А чего же нам Варшава, если и здесь хорошо.

К л а в д и я. А чего же нам Варшава, если и здесь хорошо.

Л а й м а *(перед озаренным телевизором).* Ташкент! Ташкент!

Л е ш а - ш в е й н и к *(сталкивается с Лешей-сторожем).* Где маленькая белого вина?

Л е ш а - с т о р о ж. Скрадена.

Л е ш а - ш в е й н и к. Возражаю. Давай искать, пока не найдем. Как в песне поется — ищи, товарищ!

Из туманных глубин выходит Иван Моногамов. Луч Венеры сопровождает его. Увидев романтическую фигуру влюбленного международника, все вздрагивают и застывают.

М о н о г а м о в *(простирает руки, восторженно).* Спасибо, ночь! Спасибо, звезды! Спасибо, дождь! Спасибо, песок! Спасибо, болото! *(Замирает в очаровании.)*

К л а в д и я. Со свиданки пришел. Видишь, природу благодарит. Проняла его птичка.

Р о з а. Ах, этот Моногамов! Он влюблен больше всех!

К л а в д и я. Рехнулась, Розка? Знаешь, какие будут последствия? Страшно подумать!

Л а й м а *(сжимает руки на груди).* Девочки, ко мне! Ташкент же! Ташкент в эфире!

Леша-сторож и Леша-швейник выползли на просцениум. Заговорили «тайными голосами».

Л е ш а - ш в е й н и к. Давай начистоту — у тебя что-нибудь было с этой Цаплей?

Л е ш а - с т о р о ж. Она меня с ума сводила. Я боялся влюбиться. Больше ничего.

Л е ш а - ш в е й н и к. Боюсь, что я бы не испугался. Я бы загремел со страшной силой. К счастью, я приехал, когда все уже началось. Теперь уже ничего не поделаешь.

Л е ш а - с т о р о ж. Он вовремя явился, этот международник. Теперь его разоблачат, а не меня.

Л е ш а - ш в е й н и к. Да, страшно даже подумать, что будет, когда вернется Степанида.

Л е ш а - с т о р о ж. Послушай, а тебе не кажется...

Л е ш а - ш в е й н и к. Нет уж, милый! Хватит с меня раздавленного огурца. Мы тут бессильны. Ведь это же...

Л е ш а - с т о р о ж. Вот именно. Нарушение вся-чес-ких норм!

М о н о г а м о в *(внезапно оборачивается к ним, сияя огромными глазами).* Друзья, разделите со мной хоть немного счастья!

Л е ш а - ш в е й н и к. Чего ж тут делить-то? Одна была и та скрадена.*(Леше-сторожу.)* Где маленькая белого вина? *(Хватает его за грудки.)*

Л е ш а - с т о р о ж. Человека убивают за чекушку!

Сплелись и катаются по полу в фиктивной драке.
На сцену, семеня, выбегают старики Ганнергейты.

Ц и н т и я *(виновато).* Алас, если имеем нах театр один штюк сцена...

К л а р е н с *(виновато).* Значит, нужна нах сцена айн штюк дер мауэр. *(Быстро водружает в углу сцены легкую фанерную ширму.)*

Ц и н т и я. Если зи хабе стена, значит, она хабе...

К л а р е н с. Гвоздь! *(Вбивает в стенку гвоздь.)*

Ц и н т и я. Иф ви хэв стена и гвоздь...

К л а р е н с. Надо повесиль ружье! *(Вешает ружье.)*

Цинтия *(печально смеется).* Если нах мауэр висель ружье...

Кларенс *(разводит руками).* Оно должен...

Леша-сторож *(хватает Кларенса за ногу).* Отдавай чекушку «столицы», Кларенс!

Леша-швейник *(хватает за ногу Цинтию).* Где маленькая белого вина, Цинтия?

Кларенс вынимает из своей торбы огромную, литра на три, «маленькую». Два друга в счастливом «отпаде».

Леша-сторож. Я ж тобе гуторил — черти скрали!

Леша-швейник. Но отдали же ж! Отдали! И за это им спасибо! Огромное спасибо!

Старики Ганнергейты, скромненько кланяясь, потихонечку отступают к телевизору.

Моногамов *(перехватывает их).* Спасибо вам, милые мои старики Ганнергейты, суслики мои, чертенята мои, шпиончики, тени Великой Войны! Быть может, только вы одни и знали раньше мою Цаплю, догадывались, что она не простая швея, каких вокруг сотни, и, когда она, стоя на одной ноге в болоте, грустно смотрела на этот пансионат, как на недоступный волшебный замок, вы иногда ободряли ее, приносили ей какой-нибудь скромный моллюск. Спасибо!

Из телевизора. Наши камеры установлены на Центральном стадионе Ташкента. Сейчас перед лицом разъяренной толпы состоятся соревнования по прыжкам в высоту на приз Ташкентского Землетрясения.

Лайма. Я без сознания.

Моногамов *(к сестрам).* Девушки, вам знакомо чувство любви?

Роза *(гордо).* Да, Моногамов, я понимаю, о чем вы говорите.

Клавдия. А чего это вы тут все ходите и всем свою любовь навязываете? *(Хохочет.)* Весь уже лягушками пропах!

Моногамов *(восторженно).* Да-да, я весь уже лягушками пропах!

Леша-сторож. А у ей хахаль в Польше, Вантяй!

Моногамов. Да-да, в нее кто-то влюблен из Ольштынского воеводства. Мне жаль его.

Леша-швейник *(из-за бутылки).* Бодай меня за пазуху, кажись, слаба она на передок?

Моногамов *(радостно).* Да-да, она слаба на передок!

Леша-швейник *(берет Моногамова под руку, отводит в сторону, тайным голосом).* Старина, мне безотлагательно нужно с вами поговорить.

Из телевизора. В секторе для прыжков кумир молодежи Бобби Моногамов! Планка на высоте 2 метра 50 сантиметров!

Лайма. Он! Я без сознания! Все сюда! *(Моногамову.)* Забудьте хоть на минуту о вашей девке, нерадивый отец! Ваш сын у планки! Пожелайте ему удачи!

Моногамов. Бог даст ему удачи, а не я.

Леша-швейник *(тайным голосом).* Уши не изменяют мне? Вы произнесли Божье имя непринятым образом, с большой буквы.

Моногамов. Разве? Я не заметил.

Леша-швейник. Вы ведь кончали ВИЯК. В каком вы сейчас чине?

Моногамов. Майор. Или подполковник. Не выше. Но и не ниже.

Леша-швейник. Я помню вас по прежней жизни. Вы были плейбой, гуляка, циник.

Моногамов. Я себя таким не помню.

Леша-швейник. Старина, почему вы влюбились в Цаплю?

М о н о г а м о в. Потому что прежде я не знал любви.

Л е ш а - ш в е й н и к. Вы объездили весь мир в разгар сексуальной революции.

М о н о г а м о в. Это все не то. Я всюду искал то, что в юности предчувствовал.

Л е ш а - ш в е й н и к. Но почему животное?

М о н о г а м о в. Потому что животное!

Л е ш а - ш в е й н и к. Почему птица?

М о н о г а м о в. Потому что птица!

Л е ш а - ш в е й н и к *(оглядываясь по сторонам).* Старина, я вам ничего не говорил. *(Шепотом.)* Вы играете очень опасно, на грани огромного фола. Повторяю, я вам ничего не говорил, но... подумайте, прежде, чем вступят в силу железные законы драмы.

М о н о г а м о в. Кто варит эту драму?

Л е ш а - ш в е й н и к *(оглядываясь).* Это ничтожество, так называемый сторож, не нашел в себе силы вас предупредить, а когда я прибыл, было уже поздно.

М о н о г а м о в. Вы? Причем здесь...

Л е ш а - ш в е й н и к *(своим маскировочным голосом).* Причем, причем! Ты мне, кореш, мóзги не долби! Я здесь по путевке право на отдых. Ты здесь по семейным обстоятельствам у пищеблока пригрелся, а я законно. *(Косолапит прочь, потом останавливается и с сожалением смотрит на Моногамова, протягивает бутылку.)* Хочешь из горлá хлебнуть для храбрости?

М о н о г а м о в. Чего мне бояться? *(Пьет из горлышка.)*

Яркий солнечный полдень воцаряется на сцене.
Сверху спускается Ф. Г. Кампанеец с папкой. По крыльцу на веранду поднимается Степанида с портфелем. Филип Григорьевич по сравнению с предыдущими актами изрядно уже очертенел: волосы закрутились в мелкие рожки, на губах плотоядная улыбка, взгляд блуждающий.
Женский деятель, напротив, прибавил в величественности и округлости.
Занимают места во главе стола, за которым обычно проводились совместные трапезы пансионата.

Степанида *(строго).* Начинайте, начинайте, Филип Григорьевич! Хватит почесываться!

Кампанеец. Личному составу! Прошу занять места за столом. Начинаем собрание... *(Старикам Ганнергейтам, подобравшимся к нему под бочок.)* Бомбовозы везут, огнеметы метут... *(Хихикает.)* Пока товарищи рассаживаются, Цинтия, спинку почешите по хребточку, под лопаточкой... ох... ох...

Все рассаживаются вокруг стола. Лайма, конечно, вполоборота к телевизору.

Ну, в общем, начинаем... *(мрачнеет, скучнеет)* собрание, очередное там или еще какое, экстренное, что ли, внеочередное или хер его знает там какое... *(Перебирает бумаги.)* В общем, по делу бывшего сотрудника ЮНЕСКО Моногамова Ивана Владленовича.

Моногамов. Бывшего? Браво, Филип Григорьевич! Хорошая шутка!

Степанида. Рано радуетесь, господин Моногамов. Прелюбопытнейшие в центре выявились данные. Что же вы в своих безупречных анкетах ничего не писали об аптекарях, о своих фармацевтических родственничках? Прикидываетесь, что ничего и сами не знали? *(С нарастающей яростью.)* Так вот, теперь все всё знают! Личность ваша ясна. ЮНЕСКО отчислила вас из своих рядов!

Моногамов. Позвольте, но у меня контракт!

Леша-сторож. Чаво мозолите? Какой коньяк?

Леша-швейник. Контакт, деревня! Контакты у него! Сионист! Вот кого за границу посылают! Честных не посылают, а с контактами едут и гребут лопатой!

Моногамов. Это противоречит международному праву, мадам.

Степанида. Я вам не мадам! Какая наглость! В лицо — мадам!

М о н о г а м о в *(Кампанейцу).* Филип Григорьевич, я бы хотел все-таки знать, как формулируется против меня обвинение.

К а м п а н е е ц *(роется в бумагах).* Ах, пропади ты все пропадом... Обвинение, обвинение... Дьявольски хочется датского пива «Карлсберг»! *(Мощная очистка рта.)* Вот оно, ваше обвинение. *(Читает, морщась.)* Цапля — редкий и хрупкий вид животного мира, подвергается хищническому истреблению в странах капитала. Только в условиях планово детально организованной охраны цапельного поголовья при развитом социализме... *(Ищет бумагу, тяжело кряхтит)...* В общем, вам, Моногамов, предъявлены обвинения в злостном нарушении экологического равновесия. *(Кряхтит, тяжело дышит, шепотом чертыхается.)* Признаетесь, что состоите с Цаплей в половой связи?

М о н о г а м о в *(отнюдь не обескуражен, а вроде бы даже доволен вопросом, как это бывает при счастливой любви).* Это касается только нас с ней. Ее и меня!

С т е п а н и д а. Видите, товарищи, какая наглость?

Л е ш а - ш в е й н и к. Что же, Ваня, мужества не хватает признаться?

Л е ш а - с т о р о ж. Хотишь-не-хотишь, давай признанку, Вантяй! Здесь тебе не парлампент!

К а м п а н е е ц. Охо-хо, давайте уж на голосование. Кто за признание Ивана Владленовича?

Все поднимают руки, включая и самого Моногамова, но исключая стариков Ганнергейтов.

Р о з а. Признанье заблудшей души — это захватывает! Не комкайте ваш рассказ, Моногамов!

К л а в д и я. Давай подробности! Как это у вас получается?

Л а й м а *(глядя в телевизор).* Опять фальстарт! Осталась последняя попытка! Иван Моногамов, не позорьте сына!

С т е п а н и д а *(Ганнергейтам).* А вы почему ручки не поднимаете, хуторяне?

Ц и н т и я, К л а р е н с. Мы все зналь комплетно... аллес... эврисинг... мы никогда не голосоваль... мы нихт обожаль голосовательный демократия...

К а м п а н е е ц *(мрачно).* На собрании надо ручки поднимать. Для чего же тогда собрания проводятся?

М о н о г а м о в *(Ганнергейтам с укоризной).* В самом деле, на собрании нельзя же не голосовать. Это же бессмысленно. Если все «за», то надо руки поднимать. Так положено.

К л а р е н с, Ц и н т и я. Корректман! Корректман! Зи вильде тойфель, немного забываль исторический урок. Мы — за!

М о н о г а м о в *(встает).* Тогда я отвечу! Дамы и господа... простите ооновские привычки, товарищи: с волками жить — по-волчьи выть... Итак, товарищи, жизнь моя складывалась странно. Я всегда жаждал моно-любви и потому редко участвовал в свальных оргиях моего военизированного студенчества. Увы, я быстро разочаровался, и произошло это, конечно, не благодаря браку со Степанидой Власовной, но вопреки ему. Жизнь как бы померкла для меня, и я стал плейбой и циник, каким и запомнился тогдашней Москве.

Хочу подчеркнуть, что у меня никогда не было поползновений к выезду за пределы нашей родины, я очень трезвого мнения о своих способностях, а двадцать восемь языков — это чистейшая физиология, фактическая ошибка природы.

Как вдруг меня вызывают, подвергают проверке высшей сложности (ни о каких аптекарях, Степанида Власовна, и речи не было) и направляют в комиссию по борьбе с голодом при ООН, штаб-квартира в Лозанне...

Я не помню, когда и где это произошло... ночью на аэродроме в Дакаре?.. ранним утром на Амазонке?.. в закатный час на пляже Биг Сур?.. короче, в какой-то пронзительный миг я снова влюбился в жизнь, я почувствовал общность всей нашей живой среды, огромность ее и малость, хрупкость и эластичное растягивание. Мне кажется, что именно с того мига я стал слышать крики моей Цапли или что-то в этом роде, я стал ждать женщину своей жизни, птицу-юность. Я ждал и искал, господа, простите, товарищи. Только поисками я и объясняю столь длинный список медработников в рамках ООН, предъявленный мне нашими пытливыми кадровиками. Увы, я, кажется, был неправильно понят... увы...

Степанида. Поняты правильно. Могу поздравить: со вчерашнего дня вы — «не-выездной»!

Моногамов. Простите, но это звучит несерьезно. Человек не может быть невыездным. *(Слегка по-горьковски.)* Человек — это всегда выездной! *(Задумывается, а потом вскрикивает, словно раненная птица.)* Как?! В твоем голосе, Степа, прозвучало сейчас что-то жуткое, то, о чем мы, советские международники, и думать боимся. Как?! Я рискую теперь никогда больше не увидеть ни Лондона, ни острова Мальты, ни Джакарты, ни Парижа?..

Леша-швейник. К нам, в Париже-Коммунск, оформляйся, друг. Будем проводить совместный до́суг.

Лайма *(истошно)*. Взял! *(Падает со стула.)*

Из телевизора. Победила советская школа прыжков в высоту, делающая упор на левую толчковую с выносом вперед правой и плавным перекатом через планку.

Входит Боб с двумя большими чемоданами. Все поворачиваются к нему. Лайма скульптурно простирает руки.

Боб. Весь мир ополчился против меня. Некий

Девис. Некий Чевис. Некий Кроуфорд. Мы, советские прыгуны в высоту, должны знать, что у нас глубокий счастливый тыл.

Л а й м а. Он здесь, мой мальчик! Твой тыл здесь!

Б о б *(чуть поморщившись).* Тетя Лайма, вы слишком буквально. У нас, прыгунов, чрезвычайно подвижные нервные структуры.

С т е п а н и д а. Как мать и гражданин я горжусь тобой, Борис! Как гражданин и мать призываю тебя присоединиться к осуждению твоего отца, оторвавшегося от родной почвы.

Б о б. Однако я тоже оторвался от родной почвы. Два метра пятьдесят — сам не верю. У меня не было в Ташкенте никакой надежды на успех. Пропустил две попытки. Левая толчковая как будто налита свинцом, как будто чувствует чье-то глубочайшее несчастье. И вдруг... не знаю, что случилось... папа, мама, тетя Лайма... я будто услышал чей-то зов... меня пронизало ощущение чьего-то счастья... Оно возможно, сказал я себе, и тут как раз подошла моя попытка. Мировой рекорд пал! Что это было?

Смущенное молчание.

К а м п а н е е ц. Так значит. *(Раздраженно шелестит бумагами.)* Есть все-таки предложение подвести черту. Так и в прозаседавшихся можно превратиться, нас предупреждали. *(Прикрывшись на секунду бумагами, перемигивается с Ганнергейтами.)* Итак, проект резолюции, будь он неладен. Собрание общественности пансионата «Швейник», персонал вместе с отдыхающим, решительно осуждает *(Частит все больше и больше)* антиобщественное поведение И.В. Моногамова, выразившееся в нарушении равновесия окружающей среды, и предлагает ему в кратчайший срок прекратить половые отношения с зарубежным пернатым, а также обращается к соответствующим органам для принятия соответствующих мер в целях

соответствующего укрепления воздушного пространства в районе границы дружбы с Польской Народной Республикой для пресечения проникновения определенного вида пернатых из зарубежных болот в отечественные. Кто за? Скорей, скорей, товарищи! Сколько же можно? *(Очищает рот.)*

Г а н н е р г е й т ы *(подпрыгивают с поднятыми ручками).* Швидко, швидко, геноссен!

Все, включая и Моногамова, поднимают руки.

К а м п а н е е ц. Кто против?

Все опускают руки.

Кто воздержался?

Идиотическое молчание.
Меркнет солнечный полдень. Снова лунный свет, шорохи, шелесты, сполохи.

К а м п а н е е ц *(радостно).* Собрание закончено! *(Чешет ногой зад, подпрыгивает, перемигивается с Ганнергейтами, готовясь перескочить через перила и удрать.)*

М о н о г а м о в. Значит, я могу идти? *(Смотрит на часы, быстро причесывается.)* Вот и отлично, и отлично...

С т е п а н и д а *(поднимается, огромная и величественная).* Прекратите кощунство над общественностью! *(Перст на Кампанейца.)* Вы, Кампанеец, провели наше собрание с преступным равнодушием! Вы более не руководитель! Вы банкрот!

К а м п а н е е ц. А что такое? Чем вы недовольны? Собрание кончилось — все за! Заслужил я глоток отличного пивка, кусочек рыбы, могу я с друзьями-ветеранами в баньку? Я не банкрот, мне бы банку в рот! *(Совсем уже «поплыл», хихикает и подпрыгивает.)*

Г а н н е р г е й т ы. Банку в рот! Банку в рот! Наш кнабе, наш душка, он все заслужил!

Все три черта, приплясывая, удаляются в угол веранды, где и устраиваются, как в финской бане, наслаждаясь друг другом и до поры не обращая на действие никакого внимания.

С т е п а н и д а *(Моногамову).* А вы, отщепенец, куда собрались? Голосовали за свое осуждение?

М о н о г а м о в *(отчаянно).* Конечно, я голосовал «за». Как же иначе? Как же иначе можно на собрании? Но ведь я же... *(Прячет лицо в ладони.)*

Б о б. Кто-то тут опять фантастически несчастен. Ноги снова наливаются свинцом. Кто тут несчастен?

С т е п а н и д а. Ты тоже голосовал «за»!

Б о б *(кричит).* Да ведь собранье-то уже кончилось!

С т е п а н и д а. Сын мой, голосуя «за», ты не просто совершаешь формальный акт единодушия. Соединяясь с другими, каждый из нас думает и о своем сокровенном. Вот например... *(Подходит поочередно к каждому присутствующему, нависая над каждым своими шарами и глядя тяжелым взглядом в глаза.)*

Р о з а. Я голосовала за любовь. Простую и волнующую.

К л а в д и я. А я за то, чтоб не лезли всякие, чтобы мне своего разные умники не навязывали.

Л е ш а - ш в е й н и к. Нормальночка. Я за свободу Зимбабве.

Л е ш а - с т о р о ж. За пыль, за пыльцу, за душу рассейску.

Л е й м а. За счастье, которое окрыляет!

М о н о г а м о в *(глухо).* Я понимаю вас всех, мои дорогие друзья. Я голосовал, как всегда, вместе со всеми, за всех, и я никогда...

Небо становится изумрудным. Розовые лучи то ли заката, то ли восхода косо ложатся на веранду. Поднимается ветер.
В трепещущих белых одеждах на веранду поднимается Цапля.
Моногамов вскрикивает и зажимает себе рот руками.

Ц а п л я. И ты меня никогда не разлюбишь, мой россиянин!

М о н о г а м о в. Никогда, моя Цапля! *(Ползет за ней на коленях, падает, простирает руки.)*

С т е п а н и д а *(потрясенная, взирает на Цаплю словно дитя).* Нет, это не Цапля! Это что-то прекрасное! В детстве мне казалось, что это где-то есть, но я никогда этого не видела! Я просто не верю своему счастью! Что вы такое?

Ц а п л я. Я — Цапля! *(Протягивает ей руку.)*

Степанида благоговейно берет ее руку, они идут рядом, слегка торжественно, будто бы в полонезе.

У Степаниды вдруг лопается одна из ее шаровидных грудей, потом другая, потом с шипением опадают обе ягодицы и живот. Одежды обвисают на ней, и она идет рядом с Цаплей, жалкая, застенчивая и вполне человечная.

Л а й м а *(Цапле).* Я должна вам сознаться. Я никогда в жизни не находила никакого минерала. Я не могу забеременеть. Если бы не ваш приход, я бы никогда не узнала, что в мире есть счастье. Что вы такое, ослепительное?

Ц а п л я *(протягивает ей руку).* Я — Цапля!

Теперь уже троица шествует по сцене под еле слышные звуки полонеза. Счастливый сияющий Моногамов ползет за Цаплей, держа сверкающий белизной шлейф.

Все остальные движутся вокруг кругами, как бы притягиваемые магнитом. Только лишь черти не обращают ни на кого внимания, наслаждаются друг другом, ловят кайф.

Л е ш а - ш в е й н и к *(бросается к Цапле, вопит).* Я не знаю, что вы такое! Никогда не предполагал, что вы появитесь в пьесе, т а к о е! Я должен признаться — я подделал путевку. Она — фальшивая! *(Горько рыдает.)* Я весь фальшивый!

Ц а п л я *(протягивает ему руку-крыло).* Не плачь! Я — Цапля!

Р о з а. Мне тоже нужно признаться в чем-то, я еще точно не знаю в чем. Я тоже всех дурачила, я саму себя дурачила. Корчила аристократку духа, а сама мечтала только о пенисе. Что бы вы ни были, могу я прикоснуться к вам?

Ц а п л я. Можешь! Я — Цапля! *(Протягивает ей руку.)*

Б о б. Я счастья жаждал только для показателей в прыжках! Кто я? Чему служили мои ноги? Зачем я прыгаю выше всех? Скажите мне, если вы и вправду пришли!

Ц а п л я *(протягивает ему край своего одеяния).* Узна́ешь! Я — Цапля!

К л а в д и я. Пожалейте меня просто так! *(Плачет.)* Дуры-то имеют право на счастье? Дуры, нахалки, хапужницы? Вы, как вас звать-то?

Ц а п л я *(протягивает ей край одежды).* Я — Цапля!

Л е ш а - с т о р о ж *(падая, катясь кувырком).* Труса, труса пожалейте! Стихи писал — боялся, в Цаплю влюбился, в драму влез — перебздел до смерти, грибы сушу — и то боюсь! Пожалейте труса, Сиятельство! *(Выбрасывает свое стеклышко.)*

Ц а п л я. Дай руку и ты, Леша-сторож. Я — Цапля! *(Протягивает ему уголок шлейфа.)*

Теперь уже все прикасаются к ней, кто к пальцу, кто к локтю, кто к белому оперенью. Всех она ведет за собой в тихом полонезе.
Наконец она останавливается в центре сцены, и все персонажи (за исключением чертей) садятся или ложатся рядом, располагаясь, как клумба вокруг скульптуры. Все смотрят на Цаплю с обожанием и счастьем. Лица светятся.

Ц а п л я. А ты, мой россиянин, ты первый полюбил меня, и я первого полюбила тебя, но сейчас ты — один из них.

М о н о г а м о в *(сияя).* Конечно. Я понимаю, моя Цапля.

В с е *(со вздохом полного счастья).* Наша Цапля!

10

ВОЛШЕБНЫЙ МИР

Какой волшебный мир нам преподнес Творец! Сосна, сова, луна, автомобиль, дорога... Дано увидеть тем, кто не совсем слепец, дано услышать тем, кто слышит хоть немного.

Таков волшебный мир. Плетешься с рюкзаком. Восточный Крым, базар, початок кукурузы, похмельный ренессанс вдвоем со стариком, похожим на козла и Робинзона Крузо.

Таков волшебный мир. В Парижской Опера́ тонка, нервна, юна антрактов примадонна. Шиншиллы на плечах, шампанского игра, явленье волшебства плейбоям беспардонным.

Таков волшебный мир. Сосед ваш Иванов, с утрянки похарка́в, уходит за газетой. Мясистое лицо еще во власти снов. С газетой под дождем он требует ответа.

Таков волшебный мир. Погибший в муках пес, пречистая душа, шотландский сильный сеттер, промчался через год и поднял чуткий нос и в некий песий рай прошелестел, как ветер.

Таков волшебный мир. Готический собор, торговый эпицентр, свободы баррикада, весенняя метель садовых липких спор, горластый саксофон, Джоан Баэз, баллада.

Таков волшебный мир. В нем властвует Господь. В нем ангелы поют, в нем заседают черти. Облачена в «деним», стареющая плоть предполагает жить, не думая о смерти.

Таков волшебный мир!
Каков презренный танк?
Таков волшебный мир!
Каков презренный танк?
Таков волшебный мир...

Ц а п л я. Ну, вот теперь мы все вместе. Даже и черти наши рядом, усталые черти, спутники человечества. Сказано, что спасутся все. Вы спрашиваете подробности, но я не все знаю. Я знаю лишь, что вокруг вас ваш мир, дети мои. Песок и сосны, дети мои. Болота и море, дети мои. Дороги и государственные

границы. Ночью, когда я взывала к вам, спали вокруг города, и шелестела листва. Вы просыпались, и на грани яви и сна вам казалось, что в ы понимаете мой призыв, но явь сгущалась, и вы его теряли. Что мне нужно передать вам... *(Внезапно замолкает и опускает голову.)*

В с е *(с нарастающей тревогой).* Что? Что? Что? Что? Что? Что? Что?

На сцену с извиняющимися улыбочками и виноватыми поклонами к стенке с ружьем вытанцовывают черти.

Ц и н т и я *(кланяется зрителям и актерам).* Пшепрашем паньство, но если зи хабе нах театр айн штюк сцена...

К а м п а н е е ц *(вздыхает).* К сожаленью, полагается...

К л а р е н с. Айн штюк мауэр, уолл, стена... *(Стряхивает слезу.)*

Ц и н т и я. Если сцена хабе стена...

К а м п а н е е ц *(разводит руками).* По законам драматургии...

К л а р е н с. Имеет гвоздь! *(Хнычет.)*

Ц и н т и я. Иф уи хэв стена и гвоздь...

К а м п а н е е ц *(смущенно покашливает).* Объективная реальность, товарищи.

К л а р е́ н с. Висель ружье! *(Молча рыдает.)*

Ц и н т и я *(смущена до предела).* Если нах мауэр висель ружье...

К а м п а н е е ц. Простите, не я это придумал, но оно должно убить. *(Толкает стенку с ружьем, машет рукой и отворачивается в искреннем огорчении.)*

Стенка с ружьем начинает медленное вращенье.

В с е *(отчаянно).* Нет!

К л а в д и я *(истерично).* Лешка, сделай что-нибудь!

Р о з а *(рыдая).* Алексей, остановите вращение, я вас умоляю!

Леша-сторож и Леша-швейник становятся на колени.

Л е ш а - с т о р о ж *(отчаянно).* Что мы-то можем сделать против законов драматургии? Мы-то неумытые?

Л е ш а - ш в е й н и к. Для этого надо родиться другими!

Обнимаются и плачут.
Стенка с ружьем продолжает медленное вращенье.

В с е. Нет! Нет! Нет! *(Вскакивают и загораживают Цаплю своими телами, скрывают ее от глаз.)*

Громоподобный выстрел.
Все разлетаются в стороны — и люди, и черти.
В центре сцены комок белоснежных одеяний — неподвижная Цапля.

У Б И Т А !

Застывшие позы почти непереносимой скорби.
Черти удаляются в глубину сцены и там, печально подпрыгивая, напевают свое любимое:

Бомбовозы везут,
Огнеметы метут,
Проползают тяжелые танки.
Если кончишь, мой друг,
Свой тяжелый кунштюк,
Залетай в легендарной тачанке.

Моногамов, тяжело кашляя, словно в последней стадии чахотки, выползает к рампе и смотрит в зал своими огромными глазами.
Куча белых перьев покоится за его спиной.

М о н о г а м о в. Прощай! Прощай, моя молодость! Как долго ты тянулась, тебе не было конца, а вот теперь — прощай! Теперь я начинаю умирать. Сколько лет я буду умирать, десять, сорок, это неважно. Прощай, мой мир, теперь я уже тебя не увижу. В Африке, в Европе, в Азии, в Антарктиде, в Америке и в Австралии — я буду слеп. Прощай! Прощай, моя Цапля, мне нечего ждать, я тебя никогда не забуду, я тебя никогда не увижу! *(Опускает лицо в ладони и застывает.)*

Из кучи белых перьев поднимается прежняя нелепая жалкая птица с круглыми глупыми глазами. Она что-то держит под крылом.
Воцаряется ночь из первого акта: сполохи.
Цапля ковыляет в просцениум и кладет рядом с застывшим Моногамовым огромное белоснежное яйцо.

Ц а п л я *(Моногамову).* Россиянин!
М о н о г а м о в *(в ужасе).* Что?
Ц а п л я. Т-с-с! Жди! *(Садится на яйцо и устраивается высиживать.)*

Занавес

11

ВОПРОС

Волна, проходящая вдоль волнореза, пройдя, угасает. Парус, бегущий над волнами резво, в конце концов убегает. Негр, поднимая уверенно ногу, вскоре ее опускает. Даже экскурсовод со своим монологом все-таки замолкает.

Все пролетает, тлеет, течет. Не удержать момента. Смена правительства часто ведет к гибели монумента.

При сотвореньи великих царств сотворены и капуты. Пьеса, которую ты созерцал, кончится через минуту.

То, что останется на века, через века и усохнет. То, что не стоит даже плевка, и без плевка подохнет.

Пьесам бессмертие не грозит. Капает капля за каплей. Очень естественно в этой связи взять в героини цаплю.

В этой связи почему не связать рифмой экватор и кратер, выдать герою чужие глаза и начинать театр.

Театр начинается с вешалки и кончается ею. В середине туалет и буфет. Пигмалион полюбил Галатею. В зале зажегся свет.

Но самое забавное, быть может, и не конец, как некогда высказался один англичанин; начало вот подлинно делу венец, всяческое начинание всяческих начинаний.

Из темноты кто-то делает нос. Некто проходит, смеется. Встав на колени, ты спросишь всерьез: Что-нибудь остается?

1979, январь-апрель

АКСЕНОВ Василий — род. в 1932 г. в Казани. Окончил Ленинградский медицинский институт. Печатается с 1959 г. Уже первые его произведения (повесть «Коллеги» и роман «Звёздный билет») были встречены читателями с большим интересом. Одно из последних крупных произведений писателя — роман «Золотая наша железка» — вышло в сентябре 1979 г. в изд-ве «Ардис» (США).

СПРАВОЧНИК ЭМИГРАЦИИ!!!

Новое коммерческое издание с биографическими данными эмигрантов из СССР, независимо от страны, в которой они сейчас живут. Все политические деятели, бывшие политзаключенные, религиозные деятели, ученые, писатели, журналисты, деятели искусств, предприниматели, врачи, адвокаты, специалисты в разных областях будут включены в Справочник безо всякой дискриминации.

По желанию в справочнике могут быть опубликованы также рекламные сведения об организациях, предприятиях, издательствах, ресторанах, галереях, основанных эмигрантами.

Каждый заинтересованный должен направить запрос по адресу: POB 24027, Mount Scopus, Иерусалим, с приложением конверта с оплаченным ответом и надписанным на конверте обратным адресом. Желающим будет выслан вопросник.

ЭТОТ СПРАВОЧНИК НА МНОГИЕ ГОДЫ БУДЕТ ГЛАВНЫМ ИСТОЧНИКОМ ИНФОРМАЦИИ ОБ ЭМИГРАЦИИ. ОН ПОЗНАКОМИТ ВАС ДРУГ С ДРУГОМ. ОН ПОЗВОЛИТ ВАМ СОХРАНИТЬ МНОГИЕ СТАРЫЕ СВЯЗИ И ПРИОБРЕСТИ НОВЫЕ ВО ВСЕХ СТРАНАХ.

Copyright «АРХЕОН».

Людмила Алексеева

ЮРИЙ ОРЛОВ — РУКОВОДИТЕЛЬ МОСКОВСКОЙ ХЕЛЬСИНКСКОЙ ГРУППЫ

Уже с середины октября 1976 г. начались у членов Московской Хельсинкской группы жизненные затруднения, организованные по принципу «индивидуального подхода».

Александр Гинзбург после пятилетнего заключения не имел московской прописки и жил в Тарусе. Но в Москве находилась его семья: жена с двумя маленькими детьми и больная мать, — и в Москве он имел работу — секретарство у А. Д. Сахарова. Гинзбург приезжал из Тарусы постоянно, но не более, чем на трое суток, что разрешается паспортными правилами. Однако стоило ему войти в свой дом, как появлялся милиционер и уводил его в милицию — штрафовать за «нарушение правил прописки». Эта игра продолжалась до самого ареста Гинзбурга.

25 октября В. Слепак и А. Щаранский вместе с другими активистами еврейского движения за выезд в Израиль попали на 15 суток под арест за протест против избиения дружинниками их товарищей, обратившихся в Президиум Верховного Совета с очередным коллективным требованием о выезде.

29 ноября два сотрудника КГБ явились на работу к сыну Мальвы Ланды и предупредили, что, если она

Окончание. Начало — в № 21.

не прекратит деятельности в Группе, он будет уволен. А 18 декабря в комнате Мальвы случился пожар. Обстоятельства его были очень странными, но только со временем прояснилось, что и это — запланированная неприятность.

Эти события не приковывали особого внимания на общем фоне: продолжались аресты диссидентов и верующих, помещения в психбольницы, участились отказы желающим эмигрировать. Но делалось все это осторожно, с оглядкой на огласку. В психбольницы стали помещать главным образом не через суд, а путем госпитализации, и в случаях, которые привлекали внимание, быстро выпускали. Даже избиение дружинниками 13 евреев-отказников, собравшихся в приемной Президиума Верховного Совета СССР, свидетельствовало о страхе перед оглаской: видимо, не придумали, как иначе устрашить упорствующих и прекратить их сидение в приемной, что приковывало внимание западной прессы. Но скандал получился на весь мир, министр внутренних дел Щелоков вынужден был принять делегацию жалобщиков, а отказников Чернобыльского и Асса, арестованных во время свалки и обвиненных в «избиении дружинников» (апробированный способ — свалить с больной головы на здоровую: сколько таких судов проворачивали без труда!), пришлось выпустить, и это было общей радостью.

Были и другие необычайные и радостные события — например, традиционная (начиная с 65-го года) демонстрация 5 декабря на Пушкинской площади, которая ни разу не была такой многолюдной, как в 1976-м. Но впечатление от демонстрации вскоре затмилось неслыханным известием — об обмене Буковского на Корвалана. Проводы Нины Ивановны Буковской были нашим общим праздником. А потом зарубежные радиостанции передавали выступления Буковского в разных странах Европы, и его освобождение переживали как личную радость не только его

давние друзья, но и миллионы радиослушателей, знавших его лишь по имени.

С конца декабря власти, похоже, сосредоточились на «главном зле» — Хельсинкских группах. Огласка при этом была неизбежна, но уж, видимо, разрастание правозащитного движения под хельсинкским флагом стало страшить больше, чем урон престижа. И расчет был, что Запад все-таки «поймет и простит», как не раз бывало...

Перенос «центра тяжести» на Хельсинкские группы проявился в Москве сначала лишь в распространении тотальной слежки, которой подвергался Ю. Ф., на почти всех членов Группы — их тоже стал круглосуточно караулить и сопровождать повсюду эскорт из одной-двух машин, набитых кагебистами, а у домов расположились воронки́ с какой-то таинственной аппаратурой.

Но начали с Украины.

25 декабря, в Рождество (с очевидным расчетом на снижение мобильности западной общественности в дни праздничных каникул) были проведены обыски у пяти из 10 членов Украинской Хельсинкской группы.

Сотрудники КГБ, неусыпно следившие за ними, знали заранее, что никаких компрометирующих материалов в их домах нет, и пошли по пути уголовщины — принесли их на обыск сами. «Криминальный реквизит», подброшенный на этих обысках, был показателем, что на Украине готовится инсценировка разоблачений участников Хельсинкского движения как людей аморальных (у Олеся Бердника «нашли» порнографические открытки), готовящих по заданию иностранных разведок (Руденко подбросили 40 долларов) вооруженное свержение советской власти (у Олексы Тихого вырыли в саду винтовку старого немецкого образца).

4 января нагрянули с обыском к Ю. Ф., Алику Гинзбургу и ко мне, а также к матери Гинзбурга Люд-

миле Ильиничне и к Лиде Ворониной, только что вернувшейся из поездки по поручению Группы к пятидесятникам на Северный Кавказ и на Дальний Восток.

Пришли рано утром, к Гинзбургам и ко мне вошли обманом, а у Орловых, которые открыли не сразу, потому что еще спали (Ю. Ф. по обыкновению работал полночи), взломали дверь. У всех троих забрали самиздат, тамиздат и материалы Группы, а у Алика Гинзбурга, распорядителя Фонда помощи политзаключенным, еще и материальные ценности и деньги (и фондовские и семейные, так что в доме, где двое маленьких детей, после обыска осталось 38 копеек).

Обыск производился так, что после его окончания Гинзбург в записи на протоколе назвал обыскивавших грабителями (отметив, впрочем, что «эти грабители были в основном вежливы»), а я в знак протеста против «грабежа под видом обыска» отказалась на нем присутствовать, когда изымаемые бумаги стали запихивать в большие конверты без всякой описи. Наши протесты были вызваны не только привычкой настаивать на соблюдении законности при соприкосновении с властями в любых жизненных ситуациях. Были все основания опасаться, что среди изъятых без описи материалов «окажутся» инструкции из шпионского (или сионистского) центра и Бог знает что еще. Уже во время обыска у Гинзбурга, как и у Руденко, «нашли» иностранную валюту — 130 американских долларов и 140 немецких марок (видимо, по представлениям кагебистской мафии, московские «пособники империализма» должны оплачиваться выше, чем украинские).

Около 6 часов вечера, когда обыски шли еще полным ходом, иностранные корреспонденты в Москве получили сообщение ТАСС, что изъятые у нас материалы «неопровержимо доказывают» причастность всех троих «к НТС, за спиной которого стоят иностранные разведки, действующие из Парижа» (если

бы такие материалы и были у нас, непостижимо, как узнали об этом сотрудники ТАСС и сами обыскивающие: они забирали бумаги, не читая и не просматривая).

На следующий день, на 5 января, еще до обысков была назначена пресс-конференция. К ней готовили (осторожно, без преждевременной огласки) сообщение об организации под эгидой Московской Хельсинкской группы Рабочей комиссии по расследованию использования психиатрии в политических целях.

Это была, в основном, молодежная ассоциация. В нее вошли Саша Подрабинек, Слава Бахмин, Феликс Серебров, Ира Каплун. От Хельсинкской группы вошел П. Г. Григоренко (который и в Московскую группу входил, и в Украинскую — и всюду не формально, не для придания весомости своим именем, а действительно много делал, хотя каждому в Рабочей комиссии в дедушки годился, а в обеих Хельсинкских группах — в отцы, и здоровье после ранений на фронте и многолетних пребываний в спецпсихбольницах требовало сосредоточиться на лечении). Юридическим консультантом Рабочей комиссии была объявлена Софья Васильевна Каллистратова, адвокат с международной известностью, отважно защищавшая подсудимых на многих политических процессах.

Проблема психиатрических репрессий была очень острой с самого начала движения, их жертвами стали многие диссиденты. В 8-м документе Московской Хельсинкской группы указывалось, что, кроме диссидентов, психиатрические репрессии применяются в массовом порядке против жалобщиков, осаждающих официальные инстанции. Этих людей обычно не арестовывали и не судили, их хватали в кабинетах чиновников, к которым они обращались за помощью, и госпитализировали на срок от нескольких дней до нескольких месяцев, а повторно попавших — и на годы. В документе № 8 приводилась статистика: примерно 12

человек в день милиция направляет к дежурным психиатрам только из приемной Президиума Верховного Совета, два-три человека в день — пытающихся проникнуть в иностранные посольства (обычно с просьбой помочь эмигрировать), да еще из других присутственных мест и прямо с улицы. Примерно половина схваченных госпитализируется.

С осени 1976 г. были известны несколько случаев помещения в психбольницы верующих и участников правозащитного движения, в том числе и в Москве (А. Аргентов, Э. Федотов, П. Старчик и др.). Каждая госпитализация вызывала энергичные протесты, и к Новому году все известные Группе госпитализированные были на свободе. Но 25 декабря госпитализировали давнего участника правозащитного движения Владимира Борисова, который уже дважды помещался в психбольницы по суду. Вновь созданная комиссия должна была заняться прежде всего его делом, а также выявлением несомненно имеющихся, но неизвестных случаев и судьбами политзаключенных, уже долгие годы заточенных в психбольницах.

Не все было готово к предстоящей пресс-конференции: предыдущий день выпал из-за обысков, и к неподготовленным сообщениям прибавилось еще одно — о вчерашних событиях.

С утра собрались у Турчиных, и началась работа: кто готовил тексты сообщений, кто печатал, кто диктовал, кто проверял напечатанные страницы. А под окнами, как всегда, торчали кагебисты. К установленному часу все было готово, и мы толпой человек в 10 вышли из дому — пресс-конференция была назначена у Гинзбургов.

Ю. Ф. шел между мной и Лидой Ворониной, остальные — спереди и сзади от нас. Вдруг перед нами вырос какой-то тип. «Вы Юрий Федорович Орлов? — спросил он и, не дожидаясь ответа, взял его за плечо: — Пойдемте со мной».

Ю. Ф. молча остановился. Я и Лида завизжали и вцепились в него с двух сторон. Отовсюду к нам бежали какие-то люди. В мгновение мы трое оказались в их кольце, и после короткой свалки Ю. Ф. впихнули в машину, подкатившую вплотную к нам. Она отъехала, а за ней еще несколько, целая вереница.

На пресс-конференции мы прежде всего объявили о задержании Ю. Ф., и некоторые корреспонденты тут же вышли — звонить по автомату в свои бюро об этом. А мы перешли к основному вопросу — о создании Рабочей комиссии по расследованию использования психиатрии в политических целях. Но корреспонденты слушали невнимательно, их больше интересовали «детективные» подробности вчерашних обысков, например, как подбросили Гинзбургу валюту. Ее «нашли» в стенном шкафу в уборной. Корреспонденты столпились у открытой двери этого помещения, и жена Гинзбурга Арина показала им, как следователь, стоя к ней спиной и закрывая собой шкаф, вытащил оттуда доллары и марки. Потом все вернулись в комнату узнать об объявленных ТАСС доказательствах нашей связи с НТС. Она состояла в том, вероятно, что у Ю. Ф. нашли две книги (В. Гроссмана и В. Максимова), изданные издательством «Посев», у Гинзбурга — несколько старых выпусков журнала «Посев» и у меня один за 72 год. (Но ведь в наших домах были кипы советских газет, в том числе «Правды», почему же не отметили нашей «связи» с ЦК КПСС?)

Ю. Ф. вернулся часа через три. У него был допрос. Отвечать он отказался и заявил протест против преследований Хельсинкских групп.

В тот день мне позвонили из ОВИРа, куда я примерно месяц назад отправила по почте документы на выезд нашей семьи. Мне их вернули из-за нехватки многих справок, и накануне обыска я вновь отправила этот пакет, ничем его не дополнив. Теперь позвонили,

что наши документы готовы рассматривать без недостающих справок. Отъезд в такое время был бы похож на бегство «пойманного с поличным иностранного агента». Я не хотела исполнять этой роли, видимо, отведенной мне стратегами из КГБ в плане дискриминации Московской Хельсинкской группы, и я ответила, что обстоятельства изменились и мы решили отложить отъезд на неопределенное время.

Начались вызовы на допросы. Гинзбург не пошел: он схватил воспаление легких, и семья Сахаровых забрала его к себе, чтобы не потащили его с высокой температурой ни на допрос, ни в милицию из-за пресловутой прописки. Ю. Ф. тоже не пошел. Он починил выломанную во время обыска входную дверь и поставил крепкие замки на нее и на двери обеих комнат. Он решил добровольно двери не открывать, а если вломятся, отступать за каждую дверь — пусть ломают одну за другой. На улицу он не выходил, сидел дома и поглядывал в окна на топтунов.

В своих письмах Ю. Ф. писал в эти дни: «...Нормальная работа Группы нарушена. Дальнейшая судьба Александра Гинзбурга, Людмилы Алексеевой, Анатолия Щаранского и других, а также членов Украинской и Литовской Групп меня беспокоит чрезвычайно. Я счастлив, однако, что мы всё же успели сделать до начала наступления властей не так уж мало. Мы всегда очень спешили, но теперь хорошо видно, что это было правильно. Мы пытаемся в этих условиях, которые можно назвать фронтовыми, продолжать нашу работу». «...Они решили ликвидировать Группу, но мы будем держаться до последнего...». «Я все же надеюсь провести 14. 1. 77 пресс-конференцию, на которой наша Группа (или та ее часть, которая останется на свободе к этому времени) передаст несколько очередных документов...».

Наша постоянная спешка в эти дни стала прямотаки лихорадочной. Труднее всего было с докумен-

том № 17 — о больных политзаключенных, потому что картотеку политзаключенных, в которой среди прочих сведений были указаны и болезни каждого из них, забрали на обыске у Гинзбурга. Отложить дело до полного восстановления утраченных сведений было никак нельзя, ведь неизвестно было, сколько времени удастся еще проработать Группе. Мы решили собраться у Ю. Ф., чтобы каждый сказал, что он помнит, и составить хотя бы неполный список нуждающихся в освобождении по состоянию здоровья. Это был, пожалуй, единственный случай, когда собрались почти все члены Группы. Не было, помню, Мальвы Ланды, она лежала в квартире своего сына, неподалеку от дома Ю. Ф., с ожогами на руках и лице после пожара, учиненного у нее в комнате как раз в день обмена Буковского и отъезда его матери в Швейцарию. В тот день приехали к Ю. Ф. корреспонденты немецкого телевидения. Они сняли Группу за работой (а наши «ангелы-хранители» прокололи пока шины на их машине). Вскоре этот телефильм смотрели по всей Европе. В Швейцарии видели его Буковский и приехавшая встречать его Наталья Горбаневская. Она потом позвонила в Москву: «Сидите! Разговариваете! Вот чудеса!».

Кроме документов о больных политзаключенных, мы готовили к 14 января подробный отчет об обысках в Московской Хельсинкской группе с приложением копий протоколов изъятого (на случай фальсификации отобранных материалов), документ о положении месхов и документ о сорванном властями международном симпозиуме по еврейской культуре, который намеревались провести в Москве евреи-отказники. В повседневной толчее и спешке мы хоть и слышали о взрыве в московском метро в субботу 8 января, но как-то прошло это сообщение мимо сознания. И вдруг оказалось, что оно имеет прямое отношение к диссидентам.

Виктор Луи, корреспондент лондонской «Ивнинг ньюс», через которого советские власти не раз делали неофициальные заявления, высказал предположение, что взрыв этот — дело диссидентской группы, вдохновленной примером западногерманских террористов. Некоторые западные газеты повторили эту версию.

Стало известно об обысках по поводу взрывов у Владимира Рубцова, близкого к семье Сахаровых, — вот куда хотели протянуть нить. Специально созданные «тройки» — двое в штатском и милиционер — то и дело хватали кого-нибудь из знакомых на улице или вламывались на работу, обыскивали без ордера, а на протесты орали: «Где ты был в субботу в 6 часов вечера?». В учреждениях Москвы проводились закрытые собрания, и пришлые докладчики указывали возможных виновников взрыва — «националистов, сионистов и вообще всяких диссидентов».

А. Д. Сахаров сделал заявление по этому поводу, отметив с тревогой все более заметную тенденцию: власти, никогда не способные противостоять диссидентам на почве закона, открытой и честной дискуссии, теперь, когда за рубежом усилилась реакция на открытые преследования за убеждения, стали все чаще применять чисто уголовные методы. Он привел свежие примеры: избиения, подлоги, провокации, клевету, угрозы убийствами (в том числе Елене Боннэр — убить ее крошечного внука) и даже, по-видимому, политические убийства (за последний год было несколько случаев гибели диссидентов при неизвестных обстоятельствах, причем ничего не было сделано для расследования этих дел и розыска виновных в убийстве). «Я не могу избавиться от ощущения, — писал Сахаров, — что взрыв в московском метро и трагическая гибель людей — это новая и самая опасная за последние годы провокация репрессивных органов», возможно, совершивших это преступление, чтобы иметь по-

вод для массового преследования диссидентов и изменения внутреннего климата в стране.

На пресс-конференцию 14 января корреспондентов сбежалось больше, чем обычно, и «своих» тоже, не только члены Группы. В задней комнате квартиры Орлова не хватило сидячих мест, сидели на брошенных на пол диванных подушках. Щелкали фотоаппараты и даже крутили телекамеру. А спрашивали об одном: о взрывах. Корреспондентам было передано коллективное заявление «По поводу взрывов в московском метро». Его подписали Московская и Украинская Хельсинкские группы, а также представители других правозащитных ассоциаций: старейшей из них Инициативной группы защиты прав человека в СССР, грузинской Инициативной группы, советского отделения Международной амнистии и только что созданных Христианского комитета защиты прав верующих в СССР и Рабочей комиссии по расследованию использования психиатрии в политических целях; были подписи пятидесятников и активистов еврейского движения за выезд в Израиль. Заявление гласило: «Мы, представители различных диссидентских групп в Советском Союзе, считаем необходимым обратить внимание мировой общественности, что употребление Виктором Луи термина «диссидентская группа» в применении к реальным или вымышленным террористам есть сознательная провокация КГБ... Название «диссиденты» в Советском Союзе прочно закрепилось за участниками движения за права человека. Диссиденты имеют различные политические, религиозные, философские взгляды, а объединяет их то, что, добиваясь осуществления основных прав человека, они полностью отвергают насилие или призывы к насилию как средству осуществления своих целей. Диссиденты относятся к террору с негодованием и отвращением». Мы заявляли, что каждый журналист или комментатор, который в своих писаниях не проводит четкого разделе-

ния между диссидентами и террористами, помогает КГБ опорочить диссидентов и натравить на них сбитого с толку и дезинформированного советского человека.

На этой же пресс-конференции Московская Хельсинкская группа объявила о вступлении в нее двух новых членов: физика Юрия Мнюха и математика Наума Меймана и передала корреспондентам очередные документы — с 16-го по 19-й. Эти документы оказались последними, под которыми еще стояли подписи Орлова, Гинзбурга и моя. Но в тот день о такой возможности отчетливо не думалось, хотя она не исключалась. Общее настроение было даже несколько приподнятым. Обыски на Украине и в Москве, толки о взрывах и угрозы семье Сахаровых тревожили, конечно, но не стерли радостного возбуждения от декабрьских событий, особенно от освобождения Буковского. Следователь, несколько дней подряд вызывавший меня на допросы, как он сам сказал, по материалам обыска, ни разу не упомянул ни об НТС, ни об иностранных разведках. Было похоже, что затея связать Группу с НТС провалилась из-за шума на Западе. Появилась надежда, что обысками все и кончится. Это обнадеживало, что и со взрывами тоже не выйдет.

На посленовогодние дни приходится два праздника, которые отмечают многие москвичи: православное Рождество и «старый Новый год». Оба эти вечера друзья Орловых, зная, что Ю. Ф. из дому не выходит, собирались в их осажденном доме, и было там многолюдно и без натуги весело. Что думали о нас филеры, мерзнущие под окнами, когда слышали изнутри музыку и взрывы общего хохота? Что это пир во время чумы? Ни у хозяина дома, ни у его гостей не было такого ощущения. Диссидентская среда поражает сторонних людей веселостью этих добровольных кандидатов в тюрьмы и лагеря. Я думаю, что дело здесь в душевной гармонии, которую дает освобождение от двоемыслия и двоедушия. А перспек-

тива ареста постепенно становится привычной и не гложет, как не гложет нормального человека мысль о смерти, хотя каждый знает, что рано или поздно умрет.

На старый Новый год принято гадать, и в тот вечер у Ю. Ф. тоже гадали на раздобытых для этого случая английских гадальных картах. Алик Гинзбург от гадания отказался. Толе Щаранскому среди прочих хороших карт выпала «дальняя дорога», все радостно завопили: «Следующий год в Иерусалиме!» и потянулись чокаться с ним, а он сиял, как именинник. Ю. Ф. достался оптимальный набор счастливых карт, будто нарочно отобрали их из колоды: осуществление заветных замыслов, успех в делах, общее признание, счастье в любви. Что ж, все исполнилось. Карты умолчали лишь о цене за это. Наверное, потому, что были английскими, и в них не предусматривались варианты судеб, решаемых в КГБ.

После пресс-конференции 14 января надежда, что «все обойдется», стала почти всеобщей, потому что вдруг была снята давняя кагебистская осада вокруг Орловых-Гинзбургов-Турчиных. Одновременно оставили в покое и других членов Группы, кроме Анатолия Щаранского. За ним по-прежнему всюду следовали 2-3 машины, т. е. человек 12 «свиты».

Отсутствие «хвостов» создавало очень светлое чувство легкости, освобождения. Только тут стало понятно, как давило, оказывается, их постоянное присутствие. Разумеется, мы тут же рассудили, что снятие осады — это результат общественного возмущения на Западе преследованиями Хельсинкских групп. «Теперь нас, по крайней мере, до окончания Белградской конференции оставят в покое», — прогнозировал Ю. Ф. Не знаю, действительно ли он так думал или только мне говорил это, потому что все это время он торопил меня подавать документы на выезд: Группе, мол, очень нужен представитель на Западе. Может

быть, хотел обезопасить хоть одно из «связанных с ним лиц»? В этом же направлении действовали и мои домашние — мать, муж, сыновья. 21 января в состоянии эйфории, порожденном предсказаниями Ю. Ф. и снятием осады, я подала в ОВИР соответствующие документы.

1 февраля наша семья получила разрешение на выезд. А 2 февраля появилась в «Литературной газете» статья Петрова-Агатова «Лжецы и фарисеи». Это был не просто ушат грязи на диссидентов, на Московскую Хельсинкскую группу. «Гвоздь» статьи был в завершении подготовки «валютных» обвинений против Гинзбурга. Петров-Агатов, бывший политзэк и сокамерник Алика Гинзбурга, письменно заявил, что доллары и марки, «найденные» у Гинзбурга во время обыска, — лишь малая доля иностранной валюты, незаконные операции с которой тот якобы не раз совершал у него на глазах. Это лжесвидетельство было необходимым и достаточным дополнением к протоколу обыска и сделало очевидным скорый арест Гинзбурга. Упоминал Петров-Агатов и об Орлове. Его он в уголовщине не обличал, а лишь сокрушался по поводу его «аморальности» и «тщеславности». От близких к «Литгазете» людей стало известно, что сначала была набрана другая статья, предрешавшая арест и Орлова тоже, но в последнюю минуту ее заменили статьей Петрова-Агатова.

И опять пресс-конференция в доме Гинзбургов. Заплаканное лицо Арины. Оцепеневшая, с потухшим взглядом Людмила Ильинична, мать Алика. Сам он держался как обычно, но начал с заявления: ввиду скорого ареста он сделает отчет о работе Фонда помощи политзаключенным и объявит фамилии своих преемников по Фонду.

Арестовали Алика на следующий день, 3 февраля. Он все еще температурил после воспаления легких. Вышел лишь на минутку, позвонить по автомату: в

Рязани был назначен процесс над баптисткой, ей грозило лишение родительских прав за религиозное воспитание детей; надо было найти человека для поездки на суд. Алик вышел, накинув на плечи легкую куртку, — и не вернулся. Арина, сама с температурой, бросилась на розыски. Вместе с друзьями объехала она окрестные отделения милиции. Еще теплилась надежда, что это очередной привод из-за прописки. Но следы сыскались в приемной КГБ: «Да, задержан нашими сотрудниками из Калуги», — сказали ей там. На утро подтвердилось и без того ясное — что это не задержание, а арест. И еще стало известно, что обвиняется он по нескольким уголовным статьям и что еще вчера увезен в Калугу — в холодном воронке, без теплой одежды. Мороз стоял лютый, и Арина помчалась в Калугу с теплыми вещами. Была пятница, и не успей она к 3 часам дня, все отложилось бы до понедельника.

Сообщение об аресте Гинзбурга передали члены Московской Хельсинкской группы без Арины и без Ю. Ф. Он еще накануне вечером уехал из дому и из Москвы. В дом Орловых приходил милиционер, принес вызов на допрос на следующий день, но жена сказала, что Ю. Ф. нет дома. Дом опять обложили кагебистские машины, Ира Орлова пришла на пресс-конференцию с длинным «хвостом». Она молча прослушала и сообщение об аресте Гинзбурга и отчет о работе Рабочей комиссии по расследованию использования психиатрии в политических целях, а когда корреспонденты уже стали расходиться, сказала какому-то американцу: «Вы предали нас».

У многих было такое чувство, что арест Гинзбурга — прямой результат уже обозначившейся непоследовательности позиции нового президента США по отношению к правозащитному движению в СССР.

25 января академика Сахарова вызвали в Прокуратуру и предупредили, что рассматривают его заяв-

ление о возможной причастности КГБ к взрыву в московском метро как клеветническое, грозили судебным преследованием. Это вызвало беспрецедентную реакцию Госдепартамента США — официальный протест против запугивания «выдающегося, уважаемого ученого, Нобелевского лауреата, который с большим риском трудится, чтобы способствовать уважению прав человека в его родной стране». Но за этим последовало странное разъяснение президента, что заявление было сделано без его ведома. Это звучало, как едва завуалированное извинение перед советскими властями и— хотел того Картер или нет — как гарантия невмешательства в расправу над диссидентами. Таким образом, заявление Госдепартамента о поддержке обернулось ударом в спину. Статья Петрова-Агатова и арест Гинзбурга последовали через пару дней после «разъяснения».

6 февраля позвонила из Киева жена руководителя Украинской Хельсинкской группы Миколы Руденко. Накануне его с улицы забрали на допрос — и он не вернулся домой. Из-под Донецка пришло смутное известие об аресте Олексы Тихого. Все трое арестованных были мечены заранее подлогами на обысках. Что ждало остальных, прежде всего Ю. Ф.?

Уже после пресс-конференции по поводу ареста Гинзбурга зарубежные радиостанции передали новое заявление Госдепартамента, на этот раз, как специально отмечалось, согласованное «в самых высоких сферах». В нем выражалась озабоченность по поводу ареста Гинзбурга и вообще преследований диссидентов. Это уже не могло вернуть свободы ни Гинзбургу, ни арестованным украинцам. Но хотелось верить, что попятный шаг американского президента — лишь политический промах человека, не имеющего опыта общения с советскими властями. Создавая Хельсинкскую группу, мы не рассчитывали на правительственную поддержку ни нашей позиции, ни тем более нас

самих. В этом смысле линия, принятая президентом Картером, была «нечаянной радостью». Но сдача моральных позиций перед силой всегда рождает тягостное чувство, даже если к этому вынуждают беззащитного арестанта. Тем тягостней, если моральную уступку силе делает президент великой страны.

В Заявлении по поводу ареста Гинзбурга А. Д. Сахаров и И. Р. Шафаревич писали: «Есть все основания опасаться, что арест Александра Гинзбурга — звено в цепи репрессий, запланированных навстречу Белградскому совещанию. Как далеко пойдет эта волна, где она на этот раз остановится — это зависит от реакции советской и мировой общественности».

Ю. Ф. уехал в подмосковную деревню, где прошло его детство, и в Москву не показывался. За его женой и близкими друзьями повсюду ходили — надеялись, что те выведут на него. Но он сам не выдержал неопределенного положения. 9 февраля он вернулся в Москву, но поехал не домой, где наверняка ждала засада, а ко мне. У моего дома после получения разрешения на выезд было чисто. Но я после очередного допроса поехала не домой, а к Петру Григорьевичу, где составляли заявление с просьбой о взятии больного Гинзбурга на поруки. Только я села за машинку печатать готовый текст, как приехал Турчин. «Беги немедленно домой! — закричал он мне с порога, а дальше стал писать: — Тебя ждет Ю. Ф. Он хочет сделать заявление для прессы». Я что было духу помчалась домой. С Ю. Ф. мы не сказали вслух ни слова, писали друг другу. Приехали Турчин и Щаранский. Вокруг дома никого нет, сказали они. Сразу же за ними появились три приглашенных корреспондента. Они задали Ю. Ф. вопрос, скрывается ли он. Нет, ответил Ю. Ф., но идти к ним сам добровольно тоже не намерен. Он передал корреспондентам составленное им «Предложение о международной конференции по рассекречиванию информации». Он предлагал разде-

лить этот процесс на несколько этапов. На первом этапе следовало запретить засекречивание информации о стихийных бедствиях, эпидемиях, преступности, условиях жизни и нарушениях прав человека.

Ю. Ф. высказал предположение, что в случае ареста ему, вероятно, дадут слабое наказание, а Гинзбурга, Руденко и Тихого постараются выставить уголовниками и дать максимальные сроки.

Не более чем через 5 минут после того, как Ю. Ф. заговорил вслух, в квартире отключили телефон (хорошая иллюстрация на тему, прослушиваются ли наши дома). Еще через 15 минут, когда корреспонденты собрались уходить, а вместе с ними и Ю. Ф., я вышла вперед — проверить, свободен ли путь. У подъезда стояла кагебистская машина, в подъезде целовалась какая-то парочка. Толя Щаранский узнал «кавалера», тот не раз ходил за ним следом. Ю. Ф. решил остаться у нас на ночь. Поставили ему раскладушку, но почти не ложились. Мы шептались в темной кухне. Он вспоминал то одно, то другое дело, которое надо довести до конца. Я не записывала, старалась запомнить. В пятом часу ночи я разбудила сына и попросила обежать вокруг дома: вдруг на ночь осаду сняли. Был сильный мороз, он основательно оделся: сапоги, полушубок. Но не пришлось даже спускаться на лифте. Только открыл дверь из квартиры — прямо под дверью стоял какой-то тип, и на лестнице сидели двое.

Утром я вышла звонить по автомату (телефон попрежнему бездействовал). На лестнице — и вверху, и внизу — сидели ражие молодцы, такие же толпились в подъезде. Около дома, на расчищенной от снега площадке, сгрудилось несколько машин. Я предупредила Иру, что Ю. Ф. у меня, чтобы она и В. Турчин приехали посоветоваться. Я была за то, чтобы Ю. Ф. не выходил, остался жить у нас. Он сказал, что, пожалуй, так и сделает, и стал соображать, чем заняться в бли-

жайшие дни. Среди намеченных дел была уборка снега с балкона.

Раздался звонок в дверь. «Наверное, Ира с Валей», — подумала я, но все-таки спросила, кто там. «Прокуратура». Я метнулась в комнату: открывать или пусть ломают дверь? «Впустите их», — сказал Ю. Ф. и стал обуваться (он сидел в тапочках). Прикрыв дверь в комнату, где он был, я отперла замок. За дверью оказалось человек восемь. Все очень высокого роста, в новеньких милицейских шинелях, лишь один в штатском.

— Это что, обыск? — спросила я.

— Нет, но у нас есть сведения, что вас посещают ваши единомышленники.

— Разумеется, не ваши, а мои.

Тип в штатском открыл стенной шкаф в коридоре.

— Я не разрешаю осматривать квартиру без ордера на обыск, — запротестовала я.

— Ну, что же вы нас держите в передней, пригласите в комнату, — сказал один из милиционеров, и я узнала его, он участвовал в обыске у меня месяц назад. Я открыла дверь в маленькую комнату: «Заходите». Но тип в штатском направился в большую, без спроса распахнул дверь и увидел Ю. Ф.

— Вот кто нам нужен. Предъявите документы.

Ю. Ф. вынул паспорт.

— Одевайтесь.

Он вышел в прихожую и оказался в их кольце. Я едва видела из-за их спин, как он медленно натягивал куртку. Хотелось растолкать их и подбежать к нему, но в то же время не хотелось при них «ударяться в лирику». Я только, приподнявшись на носки, помахала ему рукой из-за их спин. И они увели его. Я бросилась к окну. От дома отъезжали одна за другой черные «Волги» — шесть штук. Не менее 24 человек участвовали в операции по задержанию Ю. Ф. Орлова!

В городской прокуратуре жене Орлова ничего не хотели сообщать, так как не приемный день, советовали прийти завтра. «Но что это — привод на допрос или арест?» — настаивали мы. «Арест», — наконец выдавил из себя следователь.

* * *

Через Московскую Хельсинкскую группу ярко проявилась собирательная роль правозащитного движения. Московская группа «обросла» национальными (Украинская, Литовская, Грузинская и Армянская Хельсинкские группы). Соблюдения Хельсинкских соглашений стали требовать крымские татары, месхи, немцы, евреи. На Хельсинкские соглашения стали ссылаться верующие: православные, католики, баптисты, пятидесятники, адвентисты, — установив через Московскую группу связь друг с другом, они стали выступать совместно (Христианский комитет защиты прав верующих). В Хельсинкские группы и непосредственно к Белградской конференции стали обращаться советские граждане: рабочие, интеллигенты, крестьяне, — добиваясь уважения властями гражданских прав. Объединенное движение всех этих сил стало называться хельсинкским. Разумеется, Московская Хельсинкская группа никак не «организовывала» его, оно возникло как бы само собой, но в его возникновение большой вклад внес Юрий Орлов и созданная им Группа. В этом суть «дела Орлова».

Почти сразу же хельсинкское движение вышло за пределы СССР. В сентябре 1976 г. в Польше возник Комитет защиты рабочих, а 1 января появилась «Хартия-77» в Чехословакии (в названиях этих ассоциаций нет слова «хельсинкские», но они, как и хельсинкские группы, стоят на правозащитной позиции и опираются на международные пакты и соглашения о пра-

вах человека, принятые их правительствами). В Венгрии, Румынии, ГДР прозвучали те же требования. Возникли Хельсинкские группы и на Западе — в Лондоне, Брюсселе, Осло, Цюрихе, Париже. Эти группы видят свою важную задачу в помощи правозащитному движению в странах, где соблюдение прав человека существенно ниже международного стандарта, провозглашенного в Заключительном Акте: в СССР и остальных странах Варшавского договора. Хельсинкское движение стало международным. Это — блистательное продолжение дела, начатого Орловым и его Группой.

Силы хельсинкского движения на Западе не исчерпываются участниками Хельсинкских групп. Небывалый интерес общественности Запада к проблеме прав человека в восточноевропейских странах привлек к ней внимание политических деятелей — сначала парламентариев (особенно в тех странах, где отношение к этой проблеме стало существенно влиять на исход выборов: США, Англия), а затем, впервые в политической жизни современного мира, о нарушениях прав человека в СССР публично заговорили на правительственном уровне (выступления президента Картера, министра иностранных дел Британии Д. Оуэна и др.). Советские власти встревожились, что на приближающейся Белградской конференции не удастся обойти вопрос о гуманитарных обязательствах, данных в Хельсинки.

15 июня 1977 г. в Белграде началась предварительная встреча для выработки порядка дня Белградской конференции. Советская делегация добивалась, чтобы там обсуждались только будущие отношения партнеров, без рассмотрения выполнения соглашений за прошедший срок. Представители западных стран настаивали на процедуре, предусмотренной на Хельсинкском совещании: сначала проверить, как исполнялись обязательства всеми странами, а затем обсудить, как будут строиться отношения между ними в

дальнейшем. После пяти недель напряженных переговоров Запад настоял на своем: в Белграде будет проверяться выполнение Хельсинкских соглашений, в том числе гуманитарных статей.

4 октября открылась Белградская конференция. Она стала первой международной встречей на правительственном уровне, где Советскому Союзу было публично указано на нарушения прав советских граждан. Беспрецедентной была и постановка вопроса: некоторые делегации демократических стран использовали материалы, представленные независимыми общественными ассоциациями, — Хельсинкскими группами.

Во время этих дебатов у Орлова, Гинзбурга и Щаранского истек максимально допустимый советскими законами срок содержания под стражей до суда — 9 месяцев. У Орлова он наступил 10 ноября 1977 г. Следствие к этому времени закончило сбор материалов (последний обыск по «делу Орлова» имел место 15 марта, допросы прошли с апреля по ноябрь). Но судить Орлова и его товарищей во время заседаний в Белграде было «нецелесообразно» — и следствие всем троим было продлено на полгода указами Президиума Верховного Совета РСФСР, хотя такая процедура не предусмотрена советским законодательством.

Не только этот факт, но анализ всех обстоятельств ареста Орлова и остальных хельсинкцев и суды над ними с очевидностью показывают, что аресты эти — вид политического заложничества, поскольку и сами аресты, и обвинения, и мера наказания определялись не требованиями советских законов, а надобностями властей в их политической игре внутри страны и на международной арене. Судьбы арестованных оказались разменной монетой в этой игре.

Задумав «убрать» наиболее вредных, по оценке ГБ, участников хельсинкского движения, стратеги из

КГБ обдумывали различные варианты организации будущих судебных процессов. Начали с попытки обвинить диссидентов в терроризме, использовав взрыв в московском метро. В случае удачи это вылилось бы в тотальное подавление диссидентского движения. Одновременно, на случай провала этого варианта, шла подготовка серии якобы не связанных между собой уголовных процессов.

Юрию Орлову, по всей видимости, готовили роль «шпиона». На это указывает сообщение ТАСС 4 января 1977 г. после обысков в Московской группе, что материалы обыска изобличают ее связь с иностранными разведками и НТС. В тот же день, когда было сделано это заявление ТАСС, в Башкирии арестовали Александра Ляпина, дважды приезжавшего к Орлову с информацией для Группы. У него вымогали показания, что Орлов давал ему «шпионские» поручения — раздобыть какие-то сведения о работе заводов в Темир-Тау. Во время последнего обыска в квартире Орловых изъяли все импортные вещи — радиоприемник, магнитофон, даже мотки мохеровой шерсти. Видимо, они должны были служить «уликами» связи Орлова с иностранцами. С самого начала следствия Орлову грозили статьей «измена родине» и расстрелом. Следователь утверждал, что Орлов организовал Группу и направлял ее деятельность по инструкциям Конгресса США! Однако затеять судебный процесс по такому обвинению перед самой Белградской конференцией было невозможно, а в то же время подпирала необходимость дезавуировать информацию, поступившую от Хельсинкских групп, что стало особенно необходимым после провала советских предложений на предварительном совещании в Белграде. Видимо, поэтому еще до окончания предварительной встречи, 27 июня, было официально объявлено обвинение руководителю Московской Хельсинкской группы. Забыв уверения ТАСС о несомненных шпионских

связях Орлова, его обвинили по ст. 190-1 — в «клеветнических измышлениях, порочащих советский общественный и государственный строй». Это создавало формальную возможность непризнания материалов, представленных Московской Хельсинкской группой в Белград. Это предвещало сравнительно «мягкое» наказание — до 3 лет лагеря общего режима, иногда на практике заменяемого ссылкой.

30 июня начался суд над Миколой Руденко и Олексой Тихим. Этот единственный судебный процесс, состоявшийся до Белградской конференции, был пробным камнем. Основу обвинения составляли документы Украинской Хельсинкской группы, т. е. откровенно судили — общественных деятелей за общественную деятельность. Оба подсудимых получили максимальные приговоры: Руденко — 7 лет лагеря строгого режима и 5 лет ссылки, Тихий, вторично судимый за «антисоветскую агитацию и пропаганду», — 10 лет лагеря особого режима и 5 лет ссылки. Запад, сосредоточившийся на делах москвичей, вяло реагировал на жестокие приговоры украинцам. Аресты в Украинской, Грузинской и Литовской Хельсинкских группах весной — летом 1977 года тоже прошли почти незамеченными.

На Белградской конференции советская делегация яростно протестовала против обсуждения нарушений прав человека в СССР, утверждая, что вопрос этот — внутреннее дело каждой страны. Не всегда позиция демократических стран была достаточно твердой, но все-таки советский тезис о неправомочности обсуждения проблемы соблюдения прав человека был отвергнут, и обсуждение началось.

Тогда советские власти переменили тактику. Уже не заботясь об утраченной репутации самого демократического государства в мире, решено было продемонстрировать советским гражданам и Западу (и общественности и правительствам) тщетность под-

держки диссидентов и даже опасность ее для них. На фоне продолжающихся выступлений западных делегаций в Белграде по поводу нарушений прав человека в СССР и против арестов в Хельсинкских группах произошла серия новых арестов: с декабря 1977 по февраль 1978 г. были арестованы Левко Лукьяненко и Петр Винс в Украинской группе, Шаген Арутюнян и Роберт Назарян в Армянской, Виктор Рцхиладзе и Григорий Гольдштейн — в Грузинской. В декабре же было принято решение о переквалификации обвинения Юрию Орлову со статьи 190-1 на ст. 70 — та же «антисоветская агитация», что и у Руденко и Тихого. Объявлено об этом было в феврале, за месяц до окончания Белградской конференции. Демонстративно жестокий приговор был предрешен и Орлову, и остальным участникам хельсинкского движения.

Жестокие приговоры, удовлетворив, возможно, мстительность носителей власти, не дали им желанного политического результата.

Аресты обескровили национальные Хельсинкские группы, но Московская, кооптировав новых членов, продолжает активно информировать о нарушениях прав разных групп населения, а арестованные хельсинкцы вместе с присоединившимися к ним другими политзаключенными передают информацию о положении в лагерях. Кроме Христианского комитета защиты прав верующих, появились Католический комитет защиты верующих и адвентистская правозащитная группа.

Президент Картер и его администрация, обескураженные пренебрежением советских властей к их публичным выступлениям в защиту диссидентов, прекратили такие выступления, но общественная поддержка, оказываемая на Западе правозащитному движению в СССР, не прервалась, и правительства попрежнему должны с этим считаться. Суды над Орловым, Щаранским и Гинзбургом оказались для Запада

намного более впечатляющими свидетельствами бесправия советских граждан и самодурства власти, чем написанные в академическом тоне документы, за которые их судили. Пожалуй, с момента вторжения советских войск в Чехословакию не было ни одного политического события, в оценке которого сошлись бы, как это имеет место относительно судов над членами Хельсинкских групп, правительства демократических стран и их общественность, независимо от политической ориентации. В парламенте Великобритании и в Конгрессе США представители всех партий резко осудили расправы за фиксацию нарушений Заключительного Акта. Во Франции в демонстрациях протеста против этих расправ участвовали сторонники всех партий — от консервативных до самых левых. Газеты всех направлений, даже коммунистические «Унита», «Морнинг стар» и «Юманите», осудили приговоры за правозащитную деятельность. Хельсинкские группы выдвинуты на Нобелевскую премию мира Конгрессом США, парламентами Бельгии, Великобритании, Норвегии и Португалии.

И еще одно отрадное явление: «шум» на Западе не затих вскоре после судов, как бывало прежде, — хельсинкское движение разрастается: в январе 1979 г. была создана Общеевропейская Хельсинкская группа, в феврале — Американская. Продолжают действовать комитеты защиты Орлова и Щаранского, продолжают активность их западные адвокаты. В международном сообществе ученых, прежде традиционно уклонявшемся от «политики», расходятся во мнениях о методах борьбы за освобождение советских коллег, но не в оценке факта их ареста и необходимости борьбы за их освобождение. 2400 американских ученых и более 1000 западноевропейских отказались от контактов с Советским Союзом. На каждом международном симпозиуме ученые, не порвавшие этих контактов, заявляют публичные протесты против осуждения их коллег.

Досрочное освобождение пяти советских политзаключенных и обмен еще пятерых на двух советских шпионов убеждает в невозможности для Советского Союза игнорирования борьбы за освобождение советским политзаключенных. Среди освобожденных оказался Александр Гинзбург — первый из арестованных участников Хельсинкских групп. Борьба за их освобождение составляет пафос международного хельсинкского движения.

Никогда советские власти не испытывали столь всестороннего и неослабевающего давления по поводу политических репрессий внутри страны. Беспрецедентность ситуации вселяет надежду, что Юрий Орлов — ныне токарь в политлагере № 37 на Урале — и его товарищи по Хельсинкским группам будут освобождены и что борьба не прекратится вплоть до полной политической амнистии.

ЕГО ПРЕОСВЯЩЕНСТВУ КАРДИНАЛУ МАРТИ, АРХИЕПИСКОПУ ПАРИЖСКОМУ
ЕГО ПРЕОСВЯЩЕНСТВУ ФИЛАРЕТУ МИТРОПОЛИТУ МИНСКОМУ

МОНСИНЬОР!
ВЛАДЫКО!

Как стало известно в широких кругах верующих людей, в ближайшее время Вы готовитесь совершить совместное экуменическое богослужение.

Это преисполняет радостью сердца многих, в том числе мое сердце, сердце ученика Владимира Соловьева, для которого сближение и соединение расколотых частей Вселенской Церкви являлось мечтой всей его жизни. Однако возникает вопрос: кто с кем будет соединяться в молитве: два христианских иерарха? Но тогда они не могут остаться равнодушными к страждущим собратьям.

Ваше Высокопреосвященство! Митрополит Филарет! Позабудете ли Вы во время богослужения друга Вашей юности, священника о. Глеба Якунина, томящегося ныне в стенах страшной Лефортовской тюрьмы? Или религиозных юношей Александра Огородникова, Владимира Пореша, Сергея Ермолаева, которые ждут сейчас суровых репрессий исключительно за свою приверженность к религии, за свой порыв к Христу? Или религиозную женщину Татьяну Николаевну Щипкову, которая принадлежит двум народам, русскому и французскому, ибо она посвятила жизнь изучению древней французской литературы. Она сейчас за свою приверженность религиозным идеям также ввержена в вонючие тюремные камеры.

Забудете ли Вы их?

А Вы Монсиньор, Архиепископ Парижский, Вы, представитель народа, который всегда выступал как защитник страждущих и угнетенных, неужели Вы забудете эти светлые имена и не выступите в их защиту! Увы! Я наверное знаю, что Вы оба, Ваши Высокопреосвященства, не упомянете никого из страждущих.

Но если так, то тщетна Ваша молитва, ибо не будет среди Вас Христа! Нет, и не будет!

Не будет до тех пор, пока Вы не произнесете публичную молитву за страждущих и заключенных и не выступите в их защиту.

Я за соединение церквей. За соединение Преподобного Сергия и Св. Франциска, Святых Бориса и Глеба со Святым королем Людовиком, матери Марии, княгини Вики Оболенской с Жанной д'Арк, но это не соединение эгоистичных чиновников в белых клобуках и в пурпурных мантиях.

А. Левитин-Краснов

Париж, 16. 11. 1979 г.

Петр Григоренко

К ВОПРОСУ О ГОСУДАРСТВЕННОЙ НЕЗАВИСИМОСТИ И ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ МЕЖДУ НАРОДАМИ СССР

I. Ситуация в СССР

Советский Союз — правопреемник Российской колониальной империи. Но он не простое ее продолжение. Российская империя была современницей всех других колониальных империй. И была основана на тех же принципах. Идя путем нормального развития, Российская империя со временем развалилась бы так же, как развалились они.

Она не распалась, не исчезла лишь потому, что власть в стране захватили через так называемую Октябрьскую революцию большевики. Они преобразовали ту империю на других основаниях, усилили и расширили ее, превратили в колониальных рабов и «имперскую нацию». Созданный большевиками государственный строй прежде всего обновил фасад империи. Переименование российских колоний в союзные и автономные «республики», с образованием в них марионеточных правительств, пропагандистское освещение перед внешним миром этих действий нового государства как национального освобождения и одновременное жестокое, но тихое придушение национальных движений создавали для мира видимость единства народов СССР. Мир принял это как аксиому и признал СССР как единое союзное государство. Однако самые

важные преобразования российской колониальной империи произошли не на фасаде, а в ее основах, в самой жизни народов. Национальное неравенство было ликвидировано. Но как? Всех людей всех наций, всех вероисповеданий, всех социальных слоев, всех уровней культуры превратили в винтики, шестерни, шурупы нового общества. Людей стали ценить только за возможность их использования в общественных (читай — государственных) интересах. Фактически свободных людей превращали в рабов, не считаясь с их национальностью. Иностранные же наблюдатели воспринимали это низведение людей до рабского уровня как ликвидацию дискриминации по национальному признаку.

А кому должны служить те рабы? Государству. Какому? Российскому? Да нет! Самих русских превращают в рабов, подобных украинским, литовским, узбекским, грузинским, латышским и другим. Служить теперь нужно не национальному государству. Правящий класс этой страны составляется, как и массы рабов, не на национальной основе. Национальность учитывается только при организации органов так наз. «советской власти». Здесь нужно продемонстрировать внешне, что у власти в преобладающем большинстве стоит коренная нация.

Но действительная власть не у советов, а у партии. Советы — только вспомогательные органы этой власти, которая в целом комплектуется не по национальному признаку, а по признаку пригодности к выполнению винтиковых функций в системе самой власти. Создает эту систему и сохраняет ее не «имперская нация», не «русские шовинистические элементы» и «русифицированные отступники и прислужники» из среды «нерусских», а коммунистическая партия. А для вступления в нее ни теоретически, ни фактически нет преград, обусловленных национальностью. И вот только из этой национально индифферентной

партии набираются чиновники всех органов власти. И учитывается при этом только партийность и умение быть соответствующим винтиком или шестерней управляющей машины, послушно выполнять все указания сверху. Только из партии рекрутируются все органы власти — партократия и ее высший слой — партийная олигархия с Политбюро во главе.

Никогда российская «имперская нация» не допустила бы, чтобы диктатором над нею стал грузинский гангстер Коба, или русифицированный украинец Хрущев, или украинский болгарин Брежнев. Этих людей могла привести к власти лишь партократия, которая является единственным господствующим социальным слоем империи, называющей себя Советским Союзом. Партократия — единственная власть в СССР. И стоит эта власть над всем, в том числе и над органами власти, избираемыми «всенародным голосованием». Эта «избранная власть» только прислуживает партократии, которая опирается на партию, но не выбирается ею. Она обновляется путем самовозрождения, за счет партии.

Советский Союз во многом напоминает Российскую империю. И не удивительно.

Во-первых. Партократия присвоила себе российскую историю, извратив ее по-своему и приспособив к своим потребностям.

Во-вторых. Партократия использует в своих интересах российский патриотизм и великодержавно-шовинистические настроения, которые еще имеются в среде русских.

В-третьих. Государственная власть в СССР создавалась по образцу российской государственности, с использованием российских государственных чиновников и их опыта создания строго централизованного бюрократического государства и руководства таким государством.

В-четвертых. Для внедрения единого имперского языка, без чего невозможно управлять огромным бюрократическим централизованным государством, использован опыт русификации, проводившийся в царской России.

В-пятых. Ради ослабления национальных движений используется опыт Российской империи по денационализации нерусских народов; выселение их с национальных территорий и перемешивание наций путем проведения искусственных миграций.

Но эти видимые приметы не делают Советский Союз Российской империей. Если б это была Российская империя, в ней господствовала бы русская культура. А она не господствует, так же, как не господствуют соответствующие культуры в союзных и автономных республиках. Если бы российская культура господствовала, как кое-кто говорит, во всем СССР, то разве бы жили на чужбине, или изолированные на своей Родине, выдающиеся русские писатели, художники, музыканты, певцы, ученые? Нет, в Советском Союзе, в России в том числе, вместо русской культуры и других национальных культур, на оскудевшем языке российского народа и языках нерусских народов господствует, при поддержке и под надзором партократии, антикультура соцреализма.

Таким образом, СССР — партократическая колониальная империя. И это не просто теоретический вывод, вокруг которого можно вести бесконечные академические дискуссии. Нет, это коренной, основательнейший вопрос практики национально-освободительной борьбы в СССР.

Если это Российская колониальная империя, то весь русский народ является твердой и надежной опорой правительства в его борьбе против национально-освободительных движений. Русский народ в этом случае не позволит дезорганизовать свое правительство, и национальные движения смогут рассчитывать лишь на

сочувствие отдельных русских гуманистов. Дело национального освобождения в таких условиях — безнадежно. Если государственный строй крепкий, не дезорганизован, он, имея современное вооружение, задушит любые взрывы национального протеста.

Другое дело, если это не национальная русская, а партократическая империя. В этом случае русский народ заинтересован в том же, что и другие нации СССР, — в ликвидации империи — и выступит с ними вместе как союзник; безнадежным станет положение правительства. Я уверен, что мы имеем дело не с Российской, а с партократической империей. Управляет ею партократия, которая основывает свою власть на партии и созданном ею партийно-полицейском аппарате. В состав этой империи входит больше ста наций, в том числе русские. Все эти нации, за небольшим исключением (крымские татары, немцы, месхи), равны между собой, точнее — выравнены общим рабством.

Партократичными являются и сателлитные государства, которые тоже органически подчинены Советской колониальной империи, хотя и в другой форме. Помощью оружием, военными советниками и кубинскими войсками в Африке, Азии и Южной Америке Советский Союз также стремится к созданию партократических стран. Он намеревается подчинить себе мир через мировую партократическую империю. Эта империя, следовательно, является угрозой для всего мира. Поэтому борьба за ее деколонизацию не может быть делом одной нации. Это задача всего мира. Вырваться из лап этой империи, отделиться от нее какой-то одной нации невозможно. Каждая порабощенная нация, борясь за свою свободу, должна бороться в рамках всеобщей освободительной антикоммунистической борьбы.

II. Вопросы освободительной борьбы народов СССР.

1. Единство партократии на международно-партийной основе и ее стремление к порабощению всех наций мира, а также равенство (в рабстве) всех наций империи диктуют необходимость их единства в борьбе за свое национальное и социальное освобождение. А чтобы обеспечить это единство, надо создать атмосферу полного доверия между ними, что возможно лишь на базе искреннего признания Устава ООН, Всеобщей Декларации Прав Человека, Пактов о Правах и Заключительного Акта Хельсинкских Соглашений.

2. Очень важно всем нациям, особенно тем, которые были когда-то господствующими и имеют великодержавные устремления, постоянно подчеркивать: а) Каждый народ имеет неотъемлемое право быть хозяином на своей земле, то есть иметь самостоятельное, полностью независимое государство. Исходя из этого, за всеми народами СССР признается право на государственную самостоятельность. Это право следует признавать без каких-либо оговорок и условий. Его нельзя, в частности, затуманивать лицемерными толкованиями сторонних лиц в вопросах форм самоопределения и форм взаимоотношений с другими народами. Эти вопросы не имеют отношения к самоопределению. Наоборот, таким путем можно лишь посягать на суверенные права народа и вмешиваться в его внутренние дела. Взаимоотношения с другими народами и сотрудничество с ними — дело иного времени, когда народ основательно окрепнет в самостоятельном государстве и наберет сил и опыта, чтобы вести переговоры с другими государствами на равноправной основе. Так, например, как это происходит между европейскими государствами при переговорах об «Общем рынке» и «Объединенной Европе».

б) Каждый человек стремится к свободе. Предусловием свободного развития является обеспечение его гражданских свобод от вмешательства государственных органов, а это возможно лишь в условиях демократии, которая гарантирует также равенство перед законом всех граждан независимо от национальности, расы, религии и пола, а национальным меньшинствам — свободу развития их национальных, духовных и материальных ценностей.

3. СССР перманентно пребывает в состоянии социально-экономических, политических и национальных противоречий и глубоких кризисов. Борьба всех народов СССР, особенно русского, за Права Человека, против произвола партократии и бюрократии, за политические права и свободы, против социальной несправедливости и экономического давления, за свободу интеллектуального творчества, а также национально-освободительные и религиозные движения благоприятствуют образованию общего фронта всех народов СССР на принципах равенства и взаимного признания. Только такой фронт может гарантировать победу.

4. Самой большой помехой для образования единого фронта всех наций СССР являются проявления российского великодержавного шовинизма и антирусский провинциальный национализм (то и другое больше в эмиграции, чем в СССР). Исходя из этого, необходимо в борьбе за единство: разъяснять всем народам СССР факт политического, социального и культурного порабощения русского народа, проводить линию раздела между этим народом и кремлевской партократией, которая опирается на межнациональную партию, но использует в своих интересах исторические традиции российской государственности и русский патриотизм; разоблачать демагогические мероприятия партократической власти — образование ав-

тономных и союзных республик и предоставление последним права выхода из СССР; добиваться, чтобы эти пустопорожние декларации были превращены в действительность: неограниченного права агитации за выход из состава СССР и за государственную самостоятельность союзных республик; возвращения на этнографические территории и восстановления автономии крымских татар, месхов, немцев Поволжья; установления дипломатических отношений с Украиной и Белоруссией, которые являются членами Организации Объединенных Наций, государствами мира.

Особое внимание обратить на борьбу с теми мероприятиями партократической власти, которые представляются как русские и тем пятнают русский народ. Мы имеем в виду такие действия народоубийства, которые систематически используют органы власти: русификация, выселение аборигенов за пределы национальных республик и поселение на их место людей других национальностей, уничтожение исторических традиций и культуры нерусских народов, плохо завуалированная проповедь великодержавного шовинизма, ксенофобии, антиукраинства, антисемитизма, разжигания межнациональной розни и вражды.

Относиться с полной непримиримостью к концепции так называемого «советского народа» как к неприкрытому геноциду, как к попытке убийства всех наций СССР; решительно бороться против этой концепции и одновременно разъяснять, что попытки русских шовинистических кругов в СССР и за границей отождествлять с понятием «Россия» все республики Советского Союза, а с понятием «российский» — все народы СССР, равнозначны концепции «единого советского народа».

16. 7. 79 г.

Мигель Салес

СВОБОДА ТВОРЧЕСТВА НА «ОСТРОВЕ СВОБОДЫ»

В период диктатуры Фульгенсио Батисты (1952-1959) кубинские художники и писатели сталкивались с затруднениями, типичными для деятелей искусств, живущих и работающих в условиях традиционной правой латиноамериканской диктатуры, то есть при режиме с эпизодически действующей цензурой, как правило, политического характера. Никакой официальной поддержки искусству и литературе не существовало, творческого интеллигента власть разве что лишь терпела — с раздражительным презрением.

С победой революции ситуация для творческого интеллигента изменилась. Революция была делом людей ему, творческому интеллигенту, социально близких: поэты, адвокаты, журналисты и студенты — все они в той или иной мере создавали бунтарскую систему идей, вдохновившую на борьбу рабочих и крестьян. Впервые интеллектуал призван был сыграть руководящую роль в обществе.

Этой вот доброй репутацией интеллектуала, вероятно, и можно в известной мере объяснить противоречивые взаимоотношения между творческой интеллигенцией и политическими руководителями революционной Кубы — отношения, характеризуемые как силами притяжения, так и силами отталкивания.

К первым конфликтам привел тот контроль, который Кастро стал проводить с самого начала своего режима с тем, чтобы укрепиться у власти. В 1960 году

большинство средств информации переходит под государственное управление. Интеллигенция, в особенности журналисты и преподаватели, почувствовала давление правительственного контроля, с каждым днем всё более сурового. Эти обстоятельства привели к тому, что многие представители творческой интеллигенции покинули страну еще до того, как был декларирован марксистско-ленинский характер режима. Уже в 1961 году оппозиционно настроенная интеллигенция оказалась перед выбором: сесть в тюрьму или эмигрировать. Либо — смириться...

В одной из речей, произнесенных в том году, сам Кастро определил дух ситуации своим высказыванием, по поводу которого кубинский романист Карлос Альберто Монтанер заметил, что оно стало знаменитым в силу универсальной тупости: «Внутри революции — всё, вне революции — ничего!» Эта формула, переведенная на более внятный язык, означает, что ценность творчества отныне измеряется не эстетическими законами, а социальной полезностью. Каноны, по которым судят теперь произведение искусства, определяются марксистской этикой или же, что еще хуже, политическим спросом на данный день. Художник есть пролетарий, строящий новое общество. В противном случае он является более или менее замаскированным врагом, ставящим под угрозу неблизкое, но светлое будущее, обещанное народу. Нейтральной позиции нет и быть не может. Воспевание красоты народных усилий и восхитительной мощи тракторов вменяется в обязанность; малейшее сомнение по поводу данной художнической миссии — услуга «империализму янки».

В канун диктатуры пролетариата окруженный социальным равнодушием, после ее установления творческий интеллигент попадает в атмосферу помпезного признания или смертельной опасности. Гонимый или восхваляемый, в руководящих кабинетах или тюремных камерах, художник никогда уже не сможет ока-

заться вне политических событий страны. Об этом строки поэта-диссидента Эберто Падилья:

Знай, поэт:
В каком бы месте ты ни взялся за перо,
В какую бы ты эпоху ни родился,
Сколь близко к сердцу ты ни принимал бы
событий Истории,
Ты неизбежно учинишь свою
Крамольную строфу.

Тем не менее, несмотря на малоблагоприятные условия, период с 1961 по 1968 годы характеризовался постепенной радикализацией оппозиционно настроенной интеллигенции, с каждым годом находившей все новые и новые причины для критики революционной авантюры. Причем это были уже не только те писатели и художники, которые с самых первых дней без энтузиазма относились как к фальшивому восхвалению, так и к запретам: к ним примкнули и те, кто с воодушевлением поддерживал режим в первые годы военных и экономических трудностей. В призрак агрессии извне, использованный в начальный период революции как оправдание всевозможных ограничений и репрессий, уже никто не верил. Катастрофические поражения в экономике следовали одно за другим, тогда как культ главы государства обходился стране все дороже и дороже. Иные из интеллектуалов на руководящих постах стали высказывать сомнения по поводу конечных целей, другие же просто-напросто решили последовать примеру своих предшественников и уехали за границу. Одни из них, как, например, Хорхе Манах, Лидия Кабрэра, Леви Маррэро и Эухенио Флорит, нашли убежище в США, другие же, как Кабрэра Инфанте, Эдуардо Манэт, Хуан Аркоча и Карлос Франки, обосновались в Западной Европе — проводя тем самым тонкую грань внутри кубинской эмиграции.

Для тех же, кто остался на острове, 1968 год стал годом крушения последних иллюзий. В январе в Гаване состоялся Первый Съезд Культуры, в котором приняли участие сотни представителей кубинской и зарубежной интеллигенции. На этом съезде было принято основополагающее решение: всемерно оберегать чистоту и крепить здоровье революционного искусства и литературы, охраняя их от заразы гнилой буржуазной цивилизации.

Спустя два месяца началось то, что было названо «Революционным Наступлением», — комплексная операция, совместившая в себе окончательный переход экономики под управление государства с усилением репрессий против свободомыслящих меньшинств, в частности, против студентов, которые искали новых форм самовыражения, не совпадающих с традиционными формами, находящимися под контролем государства. Хиппи, гомосексуалисты, поэты, маоисты, диссиденты и просто дурачки оказались — без какого-либо предварительного следствия — в концентрационных лагерях провинции Пинар-дель-Рио.

Публичное одобрение Фиделем Кастро вторжения советских войск в Чехословакию ознаменовало начало эскалации. В том же году, 23 августа, перед камерами кубинского телевидения Кастро произнес, например, следующие слова: «Стали появляться (в Чехословакии. — М. С.) разные установки и были освоены на практике некоторые нормы вроде тех, что характеризуют «свободу» буржуазной прессы. То есть право контрреволюции и эксплуататоров, включая даже врагов социализма, свободно высказываться устно и письменно против социализма. Понятно, произошел процесс прибирания к рукам основных органов информации, которые оказались под руководством реакционных элементов. Возник целый ряд установок во внешней политике, а также прямое сближение с капиталистическими концепциями и тезисами о конвергенции с

Западом». С этого момента правительство приступило к беспощадной расправе с теми, кто подвергал его критике, включая и тех, кто находился внутри самого правительства. Романисты Хосэ Лорензо Фуэнтес и Рейнальдо Аренас, драматурги Хосэ Триана и Виргилио Пиньера, поэты Ренэ Ариса, Дельфин Пратс и Эберто Падилья испытают тюремное заключение и общественный остракизм. Больше других, безусловно, известно дело Эберто Падилья.

Обвиненный в контрреволюционной пропаганде за стихи, критиковавшие репрессивную систему социализма, поэт брошен в застенки госбезопасности. Там, сидя в наглухо изолированной одиночке, поэт «прозревает»... Спустя несколько недель власти, проявляя поистине удивительное милосердие, разрешают поэту выступить с публичной самокритикой, а также с обвинениями против своих лучших друзей и собственной жены в том, что они клеветали на революцию. Вот фрагмент этой «исповеди»: «Достаточно, например, назвать мою собственную жену Белкис, которая столько перестрадала из-за всего этого... Сколько желчи, досады, враждебности необъяснимо накопилось в ней за эти годы, причем я сам, из-за недостатков своего характера, тоже причинял ей страдания... мне в лицо она не смогла бы ответить, что это не так. То же самое я мог бы сказать о моем близком друге, который дал мне в свое время столько тепла, который был мне опорой, о друге, который в былые времена принес столько пользы революции, но с недавнего времени проявил себя желчным, раздражительным, враждебным... я говорю о Пабло Армандо Фернандесе. То же самое, товарищи, я мог бы сказать о другом дорогом мне друге, о Цесаре Лопесе, которым я восхищаюсь, которого я очень уважаю, он написал прекрасную книгу, заслужившую одобрение Каса де лас Американас*, «Пер-

---

Крупнейшее кубинское издательство. — Прим. переводчика.

вую книгу города», но в разговорах со мной Цесар Лопес отрицательно отзывался о революции... Кроме того, именно он, Цесар Лопес, привнес в поэзию эту самую этику пораженчества...» Список в этом доносе занимает несколько абзацев и включает писателей Хосе Янеса, Норберто Фуэнтеса, Мануэля Диас Мартинеса, Давида Буззи и Хосе Лесама Лима — все друзья поэта.

«Дело Падильи» — несомненно, самое нашумевшее, но далеко не самое драматичное.

Ренэ Ариса, получивший в 1967 году национальную литературную премию за свою книгу «Возвращение к яблоку», за попытку издать свои произведения за границей был осужден на 8 лет тюремного заключения. В 1974 году его перевели в психиатрическую больницу, поскольку врачи решили, что «для восстановления душевного равновесия» поэту необходим курс лечения электрошоком.

Другим писателям и художникам фортуна улыбнулась. Книги их, конечно, исчезли из магазинов, двери издательств навсегда захлопнулись перед ними, но, в конце концов, куда хуже услышать лязг тюремной решетки, захлопнувшейся за спиной... Среди тех, кому повезло, — романист Норберто Фуэнтес, драматург Антон Арруфата, поэт Пабло Армандо Фернандес. Осужденные на немоту за отказ безоговорочно подчиниться, все они ныне граждане третьего сорта в своей стране.

Гнева Фиделя Кастро не избежали и зарубежные мастера культуры. Когда Пабло Неруда отправился в Соединенные Штаты по приглашению международного ПЕН-Клуба, кубинское правительство направило ему оскорбительное «открытое письмо», сочиненное Фернандесом Ретамаром, Лисандро Отэро и прочими прислужниками режима от литературы. Вызвали государев гнев и Симона де Бовуар, и Жан-Поль Сартр, и Марио Варгас Льоса, и Октавио Паис — тем, что

подписали письмо с критикой судебного процесса, устроенного с помощью «прозревшего» Падильи. Всех их обвинили в том, что они являются агентами ЦРУ, и произведения их отныне запрещены на Кубе. Еще более страшным анафемам подверглись произведения французского ученого-агронома, социалиста по убеждениям, Ренэ Дюмона, автора книги «Социалистическая ли Куба?» («Cuba est-il socialiste?»), К. С. Каролля «Партизаны у власти» («Las guerrillas en el poder») и английского историка Хью Томаса «Куба: Поиск свободы» («Cuba: the pursuit of freedom»). За что? А за то, что эти авторы осмелились в той или иной степени критически отозваться о кубинском эксперименте, подчеркивая при этом личную ответственность Фиделя Кастро за экономический развал страны.

Возможно, подобные анафемы вызывали только смех в интеллектуальных кругах Лондона или Парижа, однако, например, французскому фотокорреспонденту Пьеру Голлендорфу, который в 1971 году еще был членом французской компартии, стало вовсе не до смеха, когда в феврале того же года за аналогичными обвинениями последовал приговор: 10 лет тюремного заключения.

Голлендорф приехал на Кубу в 1967 году. С тех пор остров стал его постоянным местопребыванием. Интерес к тропическому варианту социализма побудил фотографа проникнуть глубже, чем следовало бы, в реальность страны. Сомнения, незамедлительно охватившие его на острове, упорно усиливались, несмотря на разъяснительную помощь со стороны полиции и массовых политических организаций. Объектив его фотоаппарата оказался столь же крамольным, как те наивные вопросы, которые он прежде задавал рабочим и студентам. В конце концов, вместе с женой-кубинкой и их дочерью, Голлендорф принял решение вернуться во Францию, чем переполнил чашу терпения госбезопасности. Отбыв три года в тюрьмах Кастро,

Пьер Голлендорф, вернувшись в Париж, написал о своем кубинском опыте книгу, способную потревожить спокойный сон европейского интеллигента. (Остается только выразить соболезнование Кастро, который не имел возможности заняться перевоспитанием Сартра или Варгаса Льосы...)

Руководящая линия, принятая уже в 1961 г., была закреплена спустя десять лет на 1-м Национальном Съезде Просвещения и Культуры. «Развитие литературы и искусства в нашей стране, — говорилось в решениях съезда, — должно опираться на укрепление и вдохновление самодеятельности в целях широчайшего культурного развития масс и отрицания элитарных тенденций... Социализм создает объективные и субъективные условия, являющиеся предпосылкой для подлинной свободы творчества. В силу этого тенденции, опирающиеся на критерии вседозволенности с целью скрыть контрреволюционную отраву в произведениях, направленных против революционной идеологии, являющейся основой построения социализма и коммунизма, идеологии, которой безоговорочно проникся весь народ и в духе которой воспитываются новые поколения, — неприемлемы и подлежат осуждению... Съезд считает, что при отборе работников для надстроечных структур, как то: университеты, средства массовой информации, творческие союзы и т. д., — следует учитывать политические и идеологические позиции данных работников, поскольку деятельность их находится в прямой связи с проведением культурной политики революции». Далее добавляется: «Область культуры не должна быть рассадником псевдоинтеллигентов, которые в отрыве от масс и от духа нашей революции пытаются выдать снобизм, экстравагантность, гомосексуализм и прочие социальные отклонения за выражение революционного искусства». И наконец: «Мы отбрасываем мафию буржуазных псевдолевацких интеллигентов, которые тщатся возомнить

себя критическим сознанием общества. Критическим сознанием общества является сам народ и, в первую очередь, рабочий класс, подготовленный своим историческим опытом и революционной идеологией к пониманию и вынесению суждений с большей четкостью, чем представители других социальных слоев, принимающих участие в революционных свершениях».

Критические тенденции кубинского искусства не пережили эпохальной даты этого съезда. Процессы над Падильей, Пиньерой, Аренасом знаменуют конец попыток создавать на воле искусство, независимое от официальных директив. Первые всходы свободного творчества заявят о себе, как это ни парадоксально, в тюрьме.

Стихи кубинских поэтов Анхеля Куадры, Эрнесто Диаса, Армандо Вальядареса и автора этой статьи, отбывавших долгие тюремные сроки, вышли за стены тюрем и за пределы Кубы. Четыре поэтических сборника, опубликованные за границей, открыли почти неизвестный до сих пор мир творческого подполья на Кубе наших дней.

Вот строки Вальядареса, поэта, физически парализованного вследствие голода и болезней:

У моего инвалидного кресла
когда-нибудь вырастут крылья.
Я смогу летать над садами,
полными детей и фиалок.

.....

Мое инвалидное кресло станет сном без оглядки,
металлическим голубем,
снявшимся с земли.

Анхель Куадра просидел в тюрьме десять лет. Вот как он пишет о своей поэтической судьбе:

...Сегодня я ищу свое место,
это не время доброты или лжи,
но время ясного сознания,
человеческое время самого меня как мужчины,
возникающего из моей крови, из моего гнева,
из раскаленного колокола,
из дня, исключенного из календаря сего мира,
из раны моей, сделанной из цветочных лепестков,
из музыки, в которой завтра я окажусь безымянным.

Эрнесто Диасу сама иррациональность пыток и карцеров дает силы для сопротивления и творчества:

Постоянно остается непонятной
причина этого нелегкого ремесла,
состоящего в отбрасывании своей необратимой тени,
но ты покорно бунтуешь
и таким образом творишь очередной свой день
между невозмутимым молчанием голубизны
и язвительным скрежетом металла.

В это же время на воле возникает группа совсем еще молодых поэтов, среди которых сегодня можно назвать (ибо одни уже в тюрьме, другие в изгнании) Антонио Риверу, Эстебана Луиса Кардераса, Рейнальдо Коласа Пинеду и композитора Федерико Абреу Росса. Все эти авторы вышли к читателю самиздатским путем: произведения их ходят в списках на Кубе.

Между этими двумя группами творческих интеллигентов связи почти нет, однако налицо духовный взаимообмен: тот факт, что есть люди, которые продолжают мечтать и творить на двадцатом году заключения, воодушевляет поколение молодых, ищущих возможности самовыражения в удушливой атмосфере тоталитаризма. С другой стороны, бунт юных поэтов, не продавшихся за синекуры официальных пос-

тов, не покорившихся террору, наполняет смыслом жизнь оторванных от мира заключенных.

Судить о будущем кубинского диссидентства столь же трудно, как и предсказать последствия новой политики Кастро, разрешившего въезд на Кубу тысячам эмигрантов в качестве туристов. Однако хотелось бы, чтобы слова, произнесенные испанским драматургом Фернандо Аррабалом в день открытия Первого Съезда кубинской диссидентской интеллигенции, 10 марта 1978 года, в Париже, были услышаны всеми свободомыслящими страны:

«Привет вам, диссиденты в изгнании! Привет вам, поэты, заключенные в тюрьмах! Привет вам, заключенные лагерей! Благодаря вам, Куба сегодня действительно стала самой свободной страной Америки... Вы свободны, ибо после двух десятилетий террора, забытые миром, вы не покорились отжившим догмам, которыми орудуют узурпаторы, называющие себя революционерами и пролетариями, — так и я мог бы заявить, что я грудной младенец, потому что действительно был им сорок шесть лет назад...»

За 20 лет кастровского эксперимента подверглась неслыханным искажениям история нашей культуры. Значительнейшие произведения литературы и искусства изъяты из нашего духовного наследия за то, что авторы их — и, как правило, вполне легально — покинули страну.

Кубинскому студенту, нынешнему выпускнику университета, было четыре года в 1959 году, когда победила революция. Можно быть уверенным, что юному гуманитарию не пришлось слышать о композиторе Эрнесто Лекуоне или об архитекторе Рикардо Порро. Не знает, вероятно, он и автора «Расследования одной злой шутки», «Сбора сахарного тростника» или «Книги часов». Не видел он ни картин Кундо Бермудеса, ни скульптур Лосано, ни гравюр Михареса.

Я упоминаю здесь имена только самых крупнейших художников Кубы, потому что список всех, осужденных на забвение, был бы бесконечным. Во имя стерильной чистоты марксистской догмы сегодняшний кубинский студент отлучен от реальности нашей культуры, а мастера ее лишены права на свободное самовыражение в своей собственной стране.

В культуре сегодня восхваляется рабское угодничество, неподчинение — подлежит наказанию. Политический утилитаризм стал единственным эстетическим законом, донос — гражданской добродетелью. Целые сферы духовного творчества: религия, философия, искусство — уничтожаются сегодня на Кубе за то, что они не умещаются в социалистическую схему, именуемую «бесклассовым обществом».

Творчество есть царство свободы, и каждая уступка кесарю оборачивается потерей дыхания и утратой самобытности.

Духовная жизнь Кубы сегодня раздвоена. С одной стороны — официальная, замкнутая и самоудовлетворенная, дидактическая и пресмыкающаяся псевдокультура, с другой — животворный родник мятежного творчества на острове и вне его, творчества, еще только осознающего свои возможности и силы, но уже несущего в себе бунт и надежду на возрождение страны.

Эдуард Кузнецов

СТАРЕЙШИЙ ПОЛИТКАТОРЖАНИН ДАНИЛА ЛАВРЕНТЬЕВИЧ ШУМУК

> «...Я исходил много ложных дорог, наделал кучу ошибок, но всякий раз находил в себе силы признать их и поступать в соответствии со своими убеждениями и совестью. Коммунисты обвиняли меня в одном, националисты в другом, на самом же деле единственное, к чему я когда-либо стремился, — это поиск правды».
>
> *Данила Шумук*

Мало ли мы слышали пронзительно высоких словес: благо народа, справедливость, поиски истины и т. д.? Но легче в Сене крокодила на удочку подцепить, чем в самом деле встретить человека, в чьих устах слово правда значит именно правду и ничто иное, справедливость — справедливость, совесть — совесть... Если тебе не повезло и ты угодил в спецлагерь, то уж как-нибудь напрягись и постарайся, чтобы тебе посчастливилось оказаться в одной камере с Данилой. Он и куском с тобой поделится, и рубашку с себя снимет, а когда тебе станет невтерпеж от очередной наглости произвольщиков и ты затеешь отчаянную голодовку, Данила тебя поддержит, хотя его и без того шатает на ходу, и ребра торчат могильно, и не лицо, а запредельный лик — обтянутый тонким пергаментом треугольник островитянина, вот уже 35 лет не спускающего глаз с горизонта: где же корабль?

Шумук — украинец не только по рождению, но и по болезненной любви ко всему украинскому. Однако

будь ты и распоследний какой-нибудь там марсианин, скажи Даниле, что вот, мол, твой земляк — хоть бы и брат родной — учинил мне такую-то и такую гадость... Вот тогда ты и убедишься, что, когда Данила говорит, что правда и справедливость для него превыше всего, это поистине так. Горячий правдолюбец, он из того святого десятка, ради которого, быть может, и весь Содом спасется когда-нибудь.

Международная Амнистия объявила Шумука старейшим политзаключенным. Этого мало — он достойнейший. Советская тюрьма — испытание нешуточное, иной, глядишь, съежился, а то и вовсе свихнулся, другой этаким бесом выступает, одержимый геростратовым комплексом и с проповедью большевистской вседозволенности на устах, третий, едва отведав тюремной баланды, выскочив на Запад, суетится и поучает, чванясь мундиром страдальца и норовя превратить его в пожизненную статью доходов... Надо знать, как корежит обыкновенного человека тюрьма, чтобы, глядя на Шумука, вполне понять, на что порой способен обычный человек. Ведь Шумук — обычный человек, только очень честный, следовательно — редчайший. Достоевский советовал жаждущим незаурядности: будь честным — и незаурядней тебя не сыщешь. Верней не посоветуешь. Если мне надо понять, каков на самом деле тот или иной человек, что случилось тогда-то и тогда-то, лет 35 тому назад или вчера в соседней камере, четкий голос Шумука заглушит всю визгливую разноголосицу сознательных искажений радетелей чистоты мундира, партийных или национальных целесообразностей. Ему я верю, он может ошибаться, но не солжет, не подсуетится под сиюминутную выгоду, черное белым, политиканствуя, не назовет... и не промолчит. Других, столь же рыцарственно прямых, я не встречал. Еще вот Богдан Ребрик, близкий друг и сокамерник Данилы. Но это особый разговор.

Родился Данила Лаврентьевич Шумук 28 декабря 1914 года в бедной крестьянской семье в деревне Боремщина Волынской области. Всего в семье было четверо детей, Данила — младший. Окончив пятилетку, школу по бедности оставил и начал крестьянствовать, помогая отцу.

После Первой мировой войны по Версальскому мирному договору (1919 г.) и Рижскому договору между Польшей и Советской Россией (1921 г.) часть Западной Украины, включая и Боремщину, вошла в состав Польши. Украинско-польская вражда довольно скоро достигла высокого накала. Одни украинцы вошли в Организацию Украинских Националистов (ОУН), другие стали подпольщиками-коммунистами: Москва уже и тогда умела прибирать к рукам и ловко использовать все виды национальных движений. Кремлевские сирены пели так сладкоголосо, а Шумук был тогда так молод... Это сегодня надо быть детиной стоеросовой или прожженным политиканом, чтобы, зная почти все о коммунизме, все же равняться на Москву. А в те времена в зарубежных компартиях было немало и честных людей: с одной стороны, вследствие непонимания опасной сущности марксизма как учения, вследствие незнания, как это учение воплощается в жизнь там, на далеком мессианском Востоке, с другой — в результате все возраставшей угрозы фашизма: оба людоедства в значительной мере взаимно обусловлены, порождаются сходным комплексом причин, друг друга подкармливают, стимулируют.

Так или иначе, в 18-летнем возрасте Шумук был арестован как член коммунистического подполья и приговорен к восьми годам тюрьмы.

В январе этого, то есть 1979, года, что-то числа 16-го, когда мы голодали, протестуя против избиения священника Романюка, в нашу камеру ввалился подполковник КГБ Романов со опричники. «Что же это вы, Шумук, все с советской властью воюете? Ведь вы

же сами когда-то были коммунистом...» «Я, — ответил Шумук, — был коммунистом, когда за это сажали. А вы всегда вступаете в ту партию, которая сажает».

Польская тюрьма сладкой никогда не была (да и где они, сладкие-то тюрьмы?!), однако голодом в ней не морили, на работу не гоняли, книги можно было получать всякие... То есть по всем почти статьям это была очень приличная, сравнительно с советской, тюрьма. И Шумук не без пользы провел в ней время, очень существенно пополнив свое образование: не только много читал, но и был прилежным слушателем всяких там семинаров, которые устраивала в тюрьме разная ученая публика. Кстати, там ему «посчастливилось» сидеть с некоторыми членами будущего польского ЦК и правительства — с Гомулкой, например. В мае 1939 года польское правительство провозгласило амнистию, и Шумук был освобожден, отсидев свой первый, самый легкий, самый удачный, самый короткий срок — 5 лет и восемь месяцев.

В 1932-м году, незадолго до ареста, Шумук женился на своей односельчанке Марии Маслянской. Дочь Вера родилась, когда он уже был в тюрьме, а в 40-м году родился сын Владимир.

В сентябре 1939 года гитлеровские и сталинские войска поделили Польшу между собой. В начале 1940 года на оккупированных коммунистами территориях началась насильственная коллективизация. Тех, кто ей сопротивлялся, загоняли за колючую проволоку, бесчисленные тысячи поляков и украинцев депортировались в Сибирь и Казахстан.

Человеческое восприятие вообще избирательно, умудряясь видеть прежде всего то, что ему хочется, и игнорируя нежелательное, а при наличии сильной установки оно и вовсе порой шизофренически деформирует зрение: человек решительно не замечает очевидного и видит то, чего и в помине нет. Шумук рабо-

тал каким-то мелким банковским чиновником в Любомиле и не видел того, что творилось вокруг. Но вот за «антисоветскую пропаганду» арестовали его брата Антона Шумука, а 15 мая 1941 года взяли и самого Данилу. Его даже не судили, а просто держали в так называемом трудовом лагере как брата «врага народа». Однако и тут Шумук еще не разуверился в благости советской власти.

Едва началось вторжение немцев на советские территории, трудовые лагеря были превращены в штрафные батальоны. Без всякой военной подготовки, без оружия их погнали на передовую — марш-марш вперед, «За Родину! За Сталина!», с голыми руками на танки, а храбрецы-чекисты подбадривали их сзади пулеметным огнем.

В конце августа-начале сентября 1941 года немецкие танковые колонны замкнули вокруг Киева кольцо — в котле оказались пять советских армий. В результате, через два месяца после начала войны только на этом фронте в плену очутилось свыше 600 тысяч человек, в их числе и получивший контузию Шумук. Он вспоминает:

«В августе и сентябре 41-го года я находился в немецком концлагере для военнопленных в Хороле, возле Полтавы. Ухитрился убежать. В этом лагере умерло от голода примерно 30000 человек». *

До Боремщины было больше 500 км. Шел ночами, с оглядкой, пищу и кров находил у крестьян. Именно они рассказали ему о том, что такое на самом деле колхоз, о массовых депортациях и расстрелах, о голоде, убившем почти семь миллионов. Эти люди кормили его и прятали от облав, он не мог не верить им.

---

* Из письма Данилы Шумука к своему племяннику Ивану Шумуку (живет в Канаде). Письмо датировано 29. 9. 1977 г.

«Крайне тяжело мне было выслушивать все это. Советская власть, эта власть рабочих и крестьян, которую я так идеализировал, почти обожествлял, оказывается, умышленно организовала голод, унесший миллионы жизней, убивала не только недовольных, но и тех, кто за эту власть боролся». *

Дома он надеялся немножко подкормиться, отдышаться, но за ним уже охотились:

«Дома меня подстерегала смерть от рук гестапо или немецких холуев. Если бы не дочь священника Нина Зелинская, я бы пропал. Она меня предупредила и спасла. Но себя она спасти не сумела — вместе со своим братом Юрием она была расстреляна гестаповцами». **

В марте 1943 года Шумук стал членом Украинской Повстанческой Армии (УПА), его назначили политинструктором при офицерской школе. Когда немцы бежали, УПА, справедливо считая, что коммунисты не лучше фашистов, продолжала борьбу за независимость Украины — на этот раз против советской армии.

Данила мне рассказывал, что он отчетливо понимал бесперспективность этой борьбы — слишком неравны были силы, — но считал необходимым держаться до последнего, веря, что всякая кровь будет отомщена и когда-нибудь даст свободолюбивые всходы. У него была возможность навсегда уйти на Запад. Но как он мог уйти? К тому же, он считал себя виноватым за то, что — пусть и в качестве обманутого — когда-то с пафосом выговаривал всем ненавистные слова: «колхоз, советская власть, коммунизм...» А от вины не убежишь, ее надо искупать в меру сил, так он считал.

---

* Из первой части автобиографии Шумука. Написана в лагере, тайно передана на Запад в 1978 г.

** Из письма Д. Шумука к Ивану Шумуку. Датировано 1.6.1978 г.

В декабре 1944 года он был схвачен чекистами, Военный Трибунал приговорил его к расстрелу. 45 дней и ночей ожидал он казни, но, к счастью, следствие не располагало о нем достаточно полной информацией, по делу он проходил как рядовой боец УПА, и это его спасло — расстрел ему заменили 20-ю годами каторги.

«''...Именем советского закона, на основании статей 54-1а и 54-2 Военный Трибунал приговаривает Данилу Шумука к высшей мере наказания — смертной казни через расстрел.''

И тут же в наши спины уперлись штыки охранников.

...Таинственные шорохи, чуть слышные шаги приближались, и ужас искажал наши лица. Дар речи нас покинул, только хриплое дыхание слышалось в камере. И вот посланцы смерти остановились у нашей двери. Звякнул ключ, кормушка чуть приоткрылась, и через щель два зловещих глаза уставились на нас — ужас вдавил наши головы в плечи. Потом появился рот. «На букву А», — громким шепотом выговорил он: те, чья фамилия начиналась на А, должны были подойти к двери и назваться... Потом зловещий рот вышептывал следующую букву — и так весь алфавит. В ту ночь из нашей камеры никого не взяли. Прошелестел вздох облегчения. «Ну вот, у нас есть еще по крайней мере 24 часа», — заметил кто-то. Вдруг в конце коридора загрохотали сапоги, донеслись звуки какой-то возни. Мы замерли, каждый из нас стал одним большим ухом. «Волокут... Заткнули рот кляпом и волокут...» — пояснил кто-то из сокамерников. Вся моя недавняя готовность к смерти испарилась, и ужас охватил меня.

На фронте люди встречают смерть по-разному. Здесь, в мрачной тюремной камере, смерть непрерывно стучалась в наши сердца. Каждую ночь раздавались зловещие шаги посланцев смерти, свистя-

щий шепот вызывал очередную жертву, и потом ее волокли по коридору... Ужас жил в каждом из нас, и каждый из нас дрожал, как под током, все рáвно боялись, только прятал свой страх каждый по-разному». *

После замены смертного приговора Шумука этапировали в Сибирь, в каторжные лагеря. В Дудинке и Норильске, вместе с сотнями тысяч других политзаключенных, он, подгоняемый голодом и штыком, сооружал гигантский индустриальный комплекс, один из многих, о которых советская история сообщает, что он воздвигнуты энтузиазмом комсомольцев.

Данила активно участвует в лагерном подпольном движении. В 1953 году он был одним из руководителей двухмесячной забастовки в Норильске. Впрочем, говорить подробно о его деятельности в лагерях пока еще не настало время.

В период так называемой «оттепели» дело Шумука пересмотрели, и в августе 1956 года он был освобожден. Вернулся домой, на Волынь. Но тут на него насела кагэбня: угрожали, шантажировали, требовали сотрудничества. Шумук перебрался в Днепропетровск, надеясь, что его оставят в покое. Но не тут-то было — в 1957 году его арестовали и два дня продержали, не объясняя причин ареста, потом его вызвал майор Свердлов (из республиканского КГБ) и ознакомил с грубейше состряпанным обвинением в «антисоветской пропаганде и агитации». Майор цинично признал, что обвинение ложно и предложил тут же порвать его и ордер на арест тоже... если Шумук станет тайным агентом КГБ. Шумук, конечно, отказался. Его судили и приговорили к 10 годам лагерей. Освободился он осенью 1967 года.

---

* Данила Шумук. За восточным горизонтом. «Смолоскип», 1979, том 1, № 2.

Семья за это время распалась, профессии он не имел, за жалкие гроши работал сторожем в Богуславе, питался хлебом и картошкой и тайком писал книгу воспоминаний. В январе 1972 года копия этой рукописи была найдена во время ареста одного из его знакомых, и Шумук вновь оказался за решеткой. Книга его сочтена была не только клеветнической, но и подрывной, и киевский областной суд приговорил его к 10 годам лагерей особого режима и 5 годам ссылки.

Часть его мемуаров попала на Запад и была опубликована украинским издательством «Смолоскип» (Балтимора). Книгу назвали «За восточным горизонтом».

С мая 1975 до апреля 1979-го я сидел с Шумуком в одной камере. Здоровье у него никудышное, несколько раз он был на грани смерти, но едва он чуть-чуть приходил в себя, как его выгоняли на работу... пока снова не свалится с ног. В конце того года мы с Богданом Ребриком добились для него самой легкой работы — истопником, но и она уже была ему не под силу. Мы помогали ему привозить уголь, колоть дрова, выгребать золу... но в январе он жесточайше простудился и целый месяц пластом лежал на нарах.

В 1973-м году Шумук направил в Президиум Верховного Совета СССР мотивированный отказ от советского гражданства и одновременно попросил своих канадских родственников исхлопотать ему право на эмиграцию в Канаду... разумеется, после окончания срока, т. е. в 1987 году. Гэбисты неоднократно, в том числе и в присутствии всех наших сокамерников, обещали Шумуку свободу, если он напишет просьбу о помиловании и заявление с отказом когда-либо возбуждать вопрос об эмиграции. Ответ всегда был один: «Свободы из ваших рук мне не надо. Лучше умереть в лагере. Но если мне повезет дотянуть до конца срока, в тот же день я буду у ворот канадского посоль-

ства — хоть убейте, хоть снова сажайте. Ни дня больше в вашей стране. С меня хватит!»

Видя, в сколь плохом состоянии Шумук, мы, его солагерники, не раз обращались к А. Сахарову, к канадским политическим и общественным деятелям. Часть этих обращений пропала, но те, что дошли, побудили канадское правительство к серии шагов. Советское посольство в Канаде признало, что Шумук болен, но при этом сообщило, что он военный преступник, осужденный за сотрудничество с гитлеровцами, а посему освобождению не подлежит... Откуда они это взяли, трудно сказать. Вероятнее всего, ляпнули первое, что в голову взбрело: они знают, что им так или иначе не верят, так не все ли равно, что именно врать...

Сейчас Шумук сидит в пятой камере концлагеря № 385/1-8 на станции Сосновка в Мордовии. Ему 65 лет, из них 35 лет отняты тюрьмами и лагерями. У него язва желудка, невралгические боли в руках, варикоз, требующий операции, которую в лагерных условиях делать опасно, невралгия тройничного нерва, постоянные боли в области сердца. Боюсь, что до 1987 года ему не дотянуть.

О Шумуке говорить или писать, обходя при этом историю, невозможно. Он от нее не увиливал, на печи не отсиживался. Охранка на него зубами скрипит — для нее он некий обличительный символ. Уж они его постараются живьем не выпустить. Если не потребовать этого отсюда, потребовать со всей неотступной решительностью.

«Они говорят, что КГБ, прокуратура и суды созданы... для защиты народа и государства, но при этом из кожи вон лезут, чтобы скрыть свою деятельность от глаз того самого народа, о безопасности которого они якобы пекутся, — пишет Шумук в своей книге, той самой, за которую его приговорили потом еще к 15 годам. — В Польше меня су-

дили за участие в коммунистическом подполье. Однако в Советском Союзе меня уже дважды судили за антикоммунистическую деятельность. Логически рассуждая, не КГБ, прокуратура и суд, но именно я должен бы бояться публичного разбирательства моего дела. Но, к несчастью, в этой стране все делается наоборот. Алогичность выдается за логику, и так называемые защитники народных интересов, словно величайший секрет, прячут от народа свою деятельность. Но я, тот самый, от кого защищают народ, народа не боюсь и не стыжусь предстать перед ним. Напротив, я ощущаю настоятельную потребность рассказать о моей деятельности, о ее мотивах и целях — рассказать всему миру. Вот почему после 27-ми лет тюрем и лагерей (польских, немецких, советских) мне опять предстоят казематы, и, вероятнее всего, я окончу свою жизнь в неволе. Я иду на это сознательно...»

Я не агиографию составляю, а о живом человеке пишу. Поэтому не утаю, что не во всем согласен с Данилой. В частности, ему свойственно одно заблуждение, очень характерное — он переоценивает значение слова, он бестрепетно полагает, что правдивое слово, которое откроет миру глаза, стоит пятнадцати лет неволи... И в самом деле, немудрено в стране, где за слово дают по 10-15 лет, верить в его абсолютную нужность, в его разрушительно-созидательную мощь... И что же? Он выкрикнул, вложив в это слово всю свою жизнь, всю душу... а люди равнодушно спешат мимо, обделывая свои делишки. Правда нужна и рисковать ради нее стоит, только насчет ее зажигательной действительности не надо бы обольщаться. Ошибка Дон Кихота и вечная скучно-трезвая правота цирюльников. Иерихонская стена не рухнула, но и не без трещин, не без трещин... Правдивые голоса все-таки кое-что значат. Однако не слишком ли велика плата —

15-то лет, приплюсованных к предыдущим 27-ми? Для Данилы — нет, такой уж он человек безоглядный. Это я не его спрашиваю, и не тюремщиков, — себя, вас... Не слишком ли много на одного-то человека навалено? И можно ли, зная об этом, оставаться равнодушным?

22. 9. 1979 г.

Единственная ежедневная русская газета
за рубежом

«НОВОЕ РУССКОЕ СЛОВО»

выходит в Нью-Йорке, США
Главный редактор **Андрей Седых**
69-й год издания

«Новое русское слово» регулярно печатает документы самиздата, протесты из СССР, произведения лучших эмигрантских писателей, публицистику и прочее.

Подписная цена 70 долларов в год,
35 дол. — 6 месяцев
Воскресное издание — только 35 дол. в год
Годовая подписка воздушной почтой
(пачками по 6 номеров) — 150 долларов в год

Подписку с платой направлять по адресу:

243 West 56 St., New York, N. Y., 10019 USA.
NOVOE RUSSKOYE SLOVO

ИСТОРИЯ

Герман Андреев

ЗАМЕТКИ О ТРАДИЦИЯХ РУССКОГО ЛИБЕРАЛИЗМА

(К спорам об исторических судьбах России)

I

В спорах, где участники обсуждают гуманитарные проблемы и оперируют терминами из обществоведческого вокабуляра, характерна ситуация, при которой каждый из спорящих ведет свою линию, игнорируя систему доводов оппонента. Причина тому не, как иногда полагают, неумение слушать, но — что гораздо существеннее — кардинальное различие постулатов спорящих. Если постулаты моего оппонента мне чужды, кажутся неосновательными, то мне уже нет необходимости вслушиваться в систему доводов, призванных подтвердить постулат, с порога мною отвергаемый. Человеческому сознанию свойственно выбирать из обилия фактов бытия те, которые удобно ложатся на сформированные понятия, представления, суждения, личный жизненный опыт.

А действительность может подкинуть факты, подтверждающие любой тезис и любой контртезис.

Такие возможности предоставляет и многообразнейшая, сложнейшая и многоцветная история России. И вполне естественно, что историк или публицист делает вытяжку, выстраивает факты в соответствии со сложившимися у него впечатлениями о тенденциях русской истории.

Статья Янова, вызвавшая подчас резко отрицательные оценки, — яркий пример такой вытяжки фактов истории России. Утверждение, что история России всегда определялась и определяется комплексом Ивана Грозного, может быть доказано столь же ловко, как и противоположное: манера управления страной, свойственная Ивану Грозному, — досадное недоразумение, не выразившее ни существа русской истории, ни характера русского человека. Можно черпать пригоршни фактов, чтобы «лить воду на мельницу» и той, и

и другой концепции. И в обоих случаях никак нельзя говорить о манипуляции фактами истории: история сама так собой манипулирует, что переплюнуть ее в этом отношении невозможно одному человеку. Историк, свободный или высвободившийся от веры в какую-либо единственно правильную историческую концепцию, не должен был бы впадать в истерику при знакомстве с неприемлемой для него картиной истории России, нарисованной коллегой. Следовало бы признать запрещенным прием, столь часто используемый носителями «единственно правильной научной теории»: обвинение оппонента в служении то ли шкурным целям, то ли враждебным разведкам. К сожалению, в некоторых высказываниях о статье Янова прорываются эти инструментованные марксистскими идеологами мелодии подозрительности, мешающие серьезному разговору на больную тему. При этом забывается, что вытяжку из русской истории, подобную яновской, делали люди, которых никак нельзя заподозрить в служении советской политике или КГБ хотя бы потому, что одни из них, как Лермонтов и Чаадаев, жили задолго до создания системы, опирающейся на органы госбезопасности, другие, как А. Белинков, приговаривались ею к смертной казни, третьи, как П. Б. Струве, назвавший Ивана Грозного «первым русским большевиком большого формата», бежали от нее в тот момент, когда она находилась еще в эмбриональном состоянии.

Ведь это Чаадаев в таких тонах живописал русскую историю: «Сначала дикое варварство, потом грубое невежество, затем свирепое и унизительное чужеземное владычество, дух которого позднее унаследовала наша национальная власть — такова печальная история нашей юности... Окиньте взглядом все прожитые нами века, всё занимаемое нами пространство — вы не найдете ни одного привлекательного воспоминания... В нашей крови есть нечто, враждебное всякому истинному прогрессу... мы составляем пробел в нравственном миропорядке». Не знай, что это написано полтораста лет тому назад, скажешь: это клевета на русский народ с целью доказать, что коммунистический эксперимент провалился в России потому, что эта страна — варварская.

Письмо Чаадаева любопытно тем, в частности, что в нем не представлено никаких доказательств, никаких фактов, оно целиком — впечатление от русской истории. Однако впечатления эти выросли не на пустом месте, и было немало историков и публицистов, которые находили и находят массу фактов, реалистически проявляющих туманный чаадаевский импрессионизм. Статья А. Белинкова «Страна рабов, страна господ» насыщена фактами в подтверждение

чаадаевского и лермонтовского пессимизма (кстати, и Лермонтов-то написал не только «Прощай, немытая Россия», но и «Отчизну»), на основании которых Белинков делает вывод: «главной задачей русской истории всегда были попытки задушить свободу». Роман же Гуль, в письме к Белинкову заявивший, что это «вопиющая неправда», не опроверг фактов, приводимых Белинковым, а привел другие факты, подтверждающие истинность мысли Достоевского: «Пушкин первый объявил, что русский человек не раб, и никогда не был им, несмотря на многовековое рабство». А постольку, поскольку Белинков думал иначе, Гуль сближает его с деятелями большевистской диктатуры и нацистским идеологом Розенбергом.

Настаивание на истинности лишь своего знания и своего понимания вытекает обычно из веры в существование некоей объективной истины. Разумеется, такая истина существует, только знать ее не дано ни одному человеку в отдельности и ни одной группе людей. В сущности, объективная истина — это Бог, не дано нам знать Бога и не дано нам знать то, что знает Он. Объективное знание слагается из миллиардов правд, каждый человек — это правда в себе. Людям, далеким от науки, знать всё это не так уж важно. На уровне бытовых и сиюминутных — как правило, эмоционально взвинченных — споров каждый человек, естественно, верит, что он, только он прав, а все остальные или подлецы, или жулики, или дураки. В науке же (здесь имеется в виду так называемая гуманитарная наука) без признания множественности истин можно прийти лишь к вселенскому мордобою, но не к цели — движению в направлении объективной истины.

Автор не оговорился, кажется, употребив понятия «движение к цели» и «цель» как синонимы. В гуманитарной науке цель и есть безостановочное движение к ней в полном сознании того, что к самой истине ты не придешь, однако без твоего вклада в искания не будет и движения, так же как в том случае, если ты помешаешь кому-то другому раскрыть себя как носителя определенной, субъективной истины, ты становишься поперек пути, по которому человечество движется к познанию полной картины бытия.

Некоторые философы ставят под сомнение право гуманитарных наук называться науками. Немецкий историософ Эгон Фридель, например, отрицает за историей такое право. Он исходит из того, что человек — «существо, неизлечимое от болезни суждения». И, следовательно, когда человек касается проблем истории или этики, он не способен отвлечься от своего «я», что является условием истинно научного познания. Так что всякая историческая концепция, по Фри-

делю, субъективна, — следовательно, ненаучна. Фридель говорит о заколдованном круге, в который попадает ученый-историк, пытающийся быть объективным и научным: «Когда историческое писание пытается быть наукой, оно перестает быть объективным, если же оно пытается стать объективным, оно перестает быть наукой». Историческое писание, по Фриделю, тогда лишь достойно внимания, когда оно ненаучно и необъективно, и он предупреждает читателей своей «Истории культуры нового времени», что тот знакомится с ненаучной и необъективной концепцией, в чем и состоит ценность книги. «Там, где начинается жизнь (а именно ею занимаются гуманитарные науки), там прекращается то, что принято называть наукой», — пишет немецкий философ, перекликаясь с утверждением Шпенглера: «Захотеть научно рассматривать историю — в сущности совершать нечто противоестественное». Исторические системы Гегеля, Маркса, Тойнби имеют такое же право на существование, как и системы, их опровергающие. Они не имеют лишь права на то, на что особенно претендуют: на абсолютность, единственность, универсальность.

В. О. Ключевский вообще утверждал, что «закономерность исторических явлений обратно пропорциональна их духовности». Вероятно, утверждая это, Ключевский не столько отрицал наличие самой исторической закономерности, сколько высказывал соображение о людях, духовно ограниченных горизонтами своих представлений, своих постулатов и настаивающих на единственности и абсолютности этих своих представлений. Не случайно Ключевский считал лучшими историками России ее писателей — Пушкина, Тургенева, Толстого: «Желал бы я видеть смельчака-историка... который решился бы обойтись без Тургенева, Достоевского и т. д. не в главе о литературе, а в отделе об общественных типах», — писал он в письме к А. Ф. Кони.

Читая художественные описания исторической эпохи, мы почему-то не обвиняем писателя в непонимании истории, если он изображает нечто расходящееся с нашими представлениями об этой эпохе, а говорим: он так видел, — и ценим его как раз за субъективность, естественно шарахаясь от партийной объективности писателя социалистического реализма. Следовало бы и к историку относиться так же, сознавая ценность его субъективных наблюдений — разумеется, с презумпцией его честного обращения с фактами.

Когда в сегодняшней полемике об исторических судьбах России одна партия утверждает, что вся история России — история народа-богоносца, нашедшего органичные ему формы религии и госу-

дарственности, а другая партия (которую первая называет русофобами) видит в истории России лишь рабство и жестокость, каждая из них правильно описывает одну или другую ногу слона, но не всего слона.

Естественно, что «русофобы» могут заподозрить «русофилов» в равнодушии к страданиям простого русского человека, прикрытом любовью к России вообще. Но так же естественно изобличить «русофобов» в большем или меньшем безразличии к России, которая и доброго-то слова не стоит.

Думается, от всех этих взаимных подозрений следует отказаться, согласившись с тем, что историк, рисуя свою историю России, не выдумывает ее, а выстраивает факты в соответствии с образом ее, накладываемым на его, историка, жизненный опыт, на его мировоззрение, на его восприятие сегодняшнего дня России.

II

Излагаемые в этой статье соображения о путях развития России ни в коем случае не претендуют на системность или тем более универсальность. Автор лишь настаивает на том, что он фактов не выдумывает, что он искренен и не намерен «лить воду на мельницу классового врага».

На территории бывшей России возникло тоталитарное государство — СССР. Но Россия — существует. Если бы она не существовала, вряд ли стоило бы огород городить и спорить о могильщиках, похоронивших дорогое существо. А огород городить стоит: как верно сказал Белинский, мы вопрошаем историю, чтобы выискать в ней пророчество будущего.

Если согласиться с тем, что в СССР установлена тоталитарная система и что тоталитаризм в любой его форме не может быть благом ни для нации вообще, ни для ее отдельного представителя, то естественно стремление понять, что такое тоталитаризм, каковы причины его возникновения — в частности, в России — и насколько неизбежно было торжество в России тоталитаризма.

Тотальные отношения существуют между человеком и каким-либо явлением или другим человеком не только в тоталитарном государстве. В сущности, каждый человек всегда или в каких-нибудь ситуациях ставит себя в отношение тотального подчинения чему-либо или кому-либо. Тотальное подчинение, согласно Фромму и В. Зубову, возникает из сознания малоценности своей личности в сравне-

нии с великоценностью другой личности, группы личностей или какого-нибудь (часто мифологизированного) явления. Таким явлением может быть семья, искусство, наука, государство, партия, нация. Человек, придя к выводу, что его личность, с заложенной в ней потребностью свободы суждения и свободы действия, менее ценна, чем нечто иное, более ценное (более мудрое, более нравственное, более истинное, более сильное и т. п.), отдает себя на служение, а подчас и в жертву этому более ценному, назовем его тотальным объектом. Всю свою жизнь человек чему-то или кому-то служит. Даже если он служит своим похотям, он тем самым отдает им в жертву свою личность, свою свободу. Так что нет и не может быть абсолютной свободы. Отстаивание истинности лишь своего тотального объекта — источник человеческих конфликтов, трагедий.

Исходя из такого представления о свободе и зависимости, можно разделить типы государства на тоталитарные и нетоталитарные. Нетоталитарное государство основано на признании множественности тотальных объектов и задачу свою видит в смягчении остроты конфликтов между людьми, ориентированными на различные тотальные объекты, в установлении максимально возможной гармонии интересов. В нетоталитарном государстве человеку предоставлены широкие возможности выбора несвободы, оно гарантирует плюрализм отказа от свободы. Тоталитарное же государство в целях установления порядка и смягчения конфликтов из-за множественности тотальных объектов создает один-единственный легальный тотальный объект, объявляя все остальные подлежащими развенчанию, служителей их — уничтожению или «перевоспитанию». Тоталитарное государство разрешает поклонение лишь одному кумиру, в пользу которого человек должен отказаться от своей свободы. Этот кумир объявляется единственно великоценным, все остальные — малоценными. Таким образом, в тоталитарном государстве уничтожена свобода отказа от несвободы. Гражданин такого государства, согласившись с навязываемой ему абсолютностью одного из многих кумиров, перестает быть человеком в полном смысле этого слова и становится орудием в руках манипуляторов тоталитарными мифологизированными объектами, лишаясь права выбора несвободы для себя, выбора тотального объекта, которому он хочет служить и именно в такой форме и в такой степени.

Любая государственная форма несет в себе опасность искушения тоталитаризмом для руководителей страны. Всегда было два типа вождей — такие, которые считали, что тоталитарное государство легче в управлении, и такие, которые предпочитали нетоталитар-

ную форму руководства. Сомнительно, чтобы государственная форма тут играла решающую роль. Тоталитарно и нетоталитарно могут править и наследственный монарх и избранный канцлер или президент. Сомнительно также, чтобы тоталитарные или нетоталитарные государства были органичны каким-нибудь народам: утверждение, что русские (или китайцы) любят рабство, столь же несообразно, как и вера в то, что англичане или французы гарантированы от тоталитаризма. Не так-то легко и доказать, что определенные экономические системы с неизбежностью вызывают тоталитаризм или, наоборот, полностью его исключают, хотя право распоряжаться всем богатством страны, сосредоточенное в руках или одного человека (капиталиста Сомосы), или одной партии (коммунистической в СССР и в Китае), или одной религии (шиитов в Иране), почти стопроцентно ведет к тоталитаризму. И уже совсем неверным кажется учение об извечном прогрессе от несвободы к свободе, от тоталитарных форм к нетоталитарным.

Все эти соображения и определяют подход автора предлагаемых заметок к истории России. Он полагает, что критерий оценки истории страны в целом или отдельных ее периодов — это уровень свободы личности (ее пра́ва на выбор несвободы), а также уровень народного благосостояния (все же, помимо принуждения властей, существует принуждение бедности, когда человек начинает служить даже чуждому ему тотальному объекту просто для того, чтобы физически выжить). Весьма существенно также, какова цена человеческой жизни, ибо о какой гарантии свободы и благосостояния может идти речь в государстве, в котором лишение человека жизни или здоровья по приговору государственной власти узаконено или предполагается естественным!

И вот, под таким углом зрения раздумывая над страницами истории, приходишь к выводам, опровергающим, кажется, всякие крупноблочные исторические построения.

Киевский князь св. Владимир, приняв христианство, осуществлял в прямом смысле заповедь «не убий!»: он запретил казнить даже татей, разбойников, а Иван Грозный через шестьсот и Сталин через тысячу лет казнили вообще невинных людей, руководствуясь соображениями о благе государства. О каком прогрессе истории можно говорить, если князь, правивший в X веке, был гуманно развитее, чем владыки XVI и XX веков?

Дочь Петра I Елизавета отменила в России смертную казнь более двухсот лет тому назад, а французские парламентарии сегодня, во второй половине XX века дискутируют о том, следует ли отпра-

вить гильотину в музей, и многие из них склоняются к тому, что все же не следует. Можно ли говорить о врожденном варварстве русских и гуманности европейцев как чуть ли не о неопровержимом законе исторического развития?

История Европы свидетельствует, что борьба против притязаний государства и прочих общностей (национальных, религиозных) на права личности была характерна для всех стран этого континента и шла с переменным успехом: когда гуманизм, персонализм брал верх в сознании и юридических порядках одних стран, он терпел жестокие поражения в других. Иногда же цена человеческой личности одновременно падала на востоке и западе Европы. В ночь с 23 на 24 августа 1572 года в Париже было зарезано около тридцати тысяч его жителей, исповедовавших неугодную власти религию («Варфоломеевская ночь»). И сделала это не шайка разбойников, а французская армия по приказу Екатерины Медичи, правительницы страны. И западный мир не только не осудил это преступление, но и в лице своего духовного владыки папы Римского воздал хвалу убийцам. В это же время в «дикой Московии» полубезумный царь Иван Грозный нападает на русский город Новгород и вырезает его население: в течение 6 недель ежедневно, как сообщают исторические источники, гибло по нескольку сот человек. Но пастырь русской православной Церкви митрополит Филипп публично, перед всем народом, в Успенском соборе обличил преступника, за что и был задушен его клевретами.

Проходит три века, и 6 апреля 1857 года на парижской площади происходит «спектакль» публичной казни. Разодетая публика с детьми наслаждается захватывающим зрелищем, а в толпе зрителей — русский путешественник Лев Толстой. В тот же день он записывает у себя в дневнике: «...поехал смотреть экзекуцию. Толстая здоровая шея и грудь. Целовал Евангелие и потом — смерть, что за бессмыслица». Сравнение не в пользу западной части Европы: русское представление о человеке, его ценности, о Боге, о праве государства на убийство человека явно перегнало представление европейское: в России не только публичных, но и вообще никаких смертных казней в это время нет, и герой романа Достоевского князь Мышкин, тоже присутствовавший на публичной казни во Франции, в Лионе, рассказывает с ужасом: «Разве это возможно? ...Надругательство над душой, больше ничего! Сказано «не убий!» так за то, что он убил, и его убивать? Нет, это нельзя. Вот я уж месяц назад это видел, а до сих пор у меня перед глазами. Раз пять снилось». То, чего не могла понять европейская правовая мысль, четко форму-

лировал русский писатель И. С. Тургенев в статье «Казнь Тропмана»: публичная казнь не есть «акт общественного правосудия», но убийство, за которое несут ответственность и зрители.

И как бы хотелось сделать вывод маслом по сердцу русских патриотов: вот-де какая Россия была гуманная страна в сравнении с варварским Западом. Но неутешительную картину дают факты русской истории, русской литературы. Тот же Толстой в рассказе «После бала», тот же И. С. Тургенев в «Записках охотника» и тот же Достоевский в «Братьях Карамазовых» свидетельствует об истязаниях крестьян и солдат, о затравленном по приказанию русского генерала ребенке. А голоса противников насилия, защитников достоинства и свободы человеческой личности слышны были и из Западной Европы: голос Виктора Гюго не был там одиноким.

Много еще фактов можно привести из истории, которые настойчиво толкают к мысли: не было истории варварской, тоталитарной России и свободной, гуманной, демократической Западной Европы, а была одна нераздельная история европейского континента, в странах которого на протяжении по крайней мере последней тысячи лет шла борьба двух тенденций — тоталитарной и либеральной. Первая определялась отношением к человеку как частице, элементу, «колёсику и винтику» государственного, хозяйственного, национального, конфессионального механизма; вторая выдвигала человека на первое место, а всякие общности — на второе, как бы почтительно представители этой тенденции ни относились к некоторым из этих общностей. Государственники отдавали человека в жертву субботе, а либералы настаивали, в соответствии с Великой Книгой: «Суббота для человека, а не человек для субботы».

Сравнивая историю Западной Европы с историей России с точки зрения развития этих двух тенденций, трудно согласиться как с крайними западниками, так и с крайними славянофилами. И те, и другие отделяли Россию от Европы. Первые говорили: надо взять у Запада его формы жизни, ибо наши, русские, никуда не годятся. Славянофилы же говорили (и говорят): не нужны нам западные формы, у России «собственная стать». Хотя то, что «у России собственная стать», — бесспорно, но собственная стать есть и у Англии, и у Норвегии, и у Швейцарии (что, однако, не мешает нашим славянофилам валить в кучу все эти страны, называя их общим словом «Запад»). Россия имела своеобразную историю, отличавшуюся от истории, скажем, Англии, но и история Франции серьезнейшим образом отличалась от истории Германии и Швеции. Средневековое варварство в 30-40-е годы XX века торжествовало не только на востоке Европы,

но в самом ее центре, в стране, которая может справедливо похвастаться Кантом и Швейцером. И произвести его из немецкого духа так же легко и так же трудно, как советское массовое уничтожение людей в тех же годах — из русского духа.

Большевизм — плод развития европейских идей на почве европейской страны России, и Бердяев так же принадлежит Европе, как Ясперс, а в персоналистических понятиях современного западноевропейского человека мы обнаруживаем элементы, которые развивались в русской общественной мысли, может быть, с самого X века и торжествовали в великой русской литературе ее «золотого века». Марксистско-ленинское тоталитарное учение — в такой же степени европейское, как и изобретенные Нечаевым и Бакуниным, типично русскими людьми, и подхваченные Баадером и Майнхоф, типичными немцами, идеи уничтожения индивидуализма во имя общенародных задач; в то время как кантовский категорический императив и отказ героя русского романа войти в светлое царство гармонии за счет слезинки хотя бы одного ребенка тоже вышли из одного географического и культурно-религиозного источника — Европы. Такая общность западноевропейской и русской истории — явления не только последних двух веков, но всего тысячелетия со времен принятия Русью православия, хотя и пришедшего на Русь через Восточную Римскую империю, но имеющего тот же, общий с верой Западной Европы источник — учение Христа.

О соотношении России и Западной Европы следовало бы говорить, исходя именно из общности религии, а не из позитивистских соображений, столь сильно повлиявших, например, на концепцию Н. Я. Данилевского. Христианство с его утверждением свободы личности как величайшего дара Божия определяло развитие и русского, и европейского сознаний: борьба за примат личностного над государственным началом, вообще над социумом, шла между христианским мышлением, с одной стороны, и русской и европейской властью, с другой. По мнению Бердяева, русские в этом смысле даже больше преуспели, чем западноевропейцы: «Русские... не социализированы в европейском смысле, то есть не признают примата общества над человеком». Следовало бы все же сказать, что любой христианин, то есть любой европеец, не признает такого примата. Подчиняли себе личность христианские властители, не воспринявшие христианство как религию свободы, и европейские атеисты, для которых не Бог, а политизированный человек — последняя нравственная инстанция.

Христианская культура как в ее внешних формах, так и в сущностном содержании, начиная с X века, одинаково игнорировалась и одинаково проявлялась и в Западной Европе, и на Руси. Да и российская государственность имеет европейский источник — она создавалась норманнами, варягами, причем сразу же имела целью защиту Европы от Азии, от половцев и печенегов, а позже — от татаро-монголов. (Кстати, не нужно обижаться на норманнскую теорию происхождения русской государственности: норманнов, «варягов», звало к себе и население нынешней Англии — был приглашен на правление датский вождь Кнут Великий, — и король французов Лотар.)

Соловьев пишет, что с конца XIV века татар «пересиливает Европа в лице России». Ключевский называет Русь восточным берегом Европы, за которым простирается Азия. Русь была не просто, так сказать, военным бастионом Запада, она была и районом его культуры со всеми ее плюсами и минусами. Погодин говорит, что русское и европейское просвещение являются необходимыми частями одного целого. Уже двор св. Владимира, а затем и Киев во время правления Ярослава Мудрого были типично европейскими. При княжеском дворе Владимира говорили на западноевропейских языках, читали европейские книги. Посетивший в XV веке Новгород ректор Краковского университета, сравнивая Рим с Новгородом, отдает предпочтение последнему. Но дело не во внешнем блеске. Вероятно, Русь не отставала и от научного развития Западной Европы, если, например, в Болонье в 1460 году русский был избран ректором университета. Западноевропейские короли брали себе в жены русских княжон не только по политическим соображениям: русские женщины соответствовали западноевропейским представлениям об обаянии, образовании, интеллекте: одна из дочерей Ярослава Елизавета была замужем за королем Норвегии Гарольдом Строгим, другая — Анна — за Генрихом I Французским, а внучка Ярослава Евпраксия была женой германского императора Генриха V. И, наоборот, когда Россией правила немка Екатерина, мало кому в голову приходило видеть в «матушке» что-то совсем чужеродное, и она вошла в историю России как типично русская правительница. Чем более одерживали в России верх общеевропейские представления, тем лучше жилось русским как в духовном, так и в материальном смысле. Еще В. В. Голицын звал Германию и Венецию к союзу, и он же первым из русских правителей выдвинул идею освобождения крестьян с землей за 200 лет до крестьянской реформы. При нем Россия процветала, и нет оснований смеяться над ним, подобно Алексею Толстому,

из-за его военных неудач: благо народа не в военных победах. Вообще в XVII веке в России мысли о благе личности высказывались весьма часто и репрезентативно. Крупнейший европейский дипломат А. Ордын-Нащокин выступал с призывом гуманно относиться к гражданам захватываемых территорий; боярин Ртищев выдвинул идеи помощи раненым, которые оформились лишь через два века в деятельности основателя Красного Креста Дюнана. Разумеется, в том же XVII веке можно найти в истории России множество примеров обскурантизма, жестокости, даже зверства, но таких примеров не меньше и в истории другой части Европы, ибо христиаство, распространявшееся в качестве государственной религии по всей Европе, лежало лишь на поверхности сознания и никогда не определяло ни повседневного, ни политического ее быта.

Однако если обратиться к «русскому духу», выражаемому в произведениях русской литературы и искусства, то идеи гуманизма, человечности господствуют в них не в меньшей, а может быть, в большей степени, чем в произведениях западноевропейских. Русскому эпосу, например, и русской летописи менее, чем германскому и французскому, свойственно прославление культа силы. Летописец, описывавший бой Мстислава с касожским (азиатским) князем Редедей, исходит из европейских представлений о герое: русский боец прославляется не за голую силу, а за ум, веру, смекалку. А «Слово о полку Игореве» дает поразительный для европейской средневековой литературы тип мышления: автор «Слова» осуждает государственников, заботившихся о престиже земли, но пренебрегших судьбами оратаев и простых женщин.

Множество исторических случайностей приводило к тому, что мышление на высоком литературно-художественном уровне не влияло на жизнь русских людей столь непосредственно, как на жизнь западноевропейского человека: между мыслью и жизненной, политической практикой примерно до середины XIX века в России была бóльшая пропасть, чем в Западной Европе. Однако русская персоналистическая идея была так сильна, что не только русский Белинский верил в то, что Россия в XX веке будет стоять во главе гуманистической Европы, но и немец Шеллинг, писавший в 1848 году В. Ф. Одоевскому: «Странна Ваша Россия. Невозможно определить ее предназначение и ее путь, но она определена для чего-то великого». Учитывая, что в это время Шеллинг пересмотрел сближавшую его с Гегелем философию природной необходимости и начал утверждать религиозно обосновываемую идею свободы личности, можно предположить, что величие будущей России Шеллинг видел в осу-

ществлении этой идеи. К сожалению, Европа открыла Россию лишь одновременно с открытием Америки, но все же в XIX и XX веках многие западноевропейские умы могли присоединиться к мысли Франца Баадера (1841), что «из России можно ожидать развития всемирного христианства». Историческая реальность России не давала слишком богатого материала для столь лестных надежд, но русская мысль, воплощенная в русской религиозной, художественной и философской литературе, такие надежды подтверждала. Таким образом, возникает целая цепь фактов, вытянув которую, можно увидеть в России те начала европейского христианского гуманизма, которые никак не ложатся в схему «комплекса Ивана Грозного» или в схему «страна рабов, страна господ».

Вместе с тем, весьма даже возможно, выстраивая по своему усмотрению факты, изобразить некоторые страны Западной Европы примерами жестокости, варварства, фарисейства, подавления прав личности во имя государства.

И победи в Англии не либерализм, а тоталитаризм, твердо верящие в детерминизм истории публицисты вывели бы этот английский тоталитаризм хотя бы из комплекса Генриха VIII.

Генрих VIII правил Англией в те же приблизительно годы, что Иван Грозный на Руси (1509-1547). Англичане называют время его правления «царством крови». Кровь лилась по улицам, площадям и мостам Лондона столь же щедро, как в то же время по белокаменной Москве, а на мостах через Темзу король приказал выставлять на палках головы своих казненных врагов. Как при Генрихе VIII, так и при его преемниках Якове II и Карле II цена жизни англичанина была ничтожно низка: смертная казнь полагалась за кражу вещи дороже 13,5 пенсов. Инакомыслие и инаковерие преследовались варварскими методами. Пуритан (английских раскольников) сжигали на кострах, как несчастную Энн Эснью и троих ее приверженцев; Грина и Лейтеса за памфлеты против короля приковали к позорному столбу и отрезали уши. Так что не только русских раскольников жгли и пытали на дыбе, не только у них отрезали уши и языки. Великий английский сатирик Дж. Свифт буквально был оплеван согражданами, верными морально-политическому единству. Положение английского крестьянина в то время было гораздо худшим, чем положение крестьянина русского. Разорившийся английский крестьянин не имел права даже просить милостыню: за противозаконное попрошайничество его забивали в колодки, секли бичами, клеймили железом, а если он и после этого упорно клянчил, его продавали в рабство. И точно так же, как в далекой Московии, эти художества

оправдывались божественностью происхождения королевской власти, на котором особенно настаивал король Яков II (1603-1625) Стюарт. При этом Церковь не проявляла особенной самостоятельности: она была верной опорой трона, а не защитницей бедняков. Тоталитарные проявления не прекратились в Англии и после революции. Во всяком случае «остроумное» заявление матроса Железняка о том, что караул устал, а потому Учредительное собрание должно разойтись, не казалось оригинальным тем, кто знал, как кромвелевский полковник Прайд с отрядом солдат выгнал из зала парламента народных избранников и на вопрос, по какому праву он это сделал, ответил: «По праву меча».

Так что очень легко бы задним числом объяснить неизбежность торжества тоталитаризма в Англии, а на протесты англофилов, что-де все это дела давно минувших дней, можно было бы им напомнить о некоторых событиях XX века, хотя бы о выдаче Сталину на расправу русских казаков, в чем, в частности, проявилось как раз тоталитарное мышление: гуманистической, либеральной Англии следовало бы усвоить, что тоталитаризм выражается, между прочим, в отношении к человеку как части чего-то общего.

Гораздо убедительнее были бы те англофилы, которые напомнили бы, что, наряду с Генрихом, Яковом, Кромвелем, был в Англии и Джерард Уинстэнли — великий европейский гуманист, и, между прочим, Вильям Шекспир, с его концепцией свободной личности. В том-то и дело, что вся новая и новейшая история Англии так же, как и история другой европейской страны — России, — определялась этой борьбой между господствующими тоталитарными тенденциями и свободолюбивой индивидуалистической мыслью. И не было роковой неизбежности поражения либерализма в России и победы его в той же Англии. Здесь приведен пример Англии как страны будто бы исключительно либеральных традиций. А как быть с Германией? Что предопределяла история Германии, что с необходимостью вытекает из немецкого характера — нацистский тоталитаризм или одна из самых свободных и социально справедливых стран в мире — Федеративная Республика Германии?

Отношение к государству как к своей вотчине было весьма характерно для русских князей и многих русских царей. Однако «L'état, c'est moi!» сказал не русский царь, хотя, ежели бы они могли по-французски, то так бы и сказали и Иван IV и Петр I. А во время Тридцатилетней войны в Германии, которая разоряла эту страну примерно тогда, когда на Руси разразилась катастрофа Смутного

времени, немецкие князьки завоевывали немецкие же города и деревни, жгли их, а жителей убивали или насильно сдавали в рекруты.

Во Франции во времена правления Людовиков XIV и XV у местных властей хранились так называемые «конверты», в которых лежали бланки смертных приговоров без указания имени осужденного — имя вписывали жандармы. Чем не предпосылка тоталитаризма?

Вот так можно описать историю европейских либеральных стран, ныне справедливо гордящихся своими законами, гарантирующими свободу личности, защищающими ее от тоталитарных покушений государственной власти.

А у той страны, которую ныне принято — и опять-таки справедливо — считать хрестоматийным образцом современного тоталитарного государства, в историческом прошлом были страницы, выгодно отличающие ее от других стран Европы.

Первый свод русских законов, «Русская правда», не знал не только смертной казни, но и телесных наказаний. То, за что, скажем, в Византии полагалось три удара плетью, на Руси наказывалось тремя гривнами. И всюду, где в западноевропейских законах телесные наказания, в «Русской правде» — вира, денежный штраф. Киевский князь Владимир Мономах поучал своих детей не убивать ни правого, ни виноватого. В «Законе судном» было указано, что, если хозяин изувечит раба или холопа, они автоматически становятся свободными. Вообще до Петра I русский крестьянин был свободнее западноевропейского. Соотношение это изменилось в пользу западноевропейского крестьянина лишь в XVIII веке. Однако уже в середине XIX века, после великих реформ, судопроизводство, один из важнейших показателей степени защищенности человека от государства, стало в России лучшим, наиболее надежно из всех европейских стран охраняющим права личности. Сравнение дела Дрейфуса во Франции и процесса Бейлиса в России говорит не в пользу французского судопроизводства: русский суд показал себя гораздо более независимым и справедливым.

В глубь истории уходит и русская политическая демократия: Новгород, Псков и Вятка были наиболее демократическими государствами Европы целых три века — с начала XII до конца XV.

Таким образом, в истории всех европейских стран, в том числе и России, были заложены зерна, из которых могли произрасти различные общественные системы и разные системы мышления. Никакого детерминизма в истории нет, всякие учения о закономерностях истории — это ухищрения ловких умов, выстраивающих свои концепции путем игнорирования одних фактов и манипуляции дру-

гими (как правило, непреднамеренно). Развитие истории, по мысли Льва Толстого, фатально, фатально в том смысле, что оно определяется Божественным замыслом, а людям лишь кажется, что они этот замысел разгадали. История народа необычайно пестра, она создается биллионами желаний, страстей, неисчислимым количеством случайностей, каждая из которых вызывает некалькулируемые последствия, а те, в свою очередь — новые и новые, как понятные человеческому разуму, так и недоступные для него результаты.

И каждый историк видит в прошлом что-то свое.

Обращаясь к истории России, автор этих заметок полагает, что при всем многообразии явлений, характеров, идей, настроений, можно в ней выделить (весьма грубо и приблизительно) две тенденции: тенденцию тоталитарную в ее двух выражениях — сверху со стороны власти и снизу со стороны тех, кто власть эту хотел уничтожить, — и тенденцию либеральную, стремившуюся к осуществлению двух задач — свободы личности и единства нации.

III

В Киевской Руси, а также в Пскове и Вятке до нашествия степных кочевников княжеская власть состояла на службе призвавшего ее населения. Оно выбирало князя, а он знал, что может быть изгнанным, если не угодит тем, кто его пригласил.

Первые зернышки тоталитарного отношения власти к подданным упали на русскую землю тогда, когда русские люди начали уходить из степного юго-запада в лесистый северо-восток. Князья приходили первыми на землю, объявляли ее своей, и теперь уже они приглашали на землю крестьян и служилых людей. Княжеское владенье стало его уделом: «моя земля», «мой порядок», «мой город» — стало слышаться в княжеских речах. Русский человек начинает терять чувство национального единства, ответственности за землю, передоверив ее князьям. Когда же пришли татаро-монголы и рязанцы попросили помощи у соседних русских княжеств, тогда и проявилась вся катастрофичность такой ситуации: один удельный князь не считал себя обязанным прийти на помощь другому уделу, и стали русские князья «холопами вольного царя», ордынского хана. Ордынские ханы стали назначать на русские княжества таких князей, которые выбивали из своих подданных с наибольшим успехом дань. Начался процесс отчуждения народа от власти, русский человек начал видеть в князе что-то чуждое ему, чему надо сопро-

тивляться, что надо обманывать и, во всяком случае, с чем никак нельзя идентифицировать свои жизненные задачи. Ключевский пишет: «...удельный порядок был причиной упадка земского сознания и нравственного гражданского чувства в князьях, как и в обществе, гасил мысль о единстве и цельности Русской земли, об общем народном благе». Русский человек стал не хозяином своей земли, а подданным в уделе. Первый из персоналистов, чье слово дошло до нас, — автор «Слова о полку Игореве» — осознал эту беду, надвигающуюся на Русь, еще в XII веке. Трагизм рисунка поэмы, определяющая все ее настроение «черна туга» отразили это внутреннее состояние русского человека, ощутившего, что похищаются сразу две великие, взаимосвязанные ценности — ценность личности и ценность национального единства: где интересы удела, княжества ставились выше интереса «ратая», там исчезало то, что теперь бы назвали мы солидарностью. На место истинной солидарности, суть которой в соединении отдельных людей для осуществления общего национального интереса, пришло мнимое единство, единство подданных, скрепленное властью одного хозяина, властью государства. Московское государство, возникшее в XIV-XV веках, было государством тягловым, в котором сословия отличались не правами своими, а повинностями в пользу государства: каждый должен был или защищать государство («бояре и слуги вольные»), или кормить тех, кто защищал это государство. И в сознании русского человека укреплялось убеждение, что он обязан всем государству, а государство ему не обязано ничем.

С уничтожением удельного правления при Иване III отношение к государству хозяина русской земли, именуемого теперь Государем Всея Руси, не изменилось. Он по-прежнему считает страну своей вотчиной, при этом лишив и без того весьма ущербных прав последнюю группу людей, имевших не только обязанности, но и права перед государством, — бояр. Отсюда в опричнине Ивана Грозного видится не изобретение изувера, а доведенное до кошмарных размеров представление о государстве как хозяйстве властителя. Опричнина, в противоположность мнению многих советских историков сталинской поры, в сущности, никаких государственных задач не выполняла, а выполняла задачи шкурные — защиту жизни и интересов хозяина. Задушив руками Малюты Скуратова митрополита Филиппа, Иван IV надолго запугал тех, кто хотел бы видеть в Государе если и не народного избранника, то хотя бы народного болельщика.

Смутное время стало расплатой, естественным следствием того, что творилось на Руси в предшествующие четыре века: оборвалась «законная династия» — распалось государство. Обнажилось безразличие русского человека к государству, которое он не научился считать своим. (Вспомним сцену у Девичьего монастыря из пушкинского «Бориса Годунова».) Русь в 1610-12 годах — ничейная, безгосударственная земля: в Новгороде шведы, в Москве и Смоленске поляки, а сами русские убивают, грабят, берут всё, что плохо лежит. Мерзость запустения — иначе не определишь того, что представляла собой Русь в те годы.

И вот тогда-то оказалось, что есть нечто неподвластное ходу политического развития, неподвластное намерениям хозяев страны, — это мистическое чувство национальной ответственности у великого народа: общий Собор «всех городов и всяких чинов людей всего Российского Царствия» впервые за его историю избирает царя — Михаила Романова. Нация была спасена не волей одного властителя, а соборно выраженной волей народа.

Вот бы и начать новой династии править с учетом этого величайшего события в истории Руси, править как избранники народа, а не как «хозяева земли русской». Но традиции Новгородского веча, земского Собора 1613 года, к сожалению, не получили своего развития — продолжалась традиция вотчинного владения страной, и доразвивалась она до нового смутного времени — до «окаянных дней», как назвал И. Бунин эпоху, начавшуюся в 1917 году.

В семнадцатом веке, особенно при царе Алексее Михайловиче, появились русские либеральные умы, о которых речь пойдет ниже; Алексей Михайлович готовил реформы, не давя человека, стремясь как-то уравновесить интересы государства и интересы личности, но все это и без того нерешительное движение в направлении координации государственных и личностных целей было надолго остановлено Петром I, на котором лежит огромная ответственность за установление в России представления о человеке как «колесике и винтике» государственного механизма.

Славянофилы были безусловно правы в своем отрицательном отношении к личности Петра, хотя, как кажется, не видели его главного греха. Не в том вина Петра перед Россией, что он хотел ускорить развитие ее промышленности, ее культуры, что «прорубил окно в Европу» (ведь он открыл окно из дома, который и так-то находился в Европе, был ее составной частью, но по ряду исторических причин начал разваливаться и выглядеть хуже других европейских домов), а в том, что он начал отстраивать государственное здание,

укреплять и украшать его, пренебрегая интересами жителей этого здания. «Петербург прекрасен, да жить-то в нем простому человеку невозможно», — таков вывод из пушкинского «Медного всадника», и в этом суть реформ Петра. Вряд ли верна точка зрения, что-де Петр I строил европейское государство русскими варварскими методами. Петр-то вывез из Западной Европы не только чертежи кораблей и технологию фортификации, он вывез из Западной Европы и ее государственность, именно ее представления о том, что «государство — это я», властитель, король, царь. Где это мог Петр, даже если бы он захотел (а он и не хотел), позаимствовать в Западной Европе примеры демократического, гуманистического правления? У Людовика XIV во Франции, который, отменив, например, Нантский эдикт, стал закрывать протестантские церкви, ставить на постой в гугенотские дворы солдат, запретив при этом гугенотам эмигрировать, ловя беглецов на границе и вешая? У Людовика XIV, который построил роскошнейший и дорогостоящий Версаль, обобрав для получения средств на это строительство и без того не богатого французского мужика? У английских королей, которые делали все возможное, чтобы предотвратить и habeas corpus и билль о правах? У Бранденбургского курфюрста Фридриха-Вильгельма, который создал свое блистательное государство, подавив минимальнейшую свободу мнений даже у своих чиновников?

Не варварскими средствами боролся Петр против варварства, а средствами западноевропейскими строил восточноевропейское государство. Был бы он русским «варваром», не совершил бы он преступления против русских традиций — не разогнал бы патриаршество, не превратил бы церковное управление в элемент бюрократической, чисто западной министерской системы, а вспомнил бы о русской церковно-государственной симфонии, вспомнил бы о соборах XVII века.

Петра, как и любого западного политика того времени (только ли того?), нравственные проблемы совершенно не беспокоили, они не включались в его систему государственного мышления. Гражданская этика, по выражению Ключевского, «оставалась заброшенным углом в духовном хозяйстве Петра». И на Западе он усваивал приемы создания государственных хозяйств, системы бюрократизации, а также способы тонких (и не очень тонких) ублажений плоти. Настроить заводы, города, завести школы, училища, газету — и приказать «в письменных делах на имя государя» заменить слово *холоп* на слово *раб* (указ от 10 марта 1702 года) — в этом сочетании и была попытка решить политическую квадратуру круга: соединить про-

свещение, научно-техническую революцию с рабством. Просвещение решалось Петром не как задача нравственная. Школа нужна была ему лишь как преддверие казармы или ступень к подготовке технического персонала империи, газета — как орган информации о государевых указах и развлечениях, на заводах производились орудия, способствующие еще большему укреплению государственной мощи и закрепощению людей. Да и сами заводы стали уже при Петре исправительными заведениями: на них, между прочим, ссылались «виновные бабы и девки». Для удобства использования холопов как рабов Петр ликвидировал существовавшее до него разделение холопов и земледельцев — все стали по его указу крепостными.

Именно Петр изобрел жупел военной опасности для расправ с людьми, для усиления власти государства над человеком. Все, что возможно, драл он с населения страны, объясняя «военной необходимостью» политическую смерть одних, конфискацию имущества у других, кнут, каторгу, виселицу для третьих лишь за подачу прошения царю, за порубку корабельных лесов, за неявку на смотр, за торговлю русским платьем. То, что теперь кажется комичным: стрижка бород боярам, насильственное переодевание в европейские одежды («хвост сзади, спереди какой-то чудный выем, рассудку вопреки, наперекор стихиям»), было весьма ярким и печальным проявлением вмешательства государства в личную жизнь человека. Ни одно государственное учреждение при Петре не служило гражданам, все работали на казну. Армия одерживала победы не только над турками и шведами, но и над русским народом, ибо Петр именно на армию возложил сбор податей. То отчуждение русского человека от власти, которое началось в московский период, при Петре дошло до такой степени, что в народе его иначе, как антихристом, и не звали, и от его сборщиков мужики бежали куда глаза глядят, дворяне прятали свое имущество, а если представлялась возможность, не возвращались из-за границы, куда государь их отправлял учиться.

Весь восемнадцатый век прошел под этим знаком забвения звездного часа русского либерализма — Собора 1613 года, создавшего возможность русского билля о правах. Реформаторский гений Петра, будь он соединен с идеями русской государственности, мог принести процветание именно народу, а не только отчужденному от народа государству.

Результатом было как раз весьма мрачное состояние государства Российского после смерти Петра. Хвалители Петра забывают, что он, пытаясь разрешить квадратуру круга — соединить рабство с научным и техническим прогрессом, — пришел к тем же результа-

там, что и все подобного рода «математики»: он оставил Россию своим преемникам в состоянии разорения, финансового, экономического и, главное, морального краха: ни в ком, даже в своих «птенцах», не воспитал Петр чувства ответственности за страну. Они начали портить даже то положительное, что было им создано. Екатерина I, Анна, Елизавета, Петр III и их министры представляли собой различные варианты Марии-Антуанетты, известной во Франции под именем «мадам Дефицит»: Россия была для них расширенным царским двором, весьма удобным для развлечений и пригодным для поставки средств для этих развлечений. Человеческое достоинство людей, не выполняющих этой «государственной» функции, унижалось, их разоряли, лишали званий, средств для существования, ссылали. При Анне Иоанновне на каторге в Сибири было 20 тысяч человек (при общей численности населения 5 миллионов человек). Часто люди просто исчезали; пала торговля, промышленность.

Наиболее позорным актом русской монархии XVIII века был указ о вольности дворянства, приведший прикрепление русских крестьян не только к земле, как было до этого, но и к владельцу. Именно тогда пошла торговля крестьянами, игра на них в карты, и слова г-жи Простаковой «разве я не вольна делать со своими холопами, что пожелаю: зачем нам дан-от указ о вольности дворянской?» — вряд ли следовало бы расценивать как непонимание ею этого закона. Отчуждение народа от государства усилилось в XVIII веке и вследствие приглашения для руководства Россией западноевропейских авантюристов типа Бирона и Левенвольда. Петр тоже мало интересовался нравственным уровнем специалистов, приглашаемых им из Европы, но, отбирая их, он все же прежде всего оценивал их возможности послужить промышленной и военной реформам в России, а не только организовывать ассамблеи и всякого рода питейные манифестации. Иностранцы же при преемниках Петра не только не умели и не хотели ничего дать России, но рассматривали эту страну как источник обогащения, Россия была буквально отдана им «на поток и разграбление».

Все это было следствием забвения народного происхождения власти Романовых, развития неограниченного и тупого самодержавия.

Тоталитарные тенденции усилились в конце века при Екатерине II и Павле I. Екатерина дарила своим клевретам целые деревни с крестьянами, закрепостила Украину, но все же надо заметить, что в царствование ее — и не без ее участия — возникли в России сильнейшие антитоталитарные настроения, приведшие к рождению как

раз в эту эпоху русской либеральной интеллигенции. (Ниже будет сказано, что именно при Екатерине II был открыто поставлен вопрос о правах личности, о гармонии между интересами личности и государства.)

Чуть ли не все свел насмарку ее сын Павел. Мало кто так, как он, в истории русского трона боялся либеральных веяний. Он установил дикую цензуру, запретил ввоз книг из-за границы и выезд русских людей в Европу для образования. И если бы не дворцовый переворот в ночь на 12 марта 1801 года, восстание типа декабристского могло бы произойти и раньше.

В течение XIX века с переменным успехом шла борьба между тоталитарными и либеральными тенденциями, и именно в этом веке начал обнаруживаться тот факт, что линия раздела не обязательно должна проходить между верхами и революционерами: тоталитарные претензии обнаруживаются среди различных революционных течений, а либеральные инициативы часто исходят от верхов. Во второй половине XIX века в нечаевщине и бакунинщине, а затем в ленинизме загорелось пламя, сожравшее в конце концов начала русского свободомыслия, русского либерализма, русского персонализма. И именно в XIX веке правили два царя, которые понимали, что Россия — это не только государство, но и населяющий ее народ и что невозможно процветание ее без учета интересов отдельного человека. Речь идет об Александре I и Александре II. Ни тот, ни другой, конечно же, не совершили чуда: они оказались по целому ряду причин неспособными к либеральной революции, однако время их царствования, особенно время царствования Александра II, показало, что впечатление, которое вынес маркиз де Кюстин о России, будучи безусловно точным в деталях, слишком рискованно в обобщениях и наводит на неоправданно пессимистические выводы относительно судеб русского народа. Реформы 60-х годов были гигантским скачком по пути России к нетоталитарному правлению, именно в результате этих реформ тоталитарное мышление в дореволюционной России стало восприниматься как дикость. Трагедия, а в определенном смысле и преступление царских правительств послереформенного времени заключались в непонимании революционного нравственного переворота, совершившегося в обществе в результате реформ 60-х годов. Александр III, а затем Николай II более сочувствовали идеологам типа Константина Леонтьева и Победоносцева, чем, скажем, гуманистическим проповедям Льва Толстого и либеральным начинаниям политиков типа Витте или Столыпина. Им, к сожалению, была по вкусу вражда к парламентам и любым иным

формам народного представительства, проявлявшаяся хотя бы в писаниях Константина Леонтьева, говорившего: «Народ наш любит и понимает в л а с т ь больше, чем з а к о н. Хороший генерал ему понятнее и даже приятнее хорошего параграфа устава». (Такое же суждение о русском народе имел некий Джугашвили, сказавший в своей еще дореволюционной работе: «В России, слава Богу, нет парламента», а также товарищ Косыгин, предполагающий, что «русскому народу опасно давать свободу».)

И вот царь Александр III не внял письму Льва Толстого, взывавшего не казнить террористов, а вырвать у них почву из-под ног: «Чтобы бороться с ними, надо поставить против них идеал такой, который бы был выше их идеала» (Лев Толстой имел в виду идеал евангельской любви).

И последний русский царь, взойдя на престол, называет либерализм, реформаторство «бессмысленными мечтаниями». А после того, как вновь, через сотни лет после веча и Соборов, был созван русский парламент — Дума и этот парламент в феврале 1917 года потребовал отчетности перед ним правительства, царь это требование отклоняет, делая еще один шаг к гибели и России, и своей собственной: остановить развитие русской свободы после 1861 года было уже невозможно, и попытка такого сопротивления неизбежно приводила к перерождению тоталитарных тенденций в тоталитарную систему. В полувековой истории России после реформ 60-х годов видится некий политический маятник: раскачивание в сторону, резко правую, толкало его к отлету резко влево. И, наоборот, левые тоталитарные силы приводили к броску маятника резко вправо. (Нынешняя же система в СССР — это сочетание левого и правого тоталитаризма, сочетание такое уродливое, что дает основание правым считать эту систему левой, а левым — правой.) Либералы, знавшие или интуитивно чувствовавшие этот закон политического маятника, стремились успокоить его, приглушить. Они и были истинными русскими патриотами, ибо не хотели ни разрушать Россию, ни оставлять ее в опасном состоянии стагнации или, тем более, попятного движения.

Убийство Столыпина кажется символическим: он был убит революционером-террористом, состоявшим на службе в охранке и совершившим свой акт к полному удовлетворению как партии разрушения, так и партии «подмораживания» России.

Партия разрушения России паразитировала на действиях партии замораживания ее. А эта последняя в начале XX века боролась со всеми свежими веяниями с помощью полицейских окриков да во-

енных экспедиций. Один из героев «Поединка» Куприна, человек болезненной совести, говорит о таком положении: «Появились новые, гордые люди, загораются в умах свободные мысли... А мы, надувшись, как индейские петухи, только хлопаем глазами и надменно болбочем: «Что? Где? Молчать! Бунт! Застрелю!»

Такие деятели, как И. Н. Дурново, В. К. Плеве, всеми своими действиями подыгрывали тем, кто скликал народ на разрушение России.

«Какими бы болезнями ни заболевало Российское государство:

— Полицию!
Раскол.
Трудный вопрос.
Богословских споров дело.
— Полицию!
И полиция знала одно средство:
— Бросить кровь!
— Двумя персты крестишься? Драть!
Аграрные волнения.
— Полицию.
— Кровь бросить.
Социализм.
— Полицию!
— Кровь бросить.

Полиция лечила от всего.

От малоземелья, от сомнений в церковных догматах, от фанатизма и увлечения 'западными утопиями'».

Так сравнивал отдельных деятелей царского правительства с коновалами не какой-нибудь социалист, революционер, а либеральный русский фельетонист Влас Дорошевич в 1906 году.

К чему это привело, известно: с ненавистью в сердцах и с большевистской теорией, доведенной до уголовного примитива («грабь награбленное»), в темном сознании, ведомая романтиками-авантюристами, масса разнесла старую Россию и дала возможность создать на ее обломках общественную систему тупикового, тоталитарного образца.

(Окончание в следующем номере)

ИСТОКИ

Кирилл Хенкин

РУССКИЕ ПРИШЛИ!

Главы из книги

Все было готово. На глухой стене барака, что тянулся вдоль наскоро сооруженного перрона, были искусно нарисованы двери с надписями «Начальник станции» и «Зал ожидания» — для первого и для второго класса. Была касса с надписью «Закрыто» поперек окошка и были окна с занавесочками. Настоящие цветы дополняли сходство с подлинным провинциальным вокзалом.

Чего же не хватало? Какой-то мелочи, черточки, без которой картина оставалась неполной.

Озарение пришло к концу обеда: «Часы!» Что за вокзал без больших круглых часов? Вызвав мастеров, комендант объяснил: «Сделать из фанеры круглые вокзальные часы с циферблатом и стрелками».

— Который час будет в Треблинке? — спросил старший мастер. Видя, что комендант не понял, он пояснил: — Который час будут показывать стрелки?

Взглянув на свои ручные часы, комендант Курт Франц ответил: — Три часа.

От редакции: В книге «Охотник вверх ногами» (выходящей в начале 1980 г. в изд-ве «Посев») одним из набросков к которой был «Испанский блокнот» («Континент» № 16), автор частично затрагивает проблему трех русских эмиграций. Этой проблеме он целиком посвятил вторую книгу, главы из которой мы печатаем в сокращенном виде.

I

На определенном уровне политико-бюрократической зрелости облик советского руководителя приходит в соответствие с неписаными нормами, приобретает законченные и неповторимые черты.

Тусклый взгляд, торжественно-непроницаемое выражение ожиревшего и ухоженного лица, отмеченное неизгладимой печатью самоуверенного бескультурья.

А речи! Поколения помощников и референтов писали и переписывали эти обкатанные, укатанные и раскатанные до клоповьей плоскости фразы, которые очередной вождь бубнит, чуть не по складам, в микрофон.

Разителен контраст с государственными деятелями Запада. Стройные, тренированные тела, тонкие, подчас даже отмеченные печатью духовности лица, сочиненные эрудированными помощниками выступления.

Но в сложной международной игре свиноподобные существа из Москвы почему-то что ни день обыгрывают своих партнеров.

Что же это за особый дар советских руководителей? Александр Зиновьев, например, объясняет его наличием «установки» — спасительной доктрины поведения. Это подобие армейского устава, свод готовых ответов, руководство к действию на все случаи жизни. Установка не только, говорит он, позволяет правильно действовать и оценивать принимаемые решения, но даже переосмысливать и переоценивать уже принятые решения и уже совершенные поступки. Причем таким образом, что когда эти решения и поступки были навязаны противником или вызваны обстоятельствами, то в новой своей трактовке они не просто формулируются в выгодном для Москвы свете, но и впрямь идут ей на пользу.

Как пример такого переосмысливания Зиновьев приводит эмиграцию евреев из СССР:

«Эта вырванная когда-то уступка, — пишет он, — была затем использована советским режимом для решения различных его проблем».

В спасительности «установки» сомневаться не приходится. Установка, однако, не рождается спонтанно. Это плод коллективных раздумий руководителей страны. Они же как будто не очень умны. Как же могли они выработать «установку», которая обеспечивает успех в соревновании с высшими интеллектами?

Вы, наверное, заметили, что Замятин, Хаксли, Орвелл и прочие авторы так называемых «антисоциалистических утопий» видели будущее общество обесчеловеченным, но руководимым людьми высокого интеллекта. Мы же по опыту реального социализма знаем, что в СССР интеллектуальный блеск и энциклопедические знания скорее закрывают путь к самым высоким ступеням власти. В чем же дело?

Согласно широко распространенной концепции, структура советского общества такова, что талант там сводится под корень, а бездарность торжествует и выдвигается. Концепция соблазнительная — у кого из нас не было в СССР начальника глупее нас?

Величайшей, если не единственной, победой советского строя мне представляется нахождение некоей формулы химически чистого *инстинкта власти,* по отношению к которому интеллект, как и техника управления государством, играют подчиненную роль.

Этот особый инстинкт может не всегда совпадать с оценками разума или даже внешне убедительного политического прагматизма, но он никогда не обманывает. Руководитель, утерявший этот инстинкт, вылетает тотчас. Хрущев тому пример.

Интеллект, знание, профессиональное умение также играют большую, но подчиненную роль. Решение, принятое инстинктивно, сформулированное подчас с помощью привычного мата, приобретет рациональные черты, опираясь на интеллектуальный потенциал страны с населением в двести пятьдесят миллионов человек.

Все это к тому, что советское руководство вредных для себя решений не принимает. Я почти готов сказать, что оно органически неспособно такие решения принять. Вряд ли стоит думать, что проведение этих решений в жизнь обязательно будет поручено глупцам.

Теперь о примере «эмиграции евреев».

Прожив детство и юность на Западе в качестве эмигранта, снова покинув Россию с еврейской волной, я не могу признать приведенный пример вполне правомерным.

«Вырванная уступка»! Но какие силы ее вырвали? Кто заставил советское руководство отказаться от священного принципа «граница на замке» и начать выпускать за кордон не единицы, не десятки, не тысячи, а десятки и сотни тысяч своих граждан?

Какие внешние или внутренние потрясения заставили советское руководство так поступить?

Не было ни таких сил, ни таких потрясений!

Да и не в конце шестидесятых годов, когда зашевелились евреи, а куда раньше — в начале двадцатых, сразу после окончания гражданской войны (если не до этого) начали советские власти размышлять над вопросом эмиграции, над тем, как ее использовать для решения своих проблем.

Начинали они не на пустом месте.

II

Генерал Май-Маевский, один из руководителей Добровольческой армии, от чарки не зарекался. Его быстрый, оборотистый, энергичный адъютант капитан Макаров все дела штаба вел сам, зорко следя за тем, чтобы шеф не просыхал.

В 1919 году, после трудно объяснимых провалов под Орлом и Харьковом, соратники генерала учуяли неладное. Но капитан Макаров успел скрыться.

Не все, однако, были разоблачены, не все бежали. Да что там — в том же 1919-м, внезапно уверовав в грядущую победу белого оружия, перешла с территории, занятой красными, известная исполнительница русских народных песен Надежда Плевицкая, будущая жена командира Корниловского полка генерала Скоблина. За соучастие с ним в похищении председателя Общевоинского Союза генерала Миллера (1938 г.) французский суд приговорит ее к двадцати годам каторги как советскую шпионку.

В довоенном Париже я знал лично двух бывших красных командиров, перешедших к белым в 1920 и 1921 годах. Да-да, и они тоже...

Все эти люди ушли с Белой Армией, рассеялись по белу свету, включились в эмигрантскую общественную и политическую жизнь.

Но ежели на то пошло, так когда в 1921 году был создан Иностранный Отдел ЧК и его начальник старый большевик Меир Трилиссер принялся за разработку белой эмиграции, то опирался он, надо полагать, не только на опыт гражданской войны и агентуру, засланную в ряды Белой Армии. Он располагал еще и архивами царской охранки.

III

Первая эмиграция...

С 15 по 23 ноября 1920 года прибывали на Босфор суда с частями Добровольческой армии с обозом и беженцами.

В последнем приказе Правителя Юга России говорилось: «Дальнейшие наши пути полны неизвестности. Другой земли, кроме Крыма, у нас нет. Нет и государственной казны»...

* * *

«... приблизился унылый берег с полуразвалившимися постройками. Скоро показался маяк, а затем потянулись развалины небольшого городка, сильно пострадавшего от землетрясения и недавней войны. Галлиполи...

Сведенные в единый первый корпус, белые войска под командованием генерала от инфантерии Александра Павловича Кутепова начали выгружаться.

— Гиблое место. Все тут передохнем!

Мы высаживаемся на берег под мерные удары барабана.

Трам-там-там-там...

Раздаются протяжные сигналы горнистов. Играют «сбор».

Долгий путь окончился. Над нами реют не знамена победы...

Сойдя с корабля, мы вступаем не на родную землю... Далека Россия, где-то там она должна быть, за синим кряжем гор, что виднеются вдали.

«Равняйся... смирно, равнение н-а-пра-во», — раздается резкая команда. Мы выстраиваемся в длинную шеренгу».

Так вспоминал те дни один из участников.

Так называемая белогвардейская эмиграция долго жила на чужбине галлиполийскими идеалами, безоглядным патриотизмом.

Искали ответ на мучительный вопрос: отчего погибла Россия? Россия монархическая, святая, православная. Кто виноват?

Таяла надежда вернуться в Россию, с которой были связаны все помыслы, приедался суррогат знакомого быта в виде торгующей русскими продуктами лавки, периодических балов с вещевой лотереей, встреч Нового года, вечеринок землячеств и однополчан или просто попоек.

Росла неприязнь к надменным и корыстным аборигенам, не понимавшим русской души и желавшим подчеркнуть свое превосходство. Да где им! Умом Россию не понять!..

Страдай тут от кровососов: от владельца завода, от хозяина гостиницы, которому должен за комнату, от владельца лавочки, где исчерпан кредит. Что за люди — ты повесишься, а они веревку распродадут по кусочкам! Что и говорить: царство чистогана. Мелькала мысль: там, на родине всех трудящихся, с этим покончено!

И бывший поручик уже свысока смотрел на французских товарищей по работе. Они еще только мечтают, а «у нас» уже всё осуществили!

Кто-то из его окружения подсказывал сходить в Союз Возвращения на Родину, на улице Бюси, 12.

Там поручика называли «товарищ», звали на просмотр советского фильма, на бал по случаю седьмого ноября.

Размахивая толстым портфелем, вылитый председатель колхоза из журнала «Крокодил», пробегал в свой кабинет секретарь Союза Вася Ковалев. Свой в доску, рубаха-парень (хотя такой же, как все, эмигрант); тряс руку: «А, новый товарищ! Милости просим. Очень рад, очень рад!»

Обходительно беседовал похожий на посла СССР Потемкина товарищ Ларин. Слегка в стороне, не втягиваясь в общую суету, мелькали руководители русской группы французского профсоюза шоферов Тверитинов и Лиддле. Не смешиваясь с толпой, прошмыгивал в задние комнаты Сергей Эфрон.

Поручика звали в кружок хорового пения под началом бывшего артиллериста Глиноедского (будет убит в Испании) или в драмкружок под руководством бывшей актрисы Елизаветы Алексеевны Хенкиной-Нелидовой...

Позже кто-то попросит о мелкой услуге: распространить на заводе или среди соседей билеты на бал. Потом нужна будет справка о ком-то из окружавших. Потом появится Сергей Яковлевич Эфрон...

В Париже я жил далеко от этой среды, пропадал на Монпарнасе — благо, заработков отца хватало на безбедную и бездельную жизнь. Этих людей я узнал в Испании.

* * *

Сухой, подтянутый, высокий, усики щеточкой, пробор в ниточку, в каждом жесте и слове — белый офицер из советского фильма о гражданской войне. Таким выглядел мой обычный собеседник в Бенимамете под Валенсией капитан Беневоли, поповский сын Беневоленский.

— Офицером, — говорил он, — я был три года. А рабочим всю сознательную жизнь.

Подобные слова я слышал и раньше: «Сколько времени я был поручиком, подпоручиком, прапорщиком? А на заводе уже работаю десять лет».

Риторическая попытка марксистского объяснения случившегося. Стремление на собственной судьбе показать правильность тезиса: бытие определяет сознание.

Какое сознание, какое бытие?

Не помню уже, к какой политической группировке Беневоли примкнул в эмиграции. Но эта организация имела связи внутри России. Очередной «Трест». Оттуда приезжали эмиссары, туда ездили представители.

Меняя паспорта, соблюдая правила строгой конспирации при переезде из одной европейской страны в другую, он добрался до советской границы. Надежные люди перевели его в Россию и снабдили фальшивыми документами.

Политические друзья передавали Беневоли с рук на руки, перевозили его из города в город, из деревни в деревню, давали ночлег, кормили, ежеминутно рискуя головой. Это были бесстрашные борцы. В задушевных беседах они обсуждали с эмигрантом судьбы их родины.

Да, говорили друзья Беневоли, мы остаемся верны нашим идеалам, мы будем продолжать борьбу, но, говоря откровенно, как на духу, мы должны признать, что морально и политически мы уже потерпели поражение. Мы останемся рядом с вами и будем продолжать наше общее дело, но мы не имеем права скрывать от вас, что народ, в частности крестьянство России, идет за большевиками. Народ принял эту власть без оговорок, без оглядки. Ведь большевики осуществили его чаяния.

Беневоли вернулся из России потрясенный и смятенный. Значит, народ, который он хочет спасать от большевиков, идет на самом деле за большевиками! Значит, недовольных в России нет, есть лишь брюзжащие злопыхатели — интеллигенты, ретрограды и фанатики, продолжающие борьбу из тупого и злобного упрямства.

Он решил порвать с организацией, которая посылала его в Россию, и пошел на улицу Бюси, двенадцать, в Союз возвращения на родину. Там его встретил старый знакомый, бывший евразиец Сергей Яковлевич Эфрон.

Поразительно, что, когда он мне все это рассказывал, Беневоли уже давно знал, что мифическая организация, которая возила его по России, была создана ГПУ. Он знал, что люди, с которыми он вел задушев-

ные беседы, были советские агенты, что сам он был объектом «разработки» — короче, что его разыграли и обманули. Эфрон давно сам все это ему подробно объяснял. И все же он верил.

Во что? Верил, что люди, с которыми он встречался, лишь объяснили ему то, что было на самом деле. Он верил, что вся эта затея имела целью его, Беневоли, не обмануть, а убедить. А любимое им российское крестьянство действительно живет привольно и счастливо в колхозах. И не было в России никакого голода. Ведь голод не скроешь!

Эфрон уговорил Беневоленского не бросать организацию, в которой тот состоял, а «освещать» ее изнутри. Беневоли делал это много лет и с трудом умолил Эфрона отпустить его обратно в Россию. Через Испанию. Уговорил!

Он никому не сказал, что уезжает. Только накануне отъезда не стерпел. Старому другу, чьих убеждений он давно не разделял, но к которому был лично привязан, он сказал по секрету, что едет в Испанию искупать свою вину перед Родиной.

Старый друг обнял его и утешил, сказав, что сам давно работает на ГПУ и будет дальше освещать изнутри их общую антисоветскую организацию.

После войны в Испании уехавший среди последних Беневоли был посажен французскими властями в лагерь. Вместе с этим лагерем его перевели в Алжир. Оттуда, когда в Северную Африку пришли американцы, советская репатриационная комиссия разрешила Беневоли уехать в Россию. Его мечта сбылась.

Я мельком видел его в Москве, где он был проездом. Его направили в Красноярский край. Он написал мне с дороги.

И больше никогда, ни слова. Сгинул!

VIII

«Ваш отъезд не в интересах государства» — классическая формулировка отказа.

Двинулись мы!..

* * *

— Ты почему не спишь?

— А ты?

— Я тоже думаю...

Тысячи, десятки тысяч советских евреев ворочались ночи напролет: если не упустить момент, не опоздать, не быть шляпой, принять необратимое решение сжечь корабли, поломать устоявшуюся, постылую, но надежную жизнь, можно уехать!

Страх перед неизвестностью и сладостное предвкушение новизны терзали душу.

Первые колебания, первое жизненно важное решение, первые серьезные тревоги.

Еще полагая, что власти и впрямь озабочены искренностью нашего намерения «воссоединиться с родственниками», а также чистотой нашей еврейской крови, мы тратили уйму выдумки и душевных сил на сочинение связной биографии, в которой нашлось бы место дяде, перед войной уехавшему на Запад, а оттуда в Израиль.

Получить вызов?

Мало кто знал тогда, что в случае надобности чистые бланки найдутся в Москве, в «компетентных органах». Такие бланки, я знаю, предлагали и тут же заполняли людям, которых хотели поскорее выпихнуть из страны, и они соглашались ехать «на общих

основаниях», то есть якобы в Израиль. Правда, это относится к более позднему времени.

А в мое время, когда о выезде в Израиль еще не говорили «на общих основаниях», правила игры требовали другого.

Человек, решивший «воссоединиться с родственниками», искал среди своих знакомых еврея, уже уезжающего «воссоединиться», либо шел к еврею-отказнику, «активисту алии». Тот лучше знал, как и через кого передать просьбу. Став «отказником» и «активистом алии», я сам это многократно делал.

Решившийся ехать делился с ближайшими друзьями, те шептали дальше. Вокруг отъезжающих и «активистов» никогда не бывало пустынно, так что первые отметки в вашем личном деле «органы», надо полагать, делали раньше, нежели ваши паспортные данные прибывали в Израиль.

Я не вижу серьезных причин, мешающих властям на этом уже этапе пресечь стремление уехать. В советских условиях вовсе не нужно объяснять, откуда ваше намерение стало известно властям. Если бы человека, запросившего вызов, приглашали «куда следует» и сразу говорили, что он никуда не уедет, девяносто девять процентов смельчаков отказались бы от своей затеи.

Этого почти никогда не происходило.

Наступает, однако, момент, когда получение вызова становится известным уже официально. Тяжелый маховик полицейской машины медленно приходит в движение. В этот момент, полагаю, определяется (если оно не определено заранее) общее отношение властей к вашему намерению покинуть родину.

С чувством совершаемого подвига и отчаянного противостояния тоталитаризму вы идете в ОВИР. Приди вам в голову мысль, что власти уже давно решили избавиться, по меньшей мере, от полумиллиона евреев и что вас выпихнут не мытьем, так катаньем,

вы бы не умирали от страху и вообще задумались бы над тем, что с вами происходит. Но вся ваша прошлая, унылая, серая, бездарная жизнь приучила вас смотреть на выезд за границу как на спасительное чудо и величайшую привилегию. И вы ужасно боитесь спугнуть улыбнувшееся счастье, упустить его.

Те же — их ничтожное меньшинство, — кто понял конъюнктуру, торгуются, как на базаре, и уезжают, добившись для себя различных выгод, часто в виде более или менее шумных и эффектных обстоятельств отъезда.

А вы просто хотите уехать, вам в голову не может прийти, что ваше желание совпадает с желанием властей. И вы не замечаете, что инспекторша ОВИРа, принимающая от вас документы, равнодушно просматривает кропотливо составленную вами бумажку, где так убедительно описано ваше родство с проживающей в Тель-Авиве тетей... Боже, только бы не забыть, как ее зовут!

Но инспектору ОВИРа глубоко наплевать на степень вашего родства. Ведь одно из двух: либо вас отпустят, и тогда вы можете писать, что вам угодно, быть стопроцентным русским и объявлять себя братом президента Израиля. Или вас решено не пускать, и тогда вы не уедете к родной матери. К тому же, ОВИР все равно ничего не решает.

Но вот все необходимые по существующим правилам документы собраны. Вы отдаете в ОВИР заявление, характеристику с места работы, справку с места жительства, справку из военкомата, вызов, квитанцию из банка об уплате первого взноса за визу.

Что происходит тогда?

Как я выяснил уже после выезда, происходит следующее.

В ОВИРе ваше заявление попадает к канцелярию, которая передает его начальнику данного отделения. Тот накладывает резолюцию, после чего заявление со

всеми сопровождающими его документами передается оперативному сотруднику, который и начинает составлять собственно выездное ваше дело.

На вас заводится ДОПР. Что это? Это Дело Оперативной Проверки.

Как говорится, в России дело чтоб начать, нужна бумага и печать.

Оперативный работник начинает соответствующее оформление ДОПР. Это означает, что дело должно быть поставлено на регистрационный учет, его должен утвердить сначала непосредственный начальник оперативного работника и провести через утверждение всеми инстанциями: то есть, вплоть до начальника управления или заместителя министра МВД. Когда поставлена последняя подпись, начинается процесс оперативной проверки. Напомню: по линии МВД.

Во-первых, проверяется через так называемый первый спецотдел или отдел агентурного учета, не принадлежит ли данное лицо к кадрам МВД, к общей или специальной его агентуре. Проверяется также возможная судимость или связь с другими людьми, когда-либо привлекавшими внимание органов внутренних дел.

Параллельно то же самое проделывается в отношении ваших ближайших родственников. Если подает вся семья, это несколько упрощает дело.

Пока ничего особенного. В очень многих странах получение заграничного паспорта и выезд за границу связаны с проверкой судимости и наличия или отсутствия заведенного на вас дела в полиции. Уезжая из Израиля, я тоже получал справку в полиции о том, что за мной не числится уголовных преступлений и я не убегаю от суда...

Но в Израиле речь идет о простой проверке полицейской картотеки, и если вы чисты перед законом, то получаете нужную справку и соответственно паспорт. В России все это только начало.

Когда проведена такого рода первая проверка, на вас делается «агентурно-оперативная установка». Это значит, что сведения о вас, а также о ваших ближайших родственниках собирают уже путем опроса соседей, друзей, сослуживцев. Разумеется, в секретном порядке.

Все это шаблон, минимум проверки, если ваш случай абсолютно ясен, не вызывает никаких сомнений.

В случае неясностей заводится новое дело. Это так называемый ДОР или ДОАР, то есть Дело оперативной разработки или оперативно-агентурной разработки. Тут уже вам уделяется особое внимание. Вербуется агентура из вашего ближайшего окружения или используются уже существующие около вас агенты. За вами могут установить наружное наблюдение и провести так называемые литерные мероприятия, как то: подключить к прослушиванию телефон, перлюстрировать корреспонденцию и т. п.

Наконец материалы собраны. О вас известно как будто всё. Соответствующий оперативный работник суммирует полученные сведения, выносит соответствующее определение и закрывает дело. Конец?

Ничего подобного. Оперативный работник дает заключение, и дело теперь идет на проверку в выездной отдел или отделение КГБ в республиках. Ведь до сих пор речь шла лишь о Министерстве внутренних дел.

Теперь шутки кончены! Всё всерьез!

Сначала, как и в первый раз, проверяют, не принадлежит ли человек к кадрам или агентуре. Только что не МВД, а КГБ. Проверяют, не принадлежит или не принадлежал ли он каким-либо образом к армейским органам безопасности. Теперь выяснят, нет ли у вас родственников за границей, не связаны ли вы как-нибудь с иностранцами, не переписываетесь ли с кем, проживающим вне России. И вопрос судимости про-

верят по-другому. Вы, к примеру, могли быть под судом и даже сидели когда-то в тюрьме. Но к моменту проверки судимость с вас по каким-либо причинам снята. Или вас судил когда-нибудь военный трибунал, или вы были осуждены по политическому делу, или же вас судило Особое совещание.

В архивах МВД все это не оставило следов, как нет там следов и ваших прегрешений политического порядка: встречи с иностранцами, переписка с заграницей, наличие родственников, живущих вне пределов родного отечества. А в архивах КГБ это имеется во всех подробностях.

Теперь, в случае надобности, ДОР или ДОАР заводит на вас уже КГБ. То есть за вами следят его филеры, с вами ведут задушевные беседы его агенты, его техника подключается к вашему телефону, его работники фотографируют вас на улице, и т. п.

Если в годы войны вы не были младенцем, то на вас еще пойдет запрос в Главный архив КГБ в Новосибирске. Там хранятся дела всех проходивших или осужденных по так называемым государственным или военным преступлениям. Например, таким страшным, как нахождение на оккупированной противником территории или участие в партизанском движении.

Как будто все? Ан нет. Вдруг что проглядели! Поэтому собранные данные рассылаются сотрудникам выездного отдела на специальном бланке. Это на тот случай, если кто-либо из них имеет на вас какие-нибудь дополнительные сведения. Если таковых не имеется, то получивший такой циркуляр сотрудник пишет в соответствующей графе «сведений не имею» и ставит свою подпись.

Всё? Разумеется, нет! Теперь дело закрывается постановлением оперуполномоченного КГБ и идет на утверждение руководства выездного отдела или Второго управления отделения ГБ.

И только после этого... Нет, вам визу не дают. Но ваше дело, наконец, отправляется в выездную комиссию ЦК партии, которая и решит окончательно, насколько ваш отъезд «целесообразен» и «соответствует интересам государства». И если он ничуть этим интересам не соответствует, то вы никуда и не уедете.

Можно ли всерьез говорить: «я уехал дуром», «КГБ прошляпило»? Попробуйте выдать себя не за того или скрыть подробности вашего прошлого!

Но из недели в неделю, из месяца в месяц, из года в год люди заказывают вызовы из Израиля. И никто им не мешает этого делать.

Трудности предназначены для сравнительно узкого круга лиц, и назначение их особое: это суррогат погрома. Напоминание самим уезжающим и всему миру, что мышеловка может в любую минуту захлопнуться, поток иссякнуть. Подстегнутые горьким примером других, люди еще дружней наваливаются на ворота, еще настырней лезут меж чуть распахнутыми створками.

Но с тех, кто попал в число уезжающих со всякого рода неприятностями, власти не спускают глаз до последней минуты.

Условия отъезда — это не только сам отъезд и пример в назидание другим. Это еще подчас и решение будущей судьбы человека на Западе.

Я получил визу после того, как прошел стандартную проверку, длившуюся два месяца и десять дней. Это нормально. Но за два дня до отъезда визу у меня отобрали.

Сообщая мне об этом, инспектор ОВИРа Маргарита Кошелева, по прозвищу Эльза Кох, добавила: «И без эксцессов! Все погранпосты предупреждены!»

Я позже проверял — таковы правила. Если выездная виза отменена, вы уже не уедете. Приказ вас не выпускать сразу передается на все посты паспортного контроля.

Я просидел в отказе около года. Это длинная и сложная история, которую я рассказываю в другом месте. Здесь речь о другом. В течение тех месяцев, что я разными маневрами косвенно пытался убедить власти, что им выгодней и целесообразней отпустить меня, несколько человек (я лично знаю двоих) уехали после того, как из ОВИРа им сообщили, что визы их аннулированы.

В обоих случаях эти находчивые, смелые, решительные люди тотчас поспешили на аэродром и улетели, поражая всех своей смекалкой.

Ерунда!

Так же, как внезапное и насквозь липовое дело, возбуждаемое против «активиста» в последний момент перед его отъездом, привлекает к нему внимание на Западе и определяет прием, который ему там окажут, так и трюк с отъездом, посрамляющим советские власти, — не оплошность властей, а продуманный ход. Последний штрих к портрету выезжающего.

Как правило, все обстоятельства, окружающие ваш отъезд, властям известны. Они и решают, уедете вы с треском и шумом или тихо, хоронясь и поспешая.

* * *

Мы едем! Куда только не заносит нас судьба: Израиль, Соединенные Штаты, Англия, Канада, Западная Германия, Австралия...

И каждый из нас, уезжая, оставил на бывшей своей родине свое личное дело. Досье, в котором записано все, начиная от деда, бабки и родителей, до справок со всех мест работы, из воинской части и домов отдыха, отчетов ваших ближайших друзей, оценок ваших симпатий и антипатий, вкусов, привычек, интересов.

Примерно у шестидесяти процентов уехавших в деле еще лежит письменное обещание честно сотрудничать с советскими органами разведки. Но это пустяк, безделица. Вы уехали в свободный мир, и никто вас не может заставить...

Разумеется. Бумажка — это простая проверка перед расставанием. Последний психологический тест.

Но когда уехавший в Тель-Авив к тете и оказавшийся в Нью-Йорке бывший советский гражданин будет на таком месте, где он может пригодиться, и сотрудник, которому поручат просмотреть его дело, сможет написать в справке для местной резидентуры: «поддается вербовке», то дальше — уже дело местного работника: грозить или платить.

Просто психологический тест. Проверка!

Но не у всех такая отметка. Чуть не половина уехала в этом смысле свободными. Но и про них известно: что надо сделать, чтобы человека довести до петли, как разрушить семью, на что купить, чем испугать.

Так что, как писал Чехов: «Не унывай, жандарм!»

Мы приехали!

ТАСС, 15 декабря 1975 года:

«Советское общество по культурным связям с соотечественниками за рубежом — «Родина» учреждено на состоявшейся сегодня в Москве всесоюзной конференции.

Согласно принятому уставу, Общество является союзно-республиканской организацией. Избран Совет Общества. На первом его заседании избран Президиум. Председателем Президиума избран президент Академии педагогических наук Всеволод Столетов».

Вчерашние диссиденты, подаванты, отказники, «активисты алии», борцы за права человека или за право воссоединения с тетей в Израиле — мы сегодня «соотечественники за рубежом». Это о нас, для нас. О нас помнят.

Еще бы!

Зачем мы здесь?

Чтобы хоть приблизительно разобраться в этом вопросе, выделим сходства и различия с предыдущими волнами беглецов. Возьмем определение трех эмиграций, данное Александром Исаевичем Солженицыным.

«Третья эмиграция, — говорит он, — это лишь хвостик, отколок от израильской эмиграции. По значению, по численности — она не идет в сравнение с двумя первыми русскими... Я всегда говорил, что третья эмиграция уехала не из-под пуль, как бойцы первой, не от петли, как бойцы второй, — она уехала именно в то время, когда на родине появились и возможности действовать, и силы наиболее нужны там».

Итак — первая и вторая эмиграции были героические. Мы же в подавляющем своем большинстве поехали «устраивать свою судьбу».

Хотя это, наверное, очень гадко, полагаю, что это так. К тому же все мы уехали из СССР с разрешения начальства, в отношении каждого из нас компетентные и директивные органы приняли решение: «отъезд целесообразен, соответствует интересам государства».

Напомню, что нас не только больше, чем бежало когда-то из Крыма, но что далеко еще не все приехали. Да и вообще наш эмигрантский поток производит обманчивое впечатление.

Когда в 1921 году на не очухавшуюся от войны Европу набежала первая беженская волна, поначалу официальные источники подсчитали: четыре миллиона.

Через пару лет, придя в себя, пересчитали. Оказалось: два.

И, уже вовсе успокоившись и применяя более точные методы подсчета, пришли к окончательной цифре: девятьсот тысяч.

Получается, что от психологического шока беженская масса сначала четверилась, а потом двоилась в глазах западного обывателя. Да и позже о численно-

сти первой эмиграции было преувеличенное впечатление. В тридцатые годы, например, когда в Париже французов-шоферов такси было двадцать две тысячи, а русских — две тысячи двести (из них две женщины), французы вопили о засилии метеков.

Очень много значит постепенность и психологическая подготовка.

Мы ведь только берем разгон. Мысля по аналогии с царским временем, когда в начале века полтора миллиона евреев, равнодушных к судьбам России, уехало от погромов в Америку, некоторые считают, что и на сей раз власти выпрут из страны по меньшей мере те же полтора миллиона, а то и два. Ссылаются при этом на численность еврейского населения в СССР.

Не будем гадать. Одно ясно: выедет столько, сколько будет выгодно выкинуть на Запад Советскому Союзу.

И тут следует указать вот на что. Третья эмиграция началась постепенно, началась как одолжение внешнему миру. Если бы Западу сразу объявили: в течение ближайших десяти лет вам предстоит принять полтора миллионов советских евреев, то вопрос был бы вынесен на обсуждение ООН, границы прикрыли бы, мог бы произойти международный скандал.

Произошло другое. Евреи начали просачиваться из России постепенно. И постепенно начали за свой выезд бороться. Тысячи, десятки тысяч, может быть, сотни тысяч людей во всем мире так же постепенно втянулись в эту борьбу за наше право уехать.

Вокруг этой борьбы идет крупная политическая игра, принимаются законы, пререкаются законодатели, создаются комитеты, созываются конгрессы. Вокруг этой борьбы кормятся люди.

Искренность тех, кто на Западе борется за наш выезд, а тем более наше собственное желание уехать — вне сомнения. И мы, и они поступали, поступаем и будем поступать согласно велениям сердца и совести.

Но когда через сколько-то лет окажется, что на Запад из СССР переселилось пятьсот тысяч, миллион, два миллиона, и кто-нибудь вздумает крикнуть «караул!» — будет поздно. Мы уже здесь!

Хотя подавляющее большинство выезжающих — евреи, вряд ли справедливо называть нашу эмиграцию израильской. В Израиль уже сейчас едет меньше трети. Что будет дальше, легко предугадать. Большинство будет ехать туда, где есть работа.

В Израиль из СССР уезжали начиная с войны за независимость, когда в помощь еврейскому государству Москва прислала группу офицеров. И позже — из Риги, Вильнюса или других, в основном, западных районов, ехали семьи слабо ассимилированных, религиозных евреев. Но это делалось в гомеопатических дозах.

Судя по некоторым признакам, решение перейти к массовому исходу было принято где-то в конце 1968 года.

Так что одним из возможных объяснений может быть то, что Москва поверила или сделала вид, что поверила в собственную пропаганду, будто Пражская весна и выступления польских студентов суть происки сионистов.

В Польше, как помните, агитация за выезд проходила организованно: митинги устраивал сам министр внутренних дел Мочар. Политически сознательные участники кричали: «Жиды, убирайтесь к Даяну!»

Отдадим должное советскому руководству: в России этот суррогат погрома проходил более цивилизовано. И более рационально. Да и цель, возможно, была иная.

Быть умным советскому руководителю не обязательно. Искрометное остроумие также ни к чему. Когда, обедая в узком кругу и на высшем уровне в городе Вене, Леонид Ильич Брежнев желал сказать что-либо особо примечательное, он доставал из карма-

на пиджака карточку с напечатанным крупными буквами текстом глубокой мысли, читал эту мысль вслух, а карточку прятал в другой карман. Чтобы не повторяться.

Но попробуйте заставить Леонида Ильича принять решение себе во вред!

.....

Принятое на высшем уровне решение выкинуть часть населения из страны приобретало рациональные черты постепенно.

Да и в момент принятия оно как-то было рационально оправданно. В данном случае инстинктивное желание избавиться от чужеродного тела, источника беспокойства и смутной угрозы, имело, надо полагать, два корня: здоровый утробный антисемитизм и, как оправдание в собственных глазах, желание застраховаться от нападок еще больших антисемитов внутри той же правящей группы.

Процесс осмысливания углублялся. Первоначальный порыв превращался в государственную операцию по чистке тылов и укреплению морально-политического единства страны в свете недавних событий, которые показали, и в предвидении грядущих событий, которые еще покажут.

Магистральная стратегическая линия обрастала тактическими дополнениями и оперативными соображениями соответственно целям различных звеньев советского государственного аппарата. Эти тактические соображения могли позже стать самодовлеющими.

Так, исторический опыт научил Москву, что рассеянное по всему миру обширное и некомандировочное русское присутствие ей выгодно. Только ради такого присутствия массовый выезд затевать бы не стали. Но уж раз он начался...

Оказалось, кстати, что этнический состав эмиграционного потока тот самый, какой нужно.

Выезжающие из СССР евреи в большинстве своем в Израиль не едут, в странах рассеяния почти не ассимилируются и везде, даже в Израиле, живут как русские. Так что, избавляясь от инородного еврейского присутствия, Москва в результате получает на выходе *русскую эмиграцию.*

Одновременно неизбежно возник план забросить с выезжающим потоком определенное количество агентов. На местах оперативные работники получили контрольные цифры и принялись вербовать отъезжающих.

Немедленных результатов это дать не может. Да и не должно. Но на будущее в личных делах накопились письменные обязательства сотрудничать. Цена этим обязательствам не высока. Опять-таки, из-за этого одного не стоило огород городить. Но раз уж так случилось...

Это всё, однако, частности. Пусть в нашей эмигрантской массе есть люди, выполняющие индивидуальные поручения властей, — основную задачу мы всё же бессознательно выполняем сообща. Всей нашей массой.

А задача эта — не разведывательная. Это задача политическая. Только на этом поприще может быть полезна наша манипулируемая третья эмиграция.

Мысль, что нами манипулируют, многих коробит. Ирония в том, что, будучи частицей неподвластного нам общего замысла, каждый из нас, чтобы включиться в него, самостоятельно и свободно решал свою судьбу.

Люди, мыслящие научно, считают всякое манипулирование невозможным по другой причине. Слишком, мол, нас много.

«Как бы ни манипулировал КГБ выездными делами выезжающих из СССР, — пишет один недавний эмигрант, — при выезде десятков и сотен тысяч вступает в действие закон больших чисел. При такой большой массе эмигрантов в конечном счете среди них ока-

зывается такое же число интеллектуалов, жуликов, стукачей, одноногих, грудных младенцев и лиц с незаконченным средним образованием, сколько их в любом большом советском городе».

Наверное, это так, ведь пишет человек знающий. Но вот в многомиллионных вооруженных силах СССР военкоматы, манипулируя личными делами призывников, все же умудряются свести к минимуму число кормящих матерей, одноногих, грудных младенцев и долгожителей старше ста пяти лет.

Когда человеческая масса формируется не стихийно, а подчинена отбору с самого начала, закон больших чисел не столь уж неумолим.

Замысла во всем объеме нам не узнать. Но отдельные его элементы видны хорошо.

Избавляясь от неугодной этнической группы и создавая за границей хорошо известную, изученную в деталях, с личным досье на каждого неприкаянную массу, советские власти извлекают и другие выгоды.

Так, сам процесс выезда позволяет более гибко воздействовать на направление и состояние инакомыслия в стране.

Уже не обязательно ограничиваться репрессиями, сажать диссидента или ссылать его в Сибирь. Можно заставить его уехать в Израиль или даже в США.

Подумайте, какой широкий спектр новых возможностей это открывает! Теперь от властей зависит не только то, кто из инакомыслящих будет на свободе, а кто в тюрьме, а еще — кто будет внутри страны, а кто за ее пределами. Кто прославится, а кто останется в безвестности. Кто уедет раньше и займет на Западе более выгодные позиции, а кто поспеет к шапочному разбору. Кто от чьего имени будет говорить!

Появляются почти безграничные возможности держать руку на пульсе переправки на Запад неподцензурной литературы. Что и когда дойдет, а что почему-то не дойдет. К кому дойдет, а к кому и нет.

Это, в свою очередь, дает возможность не только душить советское инакомыслие, держать и не пущать, но деликатно обеспечивать той или иной тенденции больший или меньший резонанс, а подчас и просто шумный успех за границей. А заодно и оказывать влияние на развитие того или иного строя мысли внутри страны.

Это лишь один аспект совершенно новой ситуации, созданной процессом нашей эмиграции. Говорить, что по значению она не идет в сравнение с двумя предыдущими, мне представляется опрометчивым.

Есть и другие явления, для которых третья эмиграция — фон и основа.

Выезжая легально, мы, в отличие от беженцев прошлых лет, сохраняем связи с оставшимися в Союзе родственниками, друзьями, знакомыми.

И смываются грани.

Благодаря нашему потоку, сливаясь с ним, им прикрываясь, происходит все убыстряющийся выезд индивидуальный, чаще всего не еврейский, хотя подчас и по израильским визам. Этот поток питает за рубежом странную, хотя и не привлекающую особого внимания группу.

Быстро образуется все более многочисленная прослойка полуэмигрантов-полусоветских, множатся ряды вчерашних привилегированных советских чиновников, внезапно сменивших место жительства и паспорт.

Благодаря нашему потоку, проходят незамеченными вещи, которые еще недавно бросались бы всем в глаза. Видный работник идеологического фронта, лично тесно связанный с ЦК и высшими ступенями КГБ, человек более чем выездной, имевший на Западе огромное число друзей и коллег, вдруг подает заявление на выезд в Израиль и, продолжая (как и его жена) работать на старом месте чуть не до последнего дня, получает выездную визу ровно на двадцатый

день — и это уже никого не удивляет. Не удивляет и то, что на Западе этого человека ожидает работа, эквивалентная той, которую он делал в Москве.

Возникают и множатся на Западе салоны, где новые эмигранты высокого ранга принимают и вчерашних советских граждан, только что своего гражданства лишенных, и знатных западных людей, и советских дипломатов («ах, они совсем не такие, как прежде!»), и приехавших в очередную загранкомандировку московских литераторов. Нормально!

Какую это позволяет вести многоплановую игру, где выигрыш Запада проблематичен, а выигрыш Москвы обеспечен!

Виктор Луи превратился в массовое явление.

С этим тесно смыкается и другой процесс. Пропагандно-представительские функции советских работников культуры, начав дробиться несколько лет назад, продолжают дробиться все более. Когда-то Илья Григорьевич Эренбург чуть ли не один метался по всему миру, пудря мозги своим друзьям-интеллектуалам. Сегодня его работу поделили между целой командой литераторов и других творческих работников.

Но тут изменение не только количественное. Ничего нет особо нового в том, что благоплучные и обласканные у себя дома советские писатели проводят много времени в разъездах по белу свету. Новое в том, что они перестали быть зачумленными командировочными. Эти новые эренбурги подчас и в посольство СССР не удосуживаются заглянуть. Дела, дела! Они живут вольно, навещают своих вчерашних московских собутыльников, ныне эмигрантов, охотно рассказывают им новости «из дому», прося только «не трепаться» о том, что они рассказывают.

Что же, скажут мне, отлично! СССР превращается в открытое общество.

Так ли это? Пока что эти сложные переплетения отношений на грани эмигрантов и не-эмигрантов со-

здают еле видимую, но очень крепкую паутину самоцензуры, ограничений в отношении возможных помех великому делу советской политической экспансии.

Сколько приходилось слышать предостерегающих шепотков, предупреждений: того-то не делайте, у Икса и так последняя поездка в США чуть не сорвалась. Вызывали в ЦК, бранили — он мне сам рассказывал. Боже вас упаси писать этакое! Сборник стихов Игрека очень неохотно подписали к печати.

Дружеские связи в этой промежуточной среде оборачиваются чаще всего парализующими путами.

Необычайно разрослась категория «эмиссаров». Их два варианта. Первый почти неотличим от культурного представителя, о котором была речь. Правда, эмиссар может не быть, и чаще не бывает знаменитостью. Во втором варианте это иностранец. В обоих — это человек, всей душой преданный святому делу советского инакомыслия и всегда готовый выполнить небольшое поручение, что-то передать. Для этого он пользуется своими служебными поездками в СССР или визитами из СССР за границу, чаще всего по приглашению друзей. И никто в суете массового исхода не замечает, что больно уж часто и надолго, в нарушение всех правил («в капстрану — один раз в два года»), выезжают эти милые люди. Но, будь то советские граждане или иностранцы, их роднит одно: они призывают к благоразумию — иначе им в следующий раз могут не дать визу!

А промежуточная среда расширяется. Некоторые знаменитые московские салоны просто перенеслись на Запад, сохранив в общих чертах тот же круг посетителей, русских и не русских, а заодно и подслушивающие устройства. Всё — как в Москве. И водка та же.

Но нам не до таких пустяков!

XII

«Геральдика. Родословная. Справки по русским и иностранным родам. Отыскание и художественное выполнение гербов и родословных таблиц. Отыскание прав на титулы и т. д.»

Такое объявление регулярно появлялось в русских газетах в довоенном Париже.

— Чудачьё! — ухмыльнется новый эмигрант.

Но разве это объявление не говорит скорее о сходстве между первой эмиграцией и третьей?

Живя в Израиле, я получил письмо: «...Теперь о Х., которого мы знаем еще по Москве со времен десятой или одиннадцатой Хроники».

Речь, как понимаете, идет о «Хронике текущих событий». Писал мне человек, к изданию «Хроники» никогда никакого отношения не имевший, о другом человеке, который также, как говорится, ни сном ни духом. Это я проверял у двух многолетних редакторов «Хроники»: Наталии Горбаневской и покойного Анатолия Якобсона.

В другом случае мой корреспондент сослался на рекомендацию человека, ему незнакомого, зато известного в диссидентских кругах и сидевшего с Буковским.

В данном случае, кроме корысти, есть и чистое желание быть хорошим. А в России хорошие мыслят инако.

Другой пример. «Как было радостно увидеть в Шереметьево Андрея Дмитриевича Сахарова, — сказал, прибыв на Запад, один публицист. — Тем более приятно, — добавил он, скромно потупясь, — что Андрей Дмитриевич, это всем известно, приезжает провожать только тех, кого он любит».

Святая правда. Только в этот день Сахаров провожал другого человека.

Говоривший это — человек высокого профессионального уровня, имеющий и без инакомыслия что предложить. Но неодолимо желание приобщиться к современному дворянству, внести свое имя в бархатную книгу вольномыслия.

Чем не «Геральдика»? Поместите сегодня объявление: «Прошлые судимости подтверждаем документально. А также личное знакомство с Сахаровым, Орловым, Щаранским, Кузнецовым... Справки об отбывании срока с Гинзбургом, Буковским, Кузнецовым высылаем по первому требованию. Плата по таксе».

Заработаете большие деньги.

Душераздирающие строки я прочел в покойном тель-авивском журнале «Клуб»: «...что это была за жизнь! Каждый из нас не спал ночами и ждал стука в дверь: За тобой, ОБХСС!»

И он слышал о диссидентах!

С нашей родины мы, кстати привезли не только ценности инакомыслия. Когда надо, козыряем и вполне официальными ценностями.

Не вините нас в этом. Эмигрантская невесомость заставляет нас цепляться за всё, что ощущается как более или менее твердая основа.

XVI

Так для чего же мы нужны?

Для того, чтобы дезинформировать и дезориентировать Запад, укрепить позиции СССР во внешнем мире.

Пустое, скажут мне, наш выезд кругом невыгоден Советам!

Один из возможных доводов против моей концепции сразу вынесу за скобку, ибо он не подлежит ни опровержению, ни обсуждению: «лишая страну наших светлых еврейских голов, они снижают ее интеллектуальный потенциал».

Но есть и серьезные аргументы.

Как можем мы служить орудием дезинформации, когда вся наша масса — носительница обширной, хотя и распыленной информации? Мы все где-то работали, что-то знаем, много видели и слышали. Умелый опрос приезжающих может дать богатый урожай сведений о такой закрытой стране, как СССР.

Это верно. Но советская система «допусков» ограничивает количество информации, которую мы увозим. А кроме того, видно, есть что-то важнее этих знаний, если Советы с легкостью выпускают некоторых людей с высокими степенями «допуска».

Существуют, разумеется, сведения, которыми человек располагает случайно, без ведома властей. Но, во-первых, это капля в море, а во-вторых, если прошлая ваша причастность к какой-то информации носит случайный характер и никак не отмечена в вашей биографии, то вас никто о ней и не спросит. А сами вы не побежите искать заинтересованного слушателя, у вас другие заботы.

Говорят еще: нас столько, что крупицы совершенно невинной информации могут позволить много узнать.

Тоже верно. Но после определенного предела обилие сведений становится парализующим, путает картину. Ведь множатся и противоречивые сведения.

Учтем и то, что при отправке за рубеж сотен тысяч человек ничего не стоит распылить между ними (даже без их ведома и соучастия) великое множество мельчайших, дополняющих друг друга сведений, которые, исходя из источников, между собой как будто никак не связанных, ни у кого не вызовут сомнений и, заложенные в ЭВМ, станут непререкаемой истиной.

Так, мне кажется, обстоит дело с просачиванием во внешний мир фактических сведений об СССР, сведений, касающихся военных, экономических и научных дел.

Говорят: покидая СССР потому, что мы не желаем там жить, мы выносим этой стране моральный приговор. Отсюда делают вывод: советские власти могли лишь под давлением согласиться на наш отъезд, разоблачающий их в глазах цивилизованного мира.

И еще: движимые неприязнью к советской модели реального социализма, мы, выехав, укрепим «антисоциалистические силы», рассказывая правду об СССР или, по крайней мере, наше ви́дение этой правды. Мир узнает и содрогнется!

Все, что способно заставить содрогнуться западный мир, он о Советском Союзе давно знает.

Поговорим о ГУЛаге.

О книге Солженицына и о явлении.

Когда книга вышла, эффект был огромен. И от нее самой, и от сопровождающих ее появление обстоятельств.

А с тех пор?

С тех пор выражение «ГУЛаг» прочно вошло в словарь политических журналистов Запада. Запросто говорят сегодня о вьетнамском, камбоджийском, а то и о чилийском ГУЛаге. Так называют любую систему лагерей и даже всякое полицейское проявление власти. Когда в Западной Германии ловили леваков-террористов, убийц промышленника Мартина Шляйера, в одной французской газете мелькнуло выражение: «В Федеративной Германии воцарилась атмосфера ГУЛага». Так что от того содержания, которое мы вкладываем в это слово, Запад ушел далеко.

Это нас, а не людей Запада ошеломила раз и навсегда правда о советской действительности. Как зачарованные, мы повторяем эту правду, а наши новые друзья слушают, позевывая. Все эти истории они слышали столько раз!

А для того, чтобы передать им наш опыт на материале новой, западной действительности, у нас нет ни умения, ни языка, ни возможностей это сделать.

Попробуйте, например, объяснить, что люди, борющиеся против строительства атомных электростанций, защищают, сами о том не подозревая, арабских нефтяных шантажистов. Голос Сахарова, сказавшего об этом, услышан не был.

Наши апокалипсические пророчества относительно будущего Запада лишь наводят наших собеседников на мысль, что в советские психушки сажают не зря.

Но все же эти ушедшие из России из отвращения к существующему там строю сотни тысяч человек укрепят общий фронт антитоталитаризма?

Они не укрепят ничего. Только в Израиле, куда большинство никогда не поедет, могли бы они включиться в политическую жизнь страны, влиять на нее и, следовательно, в какой-то микроскопической степени на расстановку сил в мире. В других странах, странах рассеяния, мы, за редчайшими исключениями, в политическую жизнь не включимся. Хорошо изученный опыт прошлых эмиграций показывает, что скорее всего нашу жажду политической деятельности — если такая жажда вообще есть — мы обратим на решение судеб России.

На этом пути ловушки расставлены давно и надежно.

Хорошо, скажут мне, это так, пока речь идет о парализации возможной деятельности эмигрантов. Но отсюда до использования их далеко. Где же дезинформация и дезориентация?

Хотя мы в основном говорим одно и то же, наши голоса сливаются не в хор, а в какофонию. И тем слышнее спокойные и уверенные голоса тех приехавших с нами людей, которые говорят Западу то, что он *хочет слышать*.

И сразу оказывается, что в сумбуре выкриков и взаимных обвинений эти голоса находят благодарного слушателя. И не просто слушателя. Именно эти и

только эти люди с необычайной гладкостью и быстротой получают на Западе возможность работать на таких высотах, которые максимально приближают их к инстанциям, где готовятся политические решения.

Что же эти люди говорят Западу? Они на разный манер повторяют, что руководство Советского Союза — уже не то, что на место старых тупых догматиков пришли или идут молодые, умные прагматики, с которыми можно и нужно договориться, что, делая уступки Москве в военных и экономических вопросах, Запад выигрывает, укрепляя позиции армии и технократов в ущерб КПСС.

Неужели, кроме всего прочего, это вам ничего не напоминает? Как же: «Власть догматиков-большевиков на излете, народ жаждет монархии и скоро ее установит» *(«ТРЕСТ»)*; «народ разочаровался в предателях революции и скоро установит в стране демократический строй» *(Савинков)*; «власть изменилась, на смену всяким жидам пришли светлые русские головы» *(Шульгин)*.

И сегодня, как и тогда, «разумные голоса» говорят: только не спугните процесс обновления необдуманными действиями, только не вмешивайтесь. Дайте только время!

Но при чем тут мы? При том, что только на фоне нашего нестройного хора, конфликтов и столь противной Западу нетерпимости могут эти слова звучать убедительно. И уже хотя бы в этом — наша дезориентирующая роль.

Нам надо, в частности, подтвердить своим поведением, что в России не может быть иного собеседника, кроме власти.

Утверждают также, что если третья волна эмиграции и не оказывает благотворного влияния на общественность Запада в целом, то умонастроения либеральной интеллигенции она изменила, отдалив ее от систематически просоветской позиции.

Это верно лишь отчасти. Западная интеллигенция, особенно американская, особенно еврейская, стала более восприимчива к воздействию реальности уже после доклада Хрущева на XX съезде, а главным образом после того, как стало невозможным скрывать существующий в СССР антисемитизм.

Но сегодня оказывается, что братья-евреи из СССР — плохие евреи. Их выписывали затем, чтобы они ехали в Израиль, а они норовят приехать в США и сесть на шею. Их вызволяли как евреев, стремящихся жить еврейской культурной жизнью, а среди них почти не найдешь человека, знающего даже идиш. Их вызволяли как людей, хотевших и при социализме оставаться евреями, а они и при капитализме не хотят ими быть. Кроме того, они буржуазны и алчны.

Даже без спекулянтов Остии и Одесса-бич, без торговцев иконами и налетчиков Мюнхена и Западного Берлина среди нас слишком много просто бездельников, любителей жить ничего не делая. У привыкших вкалывать западных людей это вряд ли может иметь длительный успех.

Я, Боже упаси, не обобщаю! Я говорю не обо всех. Все это — только отдельные, кое-где имеющиеся, нетипичные случаи. Но как в старом анекдоте про еврея и китайца: «И много вас, китайцев? — Около миллиарда. — Надо же! Так почему же вас не слышно?»

Их, нетипичных, слышно!

— Так на какого чёрта они вообще нужны?

Вопль еще не раздался. Но он зреет.

И разве так уж невероятно, что, добившись ценой крупных уступок Москве еще большей свободы эмиграции (хотя бы для евреев), Западу придется тайно делать Советскому Союзу новые уступки, чтобы добиться прекращения потока?

* *
*

— Как вы нам надоели! — сказал мне один западный друг, долгие годы посвятивший изучению инакомыслия и бесконечно много для всех нас делающий. — Вы грызетесь, как собаки, в своей взаимной вражде вы не брезгуете никакими средствами и не останавливаетесь ни перед какими оскорблениями. Хоть детей бы своих постыдились! Я знаю, вы не можете уехать обратно. Так езжайте хотя бы в Израиль!

Полагаю, что в ваших словах больше горечи обманутой любви, нежели истинного отвращения. Но чего же вы ждали?

Что люди, так долго молчавшие, заговорят сразу ровно, умеренно, учтиво и сдержанно?

Что люди, основными качествами которых были упорство и непримиримость (которые и позволяли им выдержать), вдруг станут уступчивы и терпимы?

Что из страны, где всякая мысль — инакомыслие, а всякое инакомыслие — уже мысль, сразу приедут мыслители?

И разве вы не знаете, что любить ближнего своего легко только издали?

В Москве это знали, когда собирали нас в путь.

* *
*

— В ваших рядах, — говорят рационально мыслящие люди, — царит разброд. Вы неспособны договориться между собой. О, если бы вам удалось объединиться!..

После каждой очередной эмигрантской дискуссии, когда еще раз уточнили, кто с кем на одном поле не сядет и почему, что единой партии, единого центра, единой концепции и единого руководства не будет, приходится слышать: происки КГБ! Москва как огня

боится объединения эмиграции и никогда ее не допустит.

Так уж повелось думать, что только рука Москвы не дает нам объединиться на единой среднеполитической платформе монархо-марксизма и православного иудаизма, чтобы сообща, вдохновясь принципами плюрализма и парламентской демократии, разрабатывать альтернативные варианты политико-общественных структур постсоветского общества.

Главным аргументом в пользу единства является мысль, что Москва его страшится. Да что может быть выгодней для Москвы, чем собрать нас всех в кучу и контролировать из одного центра!

В том, что мы являемся бессознательным орудием и в то же время объектом операции огромного масштаба, частью общего плана советской политической экспансии, трудно сомневаться.

Но перед лицом этой мощной махины у нас остается мощное средство сопротивления: ясный взгляд на самих себя и на окружающую действительность. Не теша себя никакими иллюзиями, мы можем и обязаны смотреть правде в глаза. Вопрос: «Зачем *меня* выпустили? Чего от *меня,* без моего ведома, ждут?» — не праздный вопрос. Ответ на него может быть началом прозрения.

Раскрытие обмана — безотказное оружие обманутых.

* * *

В суете и толчее последней станции постараемся увидеть: который час на вокзальных фанерных часах?

Председателю Президиума Верховного Совета СССР
Брежневу Леониду Ильичу, Москва, Кремль

Актом помилования и в результате обмена освобождены семь участников ленинградского самолетного дела. Это акт гуманности и доброй воли, который несомненно способствует авторитету СССР и международному доверию. Однако я обращаю Ваше внимание на несправедливость, допущенную по отношению к троим оставшимся в заключении участникам этого дела — Иосифу Менделевичу, Юрию Федорову и Алексею Мурженко. Роль каждого из них была признана судом значительно более пассивной, чем некоторых из уже освобожденных. Все они, особенно Федоров, тяжело больны. Я прошу Вас и в Вашем лице верховные власти страны помиловать Иосифа Менделевича, Юрия Федорова и Алексея Мурженко.

30 апреля 1979 года *Андрей Сахаров, академик*

ПРОКУРАТУРА СССР
Отдел по надзору за следствием в
органах государственной безопасности
103793 Москва К-9, Пушкинская, 15-а
11.06.79 №13/431-70

Москва Б-120, ул. Чкалова, дом 48-б, кв. 68, гр. Сахарову А.

На Ваше письмо, поступившее из Президиума Верховного Совета СССР, сообщаю, что оснований для постановки вопроса об освобождении от отбывания наказания осужденного Менделевича И. М. не имеется, поскольку он в последнее время систематически и злостно нарушал режим содержания и на путь исправления не встал.

Прокурор отдела Старший советник Юстиции Н. К. Прохоров

ЗАЯВЛЕНИЕ ДЛЯ ПРЕССЫ

Я совершенно не удовлетворен ответом Прокуратуры СССР. В отношении Менделевича ответ является не более чем отпиской. Утверждать, что Менделевич не встал на путь исправления, неправомерно в применении к политзаключенному. Мое обращение к Председателю Верховного Совета Л. И. Брежневу в равной мере относилось к судьбе трех политзаключенных — Иосифа Менделевича, Юрия Федорова, Алексея Мурженко. В ответе Прокуратуры моя просьба в отношении Федорова и Мурженко вообще обойдена молчанием.

Обращаясь к мировой общественности, я выражаю надежду, что усилия во всем мире в защиту Федорова, Мурженко и Менделевича будут продолжаться и приведут к их освобождению.

13 июня 1979 года *Андрей Сахаров*

Религия в нашей жизни

Вадим Янков

СЕРДЦЕВИНА СВЯЗИ

(Мысли о религии)

1. В эту сторону можно только указать

И указание это должно вырвать нас из строя мышления, почти автоматического для человека XX столетия, как если бы некто, кому мы задаем вопрос о дороге, вместо того, чтобы разложить перед нами карту, или нарисовать план, или рассказать приметы, или, наконец, взяв нас за руку, просто повести куда надо, стал бы яростно уничтожать перед нами все обычные средства ориентации.

Собственно говоря, указать нужно не куда, а откуда. Откуда приходит осмысленность и теплота бытия? Откуда поднимается чувство святости жизни? Откуда происходит укорененность в мире и в человечестве?

2. Характерный для нашего времени стиль понимания — это схватывающее, овладевающее истолкование, каскады уточняющих переводов, постепенное доведение выражаемого до точного языка с эмпирико-логическим содержанием. Мысль редко поднимается непосредственно, она сразу же вовлекается в сеть «экспликаций», попадает в объятия не первоначального, а другого, склоняющегося к терминологичности языка, испытывается на общезначимость, трансформируется в сторону этой общезначимости. Для этих целей существует целая аппаратура мышления, частично

инстинктивная, частично методологически-сознательная.

Для понимания *пути откуда* такой стиль разрушителен (как оказался он разрушителен для исторических религий и исторической морали). При попытке его найти аппаратура уточняющего понимания должна быть оставлена, метод истолкования смысла забыт.

Смысл должен пониматься в его слиянности с первоначальным словом, произносимым в максимально конкретной ситуации.

3. Классическое богословие истолковывающего типа не окажет помощи в достижении цели. Оно уже захвачено движением приближения и разъяснения, т. е. находится на саморазрушительном пути к точному логико-эмпирическому языку (пример такого движения — развитие схоластики от Фомы Аквината к Оккаму) и к построению спасительного бастиона *веры* среди поднимающейся лавины рациональности, бастиона обреченного, поскольку *предмет* веры очерчивается тем же, клонящимся к общезначимости языком.

Импульсы, исходившие от творческого богословия в прошлом, объясняются нерастраченным запасом непосредственных слоев языка, запасом, позволявшим при истолковании содержания религиозности обновлять ее понимание. В век сквозной рационализации такой возможности уже нет; расстояние между попыткой неформального нового истолкования и конечной «точной» формулировкой сократилось до предела.

4. Догматика обычно ближе к первоначальному Откровению. Она создается богословами патристического типа, стремящимися закрепить пережитое в неостывшем еще слове. Но движение уже началось, и предстоящее истолкование догм изменит ситуацию. Слова остывают и теряют связь с Откровением. В

какой-то момент происходит необратимое. Бог умирает в догматике, т. е. в догмах не остается ничего, кроме того, что вкладывает в них истолковывающее богословие; их судьба сплетается отныне с судьбой последнего.

5. Мы окажемся ближе к цели, если вступим в область ритуала — службы, обряда, молитвы. Здесь смысл слов несом длящейся конкретностью исторической религии. Новый человек вступает всегда в ситуацию, передающуюся другими. Слова литургии или моления, являясь откровением религиозного, не подлежат перетолкованию. Их смысл — в них самих, он держится индивидуальной сгущенностью происходящего, понимается *из ситуации,* но из ситуации, уходящей в глубь истории, к первоначальному Откровению. Этот смысл в самой его сути непереводим. Перевод уничтожил бы самое драгоценное в нем. Переживать его нужно здесь и теперь.

6. Но как найти этот путь человеку современного стиля мышления, приученному понимать смысл, только перетолковывая его и доводя до осязаемости, до точного эмпирического выражения? Не все потеряно, если ты вырос в лоне религии и можешь восстановить первоначальный непереводимый смысл, воскрешая в себе полное первоначальное его переживание. Что же остается тому, кто вырос вне религии?

Есть область речений, словесных формул, переживаемых сполна только в некоторых «крайних» ситуациях, в моменты, когда мы соприкасаемся с максимальной глубиной бытия. Формулы расставания, благодарности, узнавания, народные «с Богом», «да поможет тебе Бог», «прощай», произносимые в таких ситуациях, не требуют перевода. Богословское или моральное истолкование только затемнило бы смысл, ибо он — в конкретности. Сюда могут быть при-

соединены слова великих поэтов и мыслителей, найденные в однократном озарении и приложимые к таким же судьбооткровенным ситуациям («Посмотрел с мольбою / Всадник в высь небес / И копье для боя / Взял наперевес»).

У каждого существует полузабытый или полускрытый запас таких речений, влившихся в душу ребенка или подростка, понятых тогда в непосредственно ситуационном смысле и осевших на дне души, чтобы иногда подниматься с него нежданно-негаданно при роковом повороте жизни или просто в момент откровения в ней глубины. Не забывать об этом запасе, возвращаться к нему, не давать ему уснуть, а иметь рядом с собою, прислушиваться к его голосу — всё это во власти любого человека.

7. Восстановление первоначальных слов связано с воскрешением в человеке всего личного, индивидуального. Смысл явственен в окружении семьи, дома, села (или города), в локальной индивидуальности, в характере народа или страны, в особенности религии, даже в особенностях социального или культурного слоя. Путь ведет в детство, возвращая нас к времени неповторимого откровения мира.

Словом — и в этом нет ничего удивительного, ибо смысл конкретных слов становится явным именно из максимально конкретной ситуации, — путь к истокам смысла есть путь к самому себе. Притча Франца Кафки рассказывает, что каждому человеку приготовлена единственная дверь надежды, которая на деле оказывается местом, где умирает отчаявшийся человек. Обращая притчу, можно сказать, что у каждого своя дверь, выходя через которую в мир, он получил свое осмысление этого мира.

8. Обретая сердцевину связи, человек возвращается к своему собственному смыслу мира, не подлежащему

истолкованию или переводу. Поэтому между находимым различными людьми не может возникнуть конфликта. Каждый слышит (и притом самое важное для себя) на языке, сила которого уходит в неповторимую конкретность, но нет возможности сопоставления услышанного разными людьми в рамках общезначимого логико-эмпирического языка. Сопоставление возможно только на основе общей конкретности, а там, где ее нет под ногами, язык сохраняет силу, идущую от эмпирического и прагматического.

Поэтому и самое сокровенное в одной великой религии не может вступить в противоречие с сокровенным в другой. Противоречие возникает, когда от религиозного переживания смысла переходят к сопоставлению на общезначимом языке — к догматам, богословию, этике.

9. Для того, чтобы принадлежать к сообществу, создаваемому иудейской религией, нет необходимости считать подлинными все библейские рассказы. Не обязательно принятие религиозных догм — общепризнанных догм вообще нет. Не обязательна даже вера в личного Бога Ветхого Завета. Но обязательно исполнение ритуала и участие в жизни синагоги.

Быть может, всем религиям надлежит пройти путь к подобному статусу верующего. Каждая из них, очищая только ей одной свойственное Откровение, замкнется в живой конкретности своего ритуала, а внешние (возникающие по причине переистолкований смысла) противоречия между ними исчезнут.

10. Смысл в сердцевине связи дан словом. И поэтому при всей индивидуальности связи этот смысл внутренне универсален (не есть только смысл для нас). Мы связаны (солидарны) с бытием, выраженным в слове, солидарны с со-человеком, соприсутствующим в универсальной форме этого слова. Однако универсаль-

ность смысла достижима только посредством обретения конкретной индивидуальности. Она не переложима на языки, оторванные от последней.

11. Итак, несмотря на всю неповторимость данности смысла, он не отгорожен от жизни и мира. Возвращаясь от сердцевины связи к жизни повседневной, мы приносим с собой новую силу. Мы приобрели нечто, превосходящее мир, — то, что получает разные, порой противоречащие друг друга имена скрытого огня, просветленности, душевного покоя, симпатии к миру, имена, быть может, перекрываемые именем чувства святости жизни и бытия. Впрочем, это уже попытки пересказать и перевести на язык повседневности то, что для конкретного человека объединяет в единое целое сердцевину связи и жизнь наглядным и очевидным образом.

12. То, что действенно в плане индивидуального, теряет силу, когда мы переходим к человечеству. Проблема здесь в нахождении общезначимого, универсального, уже не только внутреннего, но и внешнего, доступного всем людям. Такое универсальное на самом деле легко указать, но это универсальное абстрактно-эмпирического порядка, понятное любому человеку как представителю вида homo technicus, легко проникающее в другие языки и легко переносимое из одного языка в другой.

Святость и смысл, данные в конкретной индивидуальности сердцевины связи, от этой универсальности ускользают. Они неподвластны ей, не несомы ею и не могут быть достигнуты через ее посредство.

13. Насущным поэтому остается обретение иной *конкретной* универсальности, *всечеловеческой сердцевины связи,* которая смогла бы наполнить смыслом все языки, которая несла бы этот смысл. Сомнительно, что-

бы она стала возможна на пути сознательных усилий. Она должна быть скорее плодом, незаметно созревающим в единой жизни человечества и обнаруживаемым в откровении гениальности, подобно тому, как проявляли себя в прошлом ее частичные воплощения.

Январь-март 1978

Досадное недоразумение

На 4-й странице обложки «Континента» № 17 была опубликована фотография с изображением памятника советским солдатам, погибшим 17 июня 1953 года на стороне немецких рабочих, восставших против диктата СССР.

В заключительной фразе сопроводительного текста говорилось, что «в связи с начавшейся политикой детáнта западноберлинские власти распорядились этот памятник снести». К счастью, утверждение это, как оказалось, не соответствует действительности.

Редакция считает своим долгом извиниться перед своими читателями за досадную, хотя и невольную дезинформацию.

К русскому Зарубежью

С этими словами призыва обращаюсь ко всей русской общественности, ко всем русским людям, с просьбой прийти на помощь для сохранения Святого Храма и ценнейшего памятника русско-византийского зодчества, каким является наш Александро-Невский Кафедральный Собор в Париже.

Тяжелые часы переживаем мы сейчас, ибо в трудном и очень плохом состоянии находится наш чудный Собор, более чем вековой древности. 17 лет тому назад, в 1962 г. мы обращались с подобным призывом и подобной просьбой о братской помощи для производства требовавшегося тогда капитального ремонта купола и его устоев. Вы откликнулись и позволили тогда сделать и укрепить все, что было в ту пору поврежденным под действием времени и элементов.

Ныне, 17 лет спустя, неумолимое время и все усиливавшееся загрязнение воздуха нанесли повреждение всей каменной облицовке шатров храма и металлическим опорам крестов. Один из крестов упал.

Работы предстоят большие, трудные и дорогостоящие. Они уже начались под руководством архитектора и специалистов «Исторических Памятников» Парижа. Они исчисляются в более чем 1,5 миллиона франков, что не под силу не только самому соборному приходу, но и всей русской колонии в Париже.

Будем помнить, что этот Собор, украшенный уже вековой древностью, является не только светочем Православия на Западе и ценнейшим памятником церковного зодчества, но и центром нашей духовной и церковной жизни в Зарубежье.

Вот почему я обращаюсь сейчас с этим призывом к каждому русскому сердцу, чуткому, отзывчивому и щедрому, которое, верю, откликнется на этот зов и поможет произвести все необходимые работы для спасения Собора.

Я обращаюсь ко всему русскому рассеянию во Франции и за границей, я обращаюсь к Америке, где много теперь тех, кто молился в этом Соборе и сохранил о нем святую память.

Я обращаюсь ко всем иностранным друзьям, которые так часто отзывались на наши нужды. Только в условиях такого широкого и общего отклика и можно будет сделать все необходимые работы для сохранения Св. Храма.

Я благодарю редакцию «Континента», помещающую этот призыв, и прошу все русские газеты и периодические издания перепечатать его для оповещения своих читателей, открывая при редакции сборы на ремонт Кафедрального Собора в Париже. Благодарю их заранее.

Взносы можно направлять или чеками на имя: Association Culturelle Orthodoxe-Russe, 12 rue Daru 75008 Paris, или на текущий счет собора: CCP Paris 728870 F.

Староста Кафедрального Собора *В. Е. Тихоницкий*

ЭКОНОМИКА

Игорь Бирман

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

Я стал экономистом случайно и среди многих коллег знал лишь одного, который еще на пороге юности, заинтересовавшись устройством цен, стал экономистом (и все еще этим устройством интересуется). Мечтают стать дрессировщиками и дрессируемыми космонавтами, врачами и шпионами, таксистами и полководцами по разным причинам, но главное — потому что эти профессии такие интересные, романтические. Скольких из нас захватили в детстве перипетии научного поиска по Полю де Крюи (теперь он стал Крайфом). А вот экономика — какое скучное, отнюдь не романтическое занятие, чего-то они там высчитывают...

Правда, в конце хрущевских времен, когда публике дозволили обсуждать и даже немножечко осуждать не больно ладные дела в экономике, появился и стал нарастать интерес к ней, тем паче, что тогда же экономисты начали использовать таинственные (а потому вполне романтические) электронные мозги. И — резкий поворот, конкурсы в экономические вузы теперь едва ли не наибольшие. Но будущие Адамы Смиты и Кейнсы скверно знают, что́ именно им предстоит (говаривал с ними), да и ты, сегодняшний мой читатель, давайте прямо, вполне сознаешь, что экономика — это важно, но вот чтобы интересно... Наверняка не поверил ты и заголовку, помилуйте, какие там еще детективы с этими счетами, подсчетами и просчетами.

Журнал этот не для выпускников советских школ (а жаль), и не собираюсь я увеличивать конкурсы в вузы, но, соревнуясь с Полем де Крайфом и Агатой Кристи, хочу рассказать историю, в которой будет и тайна, и поиск, и смертоубийство, и шпион, и даже ЦРУ (без сомнения, ее прочтут и в КГБ), — словом, детектив как детектив.

Началась эта история лет 15 назад. Я пытался расспросить знакомого профессора физики о чем-то атомном, всегда интереснее говорить со специалистами об их профессии, но, видно, по тому же самому принципу, он упорно сворачивал на экономику. Среди прочего он спросил — почему советский государственный бюджет всегда сводится, так сказать, с прибылью, то есть, почему бюджетные доходы всегда хотя бы немножечко, а часто и вполне множечко, на миллиарды рублей, больше расходов? «Ну, это не хитро...» — снисходительно начал я объяснять, но физики люди точные, и он припер меня к стенке простой, отнюдь не диалектической логикой — зачем, действительно, государству эта самая прибыль, солить ее что ли? Благо советский бюджет, как и все денежное обращение в стране, был бы в золотых рублях или же в так называемой конвертируемой валюте[1], тогда государство подкапливало бы таким способом на черное время. Но ведь бюджет-то исполняется в рублях, которые вполне бумажные и нигде за пределами страны хождения не имеют. Да и в черные времена, особливо после неурожаев, все равно объявляется об этой самой прибыли[2].

---

[1] Наша приятельница — недавняя эмигрантка — все время жалуется, никак не может привыкнуть даже картошку покупать на валюту.

[2] Вот, например, в «Известиях» от 15 декабря 1977 г. можно прочитать, что за 1976 г., далеко не самый лучший год для советской экономики, превышение доходов бюджета над расходами составило пять с половиной миллиардов рублей.

Ответить я не сумел и задал этот вопрос близкому своему другу, как раз тому, кто стал экономистом по детскому влечению. Не знает. Потом мы уже вместе задавали этот вопрос и так же безуспешно. Потом были у меня и иные заботы, я обо всем этом подзабыл.

В 1974 г. я эмигрировал, приехал в США и решил не менять профессию, продолжать заниматься советской экономикой, стать «советологом». Надо сказать, что публика знает о советологах, пожалуй, даже меньше, чем об экономистах. Это весьма интересная, но отдельная тема[3], а здесь скажу, что советологи-экономисты занимаются среди других вещей советскими военными расходами. Приходится заниматься, потому как в любой западной стране военные расходы — предмет самых широких общественных обсуждений, в СССР же это один из наиболее тщательно охраняемых государственных секретов. Правда, каждый год показатель затрат на оборону официально провозглашается, но есть серьезные сомнения в его верности — точнее говоря, нет никаких сомнений, что он сильно занижен. При всем том занимаются этим вопросом, по-моему, недостаточно и без особого успеха.

Почему это вообще интересно? Тут несколько причин. Во-первых, именно военные расходы составляют один из главных видов затрат советского государства, а посему без знания их крайне трудно, если

---

[3] Вот вбито в нас представление, что основное занятие советологов — антисоветская пропаганда и, разумеется, все они находятся на содержании у западных разведок. А мне довелось встретиться с несколькими советологами — убежденными социалистами. Один с гордостью говорил мне, что ездил в Чили консультировать Альенде. Недавно в Министерстве коммерции США я познакомился с советологом из... Венгрии. Он налаживал здесь деловые контакты, расспрашивал про наши работы, рассказывал о своих. Очень я сомневаюсь, что оба они «на службе западных разведок». И «антисоветской пропагандой» они отнюдь не занимаются.

вообще возможно, составить представление о состоянии и перспективах советской экономики в целом. А как без такого представления строить, скажем, торговую политику? К примеру, СССР упорно выпрашивает кредиты для оплаты импорта, и надо оценить, сможет ли он эти кредиты выплатить[4].

Во-вторых, в многолетних уже переговорах о разоружении, как известно, одна из основных препон — контроль. Каждая сторона должна иметь возможность проверить, как выполняются соглашения, и как раз экономический контроль мог бы оказаться здесь неоценимо полезным. Не надо быть экономистом, чтобы понять, что чем больше страна тратит на оборону (и нападение), тем она мощнее в военном отношении.

В-третьих, вопрос имеет громадное политическое значение, и для иллюстрации — два примера. В самом конце 40-х годов советский министр иностранных дел, проклятой памяти Вышинский, произносил с трибуны ООН пламенные речи о миролюбивой сталинской внешней политике и заявлял, что удельный вес военных расходов в советском бюджете меньше, чем в американском. Само по себе это утверждение было верно (я не о сталинской политике), но Вышинский забывал при этом сказать, что американский государственный бюджет, в отличие от советского, не имеет затрат на развитие экономики (они производятся фирмами и компаниями) и, коли это учесть, то картина будет иной, даже если поверить официальным совет-

---

[4] Когда я покупал дом и просил у банка 50 тыс. долларов в долг, банк тщательно проверил мой доход и семейное положение, удостоверился в моей кредитоспособности. А вот СССР, почти что требуя многомиллиардных кредитов, хочет, чтобы ему поверили на слово, что вот с экономикой все в порядке, что есть возможности кредиты отдать. К тому же за свой долг я плачу 9 с лишним процентов в год, банк вполне хорошо на мне зарабатывает, СССР же хочет много меньший процент.

ским данным о расходах на оборону. И уж тем более иной, если им не поверить.

Сравнительно недавно, опять-таки в ООН, на этот раз Громыко выступил с очередной мирной инициативой[5]. Давайте, дескать, договоримся, что все страны уменьшат свои военные расходы, скажем, на 10%. Не правда ли, прекрасное предложение? Если вот так просто выступить против, то прослывешь агрессором и этим, как его, поджигателем войны. Заковыка — предложение Громыки прекрасно, только если доверять официальным советским данным.

В-четвертых, вопрос, а вернее — ответ на него, весьма важен при обсуждениях в западных парламентах ассигнований на военные цели. В США теперь выделяется Пентагону много более 100 млрд. долларов в год, и в жарких дебатах «ястребов» и «голубей» очень полезно сопоставить эту фантастическую сумму с советскими военными затратами[6].

Итак, надеюсь, важность определения действительных советских военных затрат очевидна; так почему же я утверждаю, что занимаются этим недостаточно и без большого успеха? Недостаточность видна из простого факта: при обилии западной литературы по советской экономике есть только одна недавно опубликованная книга на эту тему (воздержусь из вежливости от ее оценки) и очень мало статей. Не надо думать, что это из-за секретности, ведь, скажем, открыто публикуются материалы дебатов в комиссиях и подкомиссиях конгресса с участием представителей военной разведки и ЦРУ (помните, я обещал, что в

---

[5] Подобные вещи делаются теперь столь часто, что в газетно-политическом жаргоне слово «инициатива» стали употреблять во множественном числе.

[6] Стоит оговорить, что непосредственное сравнение рублей с долларами практически невозможно, такие сравнения представляют собой отдельную и очень сложную проблему.

моем рассказе будет фигурировать ЦРУ), и мы об этом будем скоро говорить.

А неуспешность видна из того, что, как показывают эти материалы, специалисты сходятся лишь в одном: советские официальные публикации сильно занижают военные расходы — на сколько же именно, тут мнения сильно расходятся. Если же сказать это проще, то мы не знаем, сколько именно тратит СССР на военные цели.

По советским публикациям получается, что за последние 10 лет эти затраты составляют ежегодно одну и ту же сумму 17 млрд. р. в год. Поскольку общая сумма расходов всего бюджета непрерывно возрастает, удельный вес военных затрат снизился с 13 до 7%. Соответственно меньший процент составляют они от национального дохода, что-то порядка 4%. Что вызывает здесь подозрения? С одной стороны, представляется совершенно невероятным, что при таком небольшом проценте военных затрат, да еще при том, что общие объемы советской экономики значительно меньше американской, СССР вооружен теперь едва ли не лучше, чем Америка[7]. С другой стороны, непонятно, как сумма военных расходов остается стабильной несмотря на то, что за это время, как известно, происходили циклы перевооружения. Более того, когда Хрущев объявил о сокращении военных расходов и в очередной публикации о бюджете это было продемонстрировано, именно в это самое время, по всем признакам, происходило очередное перевооружение — значит, реальные затраты должны были снизиться, а не возрасти. Есть и другие признаки искусственности этого показателя.

---

[7] По этому поводу есть различные оценки, тем более, что соотношения неодинаковы по разным видам оружия, но в целом почти все специалисты сходятся (это видно по печати), что военная мощь двух сверхдержав примерно одинакова.

Долгое время экономисты ЦРУ утверждали, что реальные военные расходы СССР лишь не намного превышали официальные показатели и составляли к началу 70-х годов что-то порядка 25 млрд. р. А экономисты из Пентагона доказывали, что на самом деле их реальная величина намного больше. Правда, недавно ЦРУ сильно пересмотрело свои оценки, но расхождение все равно осталось[8].

Подробное объяснение всего большого комплекса относящихся сюда вопросов потребовало бы чересчур много места и имеет слишком специальный характер, да я и не занимался профессионально этим. Поэтому — очень схематично.

В чем, собственно, трудности определения действительной величины советских военных расходов? Относительно людей под ружьем (точнее — под автоматами, а еще точнее — под ракетами) есть более или менее надежные оценки, и понятно, что содержание ракетного мяса обходится довольно дешево. Как мы все знаем, советский солдат одет просто (но без особого вкуса), кормят его без затей, получает он какую-то мелочь на курево. Многочисленное офицерство довольно хорошо (по советским меркам) оплачивается, но элементарными подсчетами можно показать, что содержание всего военного персонала (включая медицину, обучение и т. п.) обходится в сравнительно скромные суммы порядка нескольких миллиардов рублей в год. Так что не здесь основная масса затрат,

---

[8] В июне 1977 г. на одном из слушаний в сенате директор ЦРУ адмирал Тёрнер говорил, что советские военные расходы должны теперь быть порядка 50-60 млрд. р. в год. Шеф военной разведки генерал Вильсон, ссылаясь, в частности, на пекинскую газету, утверждал, что эти расходы должны быть порядка 60-70 млрд. р. — Hearings before the subcommittee on Priorities and Economy in Government of the Joint Economic Committee. Congress of the United States. Ninety-fifth Congress. First session. Part 3. June 23 and 30, and July 6, 1977.

понятно, что в современных условиях они идут главным образом на вооружение.

Количество ракет и танков, подводных лодок и самолетов в западных странах известно, такие данные публикуются. Известно, сколько такого добра и у СССР, есть ведь спутники, и, кстати сказать, будь это не так, были бы невозможны соглашения об ограничении гонки вооружений. Загвоздка поэтому не в этих числах. Крайне сложно понять, сколько стоит производство каждой такой единицы, и, пожалуй, еще труднее определить, сколько стоят соответствующие научные и конструкторские работы, сколько затрачивается на производство и испытания экспериментальных образцов. И уж совсем трудно подсчитать расходы на создание современных систем обороны[9]. Как же быть?

Один из возможных подходов основывается на вроде бы вполне естественном предположении, что затраты на оборону могут производиться только лишь за счет бюджета. Поэтому если публикуемые показатели расходов на оборону занижены, то тогда часть их запрятана в других статьях бюджета. Значит, надо проанализировать бюджет и выделить то, что идет на мирные цели, а остальное и даст искомую величину. Так, собственно, и пытались сделать в течение многих лет, для чего и анализировали возможно более тщательно все имеющиеся данные о расходах

---

[9] Я все время отвлекаюсь, но тут действительно важный момент. Помню, еще в Москве мы ясно осознавали, что разрядка необходима СССР экономически, что продолжение гонки вооружений оставит страну без штанов. После известных вояжей мистера Никсенджера кое-какие соглашения были достигнуты, но СССР наращивает производство вооружений, которые этими соглашениями не охвачеты. Выходит, что СССР не воспользовался возможностями уменьшить бремя вооружений? Как мне кажется (точно я знать не могу), объяснение таково. Благодаря разрядке, СССР избежал необходимости истратиться вдрызг на создание *средств защиты,* а вот на производство *средств нападения* нужны относительно меньшие средства, и это ему пока еще под силу.

советского государственного бюджета[10]. Однако при самом внимательном рассмотрении имеющихся данных (их очень немного) оказывается, что в других статьях бюджета нет места для больших военных расходов. Очевидно, ясно, что ряд расходов бюджета (в частности, на науку и на народное хозяйство) идет не только на мирные цели[11], но, повторяю, обнаруживается здесь не так много, чтобы все объяснить. Как я понимаю, именно на этом в известной мере основывались ранее довольно скромные оценки ЦРУ общей величины военных расходов.

При анализе бюджета не получается также вот что. Я уже сказал выше, что реальные военные расходы должны «скакать» по годам в соответствии с циклами перевооружения. Так как официальные данные остаются на протяжении длительного времени стабильными, то приходится думать о какой-то регулирующей части, но в других местах бюджета не просматривается такая регулирующая часть.

Итак, по бюджету вроде бы не получается, что СССР тратит много на войну. Между тем, читателей этого журнала не надо убеждать в том, что СССР тратит чудовищно много на военные цели. Все мы, бывшие и не бывшие советские граждане, хорошо знаем, что крупнейшие и лучшие предприятия находятся за высокими заборами, увенчанными колючкой, знаем, как много ученых и инженеров работают в научно-конструкторских ящиках. Поэтому и моя, и других недавних эмигрантов реакция на западные оценки совет-

---

[10] Разумеется, определение величины военных расходов — лишь одна из целей анализа бюджета, который необходим практически для любых исследований советской экономики.

[11] По оценкам западных специалистов, никак не менее половины всех советских научных исследований связаны с военными задачами. Что же касается затрат на народное хозяйство, то именно за их счет строятся новые предприятия по производству военной техники и реконструируются старые.

ских военных расходов была сильно критической — нам представлялось очевидным, что даже наивысшие из них были занижены.

В 1975 г. мы обсудили проблему с другим бывшим советским экономистом, а теперь профессором Пенсильванского университета А. Каценелинбойгеном и рассмотрели, в частности, такую гипотезу. Разгадка должна заключаться в том, что реальная величина всех расходов бюджета больше, чем публикуется, и вот это самое «больше» и составляет регулирующую часть, идет на покрытие дополнительных затрат на военные цели. Что же, гипотеза неплохая, и у нее есть только одно «но» — надо при этом указать, откуда же бюджет берет дополнительные средства. Допустим, что, так сказать, ниоткуда, что советский бюджет является на самом деле дефицитным, то есть тратит больше, чем на самом деле получает. И такая гипотеза вполне допустима, однако она противоречит всем официальным публикациям, которые говорят, что — помните вопрос физика в начале? — каждый год бюджет сводится с превышением доходов над расходами, бюджет, так сказать, дает прибыль.

Предвижу скептическую улыбку просвещенного читателя: вы что, всерьез доверяете советским публикациям? Ясно ведь, что они бессовестно врут. Позвольте не согласиться. Я не собираюсь здесь обсуждать моральный облик советских экономистов (хотя должен сказать, что знал среди них весьма достойных людей), я не писатель, а экономист. И вот, как раз будучи экономистом, думаю, что все это намного сложнее. Прежде всего официальные советские публикации предназначены не для советологов и не для скептических читателей этого журнала, а для самих советских экономистов. Если снабжать их заведомо ложными данными, то как они вообще смогут работать, что за польза будет от их стараний?! Задумаемся также над тем, что если бы это действительно было так, то в секрет-

ную деятельность по злонамеренному искажению экономических показателей пришлось бы вовлечь слишком много людей, и тайна обязательно просочилась бы. Да ведь надо и объяснить тем, кто в этом участвовал бы, для чего сие делается. К примеру, каждый год более тысячи депутатов Верховного Совета СССР получают на руки довольно подробные материалы о бюджете. Именно потому, что они более подробные, чем официально публикуемые данные, в них, видно, есть всякое не для нашего сведения. Но крайне невероятно, что в этих материалах есть нечто такое, что назавтра во всех газетах сообщается совсем наоборот. И последнее. Как известно, если уж врать, то последовательно, иначе сразу поймут. В экономике все показатели так тесно связаны друг с другом, что если, исказив один показатель, не тронуть другие, то все сразу разлезется, и вранье вылезет наружу.

Всем этим я отнюдь не хочу сказать, что мы должны слепо верить советской статистике, видели мы в ней и видим и непоследовательности, и достаточно грубое вранье. Так, явно ложны показатели темпов развития экономики[12], а также показатели изменения цен[13]. Однако все же главным образом применяется ложь умолчанием[14], а также, так сказать, ложь методологическая[15]. Поэтому мы, советологи, видим

[12] Впрочем, за последние годы показатели темпов развития стали весьма низкими, так что если они теперь и врут, то не очень.

[13] Достаточно сказать, что, по официальным данным, в 1976 г. розничные цены были чуть-чуть меньше, чем в 1965 г. Это такое очевидное вранье, что даже не хочется это обсуждать.

[14] Так, не публикуются данные о производстве водки и о затратах на космические исследования, о числе несчастных случаев и пожаров, о затратах на содержание МВД и КГБ — список этот бесконечен.

[15] Самый распространенный прием вообще не объяснить методологию — догадайся, мол, сама. Во многих случаях за этим скрывается нечто, что иначе пришлось бы признавать. Самый, пожалуй, известный случай, когда еще при Сталине публиковали показатели объема урожая (не объясняя это) «на корню», а не «в амбарах». Во

массу дыр в советской статистике, которые приходится заполнять (таким образом, нам есть чем заниматься), причем для заполнения этих дыр применяем прежде всего всякого рода сопоставительный анализ.

Да, так вот порассуждали мы тогда с Каценелинбойгеном на эту тему... и оставили ее, ибо сразу ничего не получилось, а ни ему, ни мне за исследование советских военных расходов никто денег не платил и не платит[16], живем же мы в так называемом капиталистическом обществе, и здесь не как в СССР, где наука есть, по известному определению, способ удовлетворения собственного любопытства за государственный счет.

Прошло какое-то время, и мне довелось прочитать очень интересную публикацию ЦРУ о советской экономике[17]. Я обратил там внимание на то, что уже давно интригует западных специалистов, а сам я раньше как-то упускал из виду. Дело в том, что во всех советских публикациях как расходы, так и доходы бюджета немного расшифровываются. Если просуммировать по этим расшифровкам доходы как от населения, так и от государственных предприятий, то остается громадный и все возрастающий разрыв (я уже отметил, что это обычный прием для советской статистики), который никак не удается объяснить. Не утомляя читателя излишними подробностями, просто скажу, что, например, для 1976 г. этот разрыв, то есть, иначе говоря, какие-то таинственные доходы

многих случаях публикуются показатели с разрывами, то есть сложение частей не дает целого, а что в разрыве — не говорится.

[16] Рассуждая по шаблонам советской пропаганды, концерны по производству оружия — «продавцы смерти» — должны быть донельзя заинтересованы в доказательствах больших советских военных расходов, дабы выбивать побольше ассигнований из собственных парламентов. Оказывается, что и в этом шаблоны советской пропаганды негожи.

[17] Central Intelligence Agency. «USSR: Gross National Product Accounts, 1970». November 1975.

бюджета, составляет ни мало ни много, а 50 млрд. р. Громадная сумма — она равна примерно четверти всех расходов бюджета, она почти в три раза больше всех прямых налогов, собираемых с населения[18], она в три раза больше официальных затрат на оборону[19]. Из чего же она состоит?

Меня заинтересовала вот эта тайна советского бюджета. Пришлось подумать, почитать советскую литературу, посчитать, и в результате я написал доклад для Министерства коммерции США. Оказалось, что вот эта тайна связана с тайной военных расходов. Но прежде чем рассказать обо всем этом, еще раз отвлечемся в сторону.

Вашингтон, где я работаю, — настоящий космополитический город, кого только здесь не встретишь. И недавно я встретил одного советского экономиста. «Послушайте, господин Бирман, — сказал он (не могу объяснить почему, но «господин» меня несколько коробит, а вот «мистер» вполне устраивает), — не возникал ли перед вами (раньше мы были на ты) этический вопрос — пристойны ли ваши занятия здесь? Ведь объективно они направлены против страны, где вы родились, получили образование, прожили столько лет. Как это вы стали советологом?» Такой вот вопрос. Да, он передо мной возникал, не мог не возникнуть, и у меня есть ответ.

Вообще говоря, можно было бы ограничиться ссылкой на Эйнштейна, без письма которого Рузвельту не начался бы Манхэттэнский проект. Эйнштейн, простите за напоминание, родился и учился в Герма-

---

[18] Сумма косвенных налогов с населения (так называемый налог с оборота) значительно больше прямых налогов, теперь порядка 70 млрд. р. в год.

[19] Я избегаю здесь формальных ссылок на советскую литературу, но практически все используемые мною показатели (кроме специально оговоренных) есть в статистических справочниках.

нии, а бомба спервоначалу предназначалась не для Японии. Или можно было бы вспомнить известное стихотворение Олега Чухонцева, где он объясняет, что Иван вынудил Курбского на союз с врагами России. Надо ли разъяснять, что смысл этих примеров — различение между страной и господствующим в ней режимом. Но можно и без примеров.

Рассуждая как экономист, я не думаю, что задолжал что-то этой великой и несчастной стране. И родители мои работали на совесть всю жизнь, но капиталов не нажили. Да и я не только учился и, верно, не очень уж бесполезно работал, если дважды выдвигали меня на государственную премию и если до сих пор иногда цитируют мои книги. А вот взял с собой лишь книги, да и те не все разрешили взять. Перед великой же страной, где живу я теперь, страной, которую отнюдь не идеализирую, но из которой по доброй воле не эмигрирую, страной, где учатся трое моих детей, я, пожалуй, действительно в долгу: мой достаток, счастье моих детей — это в известном смысле аванс.

Рассуждая же чисто этически, я тоже многое могу сказать. И что космополитизм — символ веры многих. И что не привез я сюда в тайниках своей памяти какие-то доверенные мне секреты. И что работаю я не таясь, мне нечего скрывать и нечего стыдиться. И что раскрываю я сакраментальные тайны советского режима по советской же литературе. И что, тут я отнюдь не шучу, пора нам поговорить про смертоубийство, как было в начале обещано. Ибо если советские правители будут и дальше в тайне не только от ЦРУ, но и от собственного народа длить гонку вооружений, производить вместо масла, мяса и картошки пушки и бомбы, то не миновать смертоубийства всего человечества. К чёртовой матери все эти секреты! Чем могу, помогу человечеству, а тем самым и стране, где родился, но где отчаялся в надеждах, а потому и

уехал навсегда. Вот так, господин советский экономист.

И еще одно. Пару лет назад в «Вашингтон Пост» появилась статья очень известного и вроде бы серьезного журналиста Джозефа Олеопа. В ней с самым серьезным видом рассказывается такая захватывающая дух и поражающая воображение история. Оказывается, на Западе незадолго до того появился какой-то бывший сотрудник Госплана. Он обладает фотографической памятью (ну, чем вам не Джеймс Бонд или майор Пронин?) и как-то случайно(?) видел в Госплане военный бюджет. Разумеется, им сразу же заинтересовались «специальные службы». Доставили милого друга в Вашингтон и долго его там расс- (до-) прашивали. Сначала ему не поверили и испытали на детекторе лжи. Провалился. Потом конкурирующая с ЦРУ военная разведка узнала про все это, и ее тогдашний шеф лично беседовал с ним. Его опять испытали на детекторе лжи, и дальше все примерно в таком же духе.

К чему я все это рассказываю? Отнюдь не из черной зависти к Джозефу Олсопу, чей детектив куда занимательнее моего. Вот обещал я вам в начале шпиона — пожалуйста, получите. Ну, а если серьезно, то эта история поучительна в двух отношениях. Во-первых, как я думаю, «военного бюджета СССР» не существует в природе, он там никому не нужен. Затраты на оборону слагаются из затрат многих ведомств, и вряд ли производится суммирование всех этих затрат, что уже само по себе чрезвычайно усложняет нашу задачу. Во-вторых, что еще более важно, допустим даже, что такой бюджет есть и «наш человек в Москве» сумел заглянуть однажды в него. Разумеется, какие-то конкретные числа там небезынтересны, но ведь на следующий год они изменятся, и что делать тогда? Как я понимаю проблему (кстати сказать, не только проблему действительной величины советских военных затрат), нам в первую голову нужны не числа, а мето-

дология, а уж зная ее, зная конкретные финансово-экономические механизмы, мы уж как-нибудь вычислим числа, и не понадобится прибегать к детекторам лжи и прочим детективным аксессуарам.

Поэтому, кстати сказать, по-моему, нет на Западе людей специально занимающихся военными расходами (может быть, кто-то и есть, но они мне неизвестны), мы все в меру наших сил и умения изучаем состояние советской экономики и ее перспективы, изучаем различные экономические механизмы и в результате можем ответить и на вопрос о перспективах советского экспорта, и на вопрос об экономическом неравенстве различных советских республик, и — может быть, не слишком уверенно — о величине военных затрат. А начав заниматься описанной выше тайной доходов бюджета, я и не думал, что она окажется связанной с военными затратами.

Так вот, мы остановились на том, что в 1976 г. какие-то неизвестные доходы бюджета составляли 50 млрд. р. Покопавшись в различных справочниках и в специальной литературе, я нашел примерно 9 млрд. р. доходов, которые собираются республиканскими бюджетами: различные арендные доходы, местные сборы и многое другое. Среди них, заметим это, остатки бюджетных средств, то есть деньги, которые были выделены, но по каким-то причинам не израсходованы, эти остатки обращаются в доходы бюджета следующего года.

Далее. Я уже вскользь заметил выше, что советский рубль не конвертируется, то есть не имеет международного хождения. У советских властей есть для этого вполне серьезные причины, и одна из них непосредственно относится к нашей теме — благодаря изолированности рубля удается держать в стране совершенно отличное от других стран соотношение цен на разные товары. Дешевы книги (в обложках!), бензин (даже после недавнего подорожания), обществен-

ный транспорт, жилища, зато дико дороги одежда и обувь, курево, апельсины, так называемые предметы длительного пользования (например, автомашины) и т. д. В результате государство может покупать на международном рынке то, что там дешево, но зато дорого внутри страны, и здорово зарабатывать на разнице в ценах. На советском юридическом языке эта операция именуется спекуляцией и уголовно наказуема. Но то, за что преследуются советские граждане, с большой охотой и не меньшей выгодой делает государство.

Сам по себе этот факт довольно широко известен среди специалистов, неизвестны лишь числа, ибо многое в статистике внешней торговли — тоже секрет. Все же, используя ту статистику, которая доступна, а также некоторые подсчеты западных специалистов (в особенности Б. Костински и В. Тремля), я вычислил, что, постепенно возрастая, этот заработок достиг к середине 70-х годов 20 млрд. р. (в сравнительно недавней статье министра финансов Гарбузова эта моя оценка косвенно подтверждена). Именно такую сумму советские финансисты зачисляют теперь в доходы бюджета. Итого из таинственных 50 млрд. р. остается теперь «только» 21 млрд.

Любому внимательному наблюдателю и, прежде всего, советским людям, которым поневоле приходится наблюдать очень внимательно, очевидно, ясно, что в стране растут цены и происходит инфляция. Словарь говорит, что «инфляция — это чрезмерное увеличение количества обращающихся в стране бумажных денег, вызывающее их обесценение». В советских официальных публикациях, разумеется, об этом нет ни словечка (они применяют тут ложь умолчанием), но ясно, что инфляция происходит. Не совсем ясно лишь, в каких именно размерах и что это дает режиму. Однако если немного подумать и кое-что посчитать, что

я в меру моих сил и сделал[20], то приходишь к ряду интересных заключений. Прежде всего мне удалось примерно определить, так сказать, размеры инфляции. По самым скромным оценкам, за последние лет 15 в обращение было выпущено миллиардов на 50 больше денег, чем это на самом деле нужно. Эти деньги население вынуждено было накопить, так как истратить их нет возможности: в стране не хватает товаров. Нужно сказать, что это лишь часть общих денежных накоплений населения, дополнительно теперь примерно 130 млрд. р. во вкладах в сберкассы, 5 млрд. р. в 3-процентном займе, да еще более 20 млрд. р. в облигациях «старых займов», выплаты по которым недавно начались (разумеется, без процентов). Поскольку основная масса денег, которыми располагает население, предназначена для покупок различных товаров и услуг у государства, мы можем сказать, что внутренний государственный долг составляет теперь, грубо говоря, 200 млрд. р. Чтобы понять, что это значит, достаточно сказать, что население может 8 месяцев не работать, ибо сбережения как раз равны 8-ми месячному заработку. Или можно указать, что накопления в три с половиной раза больше всех запасов потребительских товаров в торговле и на складах в промышленности. Если (когда) население захочет истратить, скажем, половину денег, произойдет неминуемая катастрофа. Последствия таких чрезмерных накоплений многообразны, а с точки зрения нашей темы они таковы: как мне удалось доказать, дополнительный выпуск денег в обращение обращается в доход бюджета, работа печатных станков монетных дворов Госзнака дает бюджету 3-5 млрд. р. ежегодно, если не больше.

---

[20] Мне очень помогли в этом профессор Вирджинского университета Гертруда Шрудер и скончавшийся в 1978 г. один из виднейших специалистов по советской экономике Раш Гринслейд.

Итак, еще 3-5 миллиардов рублей, но это не 20, которые мы ищем. Сейчас найдем.

Движение наличности представляет собой лишь относительно небольшую часть общего денежного оборота страны. Более девяти десятых его происходит не между государством и населением, а между государством и предприятиями и последних между собой. Этот оборот называется «безналичным», так как деньги, наличность как таковая, в нем не используются: передача средств происходит путем бухгалтерских записей с участием банка. По своей глубокой сути безналичный оборот — это не просто формальные записи, нельзя, чтобы просто так банк выдал на какие-то нужды несколько миллиардов рублей: коли делать это без счета, без соблюдения некоторых важных балансовых соотношений, наступят весьма неприятные экономические последствия. Более точно говоря, как в наличном обороте при эмиссии лишних денег неизбежно наступает инфляция, точно так же и в безналичном обороте происходит нечто вроде инфляции. Если сказать это очень просто — банк не может (не должен) выдавать больше денег, чем у него есть. Не может, но есть одно исключение — банк может дать деньги, так сказать, авансом, в кредит, рассчитывая на будущие поступления. Именно такой тип финансовых отношений развивается очень быстро: за последние лет пятнадцать общая сумма выданных банками кредитов возросла в 5 раз.

Само по себе кредитование вполне нормально, вся мировая экономика держится на кредите. Одна финансовая акула с Уолл-стрита как-то сказал (ничего не могу поделать здесь с грамматикой) мне: «Мы, банкиры, отличаемся от остальных торговцев только одним — мы продаем деньги, именно деньги, предоставляемые в кредит, составляют наш товар». Однако для советской экономики примечательно, что общая сумма выданных кредитов, то есть задолженность

предприятий банку достигла немыслимой суммы более 250 млрд. р. Сколько кредитов может выдать вот эта самая акула? Не больше, чем она имеет средств. А вот для советских финансистов даже теоретически неясен вопрос о пределах кредитования (это хорошо видно по литературе), а коли так, их можно выдавать (и их выдают!) чуть ли не сколько хочется[21].

Уже само по себе данное обстоятельство — резкое, малоконтролируемое возрастание сумм кредитов, а значит, и излишнее количество денег, серьезно расстроило безналичное денежное обращение, а значит, и всю экономическую жизнь страны, но и этого оказывается мало. Не только предприятия получают всё больше кредитов от банка. Мой анализ почти документально доказывает, что еще с предвоенного времени государственный бюджет получает в возрастающих размерах от банка нечто вроде кредитов (или займов), и именно этот кредит и составляет тот самый таинственный доход бюджета, о котором мы рассуждаем. Для 1976 г. это составляет, грубо говоря, 15 млрд. р.

Вот, собственно, и вся тайна, и, если бы это была экономическая статья для экономистов, на том следовало бы и кончить, а так, для читателей, которые не занимаются профессионально советской экономикой и финансами, нужен ряд пояснений и объяснений[22].

Прежде всего пора теперь ответить на вопрос знакомого физика — напомню читателю, что он не по-

[21] Речь не о сумме кредитов для каждого отдельного предприятия, здесь есть довольно строгие лимиты, а об общей сумме всех кредитов всем предприятиям.

[22] Мне также стала понятной еще одна вещь. В 60-х годах мне довелось пару раз встретиться с А. Г. Зверевым — министр финансов в течение 20 лет, начиная с конца 30-х годов, — и я поразился его интеллектуальной посредственности и профессиональному убожеству. Как же тогда такая карьера? По всей видимости, именно он предложил (уверен, по подсказке) вот этот трюк, и он оказался успешным. Впрочем, действительно ли успешным?!

нимал, зачем ежегодно доходы бюджета превышают его расходы. Правильно не понимал, такого превышения нет в природе. На самом деле таким превышением объявляются суммы, которые были выделены, но по каким-то причинам не истрачены (я говорил об этом немного выше относительно республиканских бюджетов). Однако ежегодно выделяется (предназначается для расходов) больше средств, чем имеется доходов, и даже с учетом вот этих остатков фактические расходы бюджета всегда больше его фактических доходов. Иначе говоря, советский государственный бюджет постоянно дефицитен, причем размеры дефицита постоянно возрастают. А то, что дефицит покрывается (пожалуй, тут лучше сказать «оформляется») кредитами банка, не имеет большого значения. Практически такое же значение имеют и кредиты предприятиям, о которых я говорил немного выше, и можно сказать, что не только государственный бюджет, но и финансовая система в целом являются дефицитными, тратят больше, чем имеют.

Надо сказать, что дефицитность бюджета в некоторые периоды, на ограниченный срок, в строго дозированной мере вполне допустима, недаром к этому средству прибегают и западные государства. Однако здесь нарушены вот эти самые дозировки, советский бюджет хронически дефицитен, и дефицит (вместе с кредитами предприятиям) превзошел допустимые по любым меркам размеры. Последствия очевидны. Описание экономической ситуации в стране не входит здесь в мою задачу, но ясно видно, как все более нарастают трудности, что Россия не может теперь обойтись без ввоза зерна, что все более низкими становятся темпы развития промышленности — некогда гордость советских правителей, — что все более кризисна ситуация с транспортом, топливом и т. п. Решающее значение имеет то, что все более разительным становится разрыв между тем уровнем жизни,

который могли бы обеспечить современная техника и неисчислимые природные богатства страны, и реальным жизненным уровнем советского населения. Можно сказать, что тяжелая финансовая ситуация в СССР есть следствие серьезных экономических неудач, а с другой стороны, полное расстройство финансовой системы, громадный государственный долг[23] делают экономическое положение еще хуже. Коренные недостатки советской системы хозяйствования проявляются все более зримо и неминуемо ведут, если не бояться точных наименований, к катастрофическим последствиям. Да ведь и известно такое точное наименование для явления, когда тратишь больше, чем имеешь (зарабатываешь): и на экономическом, и на повседневном языке это именуется банкротством.

Мне можно возразить, указав на дефициты западных бюджетов и инфляцию, — живут ведь здесь както. Верно, живут, но не так, как хотелось бы, и никто не считает ни инфляцию, ни чрезмерный бюджетный дефицит благом. А после крайне трудной ситуации, возникшей недавно из-за резкого роста мировых цен на нефть, опасность была вполне осознана, и инфляция начала уменьшаться. Хочу это подчеркнуть — по мнению большинства специалистов, именно рост цен на нефть, а не какие-то структурные причины вызвал инфляцию, а вслед за ней и депрессию. А в СССР прямо противоположная ситуация, советская экономика лишь выиграла от роста мировых цен на нефть, и в то же время инфляция возрастает. Значит, дело здесь не во временных, а в постоянных, глубинных причинах.

Но вернемся к военным расходам. Напомню, мы уперлись в то, что в бюджете оказалось слишком мало места для них, поскольку мы считали, что не должно

---

[23] В дополнение к внутреннему долгу, страна в долгу как в шелку и во внешней торговле.

быть военных расходов вне бюджета. Давайте взглянем теперь на проблему шире. Как мы выяснили, расходы бюджета не лимитируются реальными доходами, систематически тратится больше, в доходы бюджета простым росчерком пера записывается 15 млрд. р. Улавливаете? Если это так, то никто не мешает советским правителям делать этот самый росчерк на значительно большую сумму, производить расходы на военные цели сверх бюджета и не покрывать их какими-то реальными доходами.

Иначе говоря, в подсчетах военных затрат мы можем и должны уйти от предпосылки об их ограничении более или менее узкими рамками бюджета, и в принципе наши полуинтуитивные (это не значит, что они неверны) представления о затратах чудовищных сил и средств не противоречат теперь расчетам, основанным на данных о бюджете. Разумеется, от этого далековато еще до точного определения суммы таких трат, но мы можем двигаться дальше, освободив себя от данного ограничения.

Я назвал мой рассказ экономическим детективом и обращал по ходу рассказа внимание читателей на его обязательные атрибуты. Всё же главный атрибут детектива — преступление и его раскрытие. Преступление налицо — за счет постыдно низкого уровня жизни советских людей их правители тратят на военные цели колоссальные средства, разрушая экономику страны, угрожая миру на планете. Раскрыть это преступление в полном его объеме — необходимый шаг для торжества справедливости, для возмездия.

БИРМАН Игорь — родился и жил в Москве с 1928 по 1974 г. Кандидат экономических наук. Работал в промышленности и в научно-исследовательских институтах. Преподавал. Автор, соавтор и редактор 10 книг и многих статей. С 1974 г. — в США.

ПАМЯТИ ВЕЛИКОЙ ПОДВИЖНИЦЫ

На девяносто шестом году жизни скончалась Александра Толстая. Нам нет нужды приводить здесь биографию этой замечательной женщины: ее имя говорит само за себя. Толстой, Толстовская ферма, Толстовский фонд — все эти дорогие нашему сердцу понятия неразрывно связаны с именем незабвенной Александры Львовны. Нет, пожалуй, в Русском Зарубежье человека, судьба которого так или иначе не соприкасалась бы с ее жизнью и деятельностью, а о ее известности внутри страны позаботилась советская пропаганда, поносившая выдающуюся женщину на все лады.

На своем долгом и трудном веку она объездила много стран и повстречалась с множеством самых разных — больших и маленьких — людей, среди которых были члены царствующего Дома Романовых и вожди русской революции, большие политики двадцатого века и рядовые солдаты Первой Мировой войны, видные ученые, артисты, общественные деятели современности и безымянные беженцы всех рас и цветов кожи, и для каждого из них у нее находилось достаточно тепла и понимания, вне зависимости от того, кем — врагом или другом — был встреченный ею человек.

Ее пытались купить, предлагая роль послушного советским властям интерпретатора воли и мировоззрения своего отца, от чего она наотрез отказалась и при первой же возможности покинула осквернённое идеологическими насильниками отечество. Ее пытались запугать, много лет выслеживая по всем дорогам Русского Исхода, но она не испугалась, на голом месте создав и до последнего вздоха продолжив благородное дело Толстовского фонда.

Весть о кончине Александры Львовны Толстой разнеслась в дни, когда в Вашингтоне происходили Сахаровские слушанья. И в этом, на наш взгляд, кроется поистине символический смысл: новое поколение русских людей, а также представителей других национальностей населяющих сегодня нашу страну свидетельствовали перед всем миром свое противостояние той лживой и бесчеловечной диктатуре, борьбе с которой посвятила жизнь великая подвижница России — Александра Толстая.

Мир праху ее!

«КОНТИНЕНТ»

Павел Андреев

БЕСПРОСВЕТЬЕ И ПРОСВЕТ

Фантастические рассуждения о фантастическом романе

> *«— И настанет царство истины?*
> *— Настанет, игемон, — убежденно ответил Иешуа.*
> *— Оно никогда не настанет! — вдруг закричал Пилат...»*

...Иногда и сам теряешь связь и забываешь, в каком мире живешь: реальном или вымышленном? Все перемешано, спутано, шкала ценностей сбита. Где ложь? где правда? — в жизни или в искусстве? Если в искусстве — значит, лгала жизнь; если в жизни — значит, лжет искусство...

Когда охватит беспросветье и кажется, что из мира ушли силы добра, приходит соблазн считать, что мир целиком во власти зла. Добро унижено и уничтожено, попрано, оклеветано; полновластвует нечистая сила. Она ведь хоть нечистая, но сила, а все остальное беспомощно перед ней. И в художественном восприятии эта сила может выглядеть по-своему привлекательной, в ней может обнаружиться даже высшее благородство, чего нет в мелочном обыденном земном зле. Ее готов принять и разум, оправдывая диалекти-

---

Статья, подписанная псевдонимом, получена из Москвы. — Ред.

кой добра и зла: «Часть силы я, желавшей вечно зла, творившей лишь благое».

Слова эти, в ином несколько переводе, избрал эпиграфом к своему роману писатель эпохи беспросветья.

На фоне 30-х годов кошмар действительности претворялся в кошмар фантазии.

Когда из мира ушли добро и справедливость, у кого искать их, как не у мессира Воланда?

Правда, был когда-то одинокий пророк Га-Ноцри со своей маленькой истиной «человек добр», память о нем скользит беспокоящим лунным лучом, не Свет — луч в беспросветье.

Но ныне — где добрые люди?

Их нет, не осталось добрых, некому встать поперек разлива зла, а раз так — полный простор для разгула нечести. Москва 30-х годов для нее самое подходящее место.

Проделки нечисти потешны, забавны, но только внешний читатель сведет к ним содержание романа. «Нечистая сила в Москве» — это и фон и разрядка мучительного и давящего.

Очевидно, речь идет о другом — об уничтожении добра и настолько страшном его попрании, что добро вынуждены творить силы зла. Но если так, то это и есть беспросветье, последнее отчаянье художника.

Роман многопланов. На виду планов два: роман о Мастере и роман Мастера. Сказав это, разумеется, никакого открытия мы не сделали. Также вряд ли мы сделаем открытие, заметив, что и Мастеру, доброму человеку, и его герою, проповеднику добра, отведено немного места, что они заслонены иными действующими лицами, изображенными с большой яркостью. Их роль даже не действующих лиц, а «явлений», они — объекты, а не субъекты действия. Они подобны статичным осям, вокруг которых раскручивается вся динамика. Проще сказать: участие обоих в повествова-

нии незначительно, но значение для содержания велико. Отметим, что только они двое выражают в романе исчезающе-малую величину добра.

В этой связи название «Мастер и Маргарита» представляется не вполне точным, проходным, условным, слишком явно тянущим к аллюзиям. На самом деле, получилось нечто иное, как и эпиграф отнюдь не покрыл сути романа. Иначе говоря, роман в процессе творчества вышел за первоначально намеченные рамки, в нем выявились иные пласты, подчас неясные самому художнику.

Определим пока, в рабочем порядке, первый план романа как фантастическое повествование о явлении сил зла в современном мире.

Однако неверно будет определить, по контрасту, второй план как историко-фантастическое повествование о явлении силы добра в лице бродячего проповедника Иешуа, как готовы представлять «роман в романе» некоторые восторженные почитатели. Это вовсе не «роман об Иешуа», т. е. Иисусе — такое и подумать кощунственно, а «роман о Понтии Пилате», следовательно, о власти зла.

И тот и другой план не следует воспринимать изолированно, как делали это некоторые критики, подключаясь к игре авторской фантазии и воспринимая «роман в романе» как воскресшее будто бы творение Мастера, поскольку «рукописи не горят».

Оба плана идут параллельно друг другу, подобно двум плоскостям, и между ними существует внутренняя, идейная взаимосвязь, вплоть до совпадения отдельных эпизодов, даже отдельных фраз («яду мне, яду!»). Ограничимся указанием на самый яркий пример: изображение грозы над Ершалаимом в сцене казни и грозы над Москвой перед отбытием героев.

Между двумя планами ощутима постоянная перекличка, хотя движутся они внешне изолированно друг от друга, но, подобно двум параллелям, которым

предсказано геометрами сойтись в пространстве, они сойдутся в финале романа, подтверждая свою параллельную родственность.

Эта взаимосвязь и совпадение планов порождают усложненную фантастичность романа, которая, как всякая фантастичность, лучше всего выражает реальность. В сущности, это роман не о Мастере и Маргарите, не о Пилате и Проповеднике, а о добре и зле, о том, как добро оставило мир, и о гибели человека в мире без добра. Такой мир — мир без добра — отвратителен даже нечистой силе.

Но это отнюдь не конечный вывод, а скорее, предварительное рассуждение.

На самом деле, все обстоит значительно сложнее, и в романе открываются более глубинные пласты. Названные два плана мы определили как фантастические: современно-фантастический и историко-фантастический. Но под первым планом лежит пласт подспудный, менее заметный, очень реальный и очень простой — настолько до жути простой, что, взятый сам по себе, казалось бы, стоит за пределами искусства. Двое несчастных любовников (а может быть, и не любовников вовсе, и любовная история существует лишь в горячечном воображении больного Мастера, — просто несчастных): затравленный писатель, посаженный психиатричку (психушку, по-нынешнему), и некая женщина из верхушечного слоя, доведенная обстоятельствами жизни до отчаяния, покончили с собой. Самое заурядное событие в Москве 30-х годов, городе убийств и самоубийств. Но это и есть то крохотное зерно, подобное горчичному, которое в изображении художника расцветает причудливыми цветами фантазии.

Мы назвали М. Булгакова художником вместо более узкого «писатель» — и, действительно, он необычайно живописен. Критика не зря восторгалась его словесным колоритом: так сочны краски, так плавно

и гармонично их сочетание, столь ощутима прозрачность тонов — как у Босха, хочется сравнить... И это сравнение отдает жутью. Фантазия Босха непревзойденна, бесконечно изощренна, красочна, но за этой пестротой — адский страх. Всматриваясь в кошмары его видений, мы соприсутствуем мистерии торжества зла.

Аналогичное затейливости фигурок Босха найдем мы в проделках булгаковской нечести, где средневековая образность накладывается на современное московское коммунальное существование, что, конечно, создает комический эффект. Также найдем мы немало общего у «романа в романе» с циклом «Страстей» великого Иеронима (как раз благодаря их апокрифичности). И здесь есть палач, с сочувствием взирающий на жертву, и сам Спаситель изображен как Страдалец (напр., в «Несении Креста»; особенно трогателен в этой картине благоразумный разбойник — жалкенький человечишка, судорожно пытающийся что-то исправить в самый последний момент).

Но подоплека фантазии, в онтологическом смысле, всегда не смешна. Она зиждется на страдании, за ней всегда боль. Будем помнить о том зерне, из которого выросло причудливое создание Булгакова. Мы смеемся над проделками нечести, но за смехом этим брезгливое отвращение: как оскудели людишки, как потеряли они самих себя, с какой легкостью отдаются на потеху «мелким бесам».

Но как страшна реальная подоплека фантастического, так ужасна и фантастическая подоплека булгаковской фантазии.

Шабаш на московской квартире представляется нам забавным эпизодом, но затейливость его, подобная босховскому «Саду наслаждений», подразумевает самое страшное, последнее падение. Ведь, по средневековым воззрениям, для участия в шабаше надо отречься от Бога, попрать Крест, возвести немыслимую хулу на Христа и Богоматерь, и прочее, а для

полета на шабаш ведьме надлежит натереться мазью, приготовленной из печени убитых некрещенных младенцев... Но современному человеку и не требуется богохульного ритуала — он и без того готов к падению. Современный человек живет без Бога, он не принимал Его, ему не от Кого отрекаться. Поэтому так легко нечистой силе в душах современных людей. Поэтому заявляет героиня: «Я ведьма и очень этим довольна!»

«Я счастлива, что вступила с ним в сделку! О дьявол, дьявол!» — взывает она. Если и это юмор или сатира, как понимают иные роман, то от такого юмора мороз пробирает по коже...

Но страшное не только в добровольной отдаче себя силам зла, в прославлении духа зла. Самое страшное — тот обман и самообман, который за этим скрывается. Ведь одно из имен дьявола — «отец лжи». И то наваждение, которое распространяет вокруг себя нечисть, — ложь. Одних обманывают мнимой валютой, мнимыми нарядами — в зависимости от запросов, других — мнимым покоем. Маргарита вызывает дьявола, и дьявол толкает героев на преступление самоубийства. За сделку с дьяволом следует страшная расплата. «Отравитель...» — шепчет умирающий Мастер, отведав обманного зелья. Читателю представляется догадываться, не окажется ли «покой», обещанный героям в финале: домик с плющом, и музыка Шуберта, и свечи, и рукопись на столе (которых, как известно, на том свете не издают) — тем же обманом, за которым небытийственная скука.

Из своего московского вояжа дьявол увозит две души, самые достойные. Остальные не заслуживают даже этого. Мелкие людишки достаются на потеху низшим демонам, они тешатся с ними и отбрасывают прочь. Согласно средневековому воззрению, существует иерархия демонов. По Фоме Аквинату, выс-

шие демоны наделены известным благородством. Таков булгаковский Воланд.

Древний Воланд, носящий множество имен, среди них и Мефистофель, переносит нас явно к «фаустовской» линии романа.

Она явно не прослеживается и может показаться надуманной, проявляющейся лишь в претенциозном названии и эпиграфе.

Герой Гёте, отчаявшись в достижении истины, взывает к духу познания добра и зла.

Герой Булгакова как будто бы ни к какому духу не взывает.

Почему же нечистая сила появилась в Москве? Потому ли только, что Москва 30-х годов — весьма подходящее для нее место?

Потому что дьявол все-таки был вызван, не словом, а поступком, тем, что Мастер сжег свой роман.

Сжечь свое творение — посвятить его духу небытия.

Для него-то, да, для него — «рукописи не горят». (Напрасно критики восторгались этой фразой: в конце концов волшебством восстановленная рукопись снова приносится в жертву огню перед отбытием героев в вечный покой.)

Об этом прямо не говорится на страницах романа — как, впрочем, и о многом другом, — но легко понять, с чем связано появление на Патриарших прудах мессира Воланда и почему с такой заинтересованностью он встрял в разговор двух литераторов об историчности Христа и почему столь жестоко покарал своего оппонента, главаря той банды, которая затравила автора романа о Пилате.

Не люди, современники, проявляют заинтересованность в романе Мастера, а надмирные, вневременные силы. Для современников роман несовременный и даже вредный, о чем напоминает автору Воланд:

«И вы не могли найти другой темы?», обещая, впрочем, что роман «принесет еще сюрпризы» (что и сбылось, конечно).

Очевидно, заинтересованность Воланда объясняется «фаустовской» проблемой добра и зла в романе и бессилием Мастера разрешить ее — в этом состоянии он сжигает свое творение, отказываясь от него, как Фауст отказывается от своей учености, бессильный познать истину.

Но на этом и кончается сходство. По сути дела, роман Булгакова представляет своего рода «анти-Фауст». В отношении великого литературного образца он выглядит вывернутым наизнанку. В сделку с дьяволом вступает не герой, а героиня, ее избирают лукавые силы для уловления души Мастера. Место благочестивой Гретхен занимает раскосая ведьма, королева шабаша. А уж о «вечной женственности» вряд ли стоит вспоминать! И если в трагедии Гёте, как еще ранее в Книге Иова, человек побеждает Губителя и Искусителя, то ныне он становится его легкой добычей.

Но пропасть эта еще глубже.

Гёте дал классическое решение трагедии о Фаусте, порывающее с ее средневековой трактовкой, отныне — человек побеждает! Современному писателю ближе средневековая легенда с ее печальным исходом.

Гёте представляется нам полубогом, олимпийцем, взирающим на пластически прекрасные фигуры античности. Он гармоничен, светел. Его «Фауст» гремит бетховенской Девятой с «Одой радости» во славу человека. Герой устремлен к бесконечному познанию, он весь — порыв, стремление, перед которым оказывается бессильной даже сила зла. В нем гётевская мудрость, мудрость века разума.

Современный писатель на этом фоне выглядит неудачником. Прежние ценности для него подорваны. Он по горло сыт горькими плодами «века разума». Героическая музыка невыносима для его слуха. Его

тянет не солнечный мраморный храм, а таинственный полумрак готического собора с притаившимися химерами, приглушенными звуками органа. Не гармоничные изваяния древних — он видит вокруг себя мельтешение пакостных созданий фантазии Босха. Нет, он не дитя света, он — человек беспросветья. Он устал. И его герой устал. Ему ничего не надо. Воля его угасла. Ему нужен покой, точнее — забвение. Для того мира, в котором он живет, познание не нужно, творчество не нужно, в сущности, ничего не нужно, потому что мир этот обманный, морочный, за его пошлостью и гнусью — небытийственность.

Истиной, которую постигает умирающий Фауст, являются слова: «Лишь тот достоин жизни и свободы, кто каждый день идет за них на бой». Своим вечным «фаустовским» стремлением герой обретает право на вечное.

Современный герой ни на что не дерзает, тем более на вечное, оно не нужно ему, он боится бессмертия, как изображенный им Пилат. Он не думает о свободе. Он сдался. Он зажат между добром и злом. В нем нет той простой твердой силы, что в его Га-Ноцри. Он сломлен, его предали, его «хорошо отделали», по словам Воланда; наконец, он предал самого себя — сжег роман. Он оказался недостоин своего творения. И не ему идти в лунном луче, не для него прозвучит отпускной глас «Свободен!» И мы не знаем, какой покой ему уготован...

Гуманизму противостоит дегуманизация. Человек сдался — таков страшный вывод, заботливо прикрытый в романе затейливой мишурой фантазии.

Но если такова печальная участь Мастера, то его творение, как это часто бывает, выше творца. Он сумел завершить его достойно и даровал своему герою искупление.

Пилат получает прощение. Почему же так получается?

Очевидно, что перед нами евангельский рассказ, тоже вывороченный наизнанку. Булгаковский Пилат представлен и мучителем и мучеником. Нравственные страдания его страшнее страданий распятого Га-Ноцри.

Такой поворот или выворот кажется неожиданным. Он противоречит общепринятому представлению о Пилате, умывшем руки. В известном рассказе Анатоля Франса бывший прокуратор на склоне лет вовсе забыл о каком-то безвестном казненном пророке. Тем самым автор-вольнодумец вообще ставил под сомнение существование Иисуса: то ли был, то ли не был, совесть во всяком случае спокойна.

Роман Булгакова начинается как раз со спора об историчности Иисуса. Начитанный Берлиоз излагает доводы тогдашнего атеизма, опиравшегося на книжку Артура Древса «Миф о Христе», где автор доказывал, что никакого Христа не существовало, а есть миф о воскресающем и умирающем боге, присущем почти каждой религии, и потому христов много. В двадцатые и тридцатые годы слово Христос писалось с малой буквы.

Вот это-то атеистическое скудоумие и возмущает нечистую силу, а вернее, автора, который влагает в уста Воланда язвительные реплики, вроде «седьмого доказательства»: Бога нет, так дьявол есть, или: «Что же это у вас, чего ни хватишься, ничего нет».

В этом мелочном мире, мире всеобщего оскудения невозможно поставить проблему добра и зла, преступления и раскаяния, и потому действие закономерно переносится во второй, более высокий план, и тут же, «очень просто», перед двумя литераторами прочитывается первая глава романа: «В белом плаще...»

Пилат предстает злым человеком, назвать его «добрым человеком» означает навлечь его гнев, но он

знает, как знает это и мессир Воланд, что добро существует. Однако творить добро он не в силах, даже если хочет. Для этого нужна смелость, нарушение привычно установленного, а это, в свою очередь, требует самопожертвования, на которое он не способен. Он боится за свою власть. «Трусость — самый тяжкий порок», — не раз повторяется в повествовании.

Пилат мог совершить добро, но не совершил по трусости, и потому суждено ему вечно мучиться муками раскаяния.

Избранный автором поворот неожидан, но вполне правомочен, поскольку находится в русле народной апокрифической традиции. Апокрифическое творчество опиралось на слова Евангелия от Иоанна: «С этого *времени* Пилат искал отпустить Его. Иудеи же кричали: если отпустишь Его, ты не друг кесарю...» (Ин. 19, 12). Согласно некоторым старообрядческим апокрифам (которые Булгаков вряд ли знал), Пилат после распятия стал христианином и даже мучеником (очевидно, он был спутан с Логгином-сотником). Существовали даже апокрифичные иконы Пилата!

Так что не будем сетовать на художника за то, что он избрал в свои герои столь малопривлекательную в истории личность. Удивительнее другое: что он сделал ее привлекательной и во имя добра даровал прощение.

Итак, вывод из «романа о Пилате» — запомним его, он пригодится нам в дальнейшем рассуждении: как бы велико ни было торжество зла, оно, зло, знает, что добро существует, и вот эта мысль не дает ему, злу, покоя.

Дотоле мы говорили о разных планах романа, рассматривая их врозь. Теперь мы попытаемся свести их воедино, произведя наложение их друг на друга. Перед нами, на первый взгляд, возникает нечто подобное сложному математическому уравнению.

Из математики известно, что сложные уравнения зачастую решаются методом подстановки. Попробуем и мы произвести такую подстановку. Назовем ее «подстановкой Блока». Я имею в виду фразу, занесенную поэтом в дневник в январе 1918 г.: «Иисус — художник» (поскольку, по мнению Блока, «Он все получает от народа»).

(Почему вспомнился Блок, трудно объяснить. Может быть, потому, что образ Того, Кто «в рабском виде», издавна таинственным образом витает над русской литературой. Так и Блок намеревался писать «пьесу об Иисусе». В своей знаменитой поэме, восславившей стихию разрушения, стихию зла, сам затягиваемый в адскую воронку, он спасает и себя и поэму, в последний момент выкрикнув Имя.)

Безымянный мастер — художник, да, но его творение, апокрифичный Га-Ноцри, тоже несет художническую истину: «человек добр». (Ведь булгаковский Иешуа вовсе не Христос, и истина его не религиозная.) На утверждении: человек добр — строится не религия, а искусство. Скажите: человек зол — и искусство не нужно. Искусство служит только добру. Добру, истине, прекрасному — как гласили встарь.

Согласившись на этом, произведем наложение плоскостей.

Мы говорили, что подоплекой фантастического сюжета романа о Мастере служит реальный сюжет — гибель двух возлюбленных, также и протосюжетом «романа в романе» служит евангельский рассказ. Но и вся фантастическая ситуация романа в целом должна иметь некую протоситуацию в реальной ситуации своего времени.

В первом плане романа мы видим Мастера перед безликими силами зла (можно сказать: перед безликой системой), во втором — перед нами бродячий проповедник перед грозным властелином, в целом жы мы, пользуясь «подстановкой», скажем, что речь идет о

судьбе художника в мире зла. Такая ситуация, бесспорно, не может быть вымышленной, ей должен быть жизненный прототип.

Очевидно, это положение самого автора.

Оно было более чем странным.

Его единодушно травила писательская банда, ему кричали «распни его!» и распинали (примеры в известном письме Булгакова Сталину). Только один человек в стране не то что б ценил или покровительствовал — нет, на это он был неспособен, но проявлял некоторый интерес к единодушно презираемому автору — сам Всесильный.

Он не то тринадцать, не то пятнадцать раз посетил «Дни Турбиных». (Любил по тупости смотреть понравившуюся вещь много раз, кинофильм «Волга-Волга» смотрел более тридцати раз.) В известном письме Белоцерковскому он защитил пьесу от нападок критики. Он же, узнав, что Булгаков пишет пьесу «Батум», где среди действующих лиц появляется и молодой Сталин, сказал незлобно: «Все молодые люди одинаковы. Не надо писать о молодом Сталине». (Не будем судить Булгакова. Нам из времени просвета не понять времени беспросветья.)

Но и доброжелательство Высокого не могло уберечь от недоброжелательства литературной черни. Булгаков это тяжело переживал. В минуту отчаяния он сжег свой «евангельский роман». Но, поскольку «рукописи не горят», роман этот в преображенном виде возродился в самом крупном его создании. Нет сомнения: в нем отразилась личная ситуация (в какой степени — разобрать это дело биографов). Повторимся: она была странной и двусмысленной. Как писатель, он был распят, ничего из его произведений не печаталось — а это для писателя равносильно смерти. Но какое-то внимание злой силы давало себя знать: в то время, когда летели головы (подобно берлиозовой) прежних его хулителей, его самого, прежде заклей-

менного кличкой «белогвардейца» и чуть ли не «антисоветчика», — не трогали.

Произведем теперь изложение уже трех ситуаций. Получится, на первый взгляд, парадоксально.

Автор (в реальной ситуации) — Мастер (в фантастической ситуации романа) — Проповедник (в дважды фантастической ситуации «романа в романе») = художник, добро.

Им соответствуют:

Диктатор — Воланд — Пилат = власть, зло.

Разумеется это не является тождеством, но нам достаточно сходства.

Взаимоотношения первого и второго ряда очевидны и обозначимы как: зло способно благожелательствовать добру. Так, в разной мере, по-своему, Диктатор благожелательствовал Автору, Воланд — Мастеру, Пилат — Проповеднику. Так расправляются они с их врагами: Сталин снес головы заносчивым критикам Булгакова, вроде Авербаха (не ради Булгакова, ради своих целей), Воланд отсек трамваем голову Берлиозу, и так же Пилат (новый апокрифический поворот) покарал Иуду-предателя.

Но благожелательство это коварно, как коварно благородство нечистой силы. Воланд отравляет Мастера, Пилат предает Га-Ноцри, Диктатор равнодушен к судьбе художника. Каждый из них думает о своей выгоде, о своей власти: дьяволу нужна праведная душа, как Пилату нужна чистая совесть, как Диктатору нужна совесть художника. Казалось бы, зачем им это? И без того не чрезмерна ли власть их зла? Но в том-то и дело, что зло никогда не выступает открыто. В том-то и дело, что тайна властвования, основанного на лжи и зле, должна быть скрыта. Скрытое опорочивание добра должно быть оправдано победой над чистой душой, над чистой совестью. В этом властелины зла видят свое самооправдание — ибо в глубине своих

черных душ они знают или подозревают, что добро все-таки существует.

(Читателю предоставляется возможность подобрать соответствующие примеры.)

Мы назвали ранее произведение Булгакова «романом о добре и зле», теперь мы скажем, что тема его звучит как «художник и власть».

Автор нигде не внушает нам (с чем и мы согласны), что власть является совершенным злом, не способным к доброму побуждению (хотя бы собаку погладить) и даже раскаянию. Но добро творить она не способна. Казалось бы, так мало усилий надо для добра: взять и отпустить невинно оклеветанного человека. («А ты бы меня отпустил, игемон», — говорит Иешуа Пилату, как Булгаков просил Сталина отпустить его, оклеветанного, за границу.) Но Пилат неспособен отпустить Га-Ноцри, но может облегчить крестные муки и отмстить предателю. Так Диктатор не отпустил Автора, но даровал жизнь со всеми крестными муками нищеты, отвержения, бесправия. Так всемогущий Воланд не может устроить маленькое земное счастье Мастера и Маргариты, но покарать их обидчиков в состоянии. Всё благожелательство земной власти, как и власти сатаны, так или иначе основано на зле.

Как во всем искали мы протооснов, так и теперь для нас должно стать очевидным, что прототипом власти зла в романе была реальная сталинская власть. Только немногие люди в то время ощущали ее сатанинскую природу. Булгаков ощутил, но спрятал это чувство глубоко в недрах своего не предназначенного к печати романа.

К чему же приводит взаимоотношение художника с властью? Ответ дан в романе судьбой Мастера и судьбой его героя Иешуа: гибель. Ответ этот подтвердил своей невыдуманной судьбой и сам автор.

Все сказанное ниже о протосюжетах, протоситуациях, прототипах относится к фундаменту произведения, представляет его основание или, говоря строительным языком, «нулевой цикл». На нем возводится здание романа.

Можно назвать это основание нулевой горизонталью, от которой из общей точки вширь и ввысь отходят две другие оси координат, что соответствует ощущаемой нами «объемности» романа.

Но существует в романе иное, неуловимое, не выразимое словами, но явственное «четвертое» измерение. (Воланд говорит о «пятом измерении» — в сущности, неважно, какое по счету, важно, что измерение, превосходящее три заурядно-земные.) Очевидно, тайна всех незаурядных произведений искусства в том, что в них незримо присутствует это загадочное «иное» измерение.

Иногда четвертым измерением, помимо трех пространственных, считают время. Четвертая, временна́я доминанта — то, что обеспечивает связь времен, что делает прошлое настоящим, настоящее вводит в будущее, что выводит искусство за пределы ограниченного, временного мира в безграничность и безвременность.

Как в прошедшем грядущее зреет,
Так в грядущем прошлое тлеет...

Происходит чудо искусства: планы романа, столь долго шедшие параллельно врозь, сошлись в одной точке, стали одним единством; прошлое, настоящее, будущее слились воедино, и это соединение гармонично, мы узнаем его момент в ликующем возгласе: «Свободен! Свободен! Он ждет тебя!»

Вся пестрая какофония, мельтешение ничтожного мира забыты, преодолены — это осталось где-то позади, от него уносят сказочные кони. Многообразный хаос исчез, ясная гармоничная мелодия вступает вме-

сте с загадочным лунным лучом.

Это еще не Свет. Это его отражение. Как прекрасное, манящее полуночное светило светит отраженным светом, так светится им финал творения Мастера.

Но за отраженным светом или, иначе, просветом, прозревается существование подлинного, всеобъемлющего Света, вечного Света, без света и теней (Воланд говорит о скуке мира без света и теней, но нечистая сила и здесь лжет, совершая логическую подмену: речь идет не о земном мире). Это еще очень слабая, отдаленная надежда на наступление «царства истины»...

Финал произведения звучит чисто, ясно, совершенно, как фуга Баха. Двое идут в лунном луче и ведут вечный разговор: было или не было? «Молю тебя, скажи, не было?» — просит один. «Ну, конечно, не было...» — отвечает другой. И все ярче лунная дорожка, и все звучнее небесная музыка, покрывающая все славящим органным гулом.

— Конечно, не было! — очищенно ликует орган, взрываясь заключительным торжественным каскадом.

Хаос получил гармоничное разрешение. Зло преодолено. Беспросветье обрело надежду на свет.

Стелется бесконечная лунная дорожка...

И в глубинах наших верящих-неверящих сердец тоже начинают складываться восторженные слова: неужели все это, беспросветье и морок, в котором мы живем, не настоящее, а есть иное, вечное, где все ничтожное, мелочное, злобное преодолено? Быть может, и нам прозвучит гласом «ныне отпущаеши»: «Свободен! Свободен! Он ждет тебя!» Неужели когда-нибудь и мы спросим с надеждой:

— Молю тебя, скажи, не было?

И легко, освобожденно услышим ответ:

— Ну, конечно, не было!

«В СЛУЧАЕ НЕВОЗМОЖНОСТИ — УНИЧТОЖИТЬ»

В СССР любят годовщины. Отмечают их с размахом, даже если и повеет иногда от этого жутью. Так и пятую годовщину знаменитой бульдозерной выставки «отметили» судом над ленинградским коллекционером и физиком Георгием Михайловым. Он обвинялся по статьям 153 ч. 2 — посредничество при продаже и 162 ч. 2 — занятие запрещенным промыслом. После трехнедельного слушания дела 18 сентября 1979 года ленинградский горсуд вынес приговор: *«Признать Михайлова виновным»* — это при 54 свидетелях, опровергавших обвинение, и одном эксперте, не нашедшем состава преступления.*«Приговорить Михайлова по совокупности статей к 4 годам лагерей общего режима. Вещественные доказательства, имеющиеся в деле, уничтожить»,* — а вещественные доказательства — это сотни слайдов и фотографий: настоящая антология современной неофициальной живописи. Далее: *«Обратить в доход государству картины...* — это коллекция современной живописи, которую Михайлов самоотверженно собирал много лет, и в завершение: *«...в случае невозможности — уничтожить».*

Картины — уничтожить, коллекционера — отправить в концентрационный лагерь. Жестокость приговора и вандализм властей трудно понять вне контекста событий последних лет. Пять лет назад культурное движение впервые вырвалось из-под жесткого контроля. Особенно широкий размах оно приняло в Ленинграде, где произошла консолидация независимых художников, писателей, поэтов, философов, религиозных деятелей. Возникло Товарищество экспериментальных выставок, три самиздатских художественно-публицистических журнала, стали работать неофициальные семинары и домашние выставки. Выяснилось, что вне контроля и досягаемости властей существует настоящая, независимая от партийных догм культурная жизнь. Георгий Михайлов начал играть активную роль в культурном движении в самом его начале. На его квартире проводились первые собрания независимых художников, и он открыл первый в Ленинграде постоянно действующий салон неофициальной живописи.

Размах культурного движения не мог не вызвать жесткой реакции со стороны властей. Так, одновременно с процессом становления начался разгром независимой культуры. Сперва в ход пошли уголовные методы. Вдруг заполыхали мастерские художников, как неофициальных, так и официальных. Вину за это собирались свалить на нонконформистов. В одном из таких пожаров сгорел замечательный художник Евгений Рухин. Поджог нашей квартиры, где был расположен «Музей современного искусства», 17 апреля 1978 года, по неофициальным сведениям, был сотым.

Чтоб сломить духовное сопротивление в городе, затеяли серию процессов. Прошли суды над художниками Рыбаковым и Волковым, над поэтессой Вознесенской, над лидерами «левой оппозиции» Цурковым и Скобовым, над представителями свободных профсоюзов Волохонским и Никитиным. И последний процесс — над физиком и коллекционером Михайловым. В символическом плане — это суд над современным подлинным искусством, которым уже сегодня Россия может гордиться.

Вадим Нечаев

Наша почта

НАШ ЖУРНАЛ

Журнал превзошел все ожидания.

И это не суперлатив, не декламационный возглас.

Честно говоря, сначала мы не очень верили в успешное развитие этого дела. Слишком еще непривычно для нас, выросших под сенью «Партийной организации и партийной литературы», подобное предприятие — полностью свободный журнал, неподотчетный никакому отделу агитации и пропаганды, никакому референту, главлитчику, куратору. Вся наша жизнь прошла в сознании невозможности такого издания. Для одних: «Увы, к сожалению, невозможно!» Для других: «И слава Богу, что невозможно!»

Достаточно вспомнить, как сокрушал литераторские иллюзии «лучший, талантливейший поэт нашей эпохи», разумеется, стихами: «Или, злобой измусоля сотню строк в бумажный прах, пишут про свои мозоли от зажатья в цензорах. Дескать, в самом лучшем стиле, будто розы на заре, лепестки пораспустили б мы без этих цензорей. А поди сними рогатки, — этаких писцов стада пару анекдотов гадких ткнут — и снова пустота».

А зачем же поощрять «пустоту» и «гадкие анекдоты»?! Возблагодарим спасительную цензуру и пожалеем бедных цензоров — благодетельных ассенизаторов общества.

Конечно, когда сама действительность — «дурной анекдот», — все отступления от нее легко квалифицировать как «анекдот гадкий». Скажем, «Собачье сердце» или «Котлован». Но ведь были и вещи, никак не сопрягающиеся с этим словом, скажем, «Реквием». Но в таких случаях и слова никакие не нужны. Хорошее средство — увесистое, свинцовое безмолвие, когда и та, и другая сторона знает, что знает.

За такую скоморошину,
Откровенно говоря,
Мне свинцовую горошину
Ждать бы от секретаря.

Все мы знали, что есть что сказать неподцензурному писателю, что есть где-то рукописи, которые еще не сгорели, что все время

идет подлинный литературный процесс в отличие от бутафорского.

И все равно, в глубине души не верилось, что создание такого журнала возможно и обещает длительное его существование. Думалось, что выльется это в дерзкую акцию, которую рано или поздно подточат операции КГБ, равнодушие западного общества, невозможность обеспечить бесперебойность этого дела в условиях «фатальной» эмигрантской склоки. Да и просто потому, что так легко перерезать связь с родиной. А без нее журнал — самозаклинание.

Думалось, выйдут 3-5 номеров. И то, конечно, дай Бог! Для нас даже «Литературная Москва» и «Тарусские страницы» до сих пор нечто светлое и памятное, с чем сверяемся. А тут — *совершенно* свободное слово. И уж сколько там Бог попустит, за то и спасибо.

Вот почему мы и говорим, что журнал превзошел ожидания. Девятнадцать номеров серьезного, честного, богатого журнала, который, хотя и нерегулярно, от случая к случаю, урывками, на одну ночь читается и в СССР. Наш «Контик» — так его называют у нас.

* *
*

И вот выдалась радостная возможность разложить перед собой сразу пять последних номеров (15—19). Что же они дают нам, помимо удовлетворенного сознания, что вот журнал есть, слава Богу, держится и, кажется, обещает быть еще полнокровнее.

Совершенно правильно решение журнала не печатать прозу большого объема. Нужно помнить, что основной читатель все-таки на родине. А ему когда перепадет 15-й номер, а когда, спустя полгода, 9-й. Поэтому номер должен быть более или менее законченным и уж по возможности погуще, покалорийнее.

К сожалению, сила журнала не в изящной словесности. Стихи и проза отражают уровень художников, непосредственно связанных с журналом. А вот публицистика, очерки, документальная литература, литература факта отражают состояние многих умов вне его, да и уровень ее значительно выше.

По сути дела, заслуживающей внимания «чистой» прозы в этих пяти номерах почти нет. Только повесть Ф. Горенштейна «Зима 53-го» да рассказ С. Довлатова «Юбилейный мальчик». Рассказ просто очень хорош. Вся остальная проза, если исходить из названия

журнала, «общественно-политическая». Сила ее воздействия часто не в художественности, а в материале, в драматизме авторского борения с ним — кто кого подчинит: автор житейский материал или материал автора.

Здесь бесспорные удачи Владимира Буковского и покойного Гелия Снегирева!

Некоторую горечь вызывает В. Некрасов. При чтении его невольно вспоминается некое произведение Валентина Катаева, где тот, гурманствуя, описывает, как он с женой довольствуются хрустящей булкой с сыром не то камамбер, не то бри, не то рокфор, запивая холодным искристым вином. Катаев добился своего, коммунистического одинокого райка, где и наслаждается хрустящей булкой; В. Некрасов добился своего, капиталистического рая, где наслаждается «божественной итальянской колбасой мортаделло».

А как же читатель, живущий в Торжке, да и во многих областных центрах, где и маргарин-то не всегда бывает, а колбасу видят, когда удается вырваться в Москву или в Киев. Ему-то как быть?!

Право, не совсем понятно, кого Виктор Платонович убеждает, что при капитализме тоже можно жить, и вовсе неплохо. Догматика? Заскорузлого невежду? Агитатора и пропагандиста?! Одни из них и так это знают, а утверждают обратное просто по долгу службы, за свою долю колбаски, другие же просто не читают журнал «Континент», не подозревая о его существовании, впрочем, как и о многих советских журналах тоже. А уж для человека, который дорвался до «Континента» и лихорадочно глотает его, красочные описания сибаритской жизни Виктора Платоновича выглядят несколько нескромно и безжалостно. Право же, мы знаем, что, живя в Париже, можно приобрести любой увраж, поехать в любой Лихтенштейн, повидать любую корриду, отведать любого лангуста. Бог с ним, с лангустом, большинство из нас и не тешит себя мыслью, что когда-нибудь отведает его. Мы как-то привыкли обходиться. Но зато вошли во вкус свободной мысли. Лангуста писатель переслать нам по «воздушным путям» не может. Тогда как мысли может и должен. Пусть и с импрессиями и лирическими отступлениями...

* *
*

Слишком уж большой перепад между поэзией Иосифа Бродского и стихами В. Помазова, Ю. Милославского, Ф. Сереброва,

Г. Сапгира, В. Делоне и Ивана Елагина. Заметно, что стихи эти печатаются не потому, что они так уж хороши, а потому, что авторы по тем или иным своим качествам симпатичны журналу. Но ведь давно известно, что гражданин, отмеченный самой высокой гражданственностью, *может не быть* поэтом.

Пусть Леонид Плющ обладает массой достоинств и известен повсеместно своей борьбой за права человека, но его пародия на Вознесенского беспомощна, и печатать ее — оказывать дурную услугу Л. Плющу и настоящую услугу Вознесенскому. Или это напечатано в виде компенсации за «обиду», в свое время нанесенную автору «Семиугольной фантазии»? Но это уже нельзя назвать литературной политикой.

Весьма условен юмор и невысока поэтическая фактура «юморесок» Нестора Пушлера. Мы бы еще могли понять, если бы эти тощие «пастиши» приводились где-то в соответствующем разделе журнала как образец юмористики, бытующей сейчас на родине, как материал для исследования, который может заинтересовать социолога, психолога, литературоведа. Но подавать это первым планом, как суверенное творчество, отвечающее основным художественным стандартам, — не стоит, на наш взгляд и вкус. Все это не выходит за пределы компанейского «хохмачества», когда на слово жмут до тех пор, пока из него, как из завинченного тюбика, не полезут с боков новые «звучания» и «значения», неважно какие. Берем «Ифигению», слегка подавим и получим «офигение». Где была Ифигения? В Авлиде. А я сделаю — в Главлите. И неожиданно, и вроде бы смешно. Во всяком случае, застолье всегда хохочет. А в чем суть «офигения»? А в том, что эксплуатируется давно используемый прием стыковки разных поэтов, вроде того, что делали Раскин и Слободской за ту же колбаску, приплясывая и похрюкивая:

Да, были люди в наше время,
Когда весенний первый гром и т. д.

А поскольку этот «Юмор» Пушлера еще и «политический», то его почитать, видимо, надо уже юмором высшей пробы. Но хохмачество остается хохмачеством... хоть ты мне его сахаром обсыпь.

* * *

Центр тяжести журнала находится, конечно, там, где представлен диспут, публикация, критика, разговор вокруг факта и документа. Усилия по установлению сотрудничества с литераторами Восточной Европы, очевидно, не оказались напрасными. С неослабным вниманием читаются «Литература как критика банальности» Вацлава Белоградского, «Нация-религия-миссия-ответственность» Польского Анонима, «Литература и диссидентство в Румынии» Моники Ловинеско.

Однако покамест не видно, чтобы сотрудничество с *западными* литераторами дало ощутимые плоды. Кое-что в этом отношении проясняет «Сага о носорогах».

При правомерном обращении главным образом к литературе, издающейся в свободном мире (что дает нашему читателю возможность хотя бы приблизительно быть осведомленным о ней), все-таки следовало бы побольше уделять внимания советской литературе, выбирая для критического разбора конкретные книги конкретных «классиков» соцреализма, не знающих ни суда земного, ни Божия суда.

Отличный пример — разбор книги В. Кувакина о Бердяеве, сделанный Б. Парамоновым. «Фальшивый дуэт» Л. Владимирова (о супругах Васильевых) — уже пожиже.

Неужели редколлегия избрала путь — «не стоит с этим добром связываться, чтоб не пачкаться»?! Если так, неправильно это. По одному разбору на номер вполне достаточно, чтобы «неприкасаемым» было неуютно. Вспомним, как «Новый мир» давал великолепные рецензии на книги махровых мерзавцев и обскурантов. Почему от этого должен отказываться «Континент»? В конце концов слова Пушкина:

А вы, ребята-подлецы, —
Вперед всю вашу сволочь буду
Я мучить казнию стыда!
А если же кого забуду,
Прошу напомнить, господа!
О, сколько лиц бесстыдно-бледных,
О, сколько лбов широко-медных
Готовы от меня принять
Неизгладимую печать!

— продиктованы не одной игрой желчи. В них содержится долг любого честного и независимого литератора. И этот долг в свое

время исполняли Н. Ильина, А. Синявский, Феликс Светов. Очень жаль, что на страницах журнала нет таких критических экзекуций, как выставление к позорному столбу, к примеру, автора «Тли», недавно принятого в Союз писателей СССР. Материала более чем достаточно. Интересно разобрать книги В. Пикуля, на котором сейчас помешана вся «образованщина», бестселлеры Юлиана Семенова и прочую паралитературу, выпускаемую миллионными тиражами. Нельзя оставлять вне поля зрения и такие книги, рассчитанные на «высоколобых», как «Бессонница» А. Крона, более умело фальсифицирующие прошлое путем подмен, создания иной атмосферы, причисления «к лику святых» явных мерзавцев. Все это нужно *высвечивать*.

Эмигрантские «прения живота со смертью» всегда ужасны, и в прошлом, и теперь. И мы с огорчением можем только догадываться о них. Хорошо, что журнал не предоставляет свои страницы для выяснения отношений, которые имеют место где-то «за кадром». Но это, конечно, не означает, что он не должен предпринимать акций, способствующих консолидации. Мы бы сказали больше — не отдельных акций, а постоянные, из номера в номер переходящие настойчивые усилия, направленные на преодоление больших и малых разногласий внутри эмиграции разных поколений и «волн», заслоняющих порой то главное, во имя чего и вы и мы боремся на этом континенте. Это, как нам кажется, нравственный долг большого журнала. За это ему воздастся с лихвой! Поэтому можно только приветствовать, например, публикацию воспоминаний И. Гессена с более чем своевременным предисловием Н. Горбаневской. Конечно, худой мир лучше доброй ссоры. Но при условии полной ясности.

Между тем, редколлегия порой прибегает к загадочным картинкам и шарадам.

Можно, конечно, «Сагу о носорогах» рассматривать как мозаику из вариаций единого типологического феномена, не стараясь вникать и угадывать, «кто есть кто». Но если уши Евтушенко лезут сами собой, то поневоле хочешь «раскусить» и другой образ. А поскольку не имеешь возможности, то чувствуешь себя «дураком с мытой шеей». Окончательно же утверждает тебя в этом «Вместо эпилога». Долго перечитываешь его и ничего не можешь понять. Кто это М. Розанова? Потом начинает что-то брезжить: кажется, это жена А. Синявского? Знакомые подтверждают данный факт. Но и они не могут объяснить, почему она выступает здесь в роли

какого-то арбитра, отсчитывающего очки? И перед кем должен извиниться В. Максимов? Перед нею или перед европейскими интеллектуалами? И почему, собственно, *должен?*.. Когда и каким образом задолжал?

В подзаголовке «Континента» стоит: Литературный, общественно-политический и религиозный журнал. Надо полагать, что каждый из указанных компонентов имеет равное с другими значение.

Следует, однако, заметить, что если первым двум задачам полностью соответствует содержание журнала, то третья остается в тени и, видимо, еще ждет своего воплощения. Во всяком случае, пять последних номеров журнала, среди которых лишь два (15-й и 18-й) имеют раздел «Религия в нашей жизни», подтверждают сказанное. А между тем, процессы, происходящие в России, дают для этого раздела обильный материал. Хотелось бы надеяться, что такой журнал, как «Континент», достойно подготовит своих читателей к приближающейся великой дате — 1000-летию Православия в России. Помоги вам в этом Бог!

Что еще? Журнал должен помнить, что до сих пор существуют в нашей общественной памяти провалы, вызванные десятилетиями войн, переселений, небрежения к культуре, как там, так и тут. По возможности больше заполнять их, давая публикации (хотя бы и в реформированном виде, в извлечениях, с комментариями) изданного в свое время, но оставшегося неизвестным читателю в СССР. Многое прошло мимо представителей Первой эмиграции, оставшись неоцененным, заслоненным злобой дня. Представителям Второй эмиграции часто было не до этого. Но и они оставили свой след в истории культуры. И в самый раз теперь свежим глазом оглядеть, оценить все de visu, а не с чужих слов.

На первых порах прочесть русскую печать по регионам — Берлин, Париж, Прага, Рига, Белград, Харбин. Там должно быть много материала, сохранившего значение, не подвергшегося эррозии времени.

Хорошо бы давать статьи и обзоры, где выстраивались бы ряды, цепочки, сводились бы в системы явления русского Зарубежья.

Хотелось бы видеть раздел «россыпи» — мелких сообщений — где, что, кто — издается — переводится — уехал — приехал — умер — выяснились новые обстоятельства о последних днях сгинувшего

— словом, судьбы людей и книг, изданий и деятелей культуры, все, о чем у нас не упоминается, а у вас быстро забывается. В распоряжении журнала, надо думать, имеются все журналы, газеты, каталоги и анонсы. От выхода одного номера до другого достаточно времени, чтобы подобрать запас этой мини-информации, значение которой иной раз трудно переоценить, так как она приобщает к течению культурной жизни, именно к течению, а не к уже слежавшимся почти геологическим слоям.

И еще. Об анонимах. Насколько нам известно, редколлегия неумолимо стоит за публикацию только тех авторов, кто подписывается своим именем, выступает открыто. Думается, не следовало бы проявлять подобный ригоризм. Имена создаются благодаря произведениям, а не наоборот. А так искусственно сужается круг потенциальных авторов. Видимо, следует проявлять большую гибкость, при должной разборчивости. «Нестор Пушлер» никакой не Козьма Прутков, там нет и тени такого литературного образа. Это тот же псевдоним, только неуклюже обыгранный. А зачем его обыгрывать, если это не имеет отношения к настоящей литературе? Назначение журнала давать именно литературу, пусть даже на первое время произведения эти подписываются чуть ли не кодовыми номерами.

Недостатки журнала вытекают из его основных достоинств.

Из похвального нетерпения скорее делать дело, а не рассуждать о нем, — сколько уж начинаний, «сворачивая в сторону свой ход, теряло имя действия», глохло в российской болтовне.

Из нежелания ждать, когда придет плотным косяком писатель и публицист, покуда еще не испортивший окончательно отношения с михалковыми; когда вырастет поколение, соединяющее в себе черты русского и европейского и притом еще «на уровне мировых стандартов»; когда наконец завершат процесс затянувшейся адаптации те, кто все еще осматривается и не рискует...

«Какая есть, желаю вам другую».

Хорошо, что нашлись именно такие, вполне устраивающие нас. Благодаря им мы имеем журнал, являющийся нашей надеждой и подмогой.

Спасибо, Владимир Емельянович!

Два Псевдонимца:

Москва-Юрмала — *Юрий ИВАНОВ*
Лето 1979 — *Борис ТУРБИН*

Примечание Виктора Некрасова:

Не будучи ни специалистом, ни знатоком гастрономии, никогда не думал, что именно она, гастрономия, может оказаться объектом критики по моему адресу. Впрочем, вру — в свое время крепко песочили меня на редсовете издательства «Советский писатель» за то, что в одном из своих произведений принес благодарность американцам за их помощь во время войны.

А сейчас мне досталось за мортаделло — редчайших качеств итальянскую колбасу, о существовании которой, как и житель Торжка, до приезда своего сюда не имел ни малейшего представления.

Как-то мы с приятельницей, приехавшей погостить из Торжка, сидели в кафе «Дё маго» на бульваре Сен-Жермен. Вспоминали прошлое, Москву, друзей. «Давай, черкнем им по открытке!», спохватился я, размякнув от воспоминаний, и тут же, сбегав в соседний газетный киоск, принес с полдюжины красивых, глянцевых, красочных открыток с изображением этого самого кафе на фоне колокольни Сен-Жермен-де-Прэ, самой старинной церкви Парижа.

Приятельница долго раздумывала над каждой открыткой. «Ну? В чем дело?» Она не то с грустью, не то с тоской посмотрела на меня. «Ну, что мне писать? Что? Что мне хорошо? Что мы, вот, рядом? Что говорить можем, о чем хотим? Что...» Я понял её. «Напиши, что пошел вдруг дождь, а мы сидим на улице и боимся, что открытка размокнет...» Так она, кажется, и написала.

Ну, а напоследок, все же, и я вас огорчу. Поклялся я в последних своих записках не распространяться больше о корриде (см. «Континент», №18), но в тех, которые пишу сейчас, несмотря на то, что они посвящены поездке в Японию, я, грешный, рассказывая о традиционной, очень интересной японской борьбе «суми», не выдержал, и сколько-то там страниц посвятил... Эль-Кордобесу. Знаете ли вы, кто это такой? О! Самый знаменитый, самый почитаемый, самый богатый, самый дерзкий и смелый, нарушитель всех традиций, самый прославленный из всех матадоров мира, который... Но умолкаю. Если вы не интересуетесь корридой, в номере 23-м «Континента» пропустите опус, именуемый «Из дальних странствий возвратясь».

И под занавес ещё три слова. Признаюсь, очень я соскучился, если не по серым макаронам, то по настоящей русской картошке. Во Франции она совсем не вкусная. Куда ей до рязанской или омской. Вспомнишь — слюнки текут... А лангусту, — и закончим на

этом нашу гастрономическую беседу, — последний раз покупал в нашем киевском «Гастрономе», возле Пассажа (женщины, — а они все знают, — говорят, что по 8 руб. килограмм), здесь же ещё не отважился — немыслимо дорогая. И вообще — цены растут...

23. 9. 79

ЗАЯВЛЕНИЕ ЛЬВА ВОЛОХОНСКОГО

Я благодарю всех, принявших участие в моей судьбе, все профсоюзы, выступившие в мою защиту. Я обращаюсь к вам из ленинградской тюрьмы «Кресты» с призывом о дальнейшей поддержке СМОТ. Необходимо предотвратить новые репрессии. Жертвы уже намечены, и об этом было недвусмысленно заявлено на моем суде.

Меня судили за то, что в подписанных мною документах якобы содержится клевета. Еще раз говорю: в них нет ни капли лжи.

На слова о «предолимпийском терроре» в заявлении в защиту В. Сквирского прокурор ответил: «По статье 209 УК сажали, сажаем и сажать будем».

Немыслимо, но факт: свободный гражданин СССР обязан продавать свою рабочую силу, обязан трудиться под угрозой принудительного труда на каторге, справедливо именуемой «трудовой колонией».

Меня судили за распространение книг якобы клеветнического содержания. На суде я признал только распространение книги А. Д. Сахарова «В борьбе за мир» и отрицал все остальное. Суд приговорил меня к двум годам заключения. Немыслимо, но факт: прежде чем дать книгу другу, гражданин СССР, видимо, обязан спросить разрешения у КГБ. Иного выхода нет, ибо нет списка запрещенной литературы.

Виновным я себя не признал и не признаю.

Друзья! Ваши усилия не бессмысленны. Еще несколько лет назад за создание свободных профсоюзов, за открытое утверждение о том, что профсоюзы в СССР вместо функции защиты трудящихся приобрели функции фигового листка аппарата подавления, могли бы посадить в психиатрическую больницу или за колючую проволоку на более солидный срок.

Сомнительный прогресс, и все-таки он есть.

Еще раз благодарю всех.

«Кресты», июнь 1979 *Лев ВОЛОХОНСКИЙ*

Энцо Беттица

ЭТА СТАРАЯ ПРОКАЗА

(По поводу «Носорогов» Максимова)

Наша газета невольно стала одним из виновников полемики, более того — резкого международного спора, в который были вовлечены некоторые крупные представители русской эмиграции на Западе и даже некоторые крупные органы печати, такие, как «Ле Монд» и «Ди Цайт». Главными участниками этого столкновения были, с одной стороны, Владимир Максимов, талантливый писатель-романист и редактор «Континента», являющийся также и нашим сотрудником; а с другой стороны — Андрей Синявский, получивший в прошлом известность под псевдонимом Абрам Терц и тоже близкий к «Джорнале», которая несколько лет назад, по инициативе Густава Герлинга и моей, защитила его от скандальной манипуляции и цензуры, жертвой которой он стал по вине итальянского государственного телевидения. Всего сказанного, я думаю, достаточно, чтобы обеспечить предварительно хотя бы минимум доверия к тому, что я скажу дальше.

Вот в чем суть дела. С 9 февраля по 8 марта на страницах «Иль Джорнале» появились четыре эльзевира под общим заголовком «Портреты Запада», перекликающиеся с «Носорогами» Ионеско, в которых намеками и эзоповским языком Максимов обрисовал серию портретов представителей этих парнокопытных, в основном западноевропейских.

Весь этот горючий материал, получившийся в результате соприкосновения бывшего советского рабочего с некоторыми околокультурными и светскими кругами Запада, все эти картинки, написанные с иконоборческим пылом и в удивительной карикатурной манере, как горячая лава излились со страниц «Иль Джорнале» и крупнейших и старейших органов печати русской эмиграции: парижской «Русской мысли» и нью-йоркского «Нового русского слова». Между тем из Западной Германии, где под масками памфлета обнаружили с ужасом подлинное лицо некоторых для них святых носорогов, начали вести стрельбу по Максимову. Скандал приобретал поистине неожиданно выходящие за все рамки размеры. Можно было подумать, что богохульный редактор «Континента» осквернил какую-то неприкосновенную зоологическую тайну коллективного европейско-

го подсознания. В конце концов спор вызвал даже неожиданный раскол внутри самой эмиграции, первый раскол, ставший достоянием широкой западной публики.

Против бывшего беспризорника Максимова выступил бывший лагерник Синявский. На страницах самой сомнительной западной газеты — «Ле Монд»* — он стал, неизвестно почему, защищать Запад от Максимова, который, впрочем, не нападал на Запад как таковой, а лишь осмеял некие круги Запада, те самые, которые в 1975 году в Италии подвергли идеологической цензуре «слева» телевизионный фильм, в котором Синявского «перекроили» с начала до конца и представили публике как несчастного помешанного, коллекционера икон и охотника за бабочками. Наша газета, руководствуясь принципом полноты и точности информации, опубликовала тоже заявления Синявского, в которых он, стараясь устранить всякие личные мотивы в своей полемике с Максимовым, указывал на более глубокие расхождения, которые, по его мнению, существуют уже сегодня в кругах русских диссидентов. С одной стороны, либеральные демократы и, как их парадоксальным образом определяет Синявский, «славянофильские западники», с другой стороны, авторитаристы, чистые славянофилы, как Максимов и Солженицын.

Мне поистине жаль, что я вынужден выразить свое несогласие с человеком, которого я высоко ценю и которого я при иных обстоятельствах публично защищал. Но мне кажется, что Синявский совершает двойную ошибку.

Мне кажется, что он путает термин «либерал» с термином «радикал» и с такими определениями, как «салонный радикал», «попутчик», «полезный идиот»; не против либералов выступает Максимов, а против этих последних, и здесь попадает прямо в точку. Именно как либерал я чувствую себя полностью согласным с той яростной критикой, которой Максимов подвергает псевдолиберальный снобизм, буржуазный, трусливый, пустой, невежественный и оппортунистический, который у нас часто расцветает под сенью миллиардов и благодаря глупости, смешанной с хитростью. На мой взгляд, Максимов очень точно локализовал ту болевую точку, в которой гнездится самоубийственный микроб старой эндогенной проказы Запада. Той самой проказы, которая побудила Герцена написать уже в 1849 году: «Я вижу неизбежную гибель старой Европы и не испытываю

* Известный американский журналист Джонатан Рэндалл в газете «Вашингтон пост», которую трудно заподозрить в предвзятости, подтверждает это мнение: «Среди крупных западных газет «Монд» — одна из самых недобросовестных».

ни малейшей жалости ко всему тому, что в ней сегодня есть, ни к вершинам ее культуры, ни к ее институтам». Я не думаю, что либерал Герцен хотел осудить либеральную суть Запада, как сегодня ее не осуждают ни Максимов, ни Солженицын. То, что их нетерпимый критический глаз продолжает отмечать, и то, что русские осуждают уже более века, это высокий уровень никотина, который Запад носит в своем теле и который в любой момент может привести к раку. Должны ли мы отделаться нетерпеливым пожиманием плеч от этих строгих докторов, пришедших из холода и испытавших на своей шкуре то зло, которое сегодня угрожает и нам, и которые советуют нам поэтому перестать курить? Или мы должны слушать тех, кто говорит нам, что они не доктора, а могильщики, жаждущие похоронить нас под нашими развалинами?

Вторая и более серьезная ошибка Синявского носит политический характер. Своей отрицательной реакцией на сатиру Максимова он как бы подтверждает тезис западных коммунистов о том, что есть два почти противоположных друг другу направления в русском диссидентстве: одно хорошее, а другое плохое, одно либеральное, а другое антилиберальное, одно — дружественное по отношению к западным прогрессистам, а другое враждебное им.

Мы не можем принять подобное манихейское разделение. Приняв такое разделение, мы получили бы бедное и искаженное представление о природе третьей русской эмиграции и о ее сложном облике, характеризующемся разнообразием и богатством голосов, позиций, оттенков; эта эмиграция, характеризующаяся как посткоммунистическая, демократична по своей сути, даже тогда, когда в ней преобладает религиозное начало. Своеобразное мессианское христианство, типично русское, является творческим началом, ведущим к плюрализму в искусстве и идеях диссидентства. Было бы большим упрощением считать, что из-за одного лишь того, что оно религиозно, оно неизбежно должно повторить снова сегодня все те формы славянофильства и ультранационализма, что и в прошлом. Преемственность не следует смешивать с повторением. Несомненно, за спиной Солженицына, когда он произносит свою «Гарвардскую речь», виднеются великие тени Гоголя, Киреевского, Хомякова, Достоевского, но такова его культура, именно в ней лежат корни его удивительной живучести, именно эти родные соки дали ему силу, чтобы устоять, как дуб, посреди ГУЛага. Требовать от него иной культуры, требовать, чтобы он сегодня иначе жил и высказывался, значило бы требовать, чтобы Солженицын перестал быть Солженицыным и стал бы прирученным евромарксистом, вроде Медведева.

Вермонтский Антиленин, однако, не только гигант литературы и критической русской религиозности. Он, как и Максимов, прежде чем почувствовать себя подлинным сыном России был советским подданным, он прошел через все искушения советского режима и спустился до самого дна, обретя вновь человеческое лицо и развенчав это чудовище. Мы имеем дело вовсе не с Достоевским, мечтавшим универсализировать с помощью мессианского православия всемогущество царского государства. Мы имеем дело с личностью методичной и циклопической в одно и то же время, которая во многом напоминает Ленина и которая постоянно держит в уме одну-единственную жгучую мысль: засвидетельствовать всю глубину того зла, которое Ленин принес России, для того, чтобы воссоздать с основ то, что Ленин разрушил. Целостная свобода русского народа, религиозная, гражданская, этическая и национальная, стоит в центре грандиозного плана по перестройке.

Чистый ли это либерализм или нечистый с точки зрения Запада, нас не интересует, и нас поражает, что это может интересовать Синявского или какого-нибудь другого лукавого диссидента. То, что нас интересует здесь, так это ценность человека и упорного труда, которые без остатка отдаются делу освобождения. То же самое, в ином смысле, можно сказать и о памфлете Максимова. До какой степени он антизападник, до какой степени он неблагодарен, непочтителен, груб — это не тот вопрос, который может задавать себе ум подлинно либеральный, привыкший к постоянной критике. Его могут задавать лишь инквизиторы и политическая полиция. Что касается меня, то я считаю, что сильная моральная пощечина Максимова тоже прежде всего служит освобождению: она бьет не по сути Запада, а по его болезни. Эта серия портретов Запада, с несколькими восточными вкраплениями, сочных, метких, без ретуши, в которой обе мещанские Европы могут отражаться друг в друге, как два ряда разбитых зеркал, есть своеобразное дополнение в гротескном ключе к «Гарвардской речи» Солженицына. Максимов показывает нам во плоти ту скучную фауну, от которой Солженицын ушел навсегда.

И последнее, что можно отметить, это то, что каким бы «антизападником» ни был Максимов по своим идеям, в своей форме он вовсе не кажется таким. Памфлет — это не совсем русский жанр. И поистине удивительно, как это бывший советский рабочий, самоучка, за которым полиция гонялась как за зайцем и который, конечно, не имел времени на поиски редких жемчужин английской литературы, сумел в короткое время понять вывихи европейской души и об-

рисовать их с жестокой проникновенностью, как Босвелл в своих самых неистовых произведениях, в которых он проанатомировал на своем операционном столе не тело, а загнивающий труп великого Руссо.

Немного есть произведений более западных, чем гоголевская «Шинель». Всё гораздо сложнее, чем кажется: Максимов гораздо более «наш», в конечном счете, нежели многие псевдо-наши.

Энцо БЕТТИЦА — сенатор, депутат Европейского парламента, член руководства Итальянской либеральной партии, главный редактор газеты «Иль Джорнале». (Прим. ред.)

СООБЩЕНИЕ ДЛЯ ПЕЧАТИ

29 сентября 1979 г. состоялась встреча группы эмигрантов из СССР, собравшихся в Вашингтоне в связи с проведением 3-й сессии Сахаровских слушаний. Встреча была продолжена в Нью-Йорке 3 октября 1979 г.

В ходе состоявшегося обмена мнениями все участники встречи согласились о следующем.

Принцип индивидуального морального противостояния действиям властей, систематически нарушающих права человека, играл и продолжает играть исключительную роль в развитии и укреплении правозащитного движения в СССР. Исходя из этого принципа многие из участников правозащитного движения относились неодобрительно к идее создания какой-либо широкой организации.

Однако в совершенно ином положении находятся участники правозащитного движения, вынужденные эмигрировать из СССР, и лица, поддерживающие их деятельность. Для них, не находящихся в условиях непосредственного противостояния репрессивной власти, отказ от объединения и координации своей деятельности приводит лишь к распылению усилий, к снижению эффективности их действий. Сейчас, когда правозащитное движение в СССР стало важным фактором во внутреннем положении страны и получило международное признание, когда за пределами СССР находится большое число лиц, активно действующих или желающих действовать в направлении изменения нынешней ситуации с правами человека в СССР, какая-то координация их действий стала назревшей необходимостью. Участники встречи заявили о своей решимости работать в направлении создания объединения, способствующего такой координации.

Пока еще рано говорить о деталях устройства и функционирования намечаемого объединения. Они могут быть выработаны лишь в результате широкого обсуждения заинтересованными лицами. Однако уже сейчас было сочтено бесспорным, что важнейшей целью должно быть создание в СССР ситуации, при которой провозглашенные в Декларации ООН права человека были бы обеспечены в полном объеме без каких-либо ограничений или дискриминационных изъятий.

Участники встречи согласились также, что участие в предполагаемом объединении не должно никоим образом затрагивать обязательств, связанных с участием какого-либо лица в других, не столь широких политических, религиозных, национальных или иных объединениях. Максимальная терпимость и плюрализм должны быть основополагающим принципом создаваемого объединения. Наличие внутри правозащитного движения самых различных идейных группировок и направлений является его важней-

шим историческим достижением и ни в коем случае не должно быть утрачено.

Участники встречи признали необходимым опубликовать настоящее сообщение и вынести на обсуждение вопрос о возможности создания и характере предполагаемого объединения.

Для практического осуществления такого обсуждения и проведения подготовительной работы участники встречи признали необходимым иметь трех координаторов для трех основных регионов:

Для Америки: Людмила Алексеева (Ludmilla Alexeyeva, 293 Benedict Avenue, Terrytown, N. Y., 10591, USA).

Для Европы: Кронид Любарский (Cronid Lubarsky, Wolfratshauser Str. 68/III, 8000 München 70, BRDeutschland).

Для Израиля: Эдуард Кузнецов (Edward Kuznetsov, 88/19, Machanaim Str., Tel-Aviv, Israel).

Координаторы не наделены иными полномочиями, кроме как поддержание деловой связи между лицами, желающими принять участие в совместных действиях, и взаимное согласование подготовительной работы, проводимой в разных регионах.

Все лица, независимо от их гражданства или иного юридического статуса, разделяющие сформулированные выше общие принципы и желающие конструктивно содействовать нашим усилиям, приглашаются принять участие в предварительном обсуждении вопроса и прислать свои соображения по одному из указанных адресов или выступить в печати.

Людмила Алексеева (Территаун, США) · Виктор Балашов (Вашингтон, США) · Борис Вайль (Копенгаген, Дания) · Людмила Вайль (Копенгаген, Дания) · Томас Венцлова (Лос-Анжелес, США) · Арий Вернер (Кёльн, ФРГ) · Александр Гинзбург (Кавендиш, США) · Зинаида Григоренко (Нью-Йорк, США) Петр Григоренко (Нью-Йорк, США) · Александр Есенин-Вольпин (Бостон, США) · Юлия Закс (Джерси-Сити, США) · Дина Каминская (Вашингтон, США) · Марио Корти (Мюнхен, ФРГ) · Эдуард Кузнецов (Тель-Авив, Израиль) · Павел Литвинов (Территаун, США) · Майя Литвинова (Территаун, США) · Юрий Лурьи (Виннипег, Канада) · Кронид Любарский (Мюнхен, ФРГ) · Владимир Максимов (Париж, Франция) · Михайло Михайлов (Нью-Йорк, США) · Юрий Мнюх (Нью-Йорк, США) · Фридрих Незнанский (Нью-Йорк, США) · Эрнст Неизвестный (Нью-Йорк, США) · Мария Олсуфьева (Флоренция, Италия) · Игорь Померанцев (Ланштайн, ФРГ) · Мария Розанова (Париж, Франция) · Наталья Садомская (Нью-Йорк, США) · Галина Салова (Мюнхен, ФРГ) · Айше Сейтмуратова (Нью-Йорк, США) · Аркадий Зайферт (Майнц, ФРГ) · Константин Симис (Вашингтон, США) · Андрей Синявский (Париж, Франция) · Валентин Турчин (Нью-Йорк, США) · Борис Штейн (Джерси-Сити, США) · Лев Юдович (Гармиш-Партенкирхен, ФРГ).

ИЗ ПИСЬМА РЕДАКЦИИ МОСКОВСКОГО СВОБОДНОГО ЖУРНАЛА «ПОИСКИ» В РЕДАКЦИЮ КИТАЙСКОГО НЕЗАВИСИМОГО ЖУРНАЛА «ИСКАНИЯ»

Все редакторы и сотрудники неофициального московского журнала «Поиски» сегодня потрясены невероятным приговором Пекинского суда Вашему главному редактору, достойному Вэй Циншену:

15 лет тюрьмы.

...ни в чем так не нуждаются сегодня народы России и Китая, как в познании самих себя — и в обуздании себя этим знанием. Наш журнал стоит за международный диалог и приветствует требование китайского демократического движения — разрядки между СССР и Китаем. Но для этого, в дополнение к дипломатическому диалогу правительств, нам необходим и народный, демократический диалог — детант изнутри.

...Мужественная деятельность Вэй Циншена в качестве главного редактора неофициального демократического журнала «Искания» вызывает наше восхищение и с моральной, и с профессиональной журналистской точки зрения. Разоблачив систему китайских тюрем, наш коллега Вэй заложил основы для народного расследования тайных средств нагнетания страха в интересах власти. Такой же процесс в нашей стране привел к ослаблению этой инерции страха, установил связь узников совести с большим миром и не дал власти раздавить их бесследно в глухих лагерях и тюрьмах.

...Выступая в защиту демократии против однопартийной системы, Вэй Циншэн указал на коренное зло политической системы, одинаковое у Китая с СССР. Такая система бессильна, когда надо выслушать общество и учесть весь спектр его интересов; она бессильна и вовремя дать отпор возникающим в недрах власти экстремистским группам.

...Мы приветствуем главного редактора Вашего, одноименного и близкого нам духом журнала — Вэй Циншэна, заложника китайской демократии, заложника всемирной разрядки Востока и Запада — и надеемся, что наше приветствие все-таки дойдет к нему поверх тюремных и всех прочих стен. Мы особо предостерегаем Запад от двойного счета в игре на советско-китайских противоречиях — ценой пренебрежения к защите таких людей, как Вэй Циншэн, отстаивающих внутри Китая интересы всего человечества.

16 октября 1979, Москва

Колонка редактора

САХАРОВСКИЕ СЛУШАНЬЯ — 79

Нет, на мой взгляд, в современном мире более универсального авторитета в области защиты Прав Человека, чем лауреат Нобелевской премии Мира академик Андрей Сахаров. Это в очередной раз подтвердили Сахаровские Слушанья в Вашингтоне, где в конце сентября собрались представители самых разных течений демократического Сопротивления нашей страны, чтобы снова свидетельствовать перед всем цивилизованным миром о бесправном положении граждан в условиях тоталитарной системы.

Один за одним перед собравшимися представали люди, с именами которых неразрывно связаны возникновение и деятельность нашего правозащитного движения: Валерий Чалидзе, Людмила Алексеева, Павел Литвинов, Владимир Буковский, Андрей Амальрик, Эдуард Кузнецов, Кронид Любарский, Александр Гинзбург, Александр Есенин-Вольпин, Татьяна Ходорович, Наталья Горбаневская, Петр Григоренко и многие, многие другие.

Главное внимание на Слушаньях было уделено рабочему вопросу, в связи с созданием в СССР первого в его истории Свободного Профсоюза. Свидетельствовавшие по этому поводу бывшие рабочие, инженеры, юристы наглядно и убедительно показали, что, как это ни парадоксально, наиболее обездоленной частью населения в «стране победившего социализма» оказались трудящиеся массы.

Поистине обвинительным актом коммунистической диктатуре прозвучало взволнованное выступление представительницы многострадального народа крымских татар Айше Сейтмуратовой. «Мы никому не дела-

ем зла, — сказала она, — мы никого не убиваем и никому не угрожаем: нас преследуют только за то, что мы хотим жить на своей земле, на земле своих отцов и предков, откуда нас насильно выбросили тридцать пять лет назад». Каким поучительным уроком подлинно духовного Сопротивления насилию может послужить речь этой мужественной женщины для тех, кто сегодня хочет добиться того же с помощью трусливого и бесчеловечного террора! Недаром бурно аплодировавший зал проводил Сейтмуратову стоя.

В заключительный день, посвященный судьбе Хельсинкских групп и наших заключенных, наиболее впечатляюще запомнилось прочитанное Натальей Солженицыной письмо Александра Солженицына в защиту долголетнего узника советских концлагерей Игоря Огурцова.

Очередной форум Слушаний, по моему убеждению, подтвержденному большинством сторонних наблюдателей, явил себя достойным имени великого гуманиста современности — Андрея Сахарова.

ВЕСТНИК РХД № 129

От редакции: Что такое «Движение»? — Н. Струве
• **Судьбы Р.С.Х.Д.: На перепутьи** — прот. А. Шмеман

БОГОСЛОВИЕ, ФИЛОСОФИЯ

Письма духовным детям — Игумен Никон · **Исповедь и священство у преп. Симеона Нового Богослова** — Архиепископ Василий Кривошеин · **Успение Пресвятой Богородицы** — Еп. Александр Семенов-Тян-Шанский · **Вечное во временном** — Л. А. Дмитриев

• **Христианство на Западе: Заметки о «Кармеле»** — Эмиль Симоно
• **Вопросы педагогики: Учение К. Д. Ушинского о воспитании** — В. Я. Василевская

ЛИТЕРАТУРА И ЖИЗНЬ

Из сборника «Земное время». Стихи — Ю. Кублановский · **Кадетские истоки. Из узла «Октябрь Шестнадцатого** — А. Солженицын · **9 писем М. Цветаевой к Льву Шестову** · **Мандельштам в записях дневника С. П. Каблукова** — подготов. и сопроводительный текст А. Морозова · **Революция Блока** — В. Волков · **Памяти В. В. Вейдле** — прот. А. Шмеман

ИСКУССТВО И ЖИЗНЬ

Изображения св. Никиты, бьющего беса — Н. Тетериатникова

СУДЬБЫ РОССИИ

• **Истоки духовного возрождения: Александр Дмитриевич Самарин в воспоминаниях его дочери** — К. Лазарев
• **История и проблемы эмиграции: Из дневника** — о. Сергий Булгаков
• **Русская Церковь сегодня: В свете Преображения.** Еженедельная православная газета — свящ. Дм. Дудко
• **Противостояние насилию:** Из писем священника Василия Романюка · Заявление для прессы Хельсинкской группы о семье А. Гинзбурга · Открытое письмо Русскому Общественному Фонду — А. Абанькин · Заявление Московской Хельсинкской группы о положении Игоря Огурцова · Обращение А. Солженицына к Сахаровским слушаниям в Вашингтоне · Преследование религиозно-философского семинара
• **Памяти ушедших**
• **«Вестник» читают в России:** Читательская конференция в Москве
• **Письма в редакцию: Еще раз о старообрядчестве** — иер. Хризостом · **И вновь о старообрядцах** — А. Солженицын · **По поводу статьи К. С.** — Скворцов · **Ответ доктору Ясиницкому** — И. В.

С заказами обращаться: ACER. 91, rue Olivier-de-Serres
75015 Paris, France
или «Les Editeurs Réunis», 11, rue de la Montagne
Ste-Geneviève, 75005 Paris, France

САХАРОВСКИМ СЛУШАНИЯМ

1979, Вашингтон

Два года назад я просил участников Римских Слушаний уделить усиленное внимание долгосрочникам. Годы идут, идут дальше, и разрушительнее всего — для них.

На краю могилы — ИГОРЬ ОГУРЦОВ, замученный христианский мыслитель; учёный, оборванный на первых шагах; выдающийся сын России, осуждённый несправедливо, бесчеловечно, сидящий 13-й год.

Те, кто были первоклассниками, когда арестовали Игоря Огурцова, — теперь кончают университеты. А Огурцов — сидит.

Почти вся эпоха Брежнева уложилась в это протяжение времени. В Соединённых Штатах три раза произошли президентские выборы и вот готовятся четвёртые. Весь разгар вьетнамской войны уложился в эту длительность. От разгула культурной революции Китай перешёл в кооперацию с Западом. А Огурцов менял только камеру на карцер, тюремное заточение на строгое лагерное, и снова на тюремное.

Вся чехословацкая весна и чехословацкая ледовая зима уложились в эту длительность. Изменились Португалия, Испания. Взошёл, прошумел и закатился еврокоммунизм. Третий центр мирового коммунизма — кубинский — шагнул в Центральную Америку и гуляет по Африке. Возникали новые государства — к свободе или к новым оккупантам, менялись десятки правлений там и здесь. А Огурцов — сидит.

Все главные космические переживания человечества уложились в эти же 13 лет. Взожглись и улеглись, и забыты все тревоги о Дэниэле Эльсберге, об Анджеле Дэвис. А Огурцов — сидит.

Уже 8 лет было его сиденью, когда широковещательно была подписана Хельсинкская декларация, маня Запад виденьем эры свободы на Востоке. И имела время полинять и продырявиться уже и для самых легковерных. А Огурцов — сидит.

В этот период уложилась и вся общественная деятельность Андрея Сахарова, как мы его знаем, и вся моя публичная история от съезда писателей до высылки. Смелая семёрка демонстрантов на Красной площади взята, осуждена, отсидела, освобождена. А Огурцов, не совершивший и малого реального действия, — сидит.

Сколько имён угрожаемых, преследуемых, арестованных в СССР — Синявский, Даниэль, Амальрик, пронеслись над Западом в эти годы, прорезали мировое внимание, вызвали энергичные протесты, к счастью помогшие уже многократно. Мощной общественной кампанией давно освобождён Плющ, севший на 5 лет позже Огурцова. Нашёл мировую поддержку и освобождён Штерн, севший на 8 лет позже Огурцова. Из малой и большой зоны вырваны — Григоренко, Сильва Залмансон, Буковский, Мороз, Винс, Гинзбург и другие. Сколько имён, кого лишали эмиграции или притесняли в Советском Союзе — супруги Пановы, Левич, другие разлучённые супруги или продержанные отказники — в несравнимые сроки получили свободу. А Игорь Огурцов все эти годы, все эти годы — сидит, и лишь недавно его имя стало мелькать изредка.

Есть сроки переносимые, сравнительно с долготой нашей жизни, есть — непереносимые. 13-й год то Владимирской тюрьмы, то строгого режима — это не первые тревоги родственников, что здоровье может пошатнуться: это убийство, уже подходящее к концу. Хладнокровно, долголетне убивают коммунисты своего идейного противника. Ещё 7 с половиной лет срока в разных сочетаниях осталось Огурцову, но они уже не понадобятся: его прикончат раньше. В момент, когда пишется это письмо, он — в новом тюремном захвате, в Чистополе, за лагерный протест — и сколько ещё таких усилений можно изобрести впереди. Происходит безжалостное необратимое разрушение его организма — опали внутренние органы, нарушилось их расположение, меркнут глаза, выпадают зубы. Пусть каждый, кто прочтёт эти строки, примерит к себе эту безвыходную безнадёжную протяжённость.

Я призываю Слушания подать убедительный голос в спасение Игоря Огурцова. Далеко не все на Западе разделяют социал-христианские взгляды, которые привели в тюрьму этого узника, — но тем более, в таких-то случаях и проверяется преданность принципу, универсальность защиты всякого человеческого существа.

Сентябрь 1979

А. Солженицын

СПОРТСМЕНАМ — УЧАСТНИКАМ ОЛИМПИЙСКИХ ИГР

«... Всех игр благородней — Олимпийские игры».

Пиндар

Олимпийские игры — праздник силы, ловкости, выносливости. Но еще эллины — с первых Олимпиад над рекой Алфей — восхищались лишь теми атлетами, чьи телесные совершенства не были в разладе с моралью и интеллектом. Трижды в этом столетии не созывались Олимпийские игры из-за мировых войн, но не менее мрачна та страница истории Олимпиад, на которой начертано «Берлин, 1936 г.». Авторитет и популярность Олимпиад нацисты использовали в пропагандистских целях. Олимпийский факел, впервые после эллинских времен зажженный именно в 36 г., освещал игру мышц, но глаза спортсменов были нечеловечески пусты, они холодно отражали пляску священного огня, осквернённого смердящим духом насилия и зверств, витавшим над третьим Рейхом.

Еще впереди было большинство фашистских преступлений против человечества и человечности, но напрасно устроители XI Олимпийских игр пытались заманить в Берлин Пьера де Кубертена, «отец Олимпиад» был многомудр и принципиален...

Нет ничего, что было бы вне политики, спорт — тоже политика, большой спорт — большая политика. Если бы в 36 г. Олимпийские игры проходили не в Берлине, а в Москве, это историю Олимпиад тоже не украсило бы, поскольку тогдашняя Россия была не менее концлагерна, чем нацистская Германия. Советский деспотизм — наиболее вёрткая, лицемерная форма тоталитаризма. Ныне он вынужден напялить на себя маску относительной либерализации, чтобы завтра, быть может, вновь ощетиниться штыками и лагерными вышками. Но и сегодня все виды

бесправия, замаскированного и цинично откровенного, легализованного и тайного, царят в СССР.

Подобно правительству нацистской Германии, советское правительство надеется, что огонь Олимпиады, приковав к себе взгляды миллионов, ослепит их своим сиянием и не даст разглядеть мрачных сторон советской повседневности.

Хотя нынешняя Россия — не Россия 30-50-х годов, исходящая стонами загнанных за проволоку миллионов, сущность режима осталась неизменной. В силу разного рода конъюнктурных соображений коммунистический режим сейчас не может позволить себе массовых зверств, но более всего он страшится пристального внимания народов мира к его внутренней политике, мощное всемирное движение в защиту человеческих прав и свобод вынуждает советское правительство лавировать, и если мощь этого движения возрастет — быть может, число политзаключенных, томящихся в советских концлагерях, уменьшится, и тем будет потеснено бесправие.

Поэтому мы, советские политзаключенные, обращаемся ко всем спортсменам и любителям спорта не с призывом отказаться от участия в Московской Олимпиаде, но с призывом — помня о кровавой и лицемерной сущности коммунистического режима, превратить стадион в трибуну, с которой да прозвучит мощный голос спортсменов, требующих гуманизации внутренней политики советского правительства, соблюдения им человеческих прав во всем их объеме.

Вашим спортивным успехам да сопутствует высокая слава ревнителей человеческих прав и свобод. Мы, политзаключенные концлагеря «Сосновка», с надеждой смотрим на вас.

15 января 1979 г.

Кузнецов, Гинзбург, Гаяускас, Евграфов, Караванский, Лукьяненко, Мурженко, Осадчий, Ребрик, Романюк, Степанов, Шумук

РУССКИЕ КНИГИ

- КЛАССИКИ
- САМИЗДАТ
- ЛИТЕРАТУРА ЗА РУБЕЖОМ
- РЕДКИЕ ПЕРЕИЗДАНИЯ
- СЛАВИСТИКА

Свыше 1500 титулов на складе.
Требуйте каталоги

Представительство журнала

«КОНТИНЕНТ»

Subscription inquiries
should be addressed to

A. Neimanis · Buchvertrieb

8 München 40 Bauerstr. 28 · Germany

Критика и библиография

КОЛАКОВСКИЙ О МАРКСИЗМЕ

Гегель однажды написал, что философия не творит действительность, но, подобно сове Минервы, взлетает лишь в сумерки и анализирует действительность post factum. Марксизм, несомненно, был задуман как опровержение гегелевского афоризма и относился к себе самому как к предсказанию и инструменту реализации будущего общества. Однако сегодня он уже отошел в прошлое — по крайней мере, как живая мысль, а не как омертвелая идеология, — и это становится почти наглядным, когда прочитываешь три тома недавнего монументального труда Лешека Колаковского. Ибо написанная Колаковским история марксистской доктрины — это, пожалуй, нечто окончательное: она подводит итоги марксизму как целому, подвергает анализу едва ли не все его варианты и показывает, что дальше ему почти что и некуда развиваться. Для будущих историков марксизма книга Колаковского определенно будет фундаментальной reference book, где и рядовой читатель, и специалист найдут всю необходимую им информацию о марксистской философии.

«Главные течения марксизма» — это не политическая история марксизма и не анализ того, что написали марксисты в области экономических или социальных наук. В своей работе Колаковский концентрируется на философском наследии марксизма. Конечно, среди миллионов страниц, посвященных марксизму его критиками и апологетами, есть и другие труды на эту тему. Однако труд Колаковского — своего рода исключение, и не только потому, что Колаковский — выдающийся философ, и мало найдется ученых, равных ему эрудицией. Колаковский, во-первых, — высокого класса популяризатор. Несмотря на большой объем его книги, тема ее так огромна, что очень сложные, нередко занимающие много томов теории приходится излагать на не-

---

Leszek Kołakowski. Głowne nurty marksizmu. Powstanie — rozwoj — rozkład. Inst. Literacki, Paryż. Tom 1 — 1976. Tom 2 — 1977. Tom 3 — 1978.

скольких страницах. И Колаковский сумел изложить их не только ясно, так что даже непосвященным не будет трудно следить за ходом его рассуждений, но и постоянно передавая суть проблемы, так что это вызовет не меньший интерес у специалистов. При необычайном таланте Колаковского вылущивать самое важное, его истолкования всегда «попадают в десятку».

Во-вторых же, собственная история Колаковского дает ему исключительную компетентность для написания истории марксизма. Философская сторона марксизма ускользает от серьезного анализа больше, чем любой другой его аспект. Апологеты и попутчики рассматривают эту тему абсолютно некритически. В свою очередь, противники марксизма, хоть иногда глубоко сведущие в политической истории коммунистического движения, чаще всего считают марксистскую философию теоретическим осмыслением политических интересов, не имеющим собственной ценности. Колаковский, сам в прошлом марксист, как никто другой понимает притягательную силу марксизма, его укорененность в существенных компонентах европейской культуры и, по меньшей мере, не склонен пренебрегать силой его доводов. В то же время Колаковский — один из немногих экс-марксистов, отошедших от доктрины глубинно, глубже, чем многие из раскаявшихся коммунистов с их чисто эмоциональной реакцией. Вследствие этого он сурово критикует марксизм, но никогда не облегчает себе задачу, атакуя карикатуру на марксизм. Разве что самый непрошибаемый марксистский догматик посмеет утверждать, что Колаковский исказил фундаментальные положения марксизма. Разве что человек, лишенный философской ориентации и уважения к строгому мышлению, сможет отрицать существенность рассмотренных Колаковским проблем. И разве что тот, кто неспособен к рациональным оценкам, не оценит критику марксистской доктрины, произведенную Колаковским.

Первый том «Главных течений марксизма» (его заключительная глава была опубликована во 2-м номере «Континента») посвящен возникновению марксистской доктрины, т. е. работам Маркса и Энгельса, а также обзору социалистической мысли их времени. Однако начинает Колаковский гораздо раньше, стараясь вывести марксизм «от Адама и Евы». Возможно, что именно эта предыстория марксизма —

самая слабая часть первого тома. По мнению Колаковского, марксизм идет от мистической традиции европейской мысли, которая, начавшись у Плотина, через средневековых мистиков приходит к немецкому идеализму. Смирение человека с самим собой, стремление к единству с абсолютом и к преодолению случайности человеческой жизни — вот, по Колаковскому, основные идеалы марксизма. Нет сомнения, что подобные мотивы занимают важное место в марксизме и указывают на его интеллектуальную родословную. Тем не менее, эта родословная не исчерпывающа и, главное, не передает «темперамента» марксистской мысли, неустанно подчеркивающей свой мирской, антиутопический и сциентистский характер. Марксизм, конечно, был для многих заменителем религиозной жизни, но у доктрины Маркса было достаточно мирских предшественниц, чтобы не возникала необходимость представить ее как результат обмирщения мистического христианства. Тем более, что такая генеалогия способна сбить с толку. Мысль Маркса скорее вдохновлялась, например, античным идеалом социальной общины, нежели асоциальной средневековой мистикой. Поэтому выводить ее от, скажем, Эриугена или Экхарта кажется менее верным, чем, например, от «Политики» Аристотеля или «Государства» Платона. Сама идея диалектики, пожалуй, в равной степени почерпнута как в теории эманации неоплатоников, так и в аристотелевском динамизме. Но в этих вопросах возможны разные мнения, и сама проблема менее важна, чем данное Колаковским изложение теории Маркса.

Согласно Колаковскому, первостепенная проблема марксизма — это борьба не за удовлетворение материальных потребностей пролетариата, но за его освобождение путем «достижения человеческой полноты и многосторонности жизни». Помеха на пути к освобождению — не столько нужда, сколько отчуждение, вызванное атомизацией капиталистического общества. В этом Колаковский расходится с так называемой «ревизионистской» интерпретацией, согласно которой Маркс в поздних работах отошел от гуманистических идеалов своей молодости. Колаковский показывает, что экономические работы Маркса — естественное развитие его более ранней теории отчуждения и что тоталитарная опасность его доктрины лежит не столько в забвении

гуманистических идеалов, сколько в самóй неизменной марксовой теории человека. Работы так называемого «старого» Маркса всего лишь перелагают гегелевский идеал свободы на язык классической политэкономии.

Второй том «Главных течений марксизма» охватывает период, начинающийся Вторым Интернационалом и заканчивающийся октябрьской революцией и кристаллизацией ленинской доктрины. Самое интересное здесь, и особенно для русского читателя, — конечно, анализ ленинизма. Колаковский не вступает в пустые дискуссии насчет того, в какой степени Ленин был «верен» философии Маркса, но показывает смысл эволюции марксизма в направлении доктрины политической, где собственно философские проблемы становятся второстепенными по сравнению с идеологическими нуждами революции. Колаковский считает Ленина довольно примитивным философом, не обладавшим столь часто приписываемым ему даром предвидения. Но он был гением мобилизации «всей социальной энергии, которая может быть использована для захвата власти». Ленинизм со всей очевидностью вытекает из основных посылок марксизма, и глупо было бы утверждать, что мы имеем дело с каким-то радикальным отходом от идеалов Маркса. Просто, в то время как Маркс был, прежде всего, теоретиком и оставил в своих принципиальных тезисах много двусмысленностей, Ленин заузил и уточнил их смысл, чтобы перевести их на язык социальной действительности России.

Изложив возникновение и развитие марксизма, Колаковский посвятил третий том своего труда анализу его распада в сталинской системе и в современной марксистской философии Запада. Что касается сталинизма, Колаковский показывает как его очевидную марксистско-ленинскую наследственность, так и полное интеллектуальное вырождение. Он демонстрирует абсурдность утверждений, что сталинизмде был попросту искажением марксистской традиции, — скорее это было окончательное окостенение доктрины, которая прошла весь свой путь развития и стала до того бесплодной, что принялась пожирать сама себя. Образ культурного опустошения, произведенного сталинизмом, является нам как соответствие его политическому вырождению.

Распад марксизма на Западе, по мнению Колаковского, не менее очевиден, хотя, к счастью, менее смертоносен. Бле-

стяще разбирая одного за другим Лукача, Корша, Гольдмана, Адорно, Хоркхаймера, Маркузе и Блоха, Колаковский показывает интеллектуальный результат конфронтации марксизма с действительностью западного капитализма и советского коммунизма. Марксисты становятся все более пессимистичными, все более слепыми к сущностным переменам, не вмещающимся в доктрину, а в области культуры — все более консервативными. Из оптимистического учения, считавшего себя воплощением научной точки зрения, марксизм постепенно превращается в теорию обскурантскую и элитарную, содержание которой все темнее и аморфнее.

Но если марксизм кончился таким интеллектуальным упадком, стоит ли относиться к его философии так серьезно, как это делает Колаковский? Не впустую ли положил он силы на три толстых тома своего труда? Нет, нет и нет. Колаковский не производит прямой проекции разлагающихся видов марксизма на марксизм в его возникновении и развитии. Наоборот, он показывает, сколь живой была некогда мысль Маркса и какой существенный элемент нашей культуры она составляла. Но, с другой стороны, в отличие от многих экс-марксистов, Колаковский не считает современный марксизм простым предательством марксистских идеалов. Как всякий выдающийся историк, он показывает старение идеи. Марксизм с самого начала был теорией, обреченной на неудачу, однако он содержал новые идеи, был способен творчески воздействовать на действительность. С бегом времени его творческие силы исчерпывались, и в момент своих величайших политических успехов (во время октябрьской революции) он уже стал теорией, интеллектуально бесплодной. С тех пор он только съезжал по наклонной плоскости исторического распада.

Анджей Рапачинский

СКАЗКА О ЗАКОЛДОВАННОМ АППАРАТЧИКЕ

Если вдуматься, удивляет одна любопытная деталь: невзирая на огромное количество анекдотов о Ленине — и не только теперешних, но и созданных еще при его жизни, — о Сталине, наоборот, анекдотов мало. Чем это объясняется? Скорее всего, Хозяин настолько фантасмагоричен, что такой уютный жанр, как анекдот и частушка, с ним просто не сладили бы. Сталина смехом не убьешь. Это же вечно живой призрак, живее всех живых. Тень Сосо реальнее мумии Ильича, выставленной напоказ в гробнице, похожей на ацтекскую.

Эта тень шурует по ночам, смущая покой «аппаратчиков». Что за слово — «аппаратчик»? Нет этого слова ни в одном языке, даже в русском; оно есть только в советском языке. «Аппаратчик» — чиновник, принадлежащий к близкому олигархии государственному *аппарату,* относящийся к «сливкам бесклассового общества». В бумажном мире всегда есть место нереальному, это знали Гофман, Гоголь и Сухово-Кобылин. И поскольку из кляксы может вылететь молния; и поскольку опечатка может сгубить трепетную жизнь карьериста; а также, если целое государство можно создать одним росчерком пера, а революция умещается на анкетном бланке, — все это доказывает, что чиновный мир был, есть и будет под влиянием магии.

В небольшой по объему книге Владимира Кормера, награжденной премией именем Даля, уместилось слишком много разных стилистических, философских и поэтических слоев. Это произведение можно назвать «философско-социальной сатирой». Но этим не исчерпывается узор ее мозаики. Здесь, словно среди трещин стены, проступают лица — одно, другое, пятое... Чьи это лица?..

Чем отличается *очень* хорошая книга? Во-первых, хочется ее перечитать. Во-вторых, ее с удовольствием читаешь вслух знакомым.

Все эти качества есть у книги «Крот истории». Начиная с первых строк, нет, даже с эпиграфов (из Маркса и Гоголя), автор, словно цементом, схватывает внимание читателя и уж не дает ему отвлечься.

В. Кормер. Крот истории, или Революция в республике S = F. ИМКА-Пресс, Париж, 1979.

Действие происходит на жутковатой даче Сталина, той самой, «за семью заборами, за семью запорами». Дачу эту не назовешь «бывшей» сталинской. Умереть-то он умер, но «дело его живет». И тело, практически, также: «отец родной» в сказке В. Кормера все так же руководит людьми, бродит по саду и является тем, кто ему по душе. До этой стадии — невесомой, словно струйка дыма, Сталин дошел путем многих трансформаций. Бог соцреалистов. Полнокровный, сосущий кровь миллионами литров паук, сперва в докладе Хрущева, затем в мемуарах политзаключенных. Восточный владыка у Солженицына. Бытовой тиран — у Максимова. И вот постепенно эта фигура становится шутейной, и нынче он все чаще и чаще из гроба, «очнувшись, является вдруг». Чем ближе к этому порогу, тем прозрачнее становится фигура, тем условнее контур.

Любой образ, повторенный тысячи раз, становится каноническим — даже образ дьявола. Итак, здесь, перед нами, набросок «отца родного», зыбкий, как струйка дыма. Призрак.

Много цитат запрятано в этой книге. Одни более или менее в слое, близком к поверхности, другие поглубже. Вот, скажем: «Призрак бродит по Европе...». И если говорить о внешнем сюжете, это повесть об экспорте революции, оптом и в розницу, торговым домом «СССР и К°». И еще здесь речь идет о невидимом правительстве. Ведь на земле власть век от века все более теряет свои отличительные внешние атрибуты. Был раньше король, в мантии, короне и со скипетром. А теперь правители ходят в обычных серых костюмах, их и не отличишь от простого смертного. И недалек, быть может, миг, когда вообще преступлением будет узнать, кто твой истинный глава государства. Идеальный правитель есть призрак. Призрак бродит по госдаче — призрак коммунизма...

Невидимые правители республики «S = F» (напрашивается расшифровка «социализм равен фашизму»), люди с таинственным званием «референт», «аппаратчик», ютятся среди номенклатурных подмосковных лип или в каких-то кабинетах, из которых нельзя вылезти покурить в коридор, чтобы не сгубить карьеру, которая вся из тончайших колебаний неких магнитных или иных силовых полей. Они слушают — не ушами, усиками, спинным мозгом, сквозь стены. Они

совершают магические пассы и заклинания. И это «мертвые души», они мертвее призрака, того, что живее всех живых. И в них есть что-то трагическое — как в Гамлете, к которому взывает «отец родной». Тут в книге блестящая сцена, фарс-гиньоль, пародирующий шекспировскую сцену появления призрака перед Гамлетом и стражниками: Гамлет, принц советский, с ним кремлевские стражи делятся впечатлениями: «...Разрешите доложить... Минувшей ночью, когда звезда, что западней Полярней, пришла светить в той области небес, где и сейчас сияет, я с Шерстневым, лишь било час... О-о-о!... Е.. твою мать!... Гляди, вот он опять!!! Осанкой — ну, вылитый наш... гм... покойный!» ...Чем не «Гамлет»? Пришлось даже выверять по Шекспиру, не точное ли это повторенье шекспировского ямба вперемежку с обычными словами, — и притом все это в пересказе татарина-пьянчуги, сошедшего с ума специалиста по Великобритании. Ему с той самой ночи стал являться призрак. И вот мечется, мается ответственный работник по ночам, а за окном Полярная звезда, хотя бы окна и на юг смотрели, и серый человек с сухой рукою...

Рассказчик в повести — человек, «сошедший с круга» — или с ума? Некий современный Поприщин. Словно игрок, вслепую играющий в шахматы, он делает революцию в далекой латиноамериканской республике «S = F», не выходя из комнаты госдачи. Итак, душа его под солнцем Юга, под пальмами, а тело его под Москвой. Раздвоение личности налицо. Никак не пробиться ему в «свою» страну, где уж готовят ему президентское кресло... или престол?.. И вот, не имея возможности добраться на пароходе, на самолете, он *роет*. Роет землю носом. Так ведь говорят о карьеристах? Но вспомним название книги: «Крот истории». И эпиграф: «Ты хорошо роешь, старый крот!» Карьерист из кабинета вершит судьбами целого народа, неведомого ему самому. Так для чего все это? Чтобы кучка референтов делала себе карьеру и пробивалась в видимые деятели? Но это против правил. Или это просто безумие, потому что никому не нужна ни эта республика, ни ее революция? Но в этом безумии логика есть. Это логика преступления. Преступление, по словам героя книги, — это «переступление», переход за предел. «Преступление — это свобода». Стало быть, свобода — преступникам! И вот вывод: преступление и безумие

— «осознанная необходимость». А поскольку между социализмом и фашизмом стоит знак равенства, поскольку в определенном пункте тоталитаризм упирается в тупик недосказанности о престолонаследии, то пора плавно переходить к абсолютизму. Но откровенно об этом при жизни не может сказать правитель. Только его тень может взывать к сынам...

Революционеры — «Бесы». Их деяния в чистой и откровенной форме оказываются шабашем и свистопляской. В мокром лесу у дымного костра в обнимку с сухоруким призраком разглагольствует Крот Истории, окруженный бесами — гостями госдачи. «Он здесь Хозяин, это ясно!»

«'Замыслы твои были гениальны! — кричит Крот. — Система твоя была близка к совершенству. А если что не удалось на практике — то виной тому л ю д и... (...) Совершенной Системе люди не нужны вовсе! Они ей мешают работать! Полное единодушие бывает только на кладбище!!!' (...) И сейчас же где-то рядом неистово прокричал петух!»

Это уже Гоголь.

Как в любом порядочном романе, здесь есть героиня. Эта героиня — История. Ох, и любят же ее! Просто-таки пылают к ней тайным пороком. Все герои пылают. Интерлингатор — китайская тень коминтерновца; Паутов (почти Пауков) — из кулацкой элиты в рядах партии: он ей сулит барщину и крестьянские лапти. И мертвые грезят о ней. «Клиофилия! Вроде некрофилии... Да-да, никакая это не любовь, это порок...» Овладеть Историей, для себя лично, через это пролезть на свободу — словно таракан в щелочку, совсем сплющиться...

Кончается вся история тем, что, прямо не выходя с заколдованной дачи, рассказчик повести становится испанским королем. Назначает самого себя. А эпиграф, второй эпиграф повести «Крот Истории», звучит так: «А вы знаете, что в Испании объявился новый король? Этот король — Я».

В заключение можно сказать, что книга — самобытный, ни на что не похожий гибрид из прекрасно узнаваемых составляющих. Автор — человек не только талантливый, но и умный. И можно надеяться, что каждый, кто ее прочтет, извлечет для себя оттуда нечто столь же интересное, сколь и поучительное.

Кира Сапгир

Стихами этими хорошо полоскать воспаленный зев — зев буквального горла и раззявленной души. Как, оглохнув от немолчного грохота отбойных молотков на мостовых и на газетных полосах, мы полощем уши музыкой.

Говоря это, я не имею в виду, что стихи Бобышева «напевны» или «богато инструментованы». Музыка их разом и строже, и сложнее — как и подобает одному из «ахматовских сирот», выученику акмеистической традиции. «*Научи меня, речь, быть и противобыть*» — и это она, речь, с ее просторечьем и велеречивостью, с ее столкновением фразовой интонации и задаваемой стихом мелодии, с ее пластами бросающихся в глаза и незримых значений, «учит», ведет поэта, дарит ему контрапункт просимого бытия и противобытия, течения и противотока, никогда не оборачивающихся бытием и небытием, течением и стоячей водой. «*До чего же она неказистая, дверь в котельню и та же стена*» — «*но так жарко, так, Господи, истово и сиротски так освещена...*». И вспоминаешь: «Когда б вы знали, из какого сора...» — не как формальное сопоставление, а как мимолетно брошенный, но уловленный завет.

«Сор» низких реалий (особенно во многих стихах разделов, которые и называются-то соответственно: «Виды», «Пятна»), «сор» смешливой, куплетной интонации («Свидание», «Как бы молоды мы ни были...», «В груди гудит развал...», часть глав из «Вещественной комедии»), «сор» острых плотских ощущений (например, в наирелигиознейших, наихристианнейших «Стигматах») — из такого сора вырастает желтый и живой одуванчик. (Заметим, что одуванчик, с его видимой нестойкостью, как ничто другое, способен дать нам представление о «быть и противобыть» — в нем, желтом, уже заложена контртема, будущий седой, разлетающийся на тысячу новых «быть». Но это к слову.)

Бобышевский контрапункт иногда откровенен, открыт первому взгляду. «Новые диалоги доктора Фауста» — как и явствует из заглавия, диалоги. Вот только неясно, который из диалогистов — доктор Фауст. И, лишь дочитав, мы спохватываемся, что напрасно восприняли заглавие как недокон-

---

Димитрий Бобышев. Зияния. ИМКА-Пресс, Париж, 1979.

ченное («диалоги доктора Фауста и...», «диалоги доктора Фауста с...») и, в общем-то, подставляли под эти многоточия несомненного Мефистофеля. А это были просто «диалоги» доктора Фауста, который не столько вел речи и противоречил, сколько «был» и «противобыл»:

Что разглядишь ты о такой поре?
Что разгляжу — во тьме увижу тьму,
а там — непостижимое уму.
Но это — двор, и тут вокруг дома.
Расставив руки, кажется, дотронусь
до двух противостен...
О, там, где тьма,
укромность превращается в огромность,
и больше нету ни домов, ни стен.
А что же есть?
А есть густая тень,
та самая, что гнезда вьет везде,
где почернее мрак, и мы в гнезде
качаемся с тобой...

Вроде бы мы не совершим подобную ошибку со следующей поэмой — «Небесное в земном». Здесь всё с самого начала ясно: есть «Тема» и «Вариация темы», есть Автор, Герой и героиня («уходящая»), есть «Чужое (значит, не Автора) сновидение». Но довольно скоро мы начинаем сбиваться с толку: сначала «Монолог спящего» явственно интонируется на два голоса, затем появляется так уже и обозначенный «Монолог то ли Автора, то ли Героя», наконец, оба голоса сливаются в дуэте, где не различишь, кто какую партию исполняет:

Есть полый свет воспоминаний
и темный свет благих страданий,
и светлый свет счастливых лет,
и жизни, жизни полный свет.

Двинь сердце, словно маятник толкни, —
все беды я благословлю за это.
Как ночи — так я выворочу дни
изнанкой света.

А с твоего лица-соблазна
два пепелища слезных, глаза
в меня глядят, дают мне — нет,
лишь утешенье, не совет.
И утешенье, и совет —
тот, Дантов, свет.

Слияние голосов снимает саму загадку неразберихи Автора и Героя, и поэма переламывается посередине, переходя от бытия бытовых персонажей в противобытие: через полубытовую, полубытийную перекличку Верхней Тишины и Нижней Тишины, звездного окна за сбившейся занавеской и шумов водопровода, счетчика, лифта, мы перекинуты к истинным, космическим мизансценам и действующим лицам. Но опять-таки — едва мы собрались укорениться в звездном мире, как наступает развязка (по законам гегелевской, что ли, триады состоящая из собственно «Развязки», «Финала» и «Эпилога»), и мы снова отброшены на почву вполне рационалистическую — рассуждений поэта об умолкающей поэме. Рассуждений-то рассуждений, а разъяснений мы получаем немного: бесследно исчез герой *(«Приснился он или со мною слился, но я один. Его здесь больше нет»)*, нет и автора, о котором полувнезапно заговаривается в третьем лице, мало надежды и на читателя... *«Итак, во тьме сердечного обвала один лишь есть — Внематель Тишины, к нему мое молчание взывало!»* И тут мы осознаём то, что на протяжении всей поэмы лишь подспудно чувствовали: вся она — звучащее, вызывающее молчание, вызов молчания слову: вырази меня! И вызов мучительный: вырази, не то умру недовоплотившимся, растворившимся в шумах и говоре...

Так-то вот вся «очевидная откровенность» использования заимствованной из музыки конструкции оказывается очевидностью оркестра, расположившегося некогда играть перед графом Эстергази: мог ли ожидать меценат, что в завершение симфонии — сочинения как-никак ансамблевого — он останется в полутьме, с двумя умолкающими скрипачами, с двумя угасающими свечками?.. И новой нашей ошибкой было бы поверить в эту финальную двухсотлетней давности очевидность и за удаляющейся в сумрак дирижерской спиной усмотреть лишь требование охраны труда музыкантов.

Взаимопронизывающая многослойность поэтики Бобышева обещает нам насладить все пятые и шестые чувства, но и от нас требует проникнуться ею, проницательно вникнуть в нее. Вглядеться: «*По черному, вгоняя землю в дрожь, зимы прошелся белый грифель, зимы промчался черно-белый вихрь, замахиваясь на меня, как нож разбойничий*». Вслушаться: «*Когда гортань — алтарной частью храма, тогда слова Святым Дарам сродни...*». Призадуматься: «*... пускай еще понежится рассказ, пока твердеет соль мировоззренья*». Испугаться: «*Впустую сорок ватт горят в густую ночь, в пустое утро; на воронце в порожний ряд пустая выстроилась утварь. Гниет венец, всему конец, стропила угрожают хлеву, на пашню наступает лес, крапивой к небу стрекает сорная земля...*» И пасть в темную бездну плоти, тут же вместе с нею взлетая чуть не до небес: «*Беспомощно забился в череп разум, и — тишина из-под тяжелых плит. Глаза прикрыты, но павлиньим глазом прикосновенья вспыхивают разом — под каждым пальцем радуга горит. Кровь зрячая сбивается с орбит, спеша на этот праздник протоплазм*».

Приведя эту последнюю цитату — из заключительного раздела «Вещественной комедии», нельзя не вспомнить о том, что Бобышев возрождает здесь редкий жанр натурфилософской поэмы. «*... В Петербурге жил поэт, что накликал столько бед! Слыша музыку событий, он, однако, был любитель в такт притопнуть ей. Но здесь надобен скорее тесть нашего поэта — химик и лабораторный схимник, чей холодный лобный свод догадался, как кроссворд, на одном листке-буклете всё расположить на свете. Всю материальность он пооктавно ввел в канон. Подготовил он творенье к одухотворенью в пенье и занес для жизни впредь в нотный стан всю твердь, всю смерть, — мол, сыграть теперь сумейте на вселенском инструменте!*» Для вселенского инструмента создает свою партитуру Димитрий Бобышев, химик и поэт с Петроградской стороны. Он заставляет ожить «всю твердь, всю смерть» — мертвые минералы. Заговорив «о природе вещей», он делает нас соучастниками Пигмалиона — «*мастер плавил, мастер мял сам себя сквозь матерьял*», и Орфея, что пел «*листьям, скалам... чтобы адресом и целью стало все творенье в целом*», и, наконец, Творящего всех, Творца творцов... Натурфилософия, вся

основанная на глине, на плоти, на матерьяльности, приводит не к логическому, казалось бы, материализму, но к религиозному озарению. Не удивительно, что вслед за «Вещественной комедией» Бобышев пишет «Из глубины», «Медитации», «Стигматы».

Свойственные многим из прежних его стихов религиозные умонастроения перерастают к 70-м годам в миросозерцание и становятся, наконец, — в трех названных циклах — темой, стержнем и поэтикой. Поэт-верующий обращается в религиозного поэта — быть может, единственного в современной русской поэзии.

Да, на былых зияньях, прежде
сиявших, я поставил зет.

Но этот решительный перечерк лишь возносит на иной уровень прежнее «быть и противобыть», лишь — одаряя надеждой — налагает новый груз и новую напряженность, не заштопывает зияний, но открывает в них бездонность, опрокинутую в небеса.

Н. Горбаневская

С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ПРАВЯЩИХ

«Теперь я не уверен, что реформу — если бы весной и летом 1968 года все шло так, как я себе представлял, — действительно можно было провести. Может быть, и в этом случае произошла бы советская интервенция. А значит все-таки лучше, что существовали «Две тысячи слов». Ибо если не рассматривать этот документ с точки зрения политической тактики, то за ним следует признать большую позитивную роль: в нем говорилось, что и не принимая во внимание интересы политической власти, граждане могут действовать, как свободные люди. Как акт протеста против деспотизма «Две тысячи слов», и по содержанию и по форме, были как бы провозвестником будущего. Через десять лет после этого

Zdeněk Mlynář. Mráz přichází z Kremlu. Index, Köln, 1978.

призыва Вацулика в Праге появился другой документ, в чем-то сходный с первым: Хартия-77. И под ним опять стоит подпись Людвика Вацулика, а также кое-кого из тех, кто когда-то подписал «Две тысячи слов». Но на этот раз там есть и моя подпись, а также подписи кое-кого из тех, кто некогда на заседании ЦК принимал против «Двух тысяч слов» официальное партийное постановление: Фр. Кригеля, Б. Шимона, В. Славика».

...Значит все-таки лучше, говорит Зденек Млынарж, один из ведущих деятелей Пражской весны, автор книги «Ледяное дыхание Кремля», которого журналисты летом 1968 года уверенно причисляли к «центристам» (в отличие от консерваторов и прогрессистов). Почему? «Меня всегда злило раньше, да и теперь злит, насколько плохо понимают чехи политику как искусство возможного, и именно в тех ситуациях, когда, вполне вероятно, очень многое можно улучшить, но нельзя многолетнее свинство в один миг превратить в земной рай. Меня злило и злит, сколько умных, честных и готовых на жертвы людей... стремится к неосуществимым утопиям до тех пор, пока не пропадает возможность улучшить то, что реально можно улучшить. И, только сев в лужу, они начинают перебирать осколки надежды и с сожалением размышляют — а не могло ли все быть иначе, если бы...»

Неосуществимые утопии, по мысли автора, были уделом журналистов и прочих интеллигентов, существовавшая в то время свобода печати раздражала Москву, а это ставило под угрозу позитивные замыслы коммунистов-реформаторов в руководстве КПЧ, то есть проведение принятой весной 1968 года программы партии, очень умеренной программы демократизации, в которой, с политической точки зрения, главным было сохранение «руководящей роли» той самой партии, которая создала режим тоталитарной диктатуры. Так почему же все-таки лучше, что существовал — и был опубликован — документ под названием «Две тысячи слов»; почему лучше, что люди торопили и торопили события, бурно выражая свои надежды и стремясь устранить из политики — обман?

Потому что иначе, думает теперь З. Млынарж, «у народа даже не осталось бы воспоминания о времени, когда невозможное казалось осуществимым».

Млынарж написал книгу, которая позволяет не в общей форме, а в частностях увидеть, кто стоял у власти и как представляли себе возрождение те, кто в большей или меньшей степени руководил страной. Первое и ошеломляющее впечатление — в руководстве и в аппарате очень немного было людей, хорошо понимавших даже программу собственной партии, еще меньше тех, кто ради ее выполнения был готов хотя бы на минимальные личные жертвы. Чтобы объяснить расстановку сил в 1968 году, Млынарж начинает издалека; с целью показать, кто такие высшие партийные функционеры, он рассказывает собственную историю и дает четкие, много открывающие характеристики тех, с кем ему довелось работать: Дубчек, Смрковский, Кригель, Павел, Черник, Свобода, Биляк, Индра, Гусак и многие другие.

З. Млынарж вступил в компартию в 1946 году, пятнадцатилетним учеником гимназии. Он говорит об этом как о следствии черно-белых представлений о мире, которые были созданы военным детством. Правые и виноватые. Врага надо уничтожать. Третьего не дано. Кроме того, коммунистическая идеология дает человеку, который не знает ничего или очень мало и не имеет собственного политического опыта, ощущение, что ему известны законы истории; поверив в эту идеологию, он получает право судить, что прогрессивно, а что нет, что научно, а что ненаучно, что «в интересах рабочего класса», а что этим интересам противоречит. Отсюда — эйфория комсомольских субботников, упоение собственным бескорыстием, ну и чувство превосходства по отношению к прочим. Конечно, эти комсомольцы сами еще не проводили политических процессов, но занимались репрессиями другого рода — разными чистками и проверками, которые испортили жизнь и не дали возможности учиться многим их сверстникам. «И мы считали естественным, нравственным и справедливым, что именно нас политическая власть, власть нарождающейся тоталитарной диктатуры, поддерживает и выдвигает... Нет ничего удивительного поэтому, что «неверующим» наша вера не казалась бескорыстной».

Итак, первое предупреждение, скверное начало дома, еще ничему не научило. Потом были пять лет обучения праву в Московском университете, опыт советской теории и практики. Поразило не столько множество негативных фак-

тов, сколько отсутствие позитивных: в частности, не было «нового советского человека». И искренний фанатизм «пражских товарищей» соседям по общежитию казался смешным, хотя об этом, конечно, не говорили. Ничего не изменила и та эпидемия доносительства, которая разгорелась среди самих чешских студентов, так что пришлось приехать из Праги Запотоцкому, чтобы охладить их пыл. «Долго я потом не верил, что Запотоцкий, который сыграл столь благотворную роль в моей личной судьбе (доносы квалифицировал как недоразумение. — Н. А.), мог... согласиться с казнью своих многолетних товарищей и сотрудников, не будучи убежден в неопровержимости доказательств их вины». Однако если основы идеологической веры еще и не были поколеблены, то выстраивался опыт некоторых частностей, которые не могли пройти мимо сознания. Сыграло роль и изменение общей атмосферы в Москве после смерти Сталина. Доклад же Хрущева «поразил прежде всего конкретными сведеньями о преступлениях советского аппарата госбезопасности, о пытках и вынужденных признаниях... до тех пор я не мог вообразить себе ничего подобного. И это прямо касалось Чехословакии: ибо недавние политические процессы в глазах каждого мыслящего человека получили такое освещение, в котором мы, убежденные сталинисты, до сих пор их не видели». Тут вставал вопрос личной ответственности: если партия не хочет брать на себя преступлений Сталина, то, значит, и я должен отвечать за свои поступки сам. А это, считает Млынарж, может оказаться важнее общей критики системы.

Возвращение в Прагу (1955 год) было таким же шоком, как пять лет назад — приезд в Москву. В Праге только что установлен грандиозный памятник Сталину. В 1954 году был приведен в исполнение последний из серии судебных убийств смертный приговор. Мог ли осознать «личную ответственность», например, Новотный, купивший на партийной распродаже постельное белье казненного Клементиса? А хрущевский курс проводить все-таки было надо, требовалось условиями интернационального единства. Однако на это (то есть на последовательную реабилитацию) Новотный решился только к 1963 году, когда сумел создать такой состав Политбюро, который не свалил бы его самого. Но тут в 1964 году сняли Хрущева...

Лично для З. Млынаржа результатом дискуссии, которая проходила после XX съезда, оказалось отстранение от должности в прокуратуре с формулировкой, которая звучит парадоксом: «допускал механическое перенесение советского опыта», то есть пытался на практике применить свое новое понимание личной ответственности.

Это произошло за несколько недель до венгерских событий, которые к чувству личной ответственности добавили чувство коллективной вины: «Один из моих товарищей... исключенный из партии уже осенью 1956 года за слишком радикальную критику сталинизма, тогда раздумывал: «Мне-то что делать, когда начнут вешать коммунистов? Сказать, что уже не коммунист? Так им это безразлично — был месяц назад. А мой сосед по дому — падаль сталинская. Не хочу я с ним висеть на одном дереве! Придется так: Ладно, ребята, ладно. Только, пожалуйста, через дерево от этого типа!» И по прошествии многих лет я думаю, что здесь точно сформулировано, какое значение имела в 1956 году внутрипартийная дифференциация первоначально единых сталинистов для очень многих людей, которые никогда сталинистами не были. То, что для нас было недавним открытием, для них было — трагедией их жизни».

Собственно, с этого момента и началась эволюция Млынаржа как политического деятеля. Не останавливаясь на ее этапах, позицию, которую Млынарж занимал в 60-е годы, можно кратко определить так: политическое, идеологическое, моральное и экономическое состояние общества требует реформ. Ответственность за это состояние лежит на правящей партии. Но возможности безболезненно заменить ее другими в настоящий момент нет. Значит, саму эту партию надо превратить в организм, который сможет конструктивно изменить существующую систему управления. Разумеется, этот процесс настолько глубоко затрагивает интересы общества (то есть грань терпения так давно перейдена), что практически реформа грозит устранить контроль коммунистов. Следовательно, она должна проводиться осторожно и постепенно. Вопрос же о существовании иных партий может быть решен тогда, когда на практике уже будут действовать демократические усовершенствования, введенные коммунистами. Млынарж замечает, что если кому-нибудь такая программа кажется слишком долговременной, то надо

вспомнить, что уже прошло больше десяти лет с тех пор, как она была выдвинута на повестку дня. И то, что творится теперь в Чехословакии, много хуже.

Чтобы что-то сделать внутри этой партии, надо достичь ее высших сфер, а это значит — постоянно идти на компромиссы с обычной человеческой моралью. «Для себя, — пишет Млынарж, — я разрешил это противоречие тем, что установил твердые границы, за которые нельзя выходить во имя политических расчетов. Такими границами для меня были, с одной стороны, действия антиправовые, преступные, а с другой — действия, отрицательные политические последствия которых перевешивали бы то, что я сам для себя определил как положительную политическую цель своей работы». В связи с этим Млынарж в 1966 году, после запрещения некоторых печатных органов и кампании против слишком радикально настроенных общественных деятелей, отказался от публичных выступлений идеологического характера и от некоторых из занимаемых им постов, целиком уйдя в теоретическую работу. А в 1968 году, после оккупации Чехословакии, — от всех занимаемых им постов (то есть члена Президиума и секретаря ЦК).

Ясно, что конец реформе положила советская оккупация, и предотвратить ее, по нынешнему мнению Млынаржа, могло, пожалуй, только одно: если бы с самого начала была предложена не реформа, а «нормализация», которая теперь и происходит.

После оккупации, при обмене партийных документов (чистка), примерно треть членов партии не получила новых билетов. Но «партия» осталась у власти. Млынарж рассказывает о последнем заседании ЦК, на котором он был: «Оно началось 16 января, в день, когда в Праге сжег себя Ян Палах. Когда весть об этом дошла до Града... слово попросила известный врач Елена Рашкова. Она сказала, что ей стыдно слушать то, что здесь говорится, — кажется, что Ян Палах тоже их слышал, и это побудило его к отчаянному протесту. Ее прервали грубыми выкриками... Я думал о том, что тут, пожалуй, скоро опять начнут сажать, а может быть, и убивать друг друга. Когда это случится, то и Кремль, наверное, признает, что положение в КПЧ опять вполне нормализовалось... Почему я ждал от них, что именно

период Пражской весны будет их окончательной и действительно искренней политической позицией?»

Н. Артамонова

«ЖИВАЯ ВОДА» СТАЛИНИЗМА

Почему из множества вышедших за последнее время книг на сталинскую тему выделяешь именно эту? Потому что она не о сталинизме как явлении, с которым покончено, которое погребли вместе с отчетами XX и XXII съездов, а о наклонности к сталинизму (которую автор называет сталинством) как индивидуальному, но обязательно внутригрупповому состоянию духа. Взятый в одиночку, «сталинист» выглядит как человек, у которого личная духовность подменена классовым сознанием или, что проще, успокаивающим чувством семейной принадлежности, где вас любят за самый факт этой принадлежности и, заботясь о спасении вашей души (классового сознания), освобождают от необходимости мыслить самому по себе.

Франсуа Жорж, молодой французский философ, автор книги «Последние почести товарищу Сталину», говорит не столько о себе, сколько от себя, без точек над «и» и, пожалуй, вообще без точки. Серебряный век французского сталинизма остался для Ф. Жоржа воспоминанием детства, и не просто его собственного, но того неизбежного детства, в которое впадаешь, принимая желаемое за действительное. «А поскольку желание — уже само по себе осуществление, то почему бы существующему не стать отображением желания?»

Коммунисты Франции (автор намеренно подчеркивает национальный и личный характер своего восприятия истории как составной части настоящего) жили в отгороженном словесным занавесом, но вполне реальном, ими же созданном мире: «Куда бы мы ни пошли, всюду нам встречались наши, «из хорошего лагеря», всюду нас обволакивала одна и та же теплота, внутри которой произносились на разные

François George. Pour un ultime hommage au camarade Staline. Julliard, Paris, 1979.

голоса одни и те же речи, что делало их похожими на кантату». «Изучение сталинизма (не отдельного факта, но феномена — *Н. Д.*) должно бы привести к изучению безумия и святости. Когда безумных — множество, безумство вполне обосновано и даже единственно разумно». И, кстати, «можно ли отличить действительность от сна, когда всем снится одно и то же?» Все становятся как один. Марксизм же как идеология основан на восприятии множества как единого целого. Класс, в марксистском толковании, обладает теми моральными качествами, которые обычно являются достоянием отдельных личностей или, в крайнем случае, прототипов (Иванушка-дурачок, Кащей Бессмертный, Змей Горыныч, Василиса Прекрасная становятся в свете марксизма рабочими и крестьянами, кулаками и буржуями, интеллигенцией). В таком двухцветном мире жить просто, а поскольку его нет, то его надо вообразить и жить, как будто он есть, т. е. спрятаться внутри непроницаемой для других утопии. В этом отношении нет идеологии последовательней марксистской, с ее «богатырской» партией, замкнутой на самой себе: «Быть внутри ее значило чувствовать себя сильным, защищенным, в тепле, накормленным и с крышей над головой — ни дать, ни взять, материнское чрево». И как же страшно и холодно, когда приходится вылезать в пугающую неизвестность действительности, когда чрево лопается, когда из него гонят!

Прошлое обладает страшной способностью повторения до тех пор, пока не поняты и не искоренены причины, позволившие ему быть. Поэтому самым главным остается понять, отчего и как человек соглашается на роль винтика (взаимозаменяемого) в не им придуманной машине. Франсуа Жорж в поисках ответа не прочь прибегнуть к помощи психоанализа: «Я могу любить ближнего как самого себя, только если он на меня похож... Коллективная формация — это галерея зеркал, феерия, созданная умелым расположением зеркал вокруг того пламени, что зовется идеалом». Одинокому человеку не просто холодно, он еще к тому же не уверен в себе. Поскольку окружающий мир воспринимается каждым по-своему, трудно определить реальную, объективную ценность своего восприятия (надо ли — это другой вопрос). Создается впечатление, что объективность внутри истории не может быть личной, из-за отсутствия критериев

проверки. Критерием качества становится количество. Тогда можно истолковывать факты в соответствии с тем, что́ та или иная формация принимает за объективность. Так, для французской компартии «счастливая жизнь в стране Советов» была (и остается) объективностью, позволившей «разоблачить гитлеро-троцкистов и клеветников, играющих на руку мировому капиталу», типа... Давида Руссе.

Будучи человеком с большим чувством юмора, Франсуа Жорж цитирует французскую коммунистическую прессу эпохи расцвета сталинизма. Когда перечитываешь высказывания типа «Никто лучше Сталина не понимал ценность человеческой жизни» (и это — после Артура Кестлера, Давида Руссе, Кравченко, Чилиги, Марголина и многих-многих других) или «Жизнь любого советского человека кажется сказкой гражданам капиталистических стран», то невольно устрашаешься человеческой способности не видеть того, чего не хочется видеть. Сталинизм был сном наяву — какие сны готовит нам будущее?

Будущее — и настоящее — это сумма прошлых. Поэтому Франсуа Жорж не ограничивается анализом сталинизма и сталинства, ибо если первый — частный случай марксизма, то второе — частный случай, последствие человеческой тяги к утопии. И именно в ней он видит источник сегодняшнего и залог будущего тоталитаризма. Ибо «утопия тоталитарна». Выраженная Бабефом, но многим присущая вера в «правление, которое уничтожит преграды, стены, замки́, процессы, убийства, трибуналы и виселицы» и «создаст счастье для всех, чтобы не было больше зависти между людьми», нашла свое теоретическое «научное» воплощение в марксизме, обосновавшем возможность создания «общества, превращенного в положительное существо, с полным совпадением личности и ценности». Опять-таки мечта о лучшем мире, где добрый правитель (например, ставший царем Иванушка-дурачок), уничтожив зло (в сказках обычно народ изгоняет плохого царя), будет заботиться о всеобщем благе и довольствии, — мечта эта стара как мир. Можно подумать, что человек создает зло, чтобы иметь возможность его исправить. Постепенное исправление мира путем реформ принято называть прогрессом. Но XIX век, отказав человеку в праве на индивидуальную способность вершить зло, обнаружил новый источник оного: «порочную социаль-

ную организацию общества». Создав на бумаге пока еще невинное общество-государство, Кабе и Фурье предоставили Марксу возможность утвердить его научно, заменив наивную веру в мецената (правителя, способного отречься от власти в пользу народа) историческим детерминизмом.

Утопия, а за ней марксисты предлагают создание общества, основанного на коллективной власти и коллективном владении и распределении благ — иначе говоря, на равенстве собственности. Но такое общество подразумевает одинаковость желаний и потребностей отдельных личностей, которые, таким образом, перестают ими быть. Утопия оставляет человеку единственное право — быть частью коллективной формации. Но «коллективная формация характеризуется в первую очередь союзом сильной власти хозяина и равенством тех, кто с энтузиазмом терпит эту власть. Один неравный для всех, все равные для одного»... Коммунизм, новый претендент на роль рая на земле, является такой же утопией, поскольку опирается на тот же принцип уничтожения средств к существованию различий. «В обществе без дверей и замков взлом становится нетерпимым. В раю, в мире реализованного абсолюта,.. нет места для оппозиции. Таким образом, утопия в своем желании изгнать грех приводит к возврату виновности, малейший проступок превращается в незамолимое преступление». «Для коммунистов, — приводит Ф. Жорж слова Фрейда, — сам человек хорош, его испортила частная собственность... Попытка установления в России коммунистической власти опирается психологически на преследования буржуазии. Стоило бы обеспокоиться вопросом, чем же займутся Советы, когда все буржуа будут уничтожены...». Ставшее нашим прошлым будущее дало исчерпывающий ответ на тревогу Фрейда.

Утопия тоталитарна еще и потому, что отказывается от постепенного исправления мира. Ей нужно всё — или ничего. Утопия, утверждает Ф. Жорж, — это регресс, требующий для своего осуществления первичного хаоса. Поэтому ей нужна Революция, единственно способная вернуть мир к началу начал, «забить щель, проделанную временем в субъективном сознании человека». Утопия отдается человеку, не ведающему о грехе обладания, более того, она создает идеал человека и хочет человека в идеале, от которого требует безоглядной веры в идеальное воплощение идеала вла-

сти. Уничтожая различия (в раю их не существует, ведь там «нет ни стен, ни замкóв, ни классов, ни секса, ни до, ни после»), утопия требует равенства в подчинении... самой себе. Впрочем, не будем забывать, что утопия — плод человеческий.

Итак, что же такое сталинизм? «Реализованная мечта», говорит Ф. Жорж. Мечта об идеале над нами, о Боге на земле, о том, «кто знает, как надо» (по формулировке А. Галича). Мечта о государстве, разросшемся почти до слияния с территориальными границами «я». Мечта о тождестве с существующим идеалом. Узники веры в «реализованную мечту», коммунисты уже не могут отказаться от СССР и Маркса, «иначе не будет им прощения за убитого Бога».

Но «во всеобщем закате как властей так и истин, можно отыскать не только повод к огорчению, но и утешение, ибо вдруг обнаруживается, что нет такого царствования, которое не кончилось бы в прахе воспоминаний, в летней дорожной пыли...» Даже если заплаченная за это цена была невыносимо высокой.

Н. Дюжева

«НЕ СИЛА ПРЕЖНЯЯ В СОБЛАЗНЕ»

Перед нами книга, в которой рассказано не столько о покинутой автором России, сколько о внутренней эволюции автора, предшествовавшей его разлуке с Россией, об этапах постижения им российской действительности, о поисках своего места в ней и об отказе искать в ней для себя место, об отказе покупать его той ценой, которую за нее требуют вершители ее судеб.

Россиянин поколения Виктора Перельмана, автора книги «Покинутая Россия», с младенчества сталкивается с одной-единственной монолитной идеологией, с одной-единственной агрессивной, властной и всеобъемлющей моделью действительности. Никакого свободного выбора, даже из очень узкого набора идеологий, ему обстоятельства не предостав-

---

В. Перельман. Покинутая Россия. Изд. «Время и мы». Кн. 1. Иллюзии. 1976. Кн. 2. Крушение. 1977.

ляют. Более того: любая попытка усомниться в безупречности господствующей системы понятий рассматривается идеологическим конвоем, сопутствующим советскому человеку с ясель до смерти, как попытка к бегству и пресекается безоговорочно. Попробуй в таких условиях вырваться из шагающей в ногу колонны, окинуть взглядом дорогу и выбрать собственную тропинку! И если сумел окинуть, то как не придать первенствующего значения в своей биографии работе мысли, позволившей это сделать?

Когда мемуаристы поколения Н. Я. Мандельштам сурово и горько упрекают поколение Виктора Перельмана в монолитности (в 1930-х — 1940-х годах) его пионерского и комсомольского миропонимания, эти мемуаристы совершают логическую ошибку: они забывают, с каким богатым духовным и социальным опытом вошли в эти страшные годы они сами и в какой стерильно советской идеологической атмосфере росли родившиеся в 1920-х годах (и тем не менее эту стерильность в лучшей части своей преодолели и восстановили преемственность российского социального опыта).

Книга Виктора Перельмана написана им еще в России, без особой надежды на публикацию, и представляет собой не итог, а процесс — процесс осмысления пережитого, воспроизведение шаг за шагом собственного пути — от полнейшей «советскости» миропонимания до почти физического чувства удушья в зоне господства этого миропонимания. По всей вероятности, за годы своего пребывания вне России автор оставил за своей спиной многие из представлений и суждений книги (по частным вопросам и в области философских истолкований частных вопросов). Человек мыслящий, сумевший преодолеть тотально навязываемое миропонимание, железно предписанную социальную этику, не может остановиться в постижении жизни, а тот поток информации разного рода, который захлестывает нас за границами СССР, не может не корректировать (в какой-то степени) наших прежних взглядов. Но в книге ничего исправлять нельзя: исправленная, она исказит своего героя. Она станет анахроничной по отношению к его истинной внутренней биографии. Для человека, пишущего свою духовную биографию, труднее всего не переселить себя нынешнего в себя вчерашнего. Не хочется казаться наивным и ограниченным; не хочется совершать непоправимые ошибки и дурные по-

ступки; видя себя с высоты сегодняшнего опыта, хочется отыскать для вчерашних промахов оправдательные мотивировки. Виктор Перельман мужественно и естественно избежал этих соблазнов. Когда он не может не анализировать с позиций нынешнего зрелого опыта себя и свои юношеские, да и более поздние, заблуждения или не красящие его в собственных глазах шаги, он откровенно раздваивается и говорит с читателем от имени себя сегодняшнего (исследуя вместе с ним себя вчерашнего). Рассказ его чужд ретроспективной цензуры, и путь от стандартного советского патриотизма, подкрепленного естественным юношеским честолюбием и оттененного неизбежными нотками карьеризма и страха перед могучей машиной насилия, к отказу так жить убедителен и (при всей своей индивидуальности) универсален. Универсален именно в силу неуклонного перечисления автором всех его попыток приспособиться ко все более неприемлемой для него внутренне обстановке. Универсален еще и потому, что сначала автор преисполнен готовности приспосабливаться, более того: сначала ему и приспосабливаться не надо, ибо он искренне мыслит и чувствует в той системе отсчета, которую ему навязали. Но могучая сила, которой он еще предан и хочет служить, не принимает его служения. В конце же книги, обретя возможность служить этой силе, он уже сам от этой службы не может не отказаться бесповоротно.

Сначала столкновение возникает не по личному, а по групповому, от самого лирического героя книги нисколько не зависящему, им внутренне даже не ощущаемому признаку: он еврей и уже в детстве (сначала — в поведении окружающих, а затем и в отношении к нему и его товарищам все той же могучей силы) сталкивается с противоестественным, казалось бы, для интернационалистского государства расизмом. Антисемитизм — это разновидность расизма, а не национализма именно потому, что он рассматривает некую человеческую общность или категорию (в данном случае — евреев) только в *целом* и отказывается видеть в ней сообщество *индивидуумов*, требующих каждый *личностного* к себе отношения. Именно поэтому он так задевает личность и так для нее оскорбителен. Каждый из нас наиболее живо отзывается на то, что затрагивает лично его, и вполне естественно, что именно с личного потрясения начинается при-

сматривание к чему-то и исследование его. На каком-то этапе жизни героя (автора) книги в его душе звучит возмущенный, обиженный голос: «Ладно, буржуазные националисты, космополиты, Израиль и т. д. и т. п. — они плохие, но причем тут я, советский человек и советский патриот?!» Иными словами, не приемля расизма, молодой герой книги еще приемлет *классизм* — вполне идентичное по своей сути и по своим принципам расизму коммунистическое, марксистское отношение к социальным классам, группам и категориям, бесповоротно делящее их на «чистые» и «нечистые», на имеющие право существовать и на не имеющие его, на полноценные и неполноценные. Но ни автору книги, ни его читателям не удается остановиться на чисто национальной основе конфликта между героем и вершителями судеб советского общества, хотя герой и пытается сосредоточиться именно на ней.

Герой книги — юрист и журналист. Он становится работником официальной прессы. Его столкновение с этим сакраментальным вопросом неизбежно; оно предстает достаточно обнаженным и однозначным для того, чтобы от него нельзя было скрыться с помощью какой-то фразеологии. Автор знакомит нас с целой галереей реальных людей, которые в своем служении кормящей, выдвигающей (или терпящей) их силе способны на все. Показывает и таких, для которых вопрос о границе приспособляемости возник достаточно рано и был решен неприемлемо для давящей силы. Для него тоже настал момент, когда, среди полного, казалось бы, благополучия, с трудом достигнутого, он понял, что больше переступать через границу внутреннего неприятия происходящего — неприятия господствующих норм социального поведения и социальных критериев — он не может. Полнота и критический интерес к себе самому, с которыми автор рассматривает себя, свое прошлое и настоящее, придают его самоисследованию документальную достоверность, причем характер конфликтов, предопределяющих эту эволюцию, делает историю одной жизни личной интерпретацией истории поколения, родившегося в конце двадцатых.

Останавливает на себе внимание беспощадное воспроизведение «кухни» и «кадров» «Литературной газеты». Это не сатира, ибо в картине отсутствует гиперболическое за-

острение определенных черт и деталей, характерное для сатиры. Это репортаж — работа проницательного журналиста, озабоченного точностью, полнотой и, опять же, экономичностью очерка. Но ситуация и характеры снова (как в случаях с «грозным мэтром» Вышинским, с бессмертной Ивочкой Перельцвайг, с «кающимся большевиком» и пр.) вырастают до степени зловещего обобщения. Глядя на них, начинаешь (несмотря на публицистическую будничность изложения) испытывать ужас перед тем сплавом цинизма и лицемерия, которым предопределено содержание лучшей из советских газет. Причем эти цинизм и лицемерие воплощены в фигурах живых и документально убедительных. Еще не написанная история советской прессы найдет в страницах книги Виктора Перельмана, посвященных «Литературной газете», ценнейший для себя материал.

История человеческой жизни и история осмысления человеком этой своей жизни, представленные Виктором Перельманом на суд читателя, интересны и поучительны как для аборигена мира, о котором он пишет, так и для западного наблюдателя, для которого, несмотря на всё возрастающий поток свидетельств, постижение коммунистической «терра инкогнита» продолжает оставаться одной из труднейших психологических задач современности.

Дора Штурман

Коротко о книгах

А. АВТОРХАНОВ

СИЛА И БЕССИЛИЕ БРЕЖНЕВА

«Посев», Франкфурт-на-Майне, 1979

Новая книга Авторханова, как и его предшествующие книги, — образец точного и непредвзятого политического анализа. Эти политические этюды, хотя часть из них написана ранее (как отдельные статьи), представляют собой единую и цельную книгу, в которой рассматривается с самых разных точек зрения то феноменальное состояние, в котором находится Советский Союз уже в течение 15 лет. Именно *находится,* ибо в отличие от ленинского, сталинского и хрущевского периодов, нынешний тем и отличается, что по сути дела в СССР ничего не происходит. Если и происходит что-то, то все это — не в СССР: в Европе, в странах третьего мира — где угодно, безусловно руками СССР, но не в самом СССР, ибо если «тот не ошибается, кто не делает ничего», то для того, чтобы не совершить ту самую ошибку, которую совершает сапер (как известно, раз в жизни), надо, очевидно, ничего не делать.

Когда вы в зыбучих песках — не брыкайтесь, а то песок быстрее засосет вас. А так, не шевелясь, может, еще и протянете... Вот такое впечатление и производит картина, нарисованная Авторхановым в его политических этюдах. Брежневское руководство не шевелится — в этом его сила. Но в этом же и его бессилие.

И новая конституция, в которой (впервые!) партократия как тип правления официально узаконена, и национальная политика, которая по сути не меняется с ленинских времен, меняя только детали видимой формы, и курс на «мировую революцию», который, меняя тактику, остается все равно глобальной целью КПСС, — все это показывает, что вынужденный застой не означает изменения и что кардинальные перемены в стране невозможны, ибо любое резкое движение может привести к потере равновесия — а тогда все покатится, как домино...

Вот, к примеру, одно из замечаний исследователя на тему межнациональных отношений внутри СССР: «Курс на русификацию малых народов одинаково враждебный не только нерусским народам, но и самому русскому народу, который хотят превратить в некий этнический гибрид, чтобы лишить русских их исторической русскости и историко-культурной идентичности. Это и есть курс на дерусификацию самих русских».

Поэтому именно национальное самосознание как русского народа, так и других народов советской идеологической империи должно, видимо, стать той основной движущей силой, которая разрушит безликий интернационально (а точнее, как пишет Авторханов, *над*национально) тоталитарный строй.

Ученый разбивает ту примитивную, но весьма распространенную в западных советологических кругах концепцию, согласно которой «в основе внешней политики Кремля лежит не глобальная идеология коммунизма, а обычный для всех великих держав традиционный фактор — фактор национально-государственных интересов». Между тем, концепция такая весьма удобна для многих западных политиков, ибо позволяет получать сиюминутные выгоды «детанта», сваливая все беды на то, что «русские всегда были...» — далее идет перечисление всех последствий коммунизма, как идеологии и практики, и все это приписывается нашему национальному характеру. Выгодна такая псевдоисторическая подтасовка и еврокоммунистам, которые получают возможность утверждать, что *их* коммунизм будет иным, «цивилизованным». Выгодна она и тем, кто пытается подремонтировать коммунизм с леволиберальных позиций и для этого искажает историю России, подпевая еврокоммунистам, хотя, родившись в СССР и прожив там немало лет, эти люди должны бы понять, что понятие русский и советский нельзя смешивать даже случайно, а уж намеренно — это попытки ремонта прогнившей системы. По всем этим идеям и по их носителям ударяет книга Авторханова.

И еще, среди многих важных и интересных фактов и концепций, хочется отметить то, что знают почти все, но чему, к сожалению, не придают должного значения — это прослеженная Авторхановым в деталях роль Суслова в КПСС. А в силу этой теневой, но весьма значительной роли, послед-

ний период советской истории вполне можно было бы именовать не брежневским, а сусловским. В этом, в частности, тоже один из признаков силы Брежнева, как и его бессилия.

НЕПОДЦЕНЗУРНАЯ РУССКАЯ ЧАСТУШКА

Предисловие проф. В. РАСКИНА
Подготовка текста, введение и примечания В. КАБРОНСКОГО

Russica Publ., Нью-Йорк, 1978

Не нашедшие себе места в советских сборниках фольклора, соседствуют в этой маленькой книжке частушки «с картинками» (так определяются в фольклористике частушки с матом или просто непристойные) и политические. Иногда соседствуют, часто же в четырех строчках соединяют то и другое. Советский пуританизм предпочитает не замечать некоторых вещей, в число которых входят как гениталии, так и насмешка над властью. В результате на вопрос: отчего родятся дети? — лучший ответ: от любви к социалистическому отечеству. И в фольклорном сборнике, изданном в СССР, дивно-абсурдистская частушка «целовались бы еще, да болит влагалищо» меняет последнюю строчку на «...да он ушел в училищо», а «милашку» или «миленка» на учителя, что впрочем, тоже как-то мало соответствует социалистической морали (учитель — учи! а не целуйся). Тут, конечно, не только цензура фольклористов, но еще и самоцензура исполнителей перед записывающим «городским», и просто перепробование всяких вариантов построения, рифмовки, сюжета, столь характерное для сжатого частушечного жанра. В этом подборе вариантов мат и эротика отнюдь не являются самоцелью, и «училищо» имеет такое же право стать завершающей остро́той. Но — не исключить другие варианты.

По существу, нью-йоркское издание должно бы читаться параллельно существующим сборникам частушек (конечно, с исключением из последних заведомых фальсификаций) — так же, как любое неподцензурное творчество следует воспринимать внутри целой культуры (опять-таки с применением того же правила отсеивания зерна от плевела, а может быть, и с учетом влияния контекста плевела на зер-

но). А пока — человек, склонный к научному восприятию всякого явления, с пользой (и с наслаждением) прочтет предисловие проф. Виктора Раскина «Семантика непристойной частушки», а после этого одолеет и частушки. А простой читатель с наслаждением (и с пользой) повеселится над частушками, а после этого заинтересуется и одолеет предисловие. Парадоксально, но меньше всего достанется любителю похабщины как таковой: недаром проф. Раскин называет эти частушки «озорным, но, в сущности, довольно целомудренным... материалом».

ПАУЛЬ ГОМА

ЛЮДЕТРЯСЕНИЕ

Paul GOMA. Le tremblement des hommes. Seuil, Paris, 1979

«Я не историк, не социолог, не политик... Я писатель. Животное, которое рассказывает о том, что знает», — так говорит Пауль Гома. «Людетрясение» — не роман, это репортаж, хроника, но не только о борьбе с полицейской властью, а еще и о борьбе человека с самим собой, за самого себя, за право называться «гомо сапиенс». Днем и ночью простые люди стучали в бухарестскую квартиру писателя, осажденную тайной полицией, — с информацией, со словами поддержки, с подписью под требованиями прав человека. В Румынии практически не существует искушения «социализма с человеческим лицом» — во всяком случае, «коммунизма с человеческим лицом». «Независимый» коммунизм Чаушеску только лишний раз подтвердил несовместимость коммунизма и демократии. «Коммунизм, — пишет Гома, — не только «не», он еще и «анти»: антилиберальный, антидемократический, антилюбой».

Книга поделена на две части — как бы в согласии с физическим законом о равенстве действия и противодействия. Первая часть, «Зима», — о действии. О действиях Пауля Гомы и его первых сподвижников. О начале репрессий. О землетрясении, потрясшем не только почву страны, но и умы людей. Нейтральные интеллигенты, честные люди на

распутье, те, кто решил примкнуть к движению, — все персонажи книги самим течением жизни так или иначе соотносятся с процессом борьбы против режима несвободы. И тут же рядом мы видим хулиганов, провокаторов, пытающихся взять писателя приступом, подвохом, запугиванием. На войне, как на войне. И интеллигент, кабинетный человек превращается в борца. Ему приходится стать проницательнее «Секуритате» (румынское КГБ), сильнее наемных бандитов. Но и в самые опасные и тяжелые моменты Гома — прежде всего писатель. Поэтому все, кто прошел мимо него, остались на страницах его книги. И это живые лица. С юмором и нежностью он рассказывает о простых людях: своих соседях, старом рабочем, часовщике, студентке... А сцены, где описываются схватки с полицией в квартире, напоминают по динамике хороший детективный бестселлер.

Вторая часть повествования — о «противодействии». О тюрьме. Писателя наконец схватили. Читая о пребывании автора за решеткой, невольно вспоминаешь Орвелла. «С того момента, как ты здесь, ты виновен!» — гласит ответ тюремщиков тем, кого они хотят не просто наказать, но именно сломать. Побоями, оскорблениями, скотским отношением. И тут перед читателем тянется черная цепь персонажей. Это агенты тайной политической полиции — «Граната», «Блейзер», министр. Но их противник — прежде всего, писатель. «Я напишу об этом!» — кричит он в ответ на мучения. Он отказывается купить свободу предательством. Ведь только внутренняя свобода и чистая совесть нужны человеку. Рассказ о тюрьме фантасмагоричен. Основной мучитель по прозвищу «Граната» — олицетворение всего дьявольски-бесстыдного, всего цинизма, которым пронизан тоталитарный государственный аппарат. Превратив на допросе жертву в кровавый фарш, он невинно ему же говорит: «В наших тюрьмах не бьют». Ему ничего не стоит — и это самое ужасное для заключенного — вынуть и уничтожить любой документ из дела. Он как бы воплощенное попрание прав человека. Но жертва сильнее палача. У жертвы хватает мужества сохранить чувство юмора. А чувство юмора — то, что отличает человека от нечеловека.

В мае П. Гома выходит на свободу. Кончается весна. Но не кончается для писателя и его сподвижников борьба.

Новое время года потребует следующей хроники, и — кто знает? — может быть, и новых летописцев. Ибо эта история не первая, но, увы, и не последняя в странах с социалистическим режимом.

АНДРЕЙ АМАЛЬРИК

СССР И ЗАПАД В ОДНОЙ ЛОДКЕ

Overseas Publ., London, 1978

«На разные лады я высказывал все время несколько простых идей...» — говорится в авторском предисловии. Эти простые идеи можно определить, прежде всего, как связь двух важнейших понятий, выступающих сейчас на мировой арене: разрядки и прав человека. Советский Союз успешно ставит перед Западом ложную альтернативу: разрядка ИЛИ права человека, — под которой сознательно плохо прикрытое: разрядка по-кремлевски И никаких прав человека, и никаких даже разговоров о правах человека, при первой же попытке таких разговоров их объявляют вмешательством во внутренние дела СССР. И западные правительства все чаще и чаще принимают навязанную им из Москвы позицию — пример тому хотя бы их отступление на Белградской конференции. Потому-то и приходится «на разные лады» повторять простые идеи в надежде, что так или иначе, если не прямо до государственных мужей, то до общественного мнения, их контролирующего, эти идеи дойдут.

У этой книги печальное название. СССР, действительно, ухитрился посадить Запад в одну лодку с собой, притом на весла, а сам держит руль. И все было бы хорошо, если б «не считать» собаки диссидентства, которая неуместным лаем, воем и даже укусами пытается предостеречь гребца от пучины, в которую правит лодка.

Две работы, включенные в книгу Амальрика: «Просуществует ли Советский Союз до 1984 года?» (с новым предисловием, написанным уже на Западе) и «Идеологии в советском обществе», а также очерк «Нежеланное путешествие в Калугу» — написаны еще в СССР, между 1969 и 1976 гг., и

хорошо известны читателям сам- и тамиздата. Собранные же в книге статьи и выступления, как раз и посвященные нескольким «простым идеям», представляют собой как бы отчет перед оставшимися на родине, перед теми, кому посвящена книга: «Юрию Федоровичу Орлову и всем моим товарищам в тюрьме, лагере и ссылке».

Амальрик отмечает, что ряд выступлений он в книгу не включил, поскольку в них было бы слишком много повторений. Повторения эти естественны — об этом знает всякий оказавшийся на Западе и продолжающий действовать участник правозащитного движения: слишком часто сталкиваешься тут с непониманием, а то и с прямым противодействием всякого рода. В этом смысле характерна статья «Американская пресса и советские диссиденты» — ответ на выступление Питера Осноса, многолетнего корреспондента «Вашингтон Пост» в Москве. Г-н Оснос решил просветить американскую публику, «вводимую в заблуждение», и объяснить, что известность диссидентам создали западные средства массовой информации и что западные корреспонденты в Москве под влиянием контактов с диссидентами рисуют искаженную картину советской действительности. Ответ Амальрика был напечатан в том же «Коламбиа джорнализм ревью», что и статья Питера Осноса, и четкая, спокойная аргументация полностью разрушает сенсационные, но шаткие заявления американского журналиста. Вот только вопрос: что сильнее повлияет на американского читателя (преимущественно профессионального журналиста): правда и логика или же сенсационность под флагом «демистификации» диссидентства? Тем более, что целый ряд самых разных кругов, так или иначе заинтересованных в «разрядке по-кремлевски», всеми средствами жаждет этой «демистификации», желая заглушить голос тех, кто познавал советскую действительность на лагерных нарах (и, следовательно, является «обиженным меньшинством»), а не в пресс-центре МИДа, выслушивая инструкции «выразителей чаяний советского народа». Можно, кстати, пожалеть, что Андрей Амальрик не переиздал в составе нового сборника свою старую статью об иностранных корреспондентах в Москве.

В книге впервые напечатан полный текст написанного еще в Москве заявления «Есть ли политзаключенные в СССР?» — это ответ на пресловутое интервью министра юстиции

СССР Сухарева журналу «Новое время». Заметим, что, в то время как интервью Сухарева широко цитировалось и даже перепечатывалось западной прессой, ответ Амальрика, опять-таки четкий и аргументированный, был напечатан лишь в отрывках и только в трех странах (по-английски не был напечатан вовсе — ни в Англии, ни в Америке). Еще один — из многих — примеров пресловутого «детантизма». Все-таки Сухарев — официальное лицо, государственный деятель, не то что какой-то там диссидент, историк без высшего образования и писатель без членского билета Союза писателей.

Чтение книги Амальрика не переполняет оптимизмом, но призывает к пессимизму деятельному: искать и искать аудиторию, которая готова хотя бы выслушать, а в конечном счете, может быть, и понять наши «простые идеи».

По страницам журналов

«ХРОНИКА ЗАЩИТЫ ПРАВ В СССР»

Выход «Хроники текущих событий», начатый в Москве в 1968 году, в конце 1972 года был на полтора года прерван серией арестов и шантажом оставшихся на свободе. Во время этого перерыва, в 1973 году, в Нью-Йорке было основано издательство «Хроника», начавшее выпускать информационный бюллетень «Хроника защиты прав в СССР» на русском и английском языках. Главным редактором издательства стал Валерий Чалидзе, знаток советского и международного права, известный деятель правозащитного движения в СССР, лишенный советского гражданства, редакторами — англичанин Питер Реддавей и американец Эдвард Клайн, оба — деятели «Международной амнистии», а с 8-го выпуска — эмигрировавший в США Павел Литвинов, непосредственный участник издания «Хроники» в Москве. «Хроника защиты» должна была восполнить информационный пробел, возникший с прекращением «Хроники текущих событий».

О стремлении к преемственности с «Хроникой текущих событий» свидетельствовала уже обложка нового издания — она копировала обложку «ХТС». Тот же девиз наверху обложки: «ДВИЖЕНИЕ ЗА ПРАВА ЧЕЛОВЕКА В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ ПРОДОЛЖАЕТСЯ». Так же под заголовком как бы в виде эпиграфа текст статьи 19 Всеобщей Декларации прав человека: «Каждый человек имеет право на свободу убеждений и на свободное выражение их... любыми средствами и независимо от государственных границ». Такое же расположение выходных данных — номера выпуска и времени его выхода в свет.

В первом выпуске «Хроники защиты» преемственность подчеркивалась также тем, что время выхода его было обозначено интервалом «ноябрь 72 года — март 73-го», т. е. с момента прекращения «ХТС» до выхода в свет первого выпуска «ХЗП».

Первые шесть выпусков имели разделы, сходные с постоянными разделами «ХТС»: Политические репрессии; По-

литзаключенные; Право покидать любую страну, включая свою собственную; Права национальных меньшинств; Право исповедовать религию; Документы юридической практики; В Комитете прав человека; Выступления в защиту прав в СССР. Но, кроме того, новый журнал имел разделы: «В странах социализма» и «Западные выступления в защиту прав в СССР», а также раздел «Документы советского и международного права». Издание было снабжено именным указателем и библиографией.

С 7-го выпуска (январь 1974 года) структура «Хроники защиты прав» изменилась. Исчезли постоянные разделы. Бюллетень стал включать перечень кратких сообщений наиболее значимых событий движения за права человека в СССР за охватываемое выпуском время плюс публикации относящихся к этим событиям самиздатских документов.

Когда вышел в свет 9-й выпуск, в Москве возобновился выход «Хроники текущих событий». В связи с этим «Хроника защиты» изменила свои функции. Журнал по-прежнему публикует документы и материалы на традиционные правозащитные темы: о положении политзаключенных, о психиатрических преследованиях, о положении верующих, о стеснениях свободы информации, выбора места проживания, эмиграции и т. д., но стал делать упор на публикацию обращений советских граждан на Запад и выступлений на Западе в защиту прав человека в Советском Союзе. Так, из 18 публикаций, помещенных в 10-м выпуске, 9 представляют собой обращения советских граждан к международным общественным организациям, общественным и политическим деятелям на Западе, и две — выступления на Западе в защиту прав человека в СССР. Таким образом, взяв на себя оповещение общественности Запада о призывах к ней советских граждан и ознакомление советской общественности с откликами Запада на эти призывы, журнал обрел свое нынешнее лицо.

Структура «Хроники защиты» определилась к 25-му выпуску, т. е. к началу 1977 года. Теперь журнал имеет следующие постоянные разделы: краткие сообщения, проблемные и обзорные статьи на правозащитные темы; персоналии участников правозащитного движения; законодательство или документы юридической практики; юридический комментарий; раздел «Из прошлого» и библиографию. Элементы этой структуры наличествовали и ранее, но с 25-го выпуска

она была окончательно отработана и стабилизировалась. В рамках этой структуры «Хроника защиты» постоянно публикует самиздатские обращения — индивидуальные и коллективные — в защиту политзаключенных, главным образом обращенные к Западу, и такие же обращения самих политзаключенных. Так, в 27-м выпуске помещены обращения политзаключенных Уральских лагерей по случаю второй годовщины подписания Хельсинкских соглашений. (С текстом одного из них читатели «Континента» знакомы. Опубликованное в № 13, оно стало исходным пунктом для дискуссии о личной ответственности на Круглом столе «Континента» — см. № 14.)

«Хроника защиты» систематически помещает документы Хельсинкских групп (выпуски 25-27, 29-33) и других независимых общественных ассоциаций: Христианского комитета защиты прав верующих (26, 31); Рабочей комиссии по расследованию использования психиатрии в политических целях (31); Инициативной группы защиты прав инвалидов в СССР (28, 33); Независимого профсоюза (29); Русского общественного фонда помощи политзаключенным (26, 27); Межпрофессиональной организации трудящихся (33); документы еврейского движения за выезд в Израиль (29); редакции журнала «Поиски» (33).

«Хроника защиты» публикует официальные документы, недоступные или труднодоступные для советских граждан: в вып. 25 напечатан полный текст постановления Совета министров СССР от 28 августа 1974 г. «О некоторых правилах прописки граждан», лишь частично опубликованного в Собраниях постановлений правительства СССР (№ 19, 1974); в вып. 26 — инструкция Министерства здравоохранения СССР от 26 августа 1971 г., согласно которой проводится госпитализация в психиатрические больницы; в вып. 32 — фрагменты из доклада Советского Союза в Комитете прав человека от 30 января 1978 г. (вопросы членов Комитета и ответы советского представителя о свободе выражения мнений в СССР; о соответствии советских законов международным обязательствам СССР по правам человека; о содержании здоровых людей в психиатрических больницах, о рационе питания заключенных и др.). В 33-м выпуске помещена Декларация ЮНЕСКО о свободе информации.

«Хроника защиты» систематически печатает переведенные на русский правозащитные документы, вышедшие за рубежами СССР: текст Хартии-77 (вып. 25); отрывки из двух докладов президента США Хельсинкской комиссии Конгресса о выполнении США и его партнерами по Хельсинки гуманитарных статей Хельсинкских соглашений (вып. 26 и 28); документы VI всемирного конгресса психиатров (вып. 27); интервью с американским профессором математики Л. Берсом о международном математическом конгрессе в Хельсинки в августе 1978 г. — об обстановке на конгрессе и о выступлениях западных ученых в защиту советских коллег в ходе конгресса (вып. 31); этические положения, выработанные Генеральной ассамблеей Всемирной психиатрической ассоциации (Гавайская декларация) — вып. 32; и ответная резолюция расширенного заседания правления Всесоюзного общества советских психиатров и невропатологов (там же); переписка четырех французских ученых по поводу дела Орлова с академиком В. И. Ивановым (вып. 32); кассационная жалоба английского адвоката Дж. Макдональда по делу Ю. Орлова (вып. 30).

В «Хронике защиты» опубликованы полные тексты показаний в Хельсинкской комиссии Конгресса США покинувших Советский Союз Владимира Буковского, Томаса Венцловы, Людмилы Алексеевой о нарушениях гуманитарных статей Заключительного Акта советскими властями (вып. 25 и 26), а также доклад Комиссии Питера Реддавея о положении религиозных меньшинств в СССР (вып. 26); отчеты о Втором и Третьем Сахаровских слушаниях в Риме в 1977-м и в Вашингтоне в 1979 году (вып. 28 и 35). С правозащитными выступлениями в социалистических странах знакомят читателя «Хроники защиты прав в СССР» статья И. Ласоты-Заблудовски «Польская оппозиция в 76-м году» (вып. 25) и З. Млынаржа «После Хартии-77» (вып. 26).

В разделе «Юридический комментарий» опубликованы статьи В. Чалидзе «О гуманитарных статьях Хельсинкского Акта» (вып. 25); А. Вольпина «О новых мерах административного взыскания» — о замене уголовного наказания штрафом, исправительно-трудовыми работами или арестом на 15 суток в случаях, когда обвиняемый или его деяния утратили общественную опасность (вып. 26); В. Чалидзе «Права человека в новой Конституции» (вып. 28); В. Чалидзе «О воз-

можности участия иностранных адвокатов в советском уголовном процессе» (вып. 29); Дж. Гинзбургса «О деле Зосимова» (вып. 30).

В выпусках 26-27 специальный раздел был посвящен обсуждению проекта Новой Конституции (статьи А. Вольпина; членов Христианского Комитета В. Капитанчука, В. Хайбулина и Г. Якунина; В. Бахмина, Т. Великановой и др.; С. Каллистратовой). В 29 выпуске, вышедшем в марте 1979 г., имеется раздел «Десять лет 'Хронике текущих событий'» с воспоминаниями Н. Горбаневской об основании «Хроники» и обзорной статьей Л. Алексеевой.

Случаются в «Хронике защиты» и статьи на общие темы, так или иначе связанные с правозащитной проблематикой: выступление В. Буковского перед американскими профсоюзами о подневольном труде в СССР (вып. 25); статьи Дж. Гинзбургса о проблемах гражданства (вып. 26) и об эмиграции корейцев в СССР (вып. 25); письмо Л. Богораз и А. Марченко «О нарушении неприкосновенности частной жизни» (вып. 27); письмо А. Марченко американским профсоюзам о положении рабочих в СССР (вып. 29); анонимная самиздатская статья «Советская государственность и психиатрия» (вып. 30); статья Л. Алексеевой «Об организационных формах движения инакомыслящих» (вып. 31); статья 14-ти американских математиков «Положение в советской математике» — об антисемитских преследованиях, организованных в математической науке группой математиков, занимающих руководящие должности в этой науке (вып. 33).

Почти в каждом сборнике есть обращения, письма, выступления А. Д. Сахарова по конкретным вопросам и общим проблемам правозащитного движения.

В разделе «Из прошлого» помещены воспоминания об Екатерине Пешковой и Михаиле Винавере, организаторах помощи политзаключенным в 20-30-е годы, и отрывки из мемуаров Н. Хрущева, включающие его высказывания на правовые темы: о свободе выезда, о творческой интеллигенции и т. п.

Каждый выпуск «Хроники защиты» читается с интересом. Комплект всех вышедших выпусков представляет собой уникальный для русскоязычного читателя справочный материал по правозащитной проблематике. Печально, что и сейчас, когда в стране увеличилось число людей, интересующих-

ся проблемами правозащитного движения, размышляющих над ними, а то и исследующих их, вряд ли имеется там хотя бы один обладатель полного комплекта «Хроники защиты г.рав в СССР»: этот единственный в своем роде журнал попадает в страну нерегулярно и в очень малом числе экземпляров.

Читайте в следующем номере «Континента»

ПРОЗУ

В. Максимова

СТИХИ

В. Барки и М. Горбаля

ВОСПОМИНАНИЯ

Б. Суварина о Бабеле

СТАТЬЮ

Ф. Незнанского и Э. Тополя о преступности на вершинах советского спорта

ИНТЕРВЬЮ

М. Джиласа

Наша анкета

БОРИС СУВАРИН О СТАЛИНЕ

Мало осталось в живых людей, которые знали бы Сталина в те далекие годы, когда он был лишь «Генеральным секретарем», не став еще «Гениальным секретарем». В числе этих немногих Борис Суварин — французский революционер, публицист, историк, автор первой, написанной в 1935 г. и остающейся лучшей биографии Сталина. Переизданная во Франции в 1977 г., биография была названа «одной из важнейших книг XX века».

Борис Суварин очень неохотно дает интервью не потому, что они несколько утомительны в его возрасте, а потому, что предпочитает излагать свои мысли на бумаге. Только на бумаге, кажется ему, может он выразить то, что думает: ясно, четко, полно. Для «Континента» Борис Суварин делает исключение, согласившись ответить на несколько вопросов о Сталине в канун столетия со дня его рождения.

— Борис Константинович, первый, сакраментальный вопрос: где, когда Вы видели Сталина?

— В 1921 г. я в составе делегации французской компартии приехал в Москву. По предложению Ленина я был включен в состав секретариата Коминтерна, был кооптирован в Исполком и Малое бюро. Заочное мое знакомство с Лениным состоялось еще в 1916 г., когда я написал статью, критикующую «наших друзей, которые находятся в Швейцарии». Ленин мне ответил. Так что он знал обо мне, а я, конечно, знал вождя революции. В Москве мы познакомились лично.

В Исполком Коминтерна от РКП входили Ленин, Троцкий, Зиновьев, Бухарин, Радек. С ними я встречался. Сталин в работе Коминтерна не участвовал.

В сентябре 1923 г. я поехал в отпуск в Кисловодск. В поезде я сильно прищемил палец. По приезде на место мне дали койку в общежитии, а я всегда был инди-

Ю. Анненков. Портрет Бориса Суварина (1925)

видуалистом. Пошел я на вокзал, единственное оживленное место в городе. Купил газету, прочитал о большом землетрясении в Японии. Тут подошел поезд и из вагона вышел Бухарин, потом Зиновьев. Бухарин, человек веселый, эмоциональный, обнял меня, называя «сувариненок». Зиновьев поздоровался и спросил, что нового. Я ответил: землетрясение в Японии. Большое? — заинтересовался Зиновьев. Услышав, что большое, облегченно сказал: «война отложена на несколько лет». Все советские вожди жили тогда в страхе, ожидали с минуты на минуту нападения — Англии, Японии, безразлично. Были уверены, что империалисты нападут.

Бухарин, услышав, что меня поселили в общежитии, предложил переехать к нему в виллу, где было множество комнат и где уже жили Клара Цеткин с сыном, Сафаров, Лашевич. Неподалеку жил Зиновьев. Троцкий занимал отдельную виллу на горе — жил одиноко, как орел. Сталин жил в Ессентуках. И ежедневно приезжал на дрезине поговорить, посмеяться. Однажды я присутствовал при общей беседе, во время которой местные коммунисты рассказывали о «бандитах». Так называли антикоммунистических партизан-горцев, нападавших на почты и на сельсоветы. Выслушав рассказ, Сталин сделал движение, как бы стрелял из пулемета, и спросил: «А нельзя их немножко пострелять?» В словах, выражении лица чувствовалась жестокость и злоба. Помню, однажды кто-то заметил, что все вожди страны находятся здесь, а в Москве остался один Каменев, и он — хозяин России, он и есть советская власть. Если бы его убили — и власти бы не было.

Возвращались мы в начале октября. На каждой станции требовали оратора — и кто-нибудь выступал с речью.

Возвращались, чтобы брать власть в Германии. В октябре 1923 г. революция в Германии казалась неотвратимой. В Политбюро Троцкий предложил назначить дату восстания, другие члены Политбюро воз-

ражали. Троцкий опубликовал в «Правде» статью: «Можно ли назначить дату восстания?» Он утверждал, что дату революции назначить нельзя, а день восстания — можно. Он предложил назначить — 7 ноября. Ему хотелось повторить еще раз то, что удалось 6 лет назад. В Москву явились руководители КПГ Брандлер и Тальгеймер и потребовали «вождя», в себе они не были уверены. — Кого вы хотите вождем? — спросили их. Они ответили — Троцкого. Ответ этот привел в бешенство Зиновьева. Как, его, председателя Коминтерна, немецкие коммунисты не захотели взять вождем?

Конфликт в Политбюро стал улаживать Сталин. Он выступил в роли миротворца, успокаивал, уговаривал. Нет, говорил он, мы не дадим ни Троцкого, ни Зиновьева, оба слишком важны, слишком нужны здесь, дома.

В Германию решили послать Пятакова, который считался правым, и Радека, который считался левым. Это была обычная большевистская практика — составлять делегации так, чтобы в них входили политические или личные противники. Кроме того, в Германию поехали все руководители ВЧК, знавшие немецкий язык: Уншлихт, Трилиссер и т. д.

В дни подготовки революции в Германии на заседание Президиума Коминтерна впервые явился Сталин, причем сопровождал его Дзержинский. Это — начало деятельности Сталина в международном революционном движении. Он не скрывал своего презрения к Коминтерну, считал его работников наемниками, называл Коминтерн «эта лавочка». Сталин не был одинок в своем отношении к Коминтерну и его деятелям. Прошло больше полувека, но я помню русское слово, которое употреблял один из руководителей «Рабочей оппозиции» А. Медведев, говоря о коминтеровцах «челядь», — ибо они всегда поддерживали «генеральную линию» против фракционе-

ров. Нельзя сказать, что отношение это было неверным: Исполком Коминтерна доверял руководству ВКП(б) и всегда голосовал за решения, принятые Политбюро.

— *Что Вы знали о Сталине в 1923 г., что Вы о нем думали?*

— Ничего о нем не думал. Как-то на конференцию ВКП(б) приехал из Франции мой близкий друг Амеде Дюнуа. В зале заседаний он стал меня спрашивать: «Кто такой Сталин? Говорят, что это важная личность?» Оглядевшись, я нашел среди делегатов ВКП Сталина и показал его: — Вон тот, с усами...

Сталин начал привлекать внимание. Я знал русские дела лучше других, ибо немного знал уже русский, были у меня друзья, знавшие французский, — Шляпников, Коллонтай, Сафаров. В Сталине я видел секретаря ЦК. А роль секретаря, даже генерального, я понимал как роль человека, отдающего распоряжения машинисткам, следящего за тем, чтобы гасили свет в помещениях.

— *Что же случилось, каким образом произошло неудержимое восхождение Иосифа Сталина?*

— До Сталина секретарями ЦК были русские интеллигенты — Крестинский, Преображенский, Серебряков (хотя он был из рабочих). Они не переставали дискутировать, болтали, не отвечали на письма, не следили за выполнением решений. Сталин, возглавив секретариат, навел в нем порядок. Но, самое главное, Сталин понял роль и значение Учраспреда, который стал потом называться Орграспредом. Он понял, что от этого отдела ЦК зависела участь коммуниста, останется ли он на работе в Москве или его отправят в Астрахань, а то и в Туруханск. Когда приходилось голосовать за «платформы», то голосовали не за «перманентную революцию» или «социализм в одной стране», а за квартиру и должность в Москве либо Ленинграде. Помню анекдот, который тогда любили рас-

сказывать. Отвечая на анкету, коммунист в графе «иждивенцы» пишет: жена, трое детей, теща, 300 тысяч английских горняков.

Противники Сталина считали важной идеологию, идеологические аргументы. Троцкий приводит в своих мемуарах запись из дневника своей жены Натальи Седовой: «Лев Давыдович вернулся с заседания Политбюро в поту». А чего он вспотел? Цитировал Маркса?

Сталин вел свою игру — старался быть хорошим секретарем ЦК, поддерживал тех, кто поддерживал его. Троцкий не скрывал своего презрения ко всем. Сталин понял, что, кроме кучки идеалистов, существует большинство, которое думает прежде всего о том, чтобы хорошо жить.

— *Когда, по-Вашему, Сталин понял, что может стать Хозяином партии и страны?*

— Когда победил Троцкого. После этого все стало возможным.

— *Последний вопрос, который я хотел бы Вам задать, — это вопрос о Ленине, о доле его ответственности в достижении Сталиным высшей власти, следует ли считать Сталина «незаконным» или «законным» сыном Ленина?*

— Прежде всего я хочу начать с того, что в Москву я приехал в эпоху, когда все менялось. Менялись вещи и люди. Когда я приехал, нэп был в полном разгаре. Открылось много магазинов. Как по волшебству, из разных щелей появились товары. Сухаревка кишела людьми и была полна продуктов. Появились частные издательства. Мне показывали «Книгу маркизы», изданную в Петрограде. Я встречался с анархистами, которых никто не трогал (Сандомирский, Алейников, Андрей Андреев — мой дальний родственник). Было объявлено о ликвидации ЧК (мы, французы, не могли предвидеть, что ГПУ не будет лучше). Ленин заявил: всерьез и надолго...

Ленин изменился, и были все основания надеяться, что это не конец изменений, что он учтет опыт минувших лет. Разве не говорил он: «Факты — упрямая вещь». Он менял свои взгляды и раньше. В апреле 17-го года он, как Плеханов и Мартов, думал, что русская революция будет буржуазно-демократической... Только в сентябре, убедившись в бессилии Временного правительства и нетерпении народа, недовольного войной, Ленин изменил взгляды. Фактически он принял точку зрения Троцкого о перманентной революции. Об этом писал Иоффе в своем предсмертном письме.

Ленин снова изменился после Кронштадта. И в конце своей жизни он задавал себе вопрос о дальнейших изменениях. Последние его статьи выдают растерянность. Мой друг д-р Гольденберг, который вместе с Семашко посетил Ленина в Горках, рассказывал, вернувшись в Москву: «Ильич видит все очень ясно, он знает, что ничего не действует, но он не знает, что делать».

Изменился и Троцкий. Вместо того, чтобы, как он это делал до 1917 г., пользоваться своим интеллектом, он старался адаптировать псевдомарксизм Ленина, марксизм примитивный, анемичный, скелетоподобный, стерилизующий живую мысль. Он понял, что революция сделана партией, что режим держится только на партии, что партия — дело рук Ленина. В связи с этим при всех обстоятельствах он ищет «классовое» объяснение. Это его и погубит. К тому же, его деятельность на посту наркомвоенмора, его военные успехи отравили его отношения с людьми — он был убежден, что все трудности, всякое сопротивление можно разрешить одним словом: расстрелять! Его доктринерство превратилось в догматизм и помешало ему понять, что произошло после смерти Ленина. Он считал, что все объясняется влиянием кулаков, потом бюрократии, когда в действительности Сталин собрал настоящую банду, лишенную каких бы то ни было

принципов и решившую ценой любых человеческих жертв сохранить власть. Со всеми ее привилегиями и преимуществами. Троцкий этого не понимал, что равнялось самоубийству.

Менялся и Сталин по мере того, как расширялся объем его функций, а одновременно росла власть. Ленин ценил умение Сталина навести порядок в секретариате. Но прежде всего Ленин и Троцкий, теоретики террористической диктатуры, охотно отдавали Сталину, представлявшему Политбюро в коллегии ВЧК, роль исполнителя кровавых дел, зная, что у него рука не дрогнет. Равнодушный к теории, нахватавшийся терминологии ровно настолько, чтобы знать язык, на котором говорили в Политбюро и ЦК, вооруженный всей мощью партийного, то есть государственного аппарата, включавшего Оргбюро, Учраспред, Рабкрин, ГПУ, имевший возможность как угодно интерпретировать «марксизм-ленинизм», превращенный в официальную и догматическую религию, Сталин постепенно достиг высот, на которых от «успехов» началось у него головокружение, превратившееся в конце в паранойю.

Необходимо, следовательно, имея в виду заслуживающие внимания факты, всегда учитывать, когда они произошли. Не забывая о том, что Сталин с детства нес в себе зачатки вульгарности, злобы, жестокости, пышно распустившиеся на службе безграничного честолюбия после получения незаслуженного наследства дела Ленина. Его превосходство над соперниками заключалось в способности не считаться со словами и умении спекулировать на человеческих слабостях, не отступая ни перед какими средствами. Таким образом он осуществил свое восхождение и упрочил свою тиранию в кругу всемогущей олигархии, созданной Лениным.

Троцкий подозревал, что Сталин ускорил конец Ленина, дав ему яд. Возможно, что это подозрение

обосновано. В этом случае, однако, Сталин лишь выполнил волю Ленина. Я могу засвидетельствовать нижеследующий факт. В 1923 г., накануне предпоследнего кризиса болезни Ленина, я встретил Бухарина, пришедшего на заседание Исполкома Коминтерна. Он только что вернулся из Горок. Естественно, я спросил его, как себя чувствует Ленин. Бухарин не мог удержаться от слез. «Ильич, — сказал он, — просит, чтобы его убили. Он не перестает повторять: — Убейте меня, убейте меня». Смущаясь и выискивая слова, которые были бы мне (с моим книжным знанием русского) понятны, но не были бы излишне грубы, он дал мне понять, что Ленин ходит под себя. Поэтому-то он умолял: «Убейте меня». Бухарин, необычайно взволнованный, объяснял мне: «Ему стыдно... Ему стыдно». Я думаю, следовательно, опираясь на серьезный источник, что если Сталин прикончил Ленина, то сделал это по настоятельной просьбе своего учителя.

Бесспорно, Троцкий делит с Лениным ответственность за избрание Сталина на должность Генерального секретаря, которая дала ему всемогущество.

Бесспорно и то, что без Ленина не было бы Сталина. Я не согласен, однако, с теми, кто ставит между ними знак равенства, кто называет Ленина вторым Сталиным. Разница между ними состоит в том, что Ленин был утопистом, готовым на самые ужасные вещи для осуществления своей идеи. Сталин был циником, который верил только в Сталина, который был готов на все и делал все — только для себя, для сохранения и увеличения своей власти, для удовлетворения своего чудовищного честолюбия.

Интервью взял Михаил Геллер

СУВАРИН Борис — родился в 1895 г. Во время I мировой войны вступил во французскую социалистическую партию, принадле-

жал к ее левому крылу. В 1917-18 гг. был парижским корреспондентом «Новой Жизни» Горького. В 1920 г. — один из основателей компартии Франции, затем член секретариата и исполкома Коминтерна. В 1925 г. исключен из партии «за недисциплинированность». Некоторое время, благодаря дружбе с Д. Рязановым, оставался парижским корреспондентом ИМЭЛа, затем стал корреспондентом Института социальной истории в Амстердаме. Сотрудник «Британской энциклопедии» и английской «Энциклопедии социальной истории». Основатель и директор журнала «La Critique Sociale», переименованного позднее в «Le Contrat Social». Первое издание его биографической книги «Сталин» появилось в 1935 г., затем книга неоднократно переиздавалась. В 1977 г. вышло новое, расширенное и дополненное издание.

НОВЫЕ ЖЕРТВЫ ОЛИМПИЙСКИХ ИГР

За последние несколько месяцев КГБ провело десятки политических процессов в провинции. Сажают демократов и националистов, рабочих и интеллигентов, баптистов и православных, армян и украинцев, задолго до Олимпийского спектакля очищая периферию страны от голосов, нарушающих общий хор. Никто не обратил большого внимания на эти процессы и посадки, несмотря на горы имеющихся о них документов, — под тем удобным предлогом, что все эти люди практически неизвестны на Западе.

Но вот власти начинают расправляться с правозащитным движением на глазах у иностранных корреспондентов. Несколько недель назад двое совсем молодых людей, Сергей Ермолаев и Игорь Поляков, были приговорены соответственно к 4,5 и 3,5 годам за «антисоветский» выкрик в метро.

А теперь арестованы мой старый друг Татьяна Великанова и священник о. Глеб Якунин — двое из самых гуманных и меньше всего склонных к политической деятельности людей на свете. Обвиняются они, вероятно, в «антисоветской пропаганде и агитации» — каждому из них по этому обвинению грозит до 12 лет тюрьмы и ссылки.

Преступление Татьяны и о. Глеба состоит в том, что в течение многих лет они принимали деятельное участие в судьбе страдающих и беззащитных людей: предавали гласности преследования и кары, обрушенные на невиновных, ходатайствовали за них перед советскими властями, обращались к мировому общественному мнению. Оба они исходили из убеждения, что записанные в советской конституции гарантии свободы совести каждого гражданина должны реально применяться; оба строго придерживались соблюдения советских законов — даже тех, что им отнюдь не нравятся. По этой-то причине, а также потому, что у каждого из них много друзей за границей, КГБ до сих пор оставляло их на свободе.

Татьяне Великановой 47 лет. Более 20 лет она проработала в Москве на ответственных должностях как специалист по программированию. В 1969 году она была одним из основателей Инициативной группы защиты прав человека в СССР. В 1974 году (в числе последних четырех членов Инициативной группы,

→

оставшихся тогда на свободе) она публично взяла на себя ответственность за передачу на Запад «Хроники текущих событий». А. Д. Сахаров считает, что ее арест означает новую попытку КГБ прекратить издание и распространение «Хроники».

О. Глеб Якунин — православный священник, ему 48 лет. В 1965 году вместе с о. Николаем Эшлиманом он выступил против усиления незаконного вмешательства государства в церковную жизнь и против раболепия большинства церковных иерархов. В последние годы он был создателем и руководителем Христианского комитета защиты прав верующих, выступая в защиту огромного числа общин и отдельных людей, принадлежащих к различным христианским — но не только христианским — вероисповеданиям или сектам. Например, когда был арестован верующий еврей Иосиф Бегун, Христианский комитет немедленно поднял голос в его защиту. Собрание обращений и документов Комитета составило уже сейчас, после двух лет его деятельности, десять томов.

В тот же день, как этих двоих арестовали в Москве, в Вильнюсе был арестован Антанас Терляцкас, многолетний и постоянный защитник гражданских и национальных прав литовского народа. Причины его ареста достаточно ясны. Олимпийские игры будут происходить не только в Москве — часть состязаний будет проводиться в балтийском порту Таллине. А значит, надо «очистить» Прибалтику и особенно Литву, в течение десятилетий бывшую очагом недовольства и неутихающего сопротивления.

Сегодня надо быть слепым, чтобы не видеть намерений Кремля. Если в ближайшее время на Западе не развернется активная кампания протеста — включая вопрос о поставках зерна Советскому Союзу, — то из месяца в месяц число политических арестов в Москве, Ленинграде, на Украине и в Прибалтике будет расти.

А вы, кто забронировал номера в олимпийских гостиницах на лето 1980 года, — хоть вспомните о тех, что занимают совсем другие, казенные «номера»!

Владимир Буковский

6 ноября 1979

Условия подписки на журнал «КОНТИНЕНТ»

На 1 год — 40 н. м.; на 6 месяцев — 20 н. м.
Цена одного номера — 12 н. м.
Пересылка за счет подписчика

Подписка может быть оформлена в генеральном представительстве «Континента» по адресу:

A. Neimanis · Buchvertrieb
8000 München 40 · Bauerstrasse 28 · Germany

а также у корреспондентов журнала (адреса на второй странице обложки) или у представителей «Ассоциации друзей «Континента»:

США: Вост. побережье — Э. Штейн (E. Sztein), 7 Miles Ave, Woodbridge, Conn. 06525 USA
Зап. побережье — В. Соколов (V. Sokolov), 871 Alice St. Apt. 6, Monterey, CA 93940, USA
Мичиган — О. Политис, 3133 No. Wagner Rd., Ann Arbor, Mich. 48103, USA

Генеральное представительство
«КОНТИНЕНТА»
A. NEIMANIS BUCHVERTRIEB
8000 München 40 · Bauerstr. 28 ·Germany

К

ТЕЛЕГРАММА.. ТЕЛЕГРАММА.. ТЕЛЕГРАММА.. ТЕЛЕГРАММА.. ТЕЛЕГРАММА.. ТЕЛЕГ

Джорджу Бейли

Дорогой Георгий Георгиевич!

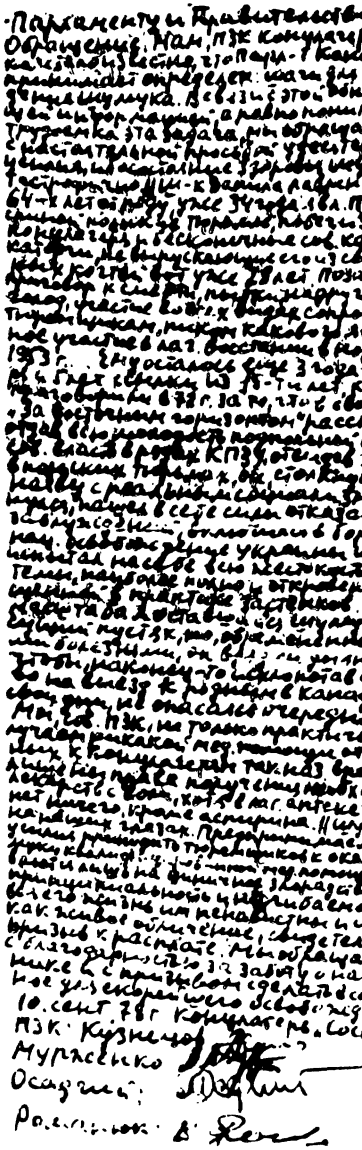
Простите нас за столь вольное обращение с Вашим именем, но, переиначивая его на русский лад, мы хотели бы только подчеркнуть этим, что считаем Вас дорогим и близким нам человеком, как по делу, так и по духу, ибо большую часть своей сознательной жизни Вы отдали проблемам порабощенных народов России и Восточной Европы.

Без Вас, без Вашей энергии и целеустремленности трудный маршрут «Континента» сквозь океан духовной глухоты и политической враждебности оказался бы еще труднее и опаснее. Поэтому все мы — его работники и авторы — благодарны Вам за то, что в дни тревог и испытаний Вы всегда были рядом с нами, поддерживая нас своей бодростью и неиссякаемым оптимизмом.

В день Вашего шестидесятилетия мы желаем Вам доброго здоровья и счастливого служения на ниве Свободы и Правды.

«КОНТИНЕНТ»

ТЕЛЕГРАММА... ТЕЛЕГРАММА... ТЕЛЕГРАММА... ТЕЛЕГРАММА... ТЕЛЕГРАММА... ТЕЛЕГ



Фотокопия (увеличенная) письма политзаключенных Сосновского лагеря особого режима Э. Кузнецова, А. Мурженко, М. Осадчего, В. Романюка в защиту Данилы Шумука (см. в номере статью Э. Кузнецова).